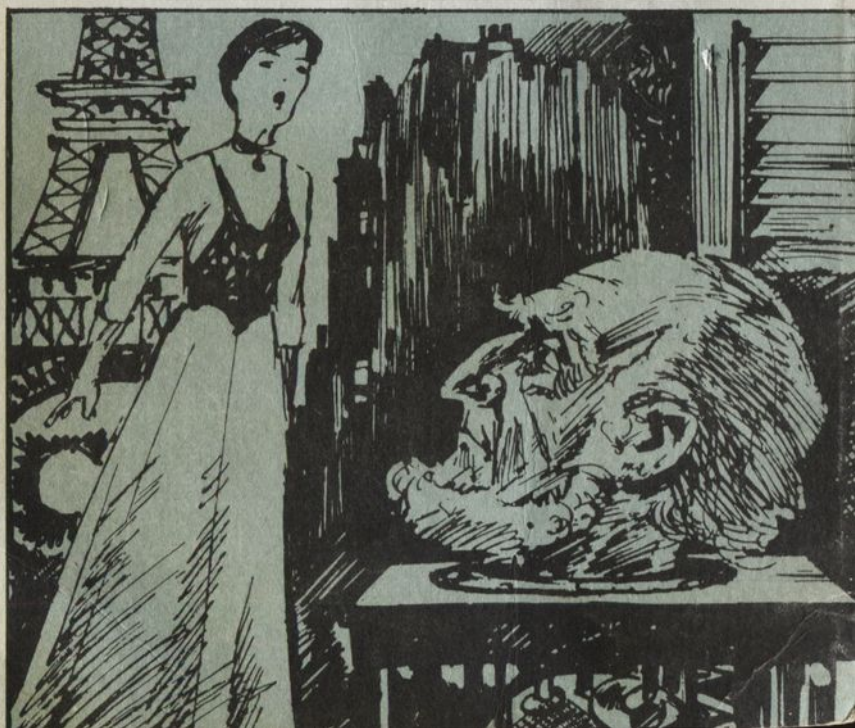

Мир приключений

Александр БЕЛЯЕВ

**Голова
профессора Доуэля
Повести и рассказы**

Мир приключений

Александр БЕЛЯЕВ

**Голова
профессора Доуэля
Повести и рассказы**

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1986

84 Р 7
Б 43

Послесловие
М. Соколовой

Иллюстрации
В. Руденко

Б $\frac{4702010200-1180}{020(08)-86}$ 1180-86

**Голова
профессора Доуэля**

*Посвящаю жене моей
Маргарите Константиновне
Беллевой*

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Прошу садиться.

Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полумраке поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперед подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», — подумала Лоран.

— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчет еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение...

— Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к черту.

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всем, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована:

— Я согласна, если во всем этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн еще раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет четырех матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стекла шкафов с

блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Теплыми желтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен через отверстия в стекле шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделенная от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного ученого-хирурга профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос его стали тоньше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела желто-темный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

Это было слишком для первов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно...— повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не все дается сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался друг-ученый, а не могильный червь» — вот какое завещание оставил профессор Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мертвых не было тысячелетней мечтой человечества?

— Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределенный жест рукой:

— Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком... неполном виде. Вот почему мы обстаиваем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт еще не доведен до конца.

— А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

— Нет... голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица...

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило ненадолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гиблые места Новой Гвинеи, где свирепствовала желтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять ее, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

— Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента

сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до ее прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки ее дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие наверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

— Как вы сегодня чувствуете себя? — спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «Хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клочок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, — в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

— Сегодня чудесный день, — говорила Лоран. — Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Дуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от легкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость

к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидала на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась открыть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет,— со страхом ответила Лоран на прось-

бу головы.— Если я открою этот кран, вы умрете. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет. Я не умру!» — так поняла Лоран. Она колебалась

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безграничная тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. Казалось, вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Ее сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы слышалось шипение. Лоран слышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммафон:

— Бла-го-да-рю... вас...

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассечение нервных стволов в области шеи нарушало нормальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент слышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между Лоран и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятным шепотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля и, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

— Сны...— тихо прошептала голова.— Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически и морально. Ведь я лишен всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую»,— с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта.— Существую...

— Что же вы видите во сне?

— Я никогда еще не видал себя в моем теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то... вижу родных, друзей... Недавно видал покойную жену и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моем приемном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвертого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу ее согласие»,— сказал я. Она подошла к столу и увидела на нем небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю... она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне... Бетти умерла здесь, в

Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина...

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

— Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

— Простой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него еще раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию... Для него я умер.

— Он взрослый? Где он находится сейчас?

— Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тетки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня,—продолжала голова, помолчав,—мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется припадок удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня по крайней мере от астмы... Все это чисто рефлекторная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Ужасно!..— не удержалась Лоран.

— Да, ужасно... Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И, только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя... Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и с запахом

леса, и с красотой догорающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетворило бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир — весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать и в то же время почувствовать свое тело, себя. О, я бы охотно отдал мое химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание — это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей... Все, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать по обыкновению приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, наскоро выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

— Ты чем-то расстроена, Мари? — спросила старушка. — Быть может, неприятности на службе?

— Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит... Я лягу пораньше, и все пройдет.

Мать не задержала ее, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоран чувствовала, что ее дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределенно.

— У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

— Какие же это больные?

— Разные. Есть очень тяжелые случаи... — Мари хмурилась и переводила разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не

удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна, и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергала себя: ее дочь не скрыла бы от нее своего чувства. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всем свете. Нет, тут что-то другое. И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать ее думала, что она уже спит, Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на ее месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это все, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, еще можно немного шевелить кожей на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на нее! Старушка решила бы, что ее дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала свое. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на нее внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащенные удары болезненно отзываются во всем теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает все новые и новые двери... О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой! Да проснись же, Мари! Ты стонешь...

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит ее волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя мое...

Старушка уходит вздыхая, а Мари еще несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными,— тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

СМЕРТЬ ИЛИ УБИЙСТВО?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керна о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других ученых в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчеркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался.

— Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

— Что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то смогу сделать я! — гневно воскликнула Лоран.

— Тише... Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом... если все это откроется, работа не будет до-

ведена до конца. А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на все,— тихо проговорила она.— Профессор Керн говорил мне, когда я поступила к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть... не все правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсеченной от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили не оглашать наших успехов до тех пор, пока нам не удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей сделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный приступ астмы — одной из болезней, которую я как ученый пытался победить. Между мной и ею шла давняя борьба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может остаться на ее стороне. И я действительно завещал свое тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего приступа Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне адреналин. Может быть... доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала свое дело.

— Ну, а потом?

— Асфиксия (удушие), короткая агония—и смерть, которая для меня была только потерей сознания... А потом я пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, мое сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это

значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсеченных от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружен срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всем этом я не думал. Все было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя еще не прошло. Но в моем мозгу все же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я не умер. Еще не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я еще никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также ощущение сильной боли в области шеи. И еще одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное,— думал я,— или я сплю, или грежу...» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза... Вы знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна

и в то же время услышал уже довольно отчетливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил мое сознание проявиться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол — в то время этого столика еще не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол — прозекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то, что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чье-то человеческое сердце.... Я с недоумением посмотрел на Керна. Я еще никак не мог понять, почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощутил ее. «В чем дело?..» — хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губами. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаете? — спросил он меня, кивнув по направлению к прозекторскому столу. — Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он еще мог шутить!.. И я понял все. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна... Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сердиться, кричать, возмущаться и в то же время был поражен ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и... молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь мое сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?

Лоран с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были бы теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы помогаете ему вознестись на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на ваше горе, еще

живут желания. Весь мир украл у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффективно. Что же я мог сделать? Ведь я лишен даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним!

— Если хотите, я прошел через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни... Я расскажу вам один случай, происшедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... Я чувствовал всегда какую-то особую брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессильен даже перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвел на меня потрясающее впечатление... И когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично демонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против

него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестким мерам. Однажды поздно вечером он вошел ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, еще не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега,— начал он.— Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоньше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба ученые и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живется, но это не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия...» Я отрицательно повел бровями, и губы мои бесшумно прошептали: «Нет!» — «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовольствия, так как у вас нет легких, через которые никотин мог бы всосаться в кровь, но все же знакомые ощущения...» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега,— сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом,— вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия...» И он пустил электрический ток. Как будто раскаленный бурав пронизал мой мозг... «Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он меня, точно врач пациента.— Голова болит? Может быть, вы хотите излечить ее? Для этого вам стоит только...» — «Нет!» — отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придется немного усилить ток. Вы очень огорчаете меня». — И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание мое мутилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то увидел, что он взбешен моим упорством.

«Черт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне еще рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Все еще нет?» Я был непоколебим. Он ушел еще более взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришел как ни в чем не бывало, весело насвистывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не заинтересовать меня. И когда он, проигрывая опыты, сделал несколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня.

ЖЕРТВЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

— Керн — чудовищный преступник! — восклицала Мари, оставшись наедине с головой. — Я донесу на него... Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчаю этой краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пощажу.

— Тише!.. Успокойтесь, — уговаривал Доуэль. —

Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но также и я без него. А ведь это все, что мне осталось. Большого мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете слышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возмущенная. Голова Доуэля опустилась веки, как человек, погруженный в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран:

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... ничего... все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс...

Лоран неохотно протянула руку.

— Бьется учащенно.... Нервы пошаливают... Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно, благодарю вас.

— «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией... Временно, коллега, временно. Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготовим из них пару хорошо говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран.

Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди.

Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прозекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день с непреложностью законов природы в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться, их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазеваается — и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удваиваю вам вознаграждение...»

«Он хочет задобрить, купить меня, — подумала Лоран. — Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остеклевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

— Было еще несколько трупов,— говорил профессор Керн.— Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и несколько самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце — видите? Нарочно так не попадешь.

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Профессор Керн находился в приятно-возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила

научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов придавали значение торжества национальной науки.

Весело посвистывая, профессор Керн вымыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остается только открыть кран и... мертвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьезным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Но у профессора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него... повреждены голосовые связки и...

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздраженно добавил:

— Как бы то ни было... я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

— Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза головы изменили свое направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше.

Воздух засвистал в горле.

— Что это?.. Где я?.. — невнятно произнесла голова.

— В больнице, друг мой, — сказал Керн.

— В больнице?..— голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?

— Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

— Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это операция? Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмет... Выйдешь из больницы... Тьфу! И выйти-то не на чем. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен,— твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, прическа, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

— Может, хоть пособие какое выйдет?.. А где тот?..— вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

— Кто?

— Да тот... что наехал на меня... Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня...

— Не беспокойтесь. Он получит свое. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня? Тома звали. Тома Буш, вот оно как.

— Так вот что, Тома... Вы не будете ни в чем нуждаться, и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойте.

— Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

— Показывать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем. Ну, а теперь отдохните.— И, посмотрев на голову женщины, Керн озабоченно заметил: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

— Это что ж, тоже голова без тела? — спросила голова Тома.

— Как видите, чтоб вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню... Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал своей болтовней.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки, которыми оканчивались каучуковые трубки, введенные в сонные артерии.

— Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Брике — так звали женщину — реагировала более бурно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах!.. Мое тело... мое бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него... нет, нет, не надо. Оно без головы... Какой ужас!.. Какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я малообразованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осел Жорж продырявил меня пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы,— и, обратившись к Лоран, она попросила: — Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе прическу...

— У вас, Лоран, работы прибавилось,— усмехнулся Керн.— Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

— В их присутствии,— он показал глазами на головы,— ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка кривила губы.

— Бедный мой, бедный...— прошептала Лоран.— Но вы скоро будете отомщены!

Голова сделала знак. Лоран открыла воздушный кран.

— Вы лучше расскажите, как прошел опыт,— прошипела голова, слабо улыбаясь.

ГОЛОВЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Головам Тома и Брикe еще труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брикe были простые, и без тела жить им не было смысла. Не мудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома.— Торчишь, как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетенное настроение «пленников науки», как шутил называл их Керн, очень озлобило его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические кар-

тины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своем убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глаза навертывались слезы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем теленка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вел на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким, фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чем дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение еще мелькало некоторое время и, наконец, исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слезы, но это уже не были слезы смеха. Все его пухлое лицо собралось в гримасу, как у обиженного ребенка, рот скривился.

— Как у нас... в деревне... — хныча, произнес он. — Корова... курочка... Пропало, все теперь пропало...

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепетывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него еще большую тоску.

— Ишь, носится как угорелый, — ворчала голова Тома. — Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран еще раз попыталась переменить программу.

Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали ее.

— Не надо... я не хочу смотреть, как живут другие, — говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприемник развлекал их несколько дольше. Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

— Боже, как я плясала этот танец! — вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям.

Брике капризничала, требовала ежеминутно зеркало, изобретала новые прически, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бестолковостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

— Неужели вы не видите, — раздраженно говорила голова Брике, — что правый глаз подведен темнее левого. Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укреплена ее голова.

Она доходила до чудачества, заявив с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

— Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив ее на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принужден был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был ужасный дуэт.

— Мой бедный голос... Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! — говорила Брике, и брови ее страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

— Конечно, мы бессмертны, — говорила голова Брике. — Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

— А где у вас душа сидела: в голове или в теле? — ехидно спросил Тома.

— Конечно, в теле была... везде была... — неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

— Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

— Сами вы безголовый, — обиделась Брике.

— Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, — не унимался Тома. — А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, — говорил он уже серьезно, — мы, как машина. Пустил пар — опять заработала. А разбилась вдребезги — никакой пар не поможет... И каждый погружался в свои думы...

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истинной католичкой. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь ее была ужасна, но смерть — возможность второй смерти — пугала ее еще больше. По ночам ее мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как ее грешное тело уже поджаривалось на огромной сковородке.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определенно ощущала удушье. Ее возбужденный мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была лишена сердца — того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и

он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов вопреки требованиям профессора Керна выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлеченная из воды, и пыталась кричать, но ее крик был не громче предсмертного зеванья рыбы... А по комнате продолжали бродить черные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце ее замирает и холодеет от ужаса.

— Господи, господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ,— беззвучно шевелились ее губы,— твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как все это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру... Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, господи, я не упрекаю тебя,— боязливо продолжала она свою немую молитву,— я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище... Только не в ад! Я умру от ужаса... Какая я глупая, ведь там не умирают! — И она вновь начала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушел из родной деревни, оставив там все, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепешками и свои мечты — собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощекой, здоровой Мари... О, тогда отец ее не будет противиться их браку.

И вот все рухнуло... На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел веселую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо него, Тома, какой-то другой мужчина провел через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он, Тома, убит, уничтожен, и голова его вздернута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома заскрипел зубами. Потом он тихо заплакал, и слезы капали на стеклянную подставку.

— Что это? — удивленно спросила Лоран во время утренней уборки. — Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже был включен Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

— Убийца! — Он уже забыл о шофере, раздавившем его, и перенес весь свой гнев на окружавших его людей.

— Что вы сказали, Тома? — обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на нее с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела ее вниманием.

— Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна... Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

— Поверните вправо, я не вижу. Еще... Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

— Вот так. Теперь прошу припудрить. Благодарю вас... Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи...

— Пожалуйста.

— Скажите мне, если... очень грешный человек исповедуется у священника и покаяется в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

— Конечно, может, — серьезно ответила Лоран.

— Я так боюсь адских мучений... — призналась Брике. — Прошу вас, пригласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой...

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

— Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

— Короткий подол... Красивые ноги очень выиг-

рывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошел профессор Керн.

— Как дела? — весело спросил он.

— Послушайте, господин профессор, — обратилась к нему Брике, — я не могу так... вы должны приделать мне чье-нибудь тело... Я уже просила вас об этом однажды и теперь прошу еще. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это...

«Черт возьми, а почему бы и нет?» — подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделенной от тела, но в душе признавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти дальше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого — это было бы грандиозно! И вся честь при удаче опыта по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля все же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

— А вам очень хочется еще поплясать? — улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

— Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка... Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

— Но почему непременно женское? — игриво спросил Керн. — Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и ужасом:

— Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм...

— Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

— Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, ко-

нечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я... я не нуждаюсь в этом.— И Брике гордо вздернула свои красивые брови.

— Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

— О профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-нуар»...

— Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошел от нее и обратился к Тома:

— Как дела, приятель?

Тома не слышал разговора профессора с Брике. Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, ее настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали ее. Она больше не думала о загробном существовании. Все ее мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том, что ее лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать прическу и наводить грим на лицо.

— Профессор, неужели я останусь такая худая и желтая?— с беспокойством спрашивала она Керна.

— Вы станете красивей, чем были,— успокаивал он ее.

— Нет, красками здесь не поможешь, это самообман,— говорила она по уходе профессора.— Мадемуазель Лоран, мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга... Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шелку на платье? Серый цвет очень идет мне. А модные журналы принесли? Отлично! Как жалко, что еще нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бедрами... Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов.

Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она по-прежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран еще о многом хотела переговорить с Доуэлем. Она все более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в белье-вом магазине.

— Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, — сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляя локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керн.

Керн усиленно работал, подготавливаясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всем желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И — такова была сила интеллекта Доуэля — он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось тешить свое самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля, — как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой. — Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намеком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слышал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом,— сказал он.— Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой. Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание? — спросила голова.

— Пока еще искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два смогут бегать.

— Подождите с неделку,— посоветовала голова.— Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсируйте. («Успеве пожать лавры»,— хотела добавить голова, но удержалась). И еще одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоем они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввел в комнату головы Доуэля собаку с черной головой и белым туловищем. Собака, видимо, чувствовала себя хорошо. Глаза ее были живы, она весело помахивала хвостом. Увидев голову профессора Доуэля, собака вдруг взъерошила шерсть, заворчала и залаяла диким голосом. Необычайное зрелище, видимо, поразило и испугало ее.

— Проведите собаку по комнате,— сказала голова.

Керн прошелся по комнате, ведя за собой собаку. От наметанного, зоркого глаза Доуэля ничего не ускользало.

— А это что? — спросил Доуэль.— Собака немного припадает на заднюю левую ногу. И голосок не в порядке.

Керн смутился.

— Собака хромала и до операции,— сказал он,— нога перешиблена.

— На глаз деформации не видно, а прощупать, увы, я не могу. Вы не могли найти пару здоровых собак? — с сомнением в голосе спросила голова.— Я думаю, со мной можно быть вполне откровенным, уважаемый коллега. Наверно, с операцией оживления долго возились и слишком задержали «смертную паузу» остановки сердечной деятельности и дыхания, а

это, как вам должно быть известно из моих опытов, нередко ведет к расстройству функций нервной системы. Но успокойтесь, такие явления могут исчезнуть. Постарайтесь только, чтобы ваша Брике не захромала на обе ноги.

Керн был взбешен, но старался не подавать виду. Он узнал в голове прежнего профессора Доуэля — прямого, требовательного и самоуверенного.

«Возмутительно! — думал Керн. — Эта шипящая, как проколотая шина, голова продолжает учить меня и издеваться над моими ошибками, и я принужден, точно школьник, выслушивать ее поучения... Поворот крана, и дух вылетит из этой гнилой тыквы...» Однако вместо этого Керн, ничем не выдавая своего настроения, со вниманием выслушал еще несколько советов.

— Благодарю за ваши указания, — сказал Керн и, кивнув головой, вышел из комнаты.

За дверями он опять повеселел.

«Нет, — утешал себя Керн, — работа проведена отлично. Угодить Доуэлю не так-то легко. Припадающая нога и дикий голос собаки — пустяки в сравнении с тем, что сделано».

Проходя через комнату, где помещалась голова Брике, он остановился и, показывая на собаку, сказал:

— Мадемуазель Брике, ваше желание скоро исполнится. Видите эту собачку? Она так же, как и вы, была головой без тела, и, посмотрите, она живет и бегает как ни в чем не бывало.

— Я не собачка, — обиженно ответила голоза Брике.

— Но ведь это же необходимый опыт. Если ожила собачка в новом теле, то оживете и вы.

— Не понимаю, при чем тут собачка, — упрямо твердила Брике. — Мне нет никакого дела до собачки. Вы лучше скажите, когда я буду оживлена. Вместо того чтобы скорее оживить меня, вы возитесь с какими-то собачками.

Керн безнадежно махнул рукой и, продолжая весело улыбаться, сказал:

— Теперь скоро. Надо только найти подходящий труп... то есть тело, и вы будете в полной форме, как говорится.

Отведя собаку, Керн вернулся с сантиметром в руках и тщательно измерил окружность шеи головы Брике.

— Тридцать шесть сантиметров,— сказал он.

— Боже, неужели я так похудела?— воскликнула голова Брике.— У меня было тридцать восемь. А размер туфель я ношу...

Но Керн, не слушая ее, быстро ушел к себе. Не успел он усесться за свой стол в кабинете, как в дверь постучались.

— Войдите.

Дверь открылась. Вошла Лоран. Она старалась держаться спокойно, но лицо ее было взволнованно.

ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ

— В чем дело? С головами что-нибудь случилось?— спросил Керн, поднимая голову от бумаг.

— Нет... но я хотела поговорить с вами, господин профессор.

Керн откинулся на спинку кресла:

— Я вас слушаю, мадемуазель Лоран.

— Скажите, вы серьезно предполагаете дать голове Брике тело или только утешаете ее?

— Совершенно серьезно.

— И вы надеетесь на успех этой операции?

— Вполне. Вы же видели собаку?

— А Тома вы не предполагаете... поставить на ноги?— издали начала Лоран.

— Почему бы нет? Он уже просил меня об этом. Не всех сразу.

— А Доуэля...— Лоран вдруг заговорила быстро и взволнованно:— Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома и Брике. Но вы, разумеется, понимаете, что ценность головы профессора Доуэля гораздо выше, чем остальных ваших голов... И если вы хотите вернуть к нормальному существованию Тома и Брике, то насколько важнее вернуть к той же нормальной жизни голову профессора Доуэля.

Керн нахмурился. Все выражение его лица сделалось настороженным и жестким.

— Профессор Доуэль, вернее — его профессорская голова, нашел прекрасного защитника в вашем лице, — сказал он, иронически улыбаясь. — Но в таком защитнике, пожалуй, нет и необходимости, и вы напрасно горячитесь и волнуетесь. Разумеется, я думал и об оживлении головы Доуэля.

— Но почему вы не начнете опыта с него?

— Да именно потому, что голова Доуэля дороже тысячи других человеческих голов. Я начал с собаки, прежде чем наделить телом голову Брике. Голова Брике настолько дороже головы собаки, насколько голова Доуэля дороже головы Брике.

— Жизнь человека и собаки несравнима, профессор...

— Так же, как и головы Доуэля и Брике. Вы ничего больше не имеете сказать?

— Ничего, господин профессор, — ответила Лоран, направляясь к двери.

— В таком случае, мадемуазель, я имею к вам космические вопросы. Подождите, мадемуазель.

Лоран остановилась у двери, вопросительно глядя на Керна.

— Прошу вас, подойдите к столу, присядьте.

Лоран со смутной тревогой опустилась в глубокое кресло. Лицо Керна не обещало ничего хорошего. Керна откинул на спинку кресла и долго испытующе смотрел в глаза Лоран, пока она не опустила их. Потом он быстро поднялся во весь свой высокий рост, крепко уперся кулаками в стол, наклонив голову к Лоран, и спросил тихо и внушительно:

— Скажите, вы не пускали в действие воздушный кран головы Доуэля? Вы не разговаривали с ним?

Лоран почувствовала, что кончики пальцев ее похолодели. Мысли вихрем закружились в ее голове. Гнев, который возбуждал в ней Керн, клокотал и готов был прорваться наружу.

«Сказать или не сказать ему правду?» — колебалась Лоран. О, какое наслаждение бросить в лицо этому человеку слово «убийца», но такой открытый выпад мог бы испортить все.

Лоран не верила в то, что Керн даст голове Доуэля новое тело. Она уже слишком много знала, чтобы верить такой возможности. И она мечтала только об одном, чтобы развенчать Керна, присвоившего себе плоды

трудов Доуэля, в глазах общества и раскрыть его преступление. Она знала, что Керн не остановится ни перед чем, и, объявляя себя открытым его врагом, она подвергала свою жизнь опасности. Но не чувство самосохранения останавливало ее. Она не хотела погибнуть, прежде чем преступление Керна не будет раскрыто. И для этого надо было лгать. Но лгать не позволяла ей совесть, все ее воспитание. Еще никогда в жизни она не лгала и теперь переживала ужасное волнение.

Керн не спускал глаз с ее лица.

— Не лгите,— сказал он насмешливо,— не отягощайте свою совесть грехом лжи. Вы разговаривали с головой, не отпирайтесь, я знаю это. Джон подслушал все...

Лоран, склонив голову, молчала.

— Мне интересно только знать, о чем вы разговаривали с головой?

Лоран почувствовала, как отхлынувшая кровь прилила к щекам. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза Керна:

— Обо всем.

— Так,— сказал Керн, не снимая рук со стола.— Так я и думал. Обо всем.

Наступила пауза. Лоран вновь опустила глаза вниз и сидела теперь с видом человека, ждущего приговора.

Керн вдруг быстро направился к двери и запер ее на ключ. Прошелся несколько раз по мягкому ковру кабинета, заложив руки за спину. Потом бесшумно подошел к Лоран и спросил:

— И что же вы думаете предпринять, милая девочка? Предать суду кровожадное чудовище Керна? Втоптать его имя в грязь? Разоблачить его преступление? Доуэль, наверное, просил вас об этом?

— Нет, нет,— забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран,— уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже... отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас все-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова До-

уэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то по крайней мере порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах. — Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из черного дуба. — Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок, и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, — Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, — как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного.

И подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас и голову Доуэля я могу в буквальном смысле слова превратить в пепел и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое...

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это.

Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух:

— Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но все же с этим придется повозиться. А мое время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас... Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте все так, как было... ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесете?

Лоран помедлила с ответом, потом ответила тихо, но твердо:

— Донесу.

Керн топнул ногой:

— У-у, упрямая девчонка! Так вот что я скажу вам. Садитесь сейчас же за мой письменный стол... Не бойтесь, я еще не собираюсь ни душиить, ни отравлять вас. Ну, садитесь же.

Лоран с недоумением посмотрела на него, подумала и пересела в кресло у письменного стола.

— В конце концов вы нужны мне. Если я сейчас убью вас, мне придется нанимать заместительницу или заместителя. Я не гарантирован, что на вашем месте не окажется какой-нибудь шантажист, который, открыв тайну головы Доуэля, не станет высасывать из меня деньги, чтобы в итоге все же донести на меня. Вас я по крайней мере знаю... Итак, пишите. «Дорогая мамочка,— или как вы там называете свою мать?— состояние больных, за которыми я ухаживаю, требует моего неотлучного присутствия в доме профессора Керна...»

— Вы хотите лишить меня свободы? Задержать в вашем доме? — с негодованием спросила Лоран, не начавшая писать.

— Вот именно, моя добродетельная помощница.

— Я не стану писать такое письмо,— решительно заявила Лоран.

— Довольно! — вдруг крикнул Керн так, что в часах загудела пружина.— Поймите же, что у меня нет другого выхода. Не будьте, наконец, глупой.

— Я не останусь у вас и не буду писать это письмо!

— Ах, так! Хорошо же. Можете идти на все четыре стороны. Но прежде чем вы уйдете отсюда, вы будете свидетельницей того, как я отниму жизнь у головы Доуэля и растворю эту голову в химическом растворе. Идите и кричите тогда по всему миру о том, что вы видели у меня голову Доуэля. Вам никто не поверит. Над вами будут смеяться. Но берегитесь! Я не оставляю ваш донос без возмездия. Идемте же!

Керн схватил Лоран за руку и повлек к двери. Она была слишком слаба физически, чтобы оказать сопротивление этому грубому натиску.

Керн отпер дверь, быстро прошел через комнату Тома и Брике и вошел в комнату, где находилась голова профессора Доуэля.

Голова Доуэля с недоумением смотрела на этот неожиданный визит. А Керн, не обращая внимания на

голову, быстро подошел к аппаратам и резко повернул кран от баллона, подающего кровь.

Глаза головы непонимающе, но спокойно повернулись в сторону крана, затем голова посмотрела на Керна и растерянную Лоран. Воздушный кран не был открыт, и голова не могла говорить. Она только шевелила губами, и Лоран, привыкшая к мимике головы, поняла: это был немой вопрос: «Конец?»

Затем глаза головы, устремленные на Лоран, начали как будто тускнеть, и в то же время веки широко раскрылись, глазные яблоки выпучились, а лицо начало судорожно подергиваться. Голова переживала муки удушья.

Лоран истерически крикнула. Потом, шатаясь, подошла к Керну, уцепилась за его руку и, почти теряя сознание, заговорила прерывающимся, сдавленным спазмой голосом:

— Откройте, скорее откройте кран... Я согласна на все!

С едва заметной усмешкой Керн открыл кран. Живительная струя потекла по трубке в голову Доуэля. Судорожные подергивания лица прекратились, глаза приняли нормальное выражение, взгляд просветлел. Угасавшая жизнь вернулась в голову Доуэля. Вернулось и сознание, потому что Доуэль вновь посмотрел на Лоран с выражением недоумения и как будто даже разочарования.

Лоран шаталась от волнения.

— Позвольте вам предложить руку,— галантно сказал Керн, и странная пара удалилась.

Когда Лоран вновь уселась у стола, Керн как ни в чем не бывало сказал:

— Так на чем мы остановились? Да... «Состояние больных требует моего постоянного,— или нет, напишите: неотлучного пребывания в доме профессора Керна. Профессор Керн был так добр, что предоставил в мое распоряжение прекрасную комнату с окном в сад. Кроме того, так как мой рабочий день увеличился, то профессор Керн утроил мое жалованье».

Лоран с упреком посмотрела на Керна.

— Это не ложь,— сказал он.— Необходимость заставляет меня лишить вас свободы, но я должен чем-нибудь вознаградить вас. Я действительно увеличиваю

вам жалованье. Пишите дальше: «Уход здесь прекрасный, и хотя работы много, но я чувствую себя великолепно. Ко мне не приходи: профессор никого не принимает у себя. Но не скучай, я тебе буду писать...» Так. Ну и от себя прибавьте еще каких-нибудь нежностей, которые вы обычно пишете, чтобы письмо не возбудило никаких подозрений.

И, уже как будто позабыв о Лоран, Керн начал размышлять вслух:

— Долго так, конечно, продолжаться не может. Но, надеюсь, я долго и не задержу вас. Наша работа приходит к концу, и тогда... То есть я хочу сказать, что голова недолговечна. И когда она прикончит свое существование... Ну, что там, вы знаете все. Проще сказать, когда мы кончим с Доуэлем работу, окончится и существование головы Доуэля. От головы не останется даже пепла, и тогда вы сможете вернуться к своей уважаемой матушке. Вы больше не будете опасны для меня. И еще раз: имейте в виду, если вы вздумаете болтать, у меня есть свидетели, которые в случае необходимости покажут под присягой, что бранные останки профессора Доуэля вместе с головой, ногами и прочими профессорскими атрибутами сожжены мною после анатомического вскрытия в крематории. Для этих случаев крематорий — очень удобная вещь.

Керн позвонил. Вошел Джон.

— Джон, ты отведешь мадемуазель Лоран в белую комнату, выходящую окном в сад. Мадемуазель Лоран переселяется в мой дом, так как сейчас предстоит большая работа. Спроси у мадемуазель, что ей необходимо, чтобы устроиться поудобнее, и достань все необходимое. Можешь заказать от моего имени по телефону в магазинах. Счета я оплачу. Не забудь заказать для мадемуазель обед.

И, откланявшись, Керн ушел.

Джон проводил Лоран в отведенную ей комнату.

Керн не солгал: комната действительно была очень хороша — светлая, просторная и уютно обставленная. Огромное окно выходило в сад. Но самая мрачная тюрьма не могла навести на Лоран большей тоски, чем эта веселая, нарядная комната. Как тяжелобольная, добралась Лоран до окна и посмотрела в сад.

«Второй этаж... высоко... отсюда не убежишь...» — подумала она. Да если бы и могла убежать, не убежала бы, так как ее бегство было бы равносильно приговору для головы Доуэля.

Лоран в изнеможении опустилась на кушетку и погрузилась в тяжелое раздумье. Она не могла определить, сколько времени находилась в этом состоянии.

— Кушать подано, — услышала она, как сквозь сон, голос Джона и подняла усталые веки.

— Благодарю вас, я не голодна, уберите со стола.

Вышколенный слуга беспрекословно исполнил приказание и удалился.

И она вновь погрузилась в свои думы. Когда в окне противоположного дома вспыхнули огни, она почувствовала такое одиночество, что решила немедленно навестить голову. Особенно ей хотелось повидать голову Доуэля.

Неожиданный визит Лоран чрезвычайно обрадовал голову Брике.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Уже? Принесли?

— Что?

— Мое тело, — сказала Брике таким тоном, как будто вопрос шел о новом платье.

— Нет, еще не принесли, — невольно улыбаясь, ответила Лоран. — Но скоро принесут, теперь уж вам недолго ожидать.

— Ах, скорей бы!..

— А мне также пришьют другое тело? — спросил Тома.

— Да, разумеется, — успокоила его Лоран. — И вы будете такой же здоровый, сильный, как были. Вы соберете денег, поедете к себе в деревню и женитесь на вашей Мари.

Лоран уже знала все затаенные желания головы. Тома чмокнул губами.

— Скорее бы.

Лоран поспешила пройти в комнату головы Доуэля.

Как только воздушный кран был открыт, голова спросила Лоран:

— Что все это значит?

Лоран рассказала голове о разговоре с Керном и своем заключении.

— Это возмутительно! — сказала голова.—Если б я только мог помочь вам... И я, пожалуй, смогу, если только вы сами поможете мне...

В глазах головы были гнев и решимость.

— Все очень просто. Закройте кран от питательных трубок, и я умру. Поверьте, что я был даже разочарован, когда Керн вновь открыл кран и оживил меня. Я умру, и Керн отпустит вас домой.

— Я никогда не вернусь домой такой ценой! — воскликнула Лоран.

— Я бы хотел иметь все красноречие Цицерона, чтобы убедить вас сделать это.

Лоран отрицательно покачала головой:

— Даже Цицерон не убедил бы меня. Я никогда не решусь прекратить жизнь человека...

— Ну, разве я человек? — с грустной улыбкой спросила голова.

— Помните, вы сами повторили слова Декарта: «Я мыслю. Следовательно, я существую»,— ответила Лоран.

— Положим, это так, но тогда вот что. Я перестану инструктировать Керна. И уже никакими пытками он не заставит меня помогать ему. И тогда он сам прикончит меня.

— Нет, нет, умоляю вас.— Лоран подошла к голове.—Послушайте меня. Я думала раньше о мести, теперь думаю об ином. Если Керну удастся приставить тело трупа к голове Брике и операция пройдет удачно, то есть надежда и вас вернуть к жизни... Не Керн, так другой.

— К сожалению, надежда эта очень слабая,— ответил Доуэль.—Едва ли опыт удастся даже у Керна. Он злой и преступный человек, тщеславный, как тысяча Геростратов. Но он талантливый хирург и, пожалуй, самый способный из всех ассистентов, которые были у меня. Если не сделает этого он, который пользовался моими советами до настоящего дня, то не сделает никто. Однако я сомневаюсь, чтобы и он сделал эту невиданную операцию.

— Но собаки...

— Собаки — дело иное. Обс собаки, живые и здоровые, лежали на одном столе, перед тем как совершить операцию пересадки голов. Все это произошло очень быстро. Да и то Керну, по-видимому, удалось

вернуть к жизни только одну собаку, иначе он привел бы их обеих ко мне похвастать. А тело трупа может быть привезено только через несколько часов, когда, быть может, начались уже процессы гниения. О сложности самой операции вы сами можете судить как медик. Это не то что пришить полуотрезанный палец. Надо связать, тщательно сшить все артерии, вены и, главное, нервы и спинной мозг, иначе получится калекка; затем возобновить кровообращение... Нет, это бесконечно трудная задача, непосильная для современных хирургов.

— Неужели вы сами не сделали бы такой операции?

— Я обдумал все, уже делал опыты с собаками и полагаю, что мне это удалось бы...

Дверь неожиданно открылась. На пороге стоял Керн.

— Совещание заговорщиков? Не буду вам мешать.— И он хлопнул дверью.

МЕРТВАЯ ДИАНА

Голове Брике казалось, что подобрать и пришить к голове человека новое тело так же легко, как примерить и сшить новое платье. Объем шеи снят, остается только подобрать такой же объем шеи у трупа.

Однако она скоро убедилась, что дело не так просто.

Утром в белых халатах к ней явились профессор Керн, Лоран и Джон. Керн распорядился, чтобы голова Брике была осторожно снята со стеклянной подставки и положена лицом вверх так, чтобы можно было видеть весь срез шеи. Питание головы кровью, насыщенной кислородом, не прекращалось. Керн углубился в изучение и промеры.

— При всем однообразии человеческой анатомии,— говорил Керн,— каждое тело человека имеет свои индивидуальные особенности. Иногда трудно бывает различить, предлежит ли, например, наружная или внутренняя сонная артерия. Не одинаковой бывает и толщина артерий, ширина дыхательного горла даже у людей

с одинаковым объемом шеи. Немало придется повозиться и с нервами.

— Но как же вы будете оперировать? — спросила Лоран. — Приставив срез шеи к срезу туловища, вы тем самым закроете сразу всю поверхность среза.

— В том-то и дело. Мы с Доуэлем проработали этот вопрос. Придется делать целый ряд продольных сечений — идти от центра к периферии. Это очень сложная работа. Придется сделать свежие сечения на шее головы и трупа, чтобы добраться до еще не отмерших, жизнедеятельных клеток. Но главное затруднение все же не в этом. Главное — как уничтожить в теле трупа продукты начавшегося гниения или места инфекционного заражения, как очистить кровеносные сосуды от свернувшейся крови, наполнить их свежей кровью и заставить работать «мотор» организма — сердце... А спинной мозг? Малейшее прикосновение к нему вызывает сильнейшую реакцию, зачастую с самыми тяжелыми последствиями.

— И как же вы предполагаете преодолеть все эти трудности?

— О, пока это мой секрет. Когда опыт удастся, я опубликую всю историю воскрешения из мертвых. Ну, на сегодня довольно. Поставьте голову на место. Пустите воздушную струю. Как вы себя чувствуете, мадемуазель? — спросил Керн, обращаясь к голове Брике.

— Благодарю вас, хорошо. Но послушайте, господин профессор, я очень обеспокоена... Вы тут говорили о разных непонятных вещах, но одно я поняла, что вы собираетесь кромсать мою шею вдоль и поперек. Ведь это же будет сплошное безобразие. Куда я покажусь с такой шеей, которая будет похожа на котлету?

— Я постараюсь, чтобы рубцы были менее заметны. Но, разумеется, скрыть совершенно следы операции не удастся. Не делайте отчаянных глаз, мадемуазель, вы можете носить на шее бархотку и даже колье. Так и быть, я подарю его вам в день вашего «рождения». Да, вот еще что. Сейчас ваша голова несколько усохла. Когда же вы заживете нормальной жизнью, голова должна пополнеть. Чтобы узнать ваш нормальный объем шеи, придется вас «раскормить» теперь же, иначе могут произойти неприятности.

— Но ведь я же не могу есть,— жалобно ответила голова.

— Мы вас раскормим по трубочке. Я приготовил особый состав,— обратился он к Лоран.— Кроме того придется усилить и подачу крови.

— Вы включаете в питательную жидкость жировые вещества?

Керн сделал неопределенный жест рукой.

— Если голова и не разжиреет, то «набухнет», а это нам и надо. Итак,— закончил он,— остается самое главное: молитесь богу, мадемуазель Брике, чтобы скорее погибла какая-нибудь красавица, которая одолжит вам после смерти свое прекрасное тело.

— Не говорите так, это ужасно! Человек должен умереть, чтобы я получила тело... И, доктор, я боюсь. Ведь это тело мертвеца. А вдруг она придет и потребует отдать ей свое тело?

— Кто она?

— Мертвая.

— Но ведь у нее не будет ног, чтобы прийти,— смеясь, отвечал Керн.— А если и придет, то вы скажете ей, что это вы дали ее телу голову, а не она вам тело, и она, конечно, будет благодарна за этот подарок. Иду дежурить в морг. Пожелайте мне удачи!

Успех опыта во многом зависел от того, чтобы найти возможно свежий труп, и поэтому Керн бросил все дела и почти переселился в морг, поджидая счастливого случая.

С сигарой во рту он ходил по длинному зданию так спокойно, как будто гулял по бульварам. Матовый свет падал с потолка на длинные ряды мраморных столов. На каждом столе лежал труп, уже обмытый струей воды и раздетый.

Заложив руки в карманы пальто и попыхивая сигарой, Керн обходил длинные ряды столов, заглядывая в лица и от времени до времени поднимал кожаные покрывала, чтобы осмотреть тело.

Вместе с ним ходили и родственники или друзья погибших людей. Керн относился к ним недоброжелательно, опасаясь, как бы они не вырвали у него подходящий труп из-под рук. Получить труп для Керна было не так-то просто. До истечения трехдневного срока на каждый труп могли предъявить права род-

ственники, по истечении же трех дней полуразложившийся труп не представлял для Керн никакого интереса. Ему был нужен совершенно свежий, по возможности даже неостывший труп.

Керн не поскупился на взятки, чтобы иметь возможность получить свежий труп немедленно. Номер трупа мог быть заменен, и какая-то неудачница в конце концов была бы зарегистрирована как «пропавшая без вести».

«Однако нелегко найти Диану по вкусу Брике», — думал Керн, разглядывая широкие ступни и мозолистые руки трупов. Большинство лежащих здесь принадлежало не к тем, кто ездит на автомобилях. Керн прошел из конца в конец. За это время несколько трупов было опознано и унесено, а на их места уже тащили новые. Но и среди новичков Керн не мог найти подходящего для операции материала. Находились трупы без головы, но или неподходящей комплекции, или имеющие раны на теле, или же, наконец, начинавшие уже разлагаться. День был на исходе. Керн чувствовал приступы голода и с удовольствием представил себе куриные котлеты в дымящемся горошке.

«Неудачный день», — подумал Керн, вынимая часы. И он направился к выходу среди двигающейся у трупов толпы, полной отчаянья, тоски и ужаса. Навстречу ему служащие несли труп женщины без головы. Обытое молодое тело блестело, как белый мрамор.

«О, это что-то подходящее», — подумал он и пошел вслед за сторожами. Когда труп был положен, Керн бегло осмотрел его и еще больше убедился в том, что он нашел то, что нужно. Керн уже хотел шепнуть служащим, чтобы они унесли труп, как вдруг к трупу подошел плохо одетый старик с давно не бритыми усами и бородой.

— Вот она, Марта! — воскликнул он и вытер рукой со лба пот.

«Черт его принес!» — выбранился Керн и, подойдя к старику, сказал:

— Вы опознали труп? Ведь он без головы.

Старик показал на большую родинку на левом плече.

— Приметная, — ответил он.

Керн удивился, что старик говорит так спокойно.

— Кто же она была? Ваша жена или дочь?

— Бог милостив,— ответил словоохотливый старик.— Племянницей она мне была, да и неродной. От моей кузины их трое осталось,— кузина умерла, а мне их на шею. У меня же своих четверо. Нужда. Но что сделаете, сударь? Ведь не котята, под забор не подкинешь. Так и жили. А тут случилось несчастье. Живем мы в старом доме, нас давно выселяли из него, но куда денешься? И вот дожили. Крыша обвалилась. Остальные дети ушибами отделались, а этой голову начисто срезало. Меня со старухой дома не было, мы с ней жареными каштанами торгуем. Я пришел домой, а Марту в морг уже отвезли. И зачем в морг? Говорят, за компанию, в других квартирах тоже людей подавило, и некоторые из них одинокие были, вот всех их сюда. Я домой пришел, фюить, и войти нельзя, словно землетрясение.

«Дело подходящее»,— подумал Керн и, отведя старика в сторону, сказал ему:

— Что случилось, того не поправишь. Видите ли, я врач, и мне нужен труп. Буду говорить прямо. Хотите получить сто франков — и можете отправляться домой.

— Потрошить будете? — Старик неодобрительно покачал головой и задумался.— Ей, конечно, все равно пропадать... Мы люди бедные... А все ж таки не чужая кровь...

— Двести.

— А нужда велика, детишки голодные... но все-таки жалко... Хорошая девушка была, очень хорошая, очень добрая, и лицо как розан, не то что этот хлам... — Старик пренебрежительно махнул на столы с трупами.

«Ну и старик! Он, кажется, начинает расхваливать свой товар»,— подумал Керн и решил изменить тактику.

— Впрочем, как хотите,— небрежно сказал он.— Трупов здесь немало, и есть несколько не хуже вашей племянницы.— И Керн отошел от старика.

— Да нет, как же так, дайте подумать...— семенил за ним старик, явно склоняясь к сделке.

Керн уже торжествовал, но положение неожиданно изменилось еще раз.

— Ты уже здесь? — слышался взволнованный старческий голос.

Керн обернулся и увидел быстро приближавшуюся толстенную старушку в чистеньком белом чепце. Старик при виде ее невольно крикнул.

— Нашел? — спросила старушка, дико озираясь по сторонам и шепча молитвы.

Старик молча показал рукой на труп.

— Голубка ты наша, мученица несчастная! — заголосила старуха, приближаясь к обезглавленному трупу.

Керн видел, что со старухой будет трудно сладить.

— Послушайте, мадам, — сказал он приветливо, обращаясь к старухе. — Я тут беседовал с вашим мужем и узнал, что вы очень нуждаетесь.

— Нуждаемся или нет, у других не просим, — отрезала не без гордости старушка.

— Да, но... видите ли, я член благотворительного похоронного общества. Я могу принять похороны вашей племянницы на счет общества и возьму все хлопоты на себя. Если хотите, можете поручить это мне, а сами идите к своим делам, вас ждут ваши дети и сироты.

— Ты что тут наболтал? — набросилась старушка на мужа. И, обернувшись к Керну, она сказала: — Благодарю вас, господин, но я должна все выполнить как полагается. Как-нибудь справимся и без вашего благотворительного общества. Что глазами ворочаешь? — перешла она на обычный тон в разговоре с мужем. — Забирай покойницу. Поедем. Я и тачку привезла.

Все это было сказано таким решительным тоном, что Керн сухо поклонился и отошел.

«Досадно! Нет, решительно сегодня неудачный день».

Он отправился к выходу и, отведя привратника в сторону, тихо сказал ему:

— Так смотрите же, если будет что-нибудь подходящее, немедленно звоните мне по телефону.

— О, сударь, непременно, — закивал головой привратник, получивший от Керна хороший куш.

Керн плотно пообедал в ресторане и вернулся к себе.

Когда он зашел в комнату Брике, она встретила его обычным в последнее время вопросом.

— Нашли?

— Нашел, да неудачно, черт поберит! — ответил он. — Потерпите.

— Но неужели так-таки ничего подходящего и не было? — не унималась Брике.

— Были этакие кривоногие каракатицы. Если хотите, то я...

— Ах нет, уж лучше я потерплю. Я не хочу быть каракатицей.

Керн решил лечь спать раньше обыкновенного, чтобы пораньше встать и вновь отправиться в морг. Но не успел он заснуть, как затрещал телефон у кровати. Керн выбрался и взял трубку.

— Алло! Я слушаю. Да, профессор Керн. Что такое? Крушение поезда, у самого вокзала? Масса трупов? Ну да, конечно, немедленно. Благодарю вас.

Керн начал быстро одеваться, вызвал Джона и крикнул:

— Машину!

Через пятнадцать минут он уже мчался по ночным улицам, как на пожар.

Привратник не обманул. В эту ночь смерть собрала большой урожай. Трупы таскали непрерывно. Все столы были завалены. Скоро пришлось класть их на пол. Керн был в восторге. Он благословлял судьбу за то, что эта катастрофа не случилась днем. Весть о ней, вероятно, еще не распространилась в городе. Посторонних в морге пока не было. Керн рассматривал еще не раздетые и не обмытые трупы. Все они были совершенно свежие. Исключительно удачный случай. Одно плохо, что и этот благодетельный случай не очень считался со специальными требованиями Керна. Большинство тел было раздавлено или повреждено во многих местах. Но Керн не терял надежды, так как трупы все прибывали.

— Покажите-ка мне вот эту, — обратился он к служащему, несшему труп девушки в сером костюме. Череп был разбит со стороны затылка. Волосы окровавлены, платье тоже. Но платье не измято. («Видимо, повреждения тела не велики... Идет. Телосложение довольно плебейское, — вероятно, какая-нибудь камеристка, но лучше такое тело, чем ничего», — думал Керн.) — А это? — Керн указал на другие носилки. — Да это целая находка! Сокровище! Черт возьми, досадно все-таки, что погибла такая женщина!

На пол опустили труп молодой женщины с необычайно красивым аристократическим лицом, на котором застыло только одно глубокое удивление. У нее был пробит череп выше правого уха. Очевидно, смерть наступила мгновенно. На белой шее виднелось жемчужное ожерелье. Изящное черное шелковое платье было лишь немного изорвано внизу и от ворота до плеча. На обнажившемся плече виднелась родинка.

«Как у той,— подумал Керн.— Но это... какая красота! — Керн наскоро измерил шею.— Как по заказу».

Керн сорвал дорогое ожерелье из настоящих крупных жемчужин, бросил его служащим и сказал:

— Я беру вот этот труп. Но так как у меня нет времени произвести здесь тщательный осмотр трупов, то на всякий случай я беру и вот этот,— он указал на первый труп девушки.— Скорее, скорее, оберните их холстом и выносите. Вы слышите? Толпа собирается. Вам придется открыть морг, и через несколько минут здесь будет настоящее столпотворение.

Трупы были унесены, уложены на автомобиль и быстро доставлены в дом Керна.

Все необходимое для операции было уже заранее приготовлено. День, вернее — ночь воскрешения Брике наступила. Керн не хотел терять ни одной минуты.

Оба трупа были обмыты и принесены в комнату Брике завернутыми в простыни и уложены на операционный стол.

Голова Брике горела нетерпением посмотреть на свое новое тело, но Керн умышленно поставил стол так, чтобы голова не видела трупов, пока не будут закончены все приготовления.

Керн быстро произвел сечение голов трупов. Эти головы были завернуты в холст и вынесены Джоном, края среза и стол вымыты, тела приведены в порядок.

Еще раз критически осмотрев тела, Керн озабоченно покачал головой. Тело с родинкой на плече было безукоризненной красоты форм и особенно выигрывало по сравнению с телом «камеристки» — ширококостным, угловатым, неладно скроенным, но крепко сшитым. Брике, конечно, выберет тело этой аристократической Дианы. Однако при тщательном осмотре тела Керн заметил у Дианы, как называл он ее, некоторый дефект: на ступне правой ноги была небольшая рана, причиненная каким-нибудь обрезком железа. Большой

опасности это не представляло. Керн прижег рану, заражения крови опасаться еще не было оснований. Но все же за успех операции с телом «камеристки» он был более спокоен.

— Поверните голову Брике,— сказал Керн, обращаясь к Лоран. Чтобы Брике не мешала своей болтливостью во время подготовительных работ, у нее был заткнут рот, то есть выключен баллон со сжатым воздухом.— Теперь можно пустить воздушную струю.

Когда голова Брике увидела трупы, она вскрикнула так, как будто неожиданно обожглась. Глаза ее расширились от ужаса. Один из этих трупов должен стать ее собственным телом. Впервые остро, до боли почувствовала она всю необычайность этой операции и начала колебаться.

— Ну, что же вы? Как вам нравятся тру... эти тела?

— Я... боюсь...— прохрипела голова.— Нет, нет, я не думала, что это так страшно... я не хочу...

— Не хотите? В таком случае я пришью к трупу голову Тома. Тома сделается женщиной. Вы хотите, Тома, сейчас же получить тело?

— Нет, подождите,— испугалась голова Брике.— Я согласна. Я хочу иметь вот то тело... с родинкой на плече.

— А я вам советую выбрать вот это. Оно не так красиво, но зато без единой царапины.

— Я не прачка, а артистка,— гордо заметила голова Брике.— Я хочу иметь красивое тело. И родинка на плече... Это так нравится мужчинам.

— Пусть будет по-вашему,— ответил Керн.— Мадемуазель Лоран, перенесите голову мадемуазель Брике на операционный стол. Сделайте это осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она еще никогда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лоран:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснет.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы производить операцию против ее воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте свое дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может, — без ее помощи исход операции оказался бы еще более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришел на помощь и придерживал голову руками. Постепенно подергивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил свое действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказами Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн, выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остается только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

— Я еще могу работать, — ответила она.

Несмотря на усталость, ей очень хотелось посмотреть на последний акт этой необычайной операции. Но Керн, очевидно, не хотел посвящать ее в тайну оживления. Он еще раз настойчиво предложил ей отдохнуть, и Лоран повиновалась.

Керн вновь вызвал ее через час. Он выглядел еще более уставшим, но лицо его выражало глубокое самодовольствие.

— Попробуйте пульс,— предложил он Лоран.

Девушка не без внутреннего содрогания взяла за руку Брике; за ту руку, которая всего три часа тому назад принадлежала холодному трупу. Рука была уже теплая, и прощупывалось биение пульса. Керн приложил к лицу Брике зеркало. Поверхность зеркала запотела.

— Дышит. Теперь нужно хорошо спеленать нашу новорожденную. Несколько дней ей придется пролежать совершенно неподвижно.

Сверх бинтов Керн наложил на шею Брике гипсовый лубок. Все тело спеленато, а рот крепко завязан.

— Чтобы она не вздумала говорить,— пояснил Керн.— Первые сутки мы продержим ее в сонном состоянии, если сердце позволит.

Брике перенесли в комнату, смежную с комнатой Лоран, бережно уложили в кровать и подвергли электронаркозу.

— Питать мы ее будем искусственно, пока не произойдет сращение швов. Вам уж придется поухаживать за ней.

Только на третий день Керн позволил Брике «прийти в себя».

Было четыре часа дня. Косой луч солнца прорезал комнату и осветил лицо Брике. Она легко повела бровями и открыла глаза. Еще смутно соображая, посмотрела на освещенное окно, потом перевела взгляд на Лоран и, наконец, опустила глаза вниз. Там уже не было пустоты. Она увидела слабо колыхавшуюся грудь и тело — ее тело, прикрытое простыней. Слабая улыбка осветила ее лицо.

— Не пытайтесь говорить и лежите тихо,— сказала Лоран.— Операция прошла очень хорошо, и теперь все зависит от того, как вы будете вести себя. Чем спокойнее вы будете лежать, тем скорее подниметесь на ноги. Пока мы будем с вами объясняться мимикой. Если вы опустите веки вниз, это будет означать «да», вверх — «нет». Чувствуете вы где-нибудь боль? Здесь. Шея и нога. Это пройдет. Хотите вы пить? Есть?

Брике не ощущала голода, но хотела пить.

Лоран позвонила Керну. Он тотчас пришел из своего кабинета.

— Ну, как себя чувствует новорожденная? — Он осмотрел ее и остался доволен. — Все благополучно. Терпение, мадемуазель, и вы скоро будете танцевать. — Он сделал несколько распоряжений и ушел.

Дни «выздоровления» тянулись для Брике очень медленно. Она была примерной больной: сдерживала свое нетерпение, лежала спокойно и выполняла все приказания. Настал день, когда ее наконец распеленали, но говорить еще не разрешали.

— Чувствуете ли вы свое тело? — с некоторым волнением спросил Керн.

Брике опустила веки.

— Попробуйте очень осторожно пошевелить пальцами на ногах.

Брике, очевидно, попробовала, так как на лице ее выразилось напряжение, но пальцы не двигались.

— Очевидно, функции центральной нервной системы еще не вполне восстановились, — авторитетно сказал Керн. — Но я надеюсь, что они скоро восстановятся, а вместе с ними восстановится и движение. — Про себя же подумал: «Как бы Брике не захромала в самом деле на обе ноги».

«Восстановится — как странно звучит это слово», — подумала Лоран, вспомнив о холодном трупe на операционном столе.

У Брике появилась новая забота. Теперь она часами занималась тем, что пыталась шевелить пальцами на ногах. Лоран едва ли не с меньшим интересом следила за этим.

И однажды Лоран радостно вскрикнула:

— Шевелится! Большой палец на левой ноге шевелится.

Дальше дело пошло быстрее. Зашевелились и другие пальцы на руках и ногах. Скоро Брике уже могла немного поднимать руки и ноги.

Лоран была поражена. На глазах ее совершилось чудо.

«Как бы ни был преступен Керн, — подумала она, — он необыкновенный человек. Правда, без головы Доуэля ему не удалось бы это двойное воскрешение мертвого. Но все же и сам Керн талантливый человек, — ведь это утверждала и голова Доуэля.

О, если бы Керн воскресил и его! Но нет, этого он не сделает».

Еще через несколько дней Брике разрешили говорить. У нее оказался довольно приятный голос, но несколько ломающегося тембра.

— Выправится,— уверял Керн.— Еще петь будете.

И Брике скоро попробовала петь. Лоран была очень поражена этим пением. Верхние ноты Брике брала довольно пискливым и не очень приятным голосом, в среднем регистре голос звучал очень тускло и даже хрипло. Но зато нижние ноты были очаровательны. Это было превосходное грудное контральто.

«Ведь горловые связки лежат выше места среза шеи и принадлежат Брике,— думала Лоран,— откуда же этот двойной голос, разные тембры верхнего и нижнего регистра? Физиологическая загадка. Не зависит ли это от процесса омоложения головы Брике, которая старше ее нового тела? Или, быть может, это как-то связано с нарушением функции центральной нервной системы? Совершенно непонятно... Интересно знать, чье это молодое, изящное тело, какой несчастной голове оно принадлежало...»

Лоран, ничего не говоря Брике, начала просматривать номера газет, в которых печатались списки погибших при крушении поезда. Скоро ей попалась заметка о том, что известная итальянская артистка Анжелика Гай, следовавшая в поезде, потерпевшем крушение, исчезла бесследно. Труп ее обнаружен не был, и над разрешением этой загадки изошрялись газетные корреспонденты. Лоран была почти уверена, что голова Брике получила тело погибшей артистки.

СБЕЖАВШИЙ ЭКСПОНАТ

Наконец в жизни Брике настал великий день. С нее были сняты последние бинты, и профессор Керн разрешил ей встать.

Она поднялась и, опираясь на руку Лоран, прошла по комнате. Движения ее были неуверенны и несколько порывисты. Иногда она делала странные жесты рукой: до известного предела ее рука дви-

гальс плавнo, затем следовала задержка и как бы принужденное движение, переходившее опять в плавное.

— Все это пройдет,— убежденно говорил Керн.

Немного беспокоила его только небольшая ранка на ступне Брике. Ранка заживала медленно. Но со временем и она зажила настолько, что Брике не испытывала боли, даже наступая на больную ногу. А через несколько дней Брике уже пыталась танцевать.

— Не пойму, в чем дело,— говорила она,— некоторые движения мне даются свободно, а другие затруднены. Вероятно, я еще не привыкла управлять своим новым телом... А оно великолепно! Посмотрите на ноги, мадемуазель Лоран. И рост отличный. Вот только эти рубцы на шее... Придется их закрывать. Но зато эта родинка на плече очаровательна, не правда ли? Я сошью платье такого фасона, чтобы она была видна... Нет, я решительно довольна своим телом.

«Своим телом!— думала Лоран.— Бедная Анжелика Гай!»

Все, что так долго сдерживала в себе Брике, разом прорвалось наружу. Она забросала Лоран требованиями, заказами, просьбами о костюмах, белье, туфлях, шляпах, модных журналах, принадлежностях косметики.

В новом сером шелковом платье она была представлена Керном голове профессора Доуэля. И так как это была мужская голова, Брике не могла не покетничать. И была очень польщена, когда голова Доуэля прохрипела:

— Отлично! Вы отлично справились со своей задачей, коллега, поздравляю вас!

И Керн под руку с Брике, сияя, как новобрачный, вышел из комнаты.

— Садитесь, мадемуазель,— галантно сказал Керн, когда они пришли в его кабинет.

— Не знаю, как мне благодарить вас, господин профессор,— сказала она, томно опуская глаза и затем кокетливо взглянув на Керна.— Вы так много сделали для меня... А я ничем не могу вознаградить вас.

— Это и не нужно. Я вознагражден больше, чем вы думаете.

— Я очень рада.— И Брике окинула Керн еще более лучистым взглядом.— А теперь разрешите мне уйти... выписаться из больницы.

— Как уйти? Из какой больницы? — сразу даже не понял Керн.

— Уйти домой. Представляю, какой фурор произведет мое появление среди подруг!

Она собирается уйти! Керн не допускал мысли об этом. Он проделал огромный труд, разрешил сложнейшую задачу, совершил невозможное вовсе не для того, чтобы Брике производила фурор среди своих легкомысленных подруг. Он сам хотел произвести фурор демонстрацией Брике перед ученым обществом. Впоследствии он, может быть, и даст ей некоторую свободу, но теперь об этом нечего и думать.

— К сожалению, я не могу отпустить вас, мадемуазель Брике. Вы должны еще некоторое время остаться в моем доме, под моим наблюдением.

— Но зачем? Я чувствую себя великолепно,— возразила она, играя рукой.

— Да, но вам может стать хуже.

— Тогда я приду к вам.

— Позвольте мне лучше знать, когда вам можно будет уйти отсюда,— уже резко сказал Керн.— Не забывайте, чем бы вы были без меня.

— Я уже благодарила вас за это. Но я не девочка и не невольница и могу распоряжаться собой!

«Ого, да она с характером!» — с удивлением подумал Керн.

— Ну, мы еще поговорим об этом,— сказал он.— А пока извольте идти в свою комнату. Джон, вероятно, уже принес вам бульон.

Брике надула губы, поднялась и, не глядя на Керн, вышла.

Брике обедала вместе с Лоран в ее комнате. Когда Брике вошла, Лоран уже сидела за столом. Брике опустилась на стул и сделала небрежный, изящный жест кистью правой руки. Лоран не раз замечала этот жест и размышляла над тем, кому он, собственно, принадлежит: телу Анжелики Гай или Брике? Но разве не мог остаться в теле Анжелики Гай автоматизм движений, как-то закрепившийся в двигательных нервах?..

Для Лоран все эти вопросы были слишком сложными.

«Ими, вероятно, интересуются физиологи», — подумала она.

— Опять бульон! Надоели мне эти больничные блюда, — капризно сказала Брике. — Я с удовольствием съела бы сейчас дюжину устриц и запила стаканом шабли. — Она отпила несколько глотков бульона из чашки и продолжала: — Профессор Керн заявил мне сейчас, что он не отпустит меня из дому еще несколько дней. Как бы не так! Я не из породы домашних птиц. Здесь можно умереть с тоски. Нет, я люблю так жить, чтобы все вертелось колесом. Огни, музыка, цветы, шампанское...

Непрерывно тараторя, Брике наскоро пообедала, поднялась со стула и, подойдя к окну, внимательно взглянула вниз.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран, — сказала она, обернувшись. — Я сегодня рано лягу спать. Пожалуйста, не будите меня завтра утром. В этом доме сон — лучшее препровождение времени.

И, кивнув головой, она ушла в свою комнату.

А Лоран уселась писать письмо своей матери.

Все письма контролировались Керном. Лоран знала, как строго он следит за ней, и потому даже не пыталась переслать какое-нибудь письмо без его цензуры.

Впрочем, чтобы не волновать свою мать, она решила, — если бы и могла переслать письмо без цензуры Керна, — не писать ей правды о своем невольном заточении.

В эту ночь Лоран спала особенно плохо. Она долго ворочалась в кровати, думая о будущем. Жизнь ее находилась в опасности. Что предпримет Керн, чтобы «обезвредить» ее?

Не спалось, видно, и Брике. Из ее комнаты доносился какой-то шорох.

«Примеряет новые платья», — подумала Лоран. Потом все стихло. Смутно, сквозь сон Лоран услышала как будто заглушенный крик и проснулась. «Однако мои нервы никуда не годятся», — подумала она и вновь уснула крепким предутренним сном.

Проснулась она, как всегда, в семь часов утра. В комнате Брике все еще было тихо. Лоран решила не беспокоить ее и прошла в комнату головы Тома. Голова Тома по-прежнему была мрачна. После того как

Керн «пришил тело» голове Брике, тоска Тома усилилась. Он просил, умолял, требовал, чтобы ему также скорее дали новое тело, наконец грубо бранился. Лоран стоило больших трудов успокоить его. Она с облегчением вздохнула, окончив утренний туалет головы Тома, и направилась в комнату головы Доуэля, который встретил Лоран приветливой улыбкой.

— Странная это вещь — жизнь! — сказала голова Доуэля. — Еще недавно я хотел умереть. Но мой мозг продолжает работать, и не далее как третьего дня мне пришла в голову необычайно смелая и оригинальная идея. Если бы мне удалось осуществить мою мысль, это произвело бы целый переворот в медицине. Я сообщил свою идею Керну, и надо было видеть, как загорелись его глаза. Ему, вероятно, мерещился прижизненный памятник, поставленный благодарными современниками... И вот я должен жить для него, для идеи, а значит, и для себя. Право, это какая-то ловушка.

— И в чем же эта идея?

— Я как-нибудь расскажу вам, когда все это более оформится в моем мозгу...

В девять часов Лоран решила постучать Брике, но ответа не получила. Обеспокоенная Лоран попыталась открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Лоран ничего больше не оставалось, как сообщить обо всем этом профессору Керну.

Керн, как всегда, действовал быстро и решительно.

— Ломайте дверь! — приказал он Джону.

Негр ударил плечом. Тяжелая дверь треснула и сорвалась с петель. Керн, Лоран и Джон вошли в комнату.

Измятая постель Брике была пуста. Керн подбежал к окну. От ручки рамы вниз спускалась вязка из разорванной простыни и двух полотенец. Клумба под окном была измята.

— Это ваша проделка! — крикнул Керн, поворачивая грозное лицо к Лоран.

— Уверяю вас, что я не принимала никакого участия в побеге мадемуазель Брике, — твердо сказала Лоран.

— Ну, с вами мы еще поговорим, — ответил Керн, хотя решительный ответ Лоран сразу убедил его в том, что Брике действовала без сообщников. — Теперь надо позаботиться о том, чтобы поймать беглянку.

Керн прошел в свой кабинет и в волнении зашагал от камина к столу. Первой его мыслью было вызвать полицию. Но он тотчас оставил эту мысль. Полицию менее всего следовало вмешивать в это дело. Придется обратиться к частным сыскным агентствам.

«Черт возьми, я сам виноват... Надо было принять меры охраны! Но кто бы мог подумать. Вчерашний труп — сбежал! — Керн злобно рассмеялся. — И теперь, чего доброго, она разболтает обо всем, что произошло с нею... Ведь она говорила о фуроре, который произведет ее появление... Эта история дойдет до газетных корреспондентов, и тогда... Не следовало показывать ее голове Доуэля... Наделала хлопот. Отблагодарила!»

Керн вызвал по телефону агента частной сыскной конторы, вручил ему крупную сумму на расходы, обещая еще большую в случае успешных розысков, и дал подробное описание пропавшей.

Агент осмотрел место побега и следы, ведущие к железной ограде сада. Ограда была высокая и оканчивалась острыми прутьями. Агент покачал головой: «Молодец девчонка!» На одном пруте он заметил кусок серого шелка, снял его и бережно уложил в бумажник.

— В это платье она была одета в день побега. Будем искать женщину в сером.

И, уверив Керна, что «женщина в сером» будет им разыскана не позже чем через сутки, агент удался.

Сыщик был опытным в своем деле человеком. Он разузнал адрес последней квартиры Брике и адреса нескольких прежних ее подруг, завел с ними знакомство, у одной из подруг нашел фотографическую карточку Брике, узнал, в каких кабаре Брике выступала. Несколько агентов было разослано по этим кабаре на поиски беглянки.

— Птичка далеко не улетит, — уверенно говорил сыщик.

Однако на этот раз он ошибся. Прошло два дня, а на след Брике не удалось напасть. Лишь на третий день поисков завсегдатай одного кабачка на Монмартре сообщил агенту, что в ночь побега там была «воскресшая» Брике. Но куда она затем исчезла, никто не знал.

Керн волновался все более. Теперь он опасался не только того, что Брике разболтает о его тайнах. Он боялся навсегда потерять ценный «экспонат». Правда, он мог сделать второй — из головы Тома, но на это требовалось время, колоссальная затрата сил. Да и новый опыт мог закончиться не столь блестяще. Демонстрирование же оживленной собаки, разумеется, не произвело бы такого эффекта. Нет, Брике должна быть найдена во что бы то ни стало. И он удваивал, утраивал премимальную сумму на розыск «сбежавшего экспоната».

Каждый день агенты доносили ему о результатах поисков, но эти результаты были неутешительны. Брике точно провалилась сквозь землю.

ДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

После того как Брике при помощи своего нового ловкого, гибкого и сильного тела перебралась через ограду и вышла на улицу, она подозвала такси и дала странный адрес:

— Кладбище Пер-Лашез.

Но, не доезжая до площади Бастилии, она сменила такси и направилась к Монмартру. На первые расходы она захватила с собой сумочку Лоран, где лежало несколько десятков франков. «Одним грехом больше, одним меньше, и притом это необходимо», — успокаивала она себя. Покаяние в содеянных прегрешениях было отложено на долгий срок. Она опять ощущала себя цельным, живым, здоровым человеком, притом даже моложе, чем была. До операции, по ее женскому счету, ей было близко к тридцати. Новое же тело имело едва ли больше двадцати лет. Железы этого тела омолодили голову Брике: морщинки на лице исчезли, цвет его улучшился. «Теперь только и пожить, — думала Брике, мечтательно глядя в маленькое зеркальце, оказавшееся в сумочке.

— Остановитесь здесь, — приказала она шоферу и, расплатившись с ним, отправилась дальше пешком.

Было около четырех часов утра. Она подошла к знакому кабре «Ша-нуар», где выступала в ту роковую

ночь, когда шальная пуля прекратила на полуслове веселенькую шансонетку, которую она пела. Окна каба-ре еще горели яркими огнями.

Не без волнения вошла Брике в знакомый вестибюль. Утомленный швейцар, очевидно, не узнал ее. Она быстро прошла в боковую дверь и через коридор вошла в помещение для артистов, примыкавшее к сцене. Первой встретила ее Рыжая Марта. Испуганно вскрикнув, Марта скрылась в своей уборной. Брике рассмеялась и постучала в дверь, но Рыжая Марта не открывала.

— О, Ласточка! — услышала Брике мужской голос. Под этим именем она была известна в кабаре за свое пристрастие к коньяку с ласточкой на этикетке. — Так ты жива? А мы тебя давно считали мертвой!

Брике обернулась и увидела красивого, элегантно одетого мужчину с очень бледным бритым лицом. Такие бледные лица бывают у людей, которые редко видят солнце. Это был Жан, муж Рыжей Марты. Он не любил говорить о своей профессии. Его же друзья и собутыльники не считали тактичным спрашивать об источнике его существования. Достаточно было того, что у Жана частенько водились деньги и что он был «душа парень». В те ночи, когда у Жана оттопыривался карман, и вино лилось рекой, и Жан платил за всех.

— Откуда прилетела, Ласточка?

— Из больницы, — ответила Брике.

Боясь, чтобы у нее не отняли новое тело родственники или друзья той, которой оно принадлежало, Брике решила никому не говорить о необычайной операции.

— Мое положение было очень серьезно, — продолжала она сочинять. — Меня сочли умершей и даже отправили в морг. Но там один студент, осматривавший труп, взял меня за руку и прощупал слабый пульс. Я была еще жива. Пуля прошла возле самого сердца, не задев его. Меня тотчас отправили в больницу, и все обошлось благополучно.

— Великолепно! — воскликнул Жан. — Наши все будут ужасно удивлены. Надо sprysнуть твоё воскрешение.

Дверной замок шелкнул. Рыжая Марта, подслушавшая из-за дверей этот разговор, убедилась в том,

что Брике не привидение, и открыла дверь. Подруги обнялись и крепко поцеловались.

— Ты как будто стала тоньше, выше и изящнее, Ласточка,— сказала Рыжая Марта, с любопытством и некоторым удивлением рассматривая фигуру так неожиданно явившейся подруги.

Брике слегка смутилась под этим пытливым женским взглядом.

— Разумеется, я похудела,— отвечала она.— Меня кормили только бульоном. А рост? Я купила себе туфли с очень высокими каблуками. Ну и фасон платья...

— Но отчего так поздно ты явилась сюда?

— О, это целая история... Ты уже выступала? Можешь посидеть со мной минутку?

Марта утвердительно кивнула головой. Подруги уселись около столика с большим зеркалом, уставленного коробками с гримировальными карандашами и красками, флаконами духов, пудреницами, всевозможными коробочками со шпильками и булавками.

Жан примостился рядом, куря египетскую папиросу.

— Я сбежала из больницы. Форменным образом,— сообщила Брике.

— Но почему?

— Надоели бульоны. Понимаешь, бульон, бульон и бульон... Я прямо боялась захлебнуться в бульоне. А доктор не хотел меня отпускать. Он должен был еще показать меня студентам. Боюсь, что меня будет разыскивать полиция... Я не могу вернуться к себе и хотела бы остаться у тебя. А еще лучше—совсем уехать из Парижа на несколько дней... Но у меня так мало денег.

Рыжая Марта даже всплеснула руками—так это было интересно.

— Ну, конечно, ты у меня остановишься,— сказала она.

— Боюсь, что меня тоже будет искать полиция,— задумчиво произнес Жан, пуская колечко дыма.— Мне тоже на несколько дней следовало бы скрыться с горизонта.

Ласточка была своя, и Жан не скрывал от нее своей профессии. Ласточка знала, что Жан—птица «большого полета». Его специальностью был взлом сейфов.

— Летим, Ласточка, с нами на юг. Ты, я и Марта. На Ривьеру, подышать морским воздухом. Засиделся, надо проветриться. Веришь ли, я больше двух месяцев не видел солнца и уж начинаю забывать, как оно выглядит.

— Вот и прекрасно,— захлопала в ладоши Рыжая Марта.

Жан посмотрел на дорожные золотые часы-браслет:

— Но у нас есть еще час времени. Черт возьми, ты должна нам допеть свою песенку... А потом летим, и пускай тебя ищут.

Брике с удовольствием приняла это предложение.

Ее выступление произвело фурор, как она того и ожидала.

Жан вышел на эстраду в роли конференсье, вспомнил трагическую историю, происшедшую здесь с Брике несколько месяцев тому назад, и затем заявил, что мадемуазель Брике по желанию публики ожила после того, как он, Жан, влил ей в горло рюмочку коньяку «Ласточка».

— Ласточка! Ласточка! — заревела публика.

Жан сделал знак рукой и, когда крики смолкли, продолжал:

— Ласточка споеет шансонетку с того самого места, на котором ее так неожиданно прервали. Оркестр, «Кошечку»!

Оркестр заиграл, и с половины куплета под бурные аплодисменты Брике допела свою песенку. Правда, шум стоял такой, что она сама не слыхала своего голоса, но этого и не нужно было. Она чувствовала себя счастливой, как никогда, и упивалась тем, что ее не забыли и встретили так тепло. Что эта теплота была сильно подогрета винными парами, ее не смущало.

Окончив пение, она сделала неожиданно изящный жест кистью правой руки. Это было ново. Публика зааплодировала еще громче.

«Откуда у нее это? Какие красивые манеры. Надо перенять этот жест...» — подумала Рыжая Марта.

Брике сошла с эстрады в зал. Подруги целовали ее, знакомые протягивали бокалы и чокались. Брике раскраснелась, глаза блестели. Успех и вино вскружили ей голову. Она, забыв об опасности преследования,

готова была просидеть здесь всю ночь. Но Жан, пивший не меньше других, не терял контроля над собой.

От времени до времени он поглядывал на часы и, наконец, подошел к Брике и тронул ее за руку:

— Пора!

— Но я не хочу. Вы можете уезжать одни. Я не поеду,— ответила Брике, томно закатывая глаза.

Тогда Жан молча поднял ее и понес к выходу.

Публика подняла ропот.

— Сеанс окончен! — крикнул Жан уже у двери. — До следующего воскресенья!

Он вынес отбивавшуюся от него Брике на улицу и усадил в автомобиль. Вскоре пришла и Марта с небольшими чемоданчиками.

— На площадь Республики,— сказал Жан шоферу, не желая указывать конечного пункта. Он привык ездить с пересадками.

ЖЕНЩИНА-ЗАГАДКА

Волны Средиземного моря ритмично набегали на песчаный пляж. Легкий ветер едва надувал паруса белых яхт и рыбацких судов. Над головой, в синей воздушной глубине, ласково ворчали серые гидропланы, совершавшие короткие увеселительные рейсы между Ниццей и Ментоней.

Молодой человек в белом теннисном костюме сидел в плетеном кресле и читал газету. Возле кресла лежали в чехле теннисная ракетка и несколько свежих английских научных журналов.

Рядом с ним, под огромным белым зонтом, у мольберта возился его друг художник Арман Ларе.

Артур Доуэль, сын покойного профессора Доуэля, и Арман Ларе были неразлучными друзьями, и эта дружба лучше всего доказывала правдивость пословицы о том, что крайности сходятся.

Артур Доуэль был несколько молчалив и холоден. Он любил порядок, умел усидчиво и систематически заниматься. Ему оставался всего один год до окончания университета, и его уже оставляли в университете при кафедре биологии.

Ларе, как истый француз-южанин, был чрезвычайно увлекающейся натурой, сумбурный, взбалмошный. Он забрасывал кисти и краски на целые недели, чтобы потом вновь приняться за работу запоем, и тогда никакие силы не могли оторвать его от мольберта.

Только в одном друзья были похожи друг на друга: оба они были талантливы и умели добиваться раз поставленной цели, хотя и шли к этой цели разными путями: один — порывами, скачками, другой — размеренным шагом.

Биологические работы Артура Доуэля привлекали внимание крупнейших специалистов, и ему сулили блестящую научную карьеру. А картины Ларе вызывали много толков на выставках, и некоторые из них уже были приобретены известнейшими музеями разных стран.

Артур Доуэль бросил на песок газету, прислонился головой к спинке кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Тело Анжелики Гай так и не найдено.

Ларе безутешно потрянул головой и тяжело вздохнул.

— Ты до сих пор не можешь забыть о ней? — спросил Доуэль.

Ларе повернулся с такой быстротой к Артуру, что тот невольно улыбнулся. Перед ним был уже не пылкий художник, а рыцарь, вооруженный щитом — палитрой, с копьем — муштабелем в левой руке и мечом — кистью в правой, — оскорбленный рыцарь, готовый уничтожить того, кто нанес ему смертельное оскорбление.

— Забыть Анжелику!.. — закричал Ларе, потрясая своим оружием. — Забыть ту, которая...

Внезапно подкравшаяся волна, шипя, окатила его ноги почти до колен, и он меланхолически закончил:

— Разве можно забыть Анжелику? Мир стал скучнее с тех пор, как замолкли ее песни...

Впервые Ларе узнал о гибели, вернее, о бесследном исчезновении Анжелики Гай в Лондоне, куда он приехал, чтобы писать «симфонию лондонского тумана». Ларе был не только поклонником таланта певицы, но и ее другом, ее рыцарем. Недаром он родился в Южном Провансе, среди развалин средневековых замков.

Узнав о случившемся с Гай несчастье, он был так потрясен, что единственный раз в жизни прервал свой «живописный запой» в самом разгаре творчества.

Артур, приехавший в Лондон из Кембриджа, желая отвлечь своего друга от мрачных мыслей, придумал это путешествие на побережье Средиземного моря.

Но и здесь Ларе не находил себе места. Вернувшись с пляжа в отель, он переоделся и, сев на поезд, отправился в самое людное место — игорный дом Монте-Карло. Ему хотелось забыться.

Несмотря на сравнительно ранний час, возле приземистого здания уже толпилась публика. Ларе вошел в первый зал. Публики было мало.

— Делайте вашу игру, — приглашал крупье, вооруженный лопаточкой для загребания денег.

Ларе, не останавливаясь, прошел в следующий зал, стены которого были расписаны картинами, изображающими полуобнаженных женщин, занимающихся охотой, скачками, фехтованием, — словом, всем тем, что возбуждает азарт. От картин веяло напряжением страстной борьбы, азарта, алчности, но еще больше и резче эти чувства были написаны на лицах живых людей, собравшихся вокруг игорного стола.

Вот толстый коммерсант с бледным лицом протягивает деньги трясущимися пухлыми веснушчатыми руками, покрытыми рыжеватым пушком. Он дышит тяжело, как астматик. Глаза его напряженно следят за вертящимся шариком. Ларе безошибочно определяет, что толстяк уже крупно проигрался и теперь ставит последние деньги в надежде отыграться. А если нет — этот рыхлый человек, быть может, отправится в аллею самоубийц, и там произойдет последний расчет с жизнью...

За толстяком стоит плохо одетый бритый старик с всклокоченными седыми волосами и маниакальными глазами. В руках его записная книжка и карандаш. Он записывает выигрыш и выходящие номера, делает какие-то подсчеты... Он давно уже проиграл все свое состояние и сделался рабом рулетки. Администрация игорного дома выдает ему небольшое ежемесячное пособие — на жизнь и игру: своеобразная реклама. Теперь он строит свою «теорию вероятностей», изучает капризный характер фортуны. Когда он ошибается

в своих предположениях, то сердито бьет карандашом по записной книжке, подскакивает на одной ноге, что-то бормочет и вновь углубляется в подсчеты. Если же его предположения оправдываются, лицо его сияет, и он поворачивает голову к соседям, как бы желая сказать: вот видите, наконец-то мне удалось открыть законы случая.

Два лакея вводят под руки и усаживают в кресло у стола старуху в черном шелковом платье, с бриллиантовым ожерельем на морщинистой шее. Лицо ее набелено так, что уже не может побледнеть. При виде таинственного шарика, распределяющего горе и радость, ее ввалившиеся глаза загораются огнем алчности и тонкие пальцы, унизанные кольцами, начинают дрожать.

Молодая, красивая, стройная женщина, одетая в изящный темно-зеленый костюм, проходя мимо стола, бросает небрежным жестом тысячефранковый билет, проигрывает, беспечно усмехается и проходит в следующую комнату.

Ларе поставил на красное сто франков и выиграл.

«Я сегодня должен выиграть», — подумал он, ставя тысячу, — и проиграл. Но его не покидала уверенность, что в конце концов он выиграет. Его уже охватил азарт.

К столу рулетки подошли трое: мужчина, высокий и статный, с очень бледным лицом, и две женщины, одна рыжеволосая, а другая в сером костюме... Мельком взглянув на нее, Ларе почувствовал какую-то тревогу. Еще не понимая, что его волнует, художник начал следить за женщиной в сером и был поражен одним жестом правой руки, который сделала она. «Что-то знакомое! О, такой жест делала Анжелика Гай!» Эта мысль так поразила его, что он уже не мог играть. А когда трое неизвестных, смеясь, отошли, наконец, от стола, Ларе, забыв взять со стола выигранные деньги, пошел следом за ними.

В четыре часа утра кто-то сильно постучал в дверь Артура Доуэля. Сердито накинув на себя халат, Доуэль открыл.

В комнату шатающейся походкой вошел Ларе и, устало опустившись в кресло, сказал:

— Я, кажется, схожу с ума.

— В чем дело, старина? — воскликнул Доуэль.

— Дело в том, что... я не знаю, как вам и сказать... Я играл со вчерашнего дня до двух часов ночи. Выигрыш сменялся проигрышем. И вдруг я увидел женщину, и один жест ее поразил меня до того, что я бросил игру и последовал за ней в ресторан. Я сел за столик и спросил чашку крепкого черного кофе. Кофе мне всегда помогает, когда нервы слишком расшатаются... Незнакомка сидела за соседним столиком. С нею были молодой человек, прилично одетый, но не внушающий особого доверия, и довольно вульгарная рыжеволосая женщина. Мои соседи пили вино и весело болтали. Незнакомка в сером начала напевать шансонетку. У нее оказался пискливый голосок довольно неприятного тембра. Но неожиданно она взяла несколько низких грудных нот...— Ларе сжал свою голову.— Доуэль! Это был голос Анжелики Гай. Я из тысячи голосов узнал бы его.

«Несчастный! До чего он дошел»,— подумал Доуэль и, ласково положив руку на плечо Ларе, сказал:

— Вам померещилось, Ларе. Возьмите себя в руки. Случайное сходство...

— Нет, нет! Уверяю вас,— горячо возразил Ларе.— Я начал внимательно присматриваться к певице. Она довольно красива, четкий профиль и милые лукавые глаза. Но ее фигура, ее тело! Доуэль, пусть черти растерзают меня зубами, если фигура певицы не похожа как две капли воды на фигуру Анжелики Гай.

— Вот что, Ларе, выпейте бром, примите холодный душ и ложитесь спать. Завтра, вернее сегодня, когда вы проснетесь...

Ларе укоризненно посмотрел на Доуэля:

— Вы думаете, что я с ума сошел?.. Не торопитесь делать окончательное заключение. Выслушайте меня до конца. Это еще не все. Когда певичка спела свою песенку, она сделала кистью руки вот такой жест. Это любимый жест Анжелики, жест совершенно индивидуальный, неповторимый.

— Но что же вы хотите сказать? Не думаете же вы, что неизвестная певица обладает телом Анжелики?

Ларе потер лоб:

— Не знаю... от этого действительно с ума сойти можно... Но слушайте дальше. На шее певицы носит замысловатое колье, вернее даже не колье, а целый

приставной воротничок, украшенный мелким жемчугом, шириной по крайней мере в четыре сантиметра. А на ее груди довольно широкий вырез. Вырез открывает на плече родинку—родинку Анжелики Гай. Колье выглядит как бинт. Выше колье — неизвестная мне голова женщины, ниже — знакомое, изученное мною до мельчайших деталей, линий и форм тело Анжелики Гай. Не забывайте, ведь я художник, Доуэль. Я умею запоминать неповторимые линии и индивидуальные особенности человеческого тела... Я делал столько набросков и эскизов с Анжелики, столько написал ее портретов, что не могу ошибиться.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Доуэль. — Ведь Анжелика по...

— Погибла? В том-то и дело, что это никому не известно. Она сама или ее труп бесследно исчез. И вот теперь...

— Вы встречаете оживший труп Анжелики?

— О-о!..— Ларе простонал. — Я думал именно об этом.

Доуэль поднялся и заходил по комнате. Очевидно, сегодня уже не удастся лечь спать.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказал он. — Вы говорите, что ваша неизвестная певичка имеет как бы два голоса: один свой, более чем посредственный, и другой — Анжелики Гай?

— Низкий регистр — ее неповторимое контральто, — ответил Ларе, утвердительно кивнув головой.

— Но ведь это же физиологически невозможно. Не предполагаете же вы, что человек высокие ноты извлекает из своего горла верхними концами связок, а нижние — нижними? Высота звука зависит от большего или меньшего напряжения голосовых связок на всем протяжении. Ведь это как на струне: при большем натяжении вибрирующая струна дает больше колебаний и более высокий звук, и обратно. Притом если бы сделать такую операцию, то голосовые связки были бы укорочены, значит, голос стал бы очень высоким. Да и едва ли человек мог бы петь после такой операции: рубцы должны были бы мешать правильной вибрации связок, и голос в лучшем случае был бы очень хриплым... Нет, это решительно невозможно. Наконец, чтобы «оживить» тело Анжелики, надо бы иметь голову, чью-то голову без тела.

Доуэль неожиданно замолк, так как вспомнил о том, что в известной степени подкрепляло предположение Ларе.

Артур сам присутствовал при некоторых опытах своего отца. Профессор Доуэль вливал в сосуды погибшей собаки нагретую до тридцати семи градусов Цельсия питательную жидкость с адреналином — веществом, раздражающим и заставляющим их сокращаться. Когда эта жидкость под некоторым давлением попала в сердце, она восстанавливала его деятельность, и сердце начинало прогонять кровь по сосудам. Мало-помалу восстанавливалось кровообращение, и животное оживало.

«Самой важной причиной гибели организма,— сказал тогда отец Артура,— является прекращение снабжения органов кровью и содержащимся в ней кислородом».

«Значит, так можно оживить и человека?» — спросил Артур.

«Да,— весело ответил его отец,— я берусь совершить воскрешение и когда-нибудь произведу это «чудо». К этому я и веду свои опыты».

Оживление трупа, следовательно, возможно. Но возможно ли оживить труп, в котором тело принадлежало одному человеку, а голова — другому? Возможна ли такая операция? В этом Артур сомневался. Правда, он видел, как отец его делал необычайно смелые и удачные операции пересадки тканей и костей. Но все это было не так сложно, и это делал его отец.

«Если бы мой отец был жив, я, пожалуй, поверил бы, что догадка Ларе о чужой голове на теле Анжелики Гай правдоподобна. Только отец мог осмелиться совершить такую сложную и необычайную операцию. Может быть, эти опыты продолжали его ассистенты? — подумал Доуэль.— Но одно дело оживить голову или даже целый труп, а другое — пришить голову одного человека к телу другого».

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Доуэль.

— Я хочу разыскать эту женщину в сером, познакомиться с ней и раскрыть тайну. Вы поможете мне в этом?

— Разумеется,— ответил Доуэль.

Ларе крепко пожал ему руку, и они начали обсуждать план действий.

ВЕСЕЛАЯ ПРОГУЛКА

Через несколько дней Ларе был уже знаком с Брике, ее подругой и Жаном. Он предложил им совершить прогулку на яхте, и предложение было принято.

В то время как Жан и Рыжая Марта беседовали на палубе с Доуэлем, Ларе предложил Брике пройти вниз осмотреть каюты. Их было всего две, очень небольшие, и в одной из них стояло пианино.

— О, здесь даже есть инструмент! — воскликнула Брике.

Она уселась у пианино и заиграла фокстрот. Яхта мерно покачивалась на волнах. Ларе стоял возле пианино, внимательно смотрел на Брике и обдумывал, с чего начать свое следствие.

— Спойте что-нибудь,— сказал он.

Брике не заставила себя упрашивать. Она запела, кокетливо поглядывая на Ларе. Он ей нравился.

— Какой у вас... странный голос,— сказал Ларе, испытующе глядя в ее лицо.— В вашем горле как будто заключены два голоса: голоса двух женщин...

Брике смутилась, но, быстро овладев собой, принужденно рассмеялась...

— О да!.. Это у меня с детства. Один профессор пения нашел у меня контральто, а другой — меццо-сопрано. Каждый ставил голос по-своему, и вышло... притом я недавно простудилась...

«Не слишком ли много объяснений для одного факта? — подумал Ларе.— И почему она так смутилась? Мои предположения оправдываются. Тут что-то есть».

— Когда вы поете на низких нотах,— с грустью заговорил он,— я будто слышу голос одной моей хорошей знакомой... Она была известная певица. Бедняжка погибла при железнодорожном крушении. Ко всеобщему удивлению, ее тело не было найдено... Ее фигура чрезвычайно напоминает вашу, как две капли воды... Можно подумать, что это ее тело.

Брике посмотрела на Ларе уже с нескрываемым страхом. Она поняла, что этот разговор ведется Ларе неспроста.

— Бывают люди, очень похожие друг на друга... — сказала она дрогнувшим голосом.

— Да, но такого сходства я не встречал. И потом... ваши жесты... вот этот жест кистью руки... И еще... Вы сейчас взяли руками за голову, как бы поправляя пышные пряди волос. Такие волосы были у Анжелики Гай. И так она поправляла капризный локон у виска... Но у вас нет длинных локонов. У вас короткие, стриженные по последней моде волосы.

— У меня раньше были тоже длинные волосы, — сказала Брике, поднимаясь. Ее лицо побледнело, кончики пальцев заметно дрожали. — Здесь душно... Пойдемте навстречу...

— Погодите, — остановил ее Ларе, также волнуясь. — Мне необходимо поговорить с вами.

Он насильно усадил ее в кресло у иллюминатора.

— Мне дурно... Я не привыкла к качке! — воскликнула Брике, порываясь уйти. Но Ларе как бы нечаянно коснулся руками ее шеи, отвернув при этом край колье. Он увидел розовевшие рубцы.

Брике пошатнулась. Ларе едва успел подхватить ее: она была в обмороке.

Художник, не зная, что делать, брызнул ей в лицо прямо из стоявшего графина. Она скоро пришла в себя. Непередаваемый ужас засветился в ее глазах. Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга. Брике казалось, что наступил час возмездия. Страшный час расплаты за то, что она присвоила чужое тело. Губы Брике дрогнули, и она чуть слышно прошептала:

— Не губите меня!.. Пожалейте...

— Успокойтесь, я не собираюсь губить вас... но я должен узнать эту тайну. — Ларе поднял висевшую как плеть руку Брике и сильно сдавил ее. — Признайтесь, это не ваше тело? Откуда оно у вас? Скажите мне всю правду!

— Жан! — попыталась крикнуть Брике, но Ларе зажал ей рот ладонью, прошипев в самое ухо:

— Если вы еще раз крикнете, вы не выйдете из этой каюты.

Потом, оставив Брике, он быстро запер дверь каюты на ключ и плотно прикрыл раму иллюминатора.

Брике заплакала, как ребенок. Но Ларе был немолчим.

— Слезы вам не помогут! Говорите скорее, пока я не потерял терпения.

— Я не виновата ни в чем,— заговорила Брике, всхлипывая.— Меня убили... Но потом я ожила... Одна моя голова... на стеклянной подставке... Это было так ужасно!.. И голова Тома стояла там же... Я не знаю, как это случилось... Профессор Керн — это он оживил меня... Я просила его, чтобы он вернул мне тело. Он обещал... И привез откуда-то вот это тело...— Она почти с ужасом посмотрела на свои плечи и руки.— Но когда я увидела мертвое тело, то отказалась... Мне было так страшно... Я не хотела, умоляла не приставлять моей головы к трупу... Это может подтвердить Лоран: она ухаживала за нами, но Керн не слушал. Он усыпил меня, и я проснулась вот такой. Я не хотела оставаться у Керна и убежала в Париж, а потом сюда... Я знала, что Керн будет преследовать меня.... Умоляю вас, не убивайте меня и не говорите никому... Теперь я не хочу остаться без тела, оно стало моим... Я никогда не чувствовала такой легкости движений. Только болит нога... Но это пройдет... Я не хочу возвращаться к Керну!

Слушая эту бессвязную речь, Ларе думал: «Брике, кажется, действительно не виновата. Но этот Керн... Как мог он достать тело Гай и использовать его для такого ужасного эксперимента? Керн! Я слышал об этом имени от Артура. Керн, кажется, был ассистентом его отца. Эта тайна должна быть раскрыта».

— Перестаньте плакать и внимательно выслушайте меня,— строго сказал Ларе.— Я помогу вам, но при одном условии, если и вы никому не скажете о том, что произошло с вами вплоть до настоящего момента. Никому, кроме одного человека, который сейчас придет сюда. Это Артур Доуэль — вы уже знаете его. Вы должны повиноваться мне во всем. Если только выслушаетесь, вас постигнет страшная кара. Вы совершили преступление, которое карается смертной казнью. И вам нигде не удастся спрятать вашу голову и присвоенное вами чужое тело. Вас найдут и гильо-

тинируют. Слушайте же меня. Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, садитесь за пианино и пойте. Пойте как можно громче, чтобы было слышно там, наверху. Вам очень весело, и вы не собираетесь подниматься на палубу.

Брике подошла к пианино, уселась и запела, аккомпанируя себе едва повинующимися пальцами.

— Громче, веселее, — командовал Ларе, открывая иллюминатор и дверь.

Это было очень странное пение — крик отчаяния и ужаса, переложенный на мажорный лад.

— Громче барабаньте по клавишам! Так! Играйте и ждите. Вы поедете в Париж вместе с нами. Не вздумайте бежать. В Париже вы будете вне опасности, мы сумеем скрыть вас.

С веселым лицом Ларе поднялся на палубу.

Яхта, наклонившись на правый борт, быстро скользила по легкой волне. Влажный морской ветер освежил Ларе. Он подошел к Артуру Доуэлю и, незаметно отведя его в сторону, сказал:

— Пойдите вниз в каюту и заставьте мадемуазель Брике повторить вам все, что она сказала мне. А я займу гостей.

— Ну, как вам нравится яхта, мадам? — обратился он к Рыжей Марте и начал вести с нею непринужденный разговор.

Жан, развалившись в плетеном кресле, блаженствовал вдали от полиции и сыщиков. Он не хотел больше ни думать, ни наблюдать, он хотел забыть о вечной напряженности. Медленно потягивая из маленькой рюмки превосходный коньяк, он еще больше погружался в созерцательное, полусонное состояние. Это было как нельзя более на руку Ларе.

Рыжая Марта также чувствовала себя великолепно. Слыша из каюты пение подружки, она сама в перерывах между фразами присоединяла свой голос к доносившемуся игривому напеву.

Успокоила ли Брике игра, или Артур показался ей менее опасным собеседником, но на этот раз она более связно и толково рассказала ему историю своей смерти и воскрешения.

— Вот и все. Ну, разве я виновата? — уже с улыбкой спросила она и спела коротенькую шансонетку «Виновата ли я», повторенную на палубе Мартой.

— Опишите мне третью голову, которая жила у профессора Керна,— сказал Доуэль.

— Тома?

— Нет, ту, которой вас показал профессор Керн! Впрочем...

Артур Доуэль торопливо вынул из бокового кармана бумажник, порылся в нем, достал оттуда фотографическую карточку и показал ее Брике.

— Скажите, похож изображенный здесь мужчина на голову моего... знакомого, которую вы видели у Керна?

— Да это совершенно он! — воскликнула Брике. Она даже бросила играть. — Удивительно! И с плечами. Голова с телом. Неужели и ему уже успели пришить тело? Что с вами, мой дорогой? — участливо и испуганно спросила она.

Доуэль пошатнулся. Лицо его побледнело. Он, с трудом владея собой, сделал несколько шагов, тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами? — еще раз спросила его Брике.

Но он ничего не отвечал. Потом губы его прошептали: «Бедный отец», но Брике не расслышала этих слов.

Артур Доуэль очень быстро овладел собой. Когда он поднял голову, его лицо было почти спокойно.

— Простите, я, кажется, напугал вас,— сказал он. — У меня иногда бывают такие легкие припадки на сердечной почве. Вот все уже и прошло.

— Но кто этот человек? Он так похож на... Ваш брат? — заинтересовалась Брике.

— Кто бы он ни был, вы должны помочь нам разыскать эту голову. Вы поедете с нами. Мы устроим вас в таком укромном уголке, где вас никто не найдет. Когда вы можете ехать?

— Хоть сегодня,— ответила Брике. — А вы... не отнимете у меня мое тело?

Доуэль сразу не понял, потом улыбнулся и ответил:

— Конечно, нет... если только вы будете слушать нас и помогать нам. Идёмте на палубу.

— Ну, как ваше плавание? — весело спросил он, поднявшись на палубу. Затем посмотрел на горизонт с видом опытного моряка и, озабоченно покачав головой, сказал: — Море мне не нравится... Видите эту темноватую полосу у горизонта?.. Если мы вовремя не вернемся, то...

— О, скорее назад! Я не хочу утонуть,— полушутя, полусерьезно воскликнула Брике.

Никакой бури не предвиделось. Просто Доуэль решил напугать своих сухопутных гостей, для того чтобы скорее вернуться на берег.

Ларе условился с Брике встретиться на теннисной площадке после обеда, «если не будет бури». Они расставались всего на несколько часов.

— Послушайте, Лари, мы неожиданно напали на след больших тайн,— сказал Доуэль, когда они вернулись в отель.— Знаете ли вы, чья голова находилась у Керна? Голова моего отца, профессора Доуэля!

Ларе, уже усевшийся на стуле, подскочил, как мяч.

— Голова? Живая голова вашего отца! Но возможно ли это? И это все Керн! Он... я растерзаю его! Мы найдем голову вашего отца.

— Боюсь, что мы не застанем ее в живых,— печально ответил Артур.— Отец сам доказал возможность оживления голов, отсеченных от тела, но головы эти жили не более полутора часов, затем они умирали, потому что кровь свертывалась, искусственные же питательные растворы могли поддержать жизнь еще меньшее время.

Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрел препарат, названный им «Доуэль 217» и переименованный Керном в «Керн 217». Введенный в кровь, этот препарат совершенно устраняет свертывание крови и потому делает возможным более длительное существование головы.

— Но живую или мертвую мы должны разыскать голову отца. Скорее в Париж!

Ларе бросился в свой номер собирать вещи.

В ПАРИЖ!

Наскоро пообедав, Ларе побежал на теннисную площадку.

Несколько запоздавшая Брике была очень обрадована, увидев, что он уже ждет ее. Несмотря на весь страх, который внушил ей этот человек, Брике продолжала находить его очень интересным мужчиной.

— А где же ваша ракетка? — разочарованно спросила она его. — Разве вы сегодня не будете учить меня?

Ларе уже в продолжение нескольких дней учил Брике играть в теннис. Она оказалась очень способной ученицей. Но Ларе знал тайну этой способности больше, чем сама Брике: она обладала тренированным телом Анжелики, которая была прекрасной теннисисткой. Когда-то она сама учила Ларе некоторым ударам. И теперь Ларе оставалось только привести в соответствие уже тренированное тело Гай с еще не тренированным мозгом Брике — закрепить в ее мозгу привычные движения тела. Иногда движения Брике были неуверенные, угловатые. Но часто неожиданно для себя она делала необычайно ловкие движения. Она, например, чрезвычайно удивила Ларе, когда стала подавать «резанные мячи», — ее никто не учил этому. А этот ловкий и трудный прием был своего рода гордостью Анжелики. И, глядя на движения Брике, Ларе иногда забывал, что играет не с Анжеликой. Именно во время игры в теннис у Ларе возникло нежное чувство к «возрожденной Анжелике», как иногда называл он Брике. Правда, это чувство было далеко от того обожания и преклонения, которым он был преисполнен к Анжелике.

Брике стояла возле Ларе, заслонившись ракеткой от заходящего солнца, — один из жестов Анжелики.

— Сегодня мы не будем играть.

— Как жалко! А я бы не прочь поиграть, хотя у меня сильнее, чем обычно, болит нога, — сказала Брике.

— Идемте со мной. Мы едем в Париж.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Но мне же необходимо хоть переодеться и захватить кое-какие вещи.

— Хорошо. Даю вам на сборы сорок минут, и ни минуты больше. Мы заедем за вами в автомобиле. Идите же скорее укладываться.

«Она действительно прихрамывает», — подумал Ларе, глядя вслед удаляющейся Брике.

По пути в Париж нога у Брике разболелась не на шутку. Брике лежала в своем купе и тихо стояла. Ларе успокаивал ее как умел. Это путешест-

вие еще больше сблизило их. Правда, он ухаживал с такой заботливостью, как ему казалось, не за Брике, а за Анжеликой Гай. Но Брике относилась заботы Ларе целиком к себе. Это внимание очень трогало ее.

— Вы такой добрый,— сказала она сентиментально.— Там, на яхте, вы напугали меня. Но теперь я не боюсь вас.— И она улыбалась так очаровательно, что Ларе не мог не улыбнуться в ответ. Эта ответная улыбка уже всецело принадлежала голове: ведь улыбалась голова Брике. Она делала успехи, сама не замечая того.

А недалеко от Парижа случилось маленькое событие, еще больше обрадовавшее Брике и удивившее самого виновника этого события. Во время особенно сильного приступа боли Брике протянула руку и сказала:

— Если бы вы знали, как я страдаю...

Ларе невольно взял протянутую руку и поцеловал ее. Брике покраснела, а Ларе смутился.

«Черт возьми,— думал он,— я, кажется, поцеловал ее. Но ведь это была только рука — рука Анжелики. Однако ведь боль чувствует голова, значит, поцеловав руку, я пожалел голову. Но голова чувствует боль потому, что болит нога Анжелики, но боь Анжелики чувствует голова Брике...» Он совсем запутался и смутился еще больше.

— Чем вы объяснили ваш внезапный отъезд вашей подруге? — спросил Ларе, чтобы скорее покончить с неловкостью.

— Ничем. Она привыкла к моим неожиданным поступкам. Впрочем, она с мужем тоже скоро приедет в Париж... Я хочу ее видеть... Вы, пожалуйста, пригласите ее ко мне.— И Брике дала адрес Рыжей Марты.

Ларе и Артур Доуэль решили поместить Брике в небольшом пустующем доме, принадлежащем отцу Ларе, в конце авеню дю Мэн.

— Рядом с кладбищем! — суеверно воскликнула Брике, когда автомобиль провозил ее мимо кладбища Монпарнас.

— Значит, долго жить будете,— успокоил ее Ларе.

— Разве есть такая примета? — спросила суеверная Брике.

— Вернейшая.

И Брике успокоилась.

Больную уложили в довольно уютной комнате на огромной старинной кровати под балдахин.

Брике вздохнула, откидываясь на горку подушек.

— Вам необходимо пригласить врача и сиделку, — сказал Ларе. Но Брике решительно возражала. Она боялась, что новые люди донесут на нее.

С большим трудом Ларе уговорил ее показать ногу своему другу, молодому врачу, и пригласить в сиделки дочь консьержа.

— Этот консьерж служит у нас двадцать лет. На него и на его дочь вполне можно положиться.

Приглашенный врач осмотрел распухшую и сильно покрасневшую ногу, предписал делать компрессы, успокоил Брике и вышел с Ларе в другую комнату.

— Ну, как? — спросил не без волнения Ларе.

— Пока серьезного ничего нет, но следить надо. Я буду навещать ее через день. Больная должна соблюдать абсолютный покой.

Ларе каждое утро навещал Брике. Однажды он тихо вошел в комнату. Сиделки не было. Брике дремала или лежала с закрытыми глазами. Странное дело, ее лицо, казалось, все более молодело. Теперь Брике можно было дать не более двадцати лет. Черты лица как-то смягчились, стали нежнее.

Ларе на цыпочках подошел к кровати, нагнулся, долго смотрел на это лицо и... вдруг нежно поцеловал в лоб. На этот раз Ларе не анализировал, целует ли он «останки» Анжелики, голову Брике или всю Брике.

Брике медленно подняла веки и посмотрела на Ларе, бледная улыбка мелькнула на ее губах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ларе. — Я не разбудил вас?

— Нет, я не спала. Благодарю вас, я чувствую себя хорошо. Если бы не эта боль...

— Доктор говорит, что ничего серьезного. Лежите спокойно, и скоро вы поправитесь...

Вошла сиделка. Ларе кивнул головой и вышел. Брике проводила его нежным взглядом. В жизнь ее

вошло что-то новое. Она хотела скорее поправиться. Кабаре, танцы, шансонетки, веселые пьяные посетители «Ша-нуар» — все это ушло куда-то далеко, потеряло смысл и цену. В сердце ее рождались новые мечты о счастье. Быть может, это было самое большое чудо «перевоплощения», о котором не подозревала она сама, не подозревал и Ларе! Чистое, девственное тело Анжелики Гай не только омолодило голову Брике, но и изменило ход ее мыслей. Развязная певица из кабаре превращалась в скромную девушку.

ЖЕРТВА КЕРНА

В то время как Ларе был всецело поглощен заботами о Брике, Артур Доуэль собирал сведения о доме Керна. От времени до времени друзья совещались с Брике, которая сообщила им все, что знала о доме и людях, населявших его.

Артур Доуэль решил действовать очень осторожно. С момента исчезновения Брике Керн должен быть настороже. Застать его врасплох едва ли удастся. Необходимо вести дело так, чтобы до последнего момента Керн не подозревал, что на него уже ведется атака.

— Мы будем действовать как можно хитрей, — сказал он Ларе. — Прежде всего нужно узнать, где живет мадемуазель Лоран. Если она не заодно с Керном, то во многом нам поможет, — гораздо больше, чем Брике.

Разузнать адрес Лоран не представляло большого труда. Но когда Доуэль посетил квартиру, его ждало разочарование. Вместо Лоран он застал только ее мать, чистенько одетую благообразную старушку, заплаканную, недоверчивую, убитую горем.

— Могу я видеть мадемуазель Лоран? — спросил он.

Старуха с недоумением посмотрела на него:

— Мою дочь? Разве вы ее знаете?.. А с кем я имею честь говорить и зачем вам нужна моя дочь?

— Если разрешите...

— Прошу вас.— И мать Лоран впустила посетителя в маленькую гостиную, уставленную мягкой старинной мебелью в белых чехлах с кружевными накидками на спинках. На стене большой портрет. «Интересная девушка»,— подумал Артур.

— Моя фамилия Радье,— сказал он.— Я медик из провинции, вчера только приехал из Тулона. Когда-то я был знаком с одной из подруг мадемуазель Лоран по университету. Уже здесь, в Париже, я случайно встретил эту подругу и узнал от нее, что мадемуазель Лоран работает у профессора Керна.

— А как фамилия университетской подруги моей дочери?

— Фамилия? Риш!

— Риш! Риш!.. Не слыхала такой,— заметила Лоран и уже с явным недоверием спросила:— А вы не от Керна?

— Нет, я не от Керна,— с улыбкой ответил Артур.— Но очень хотел бы познакомиться с ним. Дело в том, что он работает в той области, которой я очень интересуюсь. Мне известно, что ряд опытов, и самых интересных, он производит на дому. Но он очень замкнутый человек и никого не желает пускать в свое святое святых.

Старушка Лоран решила, что это похоже на правду: поступив на работу к профессору Керну, дочь говорила, что он живет очень замкнуто и никого не принимает. «Чем же он занимается?» — спросила она у дочери и получила неопределенный ответ: «Всеими научными опытами».

— И вот,— продолжал Доуэль,— я решил познакомиться сначала с мадемуазель Лоран и посоветоваться с нею, как мне вернее достигнуть цели. Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном, познакомить меня с ним и ввести в дом.

Вид молодого человека располагал к доверию, но все, что было связано с именем Керна, возбуждало в душе мадам Лоран такое беспокойство и тревогу, что она не знала, как вести дальше разговор. Она тяжело вздохнула и, сдерживая себя, чтобы не заплакать, сказала:

— Моей дочери нет дома. Она в больнице.

— В больнице? В какой больнице?

Мадам Лоран не стерпела. Она слишком долго оставалась одна со своим горем и теперь, забыв о всякой осторожности, рассказала своему гостю все: как ее дочь неожиданно прислала письмо о том, что работа заставляет ее остаться некоторое время в доме Керна для ухода за тяжелобольными; как она, мать, делала бесплодные попытки повидаться с дочерью в доме Керна; как волновалась; как, наконец, Керн сообщил ей, что ее дочь заболела нервным расстройством и отвезена в больницу для душевнобольных.

— Я ненавижу этого Керна,— говорила старушка, вытирая платком слезы.— Это он довел мою дочь до сумасшествия. Я не знаю, что она видела в доме Керна и чем занималась,— об этом она даже мне не говорила,— но я знаю одно, что как только Мари поступила на эту работу, так и начала нервничать. Я не узнавала ее. Она приходила бледная, взволнованная, она лишилась аппетита и сна. По ночам ее душили кошмары. Она вскакивала и говорила сквозь сон, что голова какого-то профессора Доуэля и Керн преследуют ее... Керн присылает мне по почте заработанную плату дочери, довольно значительную сумму, присылает до сих пор. Но я не прикасаюсь к деньгам. Здоровья не приобретешь ни за какие деньги... Я потеряла дочь...— И старушка залилась слезами.

«Нет, в этом доме не может быть сообщников Керна»,— подумал Артур Доуэль. Он решил больше не скрывать истинной цели своего прихода.

— Сударыня,— сказал он,— я теперь откровенно признаюсь, что имею не меньше оснований ненавидеть Керна. Мне нужна была ваша дочь, чтобы свести с Керном кое-какие счета и... обнаружить его преступления.

Мадам Лоран вскрикнула.

— О, не беспокойтесь, ваша дочь не замешана в этих преступлениях.

— Моя дочь скорее умрет, чем совершит преступление,— гордо ответила Лоран.

— Я хотел воспользоваться услугами мадемуазель Лоран, но теперь вижу, что ей самой необходимо оказать услугу. Я имею основания предполагать, что ваша дочь не сошла с ума, а заключена в сумасшедший дом профессором Керном.

— Но почему? За что?

— Именно потому, что ваша дочь скорее умрет, чем совершит преступление, как изволили вы сказать. Очевидно, она была опасна для Керна.

— Но о каких преступлениях вы говорите?

Артур Доуэль еще недостаточно знал Лоран и опасался ее старушечьей болтливости, а потому решил не раскрывать всего.

— Керн делал незаконные операции. Будьте добры сказать, в какую больницу отправлена Керном ваша дочь?

Взволнованная Лоран едва собрала с силами, чтобы продолжать связно говорить. Прерывая свои слова рыданиями, она ответила:

— Керн долго не хотел мне этого сообщить. К себе в дом он не пускал меня. Приходилось писать ему письма. Он отвечал уклончиво, старался успокоить меня и уверить, что моя дочь поправляется и скоро вернется ко мне. Когда мое терпение истощилось, я написала ему, что напишу на него жалобу, если он сейчас же не ответит, где моя дочь. И тогда он сообщил адрес больницы. Она находится в окрестностях Парижа, в Ско. Больница принадлежит частному врачу Равино. Ох, я ездила туда! Но меня даже не пустили во двор. Это настоящая тюрьма, обнесенная каменной стеной... «У нас такие порядки,— ответил мне привратник,— что родных мы никого не пускаем, хотя бы и родную мать». Я вызвала дежурного врача, но он ответил мне то же. «Сударыня,— сказал он,— посещение родственниками больных всегда волнует и ухудшает их душевное состояние. Могу вам только сообщить, что вашей дочери лучше». И он захлопнул передо мной ворота.

— Я все же постараюсь повидаться с вашей дочерью. Может быть, мне удастся и освободить ее.

Артур тщательно записал адрес и откланялся.

— Я сделаю все, что только будет возможно. Поверьте мне, что я заинтересован в этом так же, как если бы мадемуазель Лоран была моей сестрой.

И, напутствуемый всяческими советами и добрыми пожеланиями, Доуэль вышел из комнаты.

Артур решил немедленно повидаться с Ларе, его друг целые дни проводил с Брике, и Доуэль направил-

ся на авеню дю Мен. Возле домика стоял автомобиль Ларе.

Доуэль быстро поднялся на второй этаж и вошел в гостиную.

— Артур, какое несчастье — встретил его Ларе. Он был чрезвычайно расстроен, метался по комнате и ерошил свои черные курчавые волосы.

— В чем дело, Ларе?

— О!..— простонал его друг.— Она бежала...

— Кто?

— Мадемуазель Брике, конечно!

— Бежала? Но почему? Говорите же, наконец, толком!

Но нелегко было заставить Ларе говорить. Он продолжал метаться, вздыхать, стонать и охать. Прошло не менее десяти минут, пока Ларе заговорил:

— Вчера мадемуазель Брике с утра жаловалась на усиливающиеся боли в ноге. Нога очень опухла и посинела. Я вызвал врача. Он осмотрел ногу и сказал, что положение резко ухудшилось. Началась гангрена. Необходима операция. Врач не брался оперировать на дому и настаивал на том, чтобы больную немедленно перевезли в больницу. Но мадемуазель Брике ни за что не соглашалась. Она боялась, что в больнице обратят внимание на шрамы на ее шее. Она плакала и говорила, что должна вернуться к Керну. Керн предупреждал ее, что ей необходимо остаться у него до полного «выздоровления». Она не послушалась его и теперь жестоко наказана. И она верит Керну как хирургу. «Если он сумел воскресить меня из мертвых и дать новое тело, то может вылечить и мою ногу. Для него это пустяк». Все мои уговоры не приводили ни к чему. Я не хотел отпускать ее к Керну. И я решил применить хитрость. Я сказал, что сам отправлю ее к Керну, предполагая перевезти в больницу. Но мне необходимо было принять меры к тому, чтобы тайна «воскрешения» Брике в самом деле не раскрылась ранее времени,— я не забывал о вас, Артур. И я уехал на час, не более, чтобы сговориться со знакомыми врачами. Я хотел перехитрить Брике, но она перехитрила меня и сиделку. Когда я приехал, ее уже не было. Все, что от нее осталось,— вот эта записка, лежавшая на столике возле ее кровати. Вот, посмотрите.— И Ларе подал Артуру листок бумаги, на ко-

тором карандашом наспех было написано несколько слов:

«Ларе, простите меня, я не могу поступить иначе. Я возвращусь к Керну. Не навещайте меня. Керн поставит меня на ноги, как уже сделал это раз. До скорого свидания,— эта мысль утешает меня».

— Даже подписи нет.

— Обратите внимание,— сказал Ларе,— на почерк. Это почерк Анжелики, хотя несколько измененный. Так могла бы написать Анжелика, если бы она писала в сумерки или у нее болела рука: более крупно, более размашисто.

— Но все-таки как это произошло? Как она могла бежать?

— Увы, она бежала от Керна, чтобы теперь бежать от меня к Керну. Когда я приехал сюда и увидел, что клетка опустела, я едва не убил сиделку. Но она объяснила, что сама была введена в заблуждение. Брике, с трудом поднявшись, подошла к телефону и вызвала меня. Это была хитрость. Меня она не вызывала. Поговорив по телефону, Брике заявила сиделке, что я как будто все устроил и прошу ее немедленно ехать в больницу. И Брике попросила сиделку вызвать автомобиль, затем с ее помощью добралась до автомобиля и укатила, отказавшись от услуг сиделки. «Эта недалеко, а там меня снимут санитары»,— сказала она. И сиделка была в полной уверенности, что все делается по моему распоряжению и с моего ведома. Артур!—вдруг крикнул Ларе, вновь приходя в волнение.— Я еду к Керну немедленно. Я не могу ее оставить там. Я уже вызвал по телефону мой автомобиль. Едем со мною, Артур!

Артур прошелся по комнате. Какое неожиданное осложнение! Положим, Брике уже сообщила все, что знала о доме Керна. Но все же ее советы были бы необходимы в дальнейшем, не говоря о том, что она сама являлась уликой против Керна. И этот обезумевший Ларе. Теперь он плохой помощник.

— Послушайте, мой друг,— сказал Артур, опустив руки на плечи художника.— Сейчас больше чем когда-либо нам необходимо крепко взять себя в руки и воздержаться от опрометчивых поступков. Дело сделано. Брике у Керна. Следует ли нам тревожить прежде времени зверя в его берлоге? Как вы полагаете,

расскажет ли Брике Керну обо всем, что произошло с нею с тех пор, как она бежала от него, о нашем знакомстве с нею и о том, что мы многое узнали о Керне?

— Могу поручиться, что она ничего не скажет, — убежденно ответил Ларе. — Она дала мне слово там, на яхте, и неоднократно повторяла, что сохранит тайну. Теперь она выполнит это не только под влиянием страха, но и... по другим мотивам.

Артуру были понятны эти мотивы. Он уже давно заметил, что Ларе проявлял все большее внимание к Брике.

«Несчастный романтик, — подумал Доуэль, — везет ему на трагическую любовь. На этот раз он теряет не только Анжелику, но и вновь зарождающуюся любовь. Однако еще не все потеряно».

— Будьте терпеливы, Ларе, — сказал он. — Наши цели сходятся. Соединим наши усилия и будем вести осторожную игру. У нас два пути: или нанести Керну немедленный удар, или же постараться сначала окольными путями узнать о судьбе головы моего отца и о Брике. После того как Брике убежала от него, Керн должен держаться настороже. Если он еще не уничтожил голову моего отца, то, вероятно, хорошо скрыл ее. Уничтожить же голову можно в несколько минут. Если только полиция начнет стучаться в его дверь, он уничтожит все следы преступления прежде, чем откроет дверь. И мы ничего не найдем. Не забудьте, Ларе, что Брике тоже «следы преступления». Керн совершал незаконные операции. Мало этого: он незаконно похитил тело Анжелики. А Керн — человек, который не остановится ни перед чем. Ведь осмелился же он тайно от всех оживить голову моего отца. Я знаю, что отец разрешил в завещании анатомировать его тело, но я никогда не слышал, чтобы он соглашался на опыт с оживлением своей головы. Почему Керн скрывает от всех, даже от меня, существование головы? Для чего она нужна ему? И для чего нужна ему Брике? Быть может, он занимается вивисекцией над людьми и Брике для него сыграла роль кролика?

— Тем более ее надо скорее спасти, — горячо возразил Ларе.

— Да, спасти, но не ускорить ее смерть. А наш визит к Керну может ускорить этот роковой конец.

— Но что же делать?

— Идти втроем, более медленным путем. Постараемся, чтобы и этот путь был возможно короче. Мари Лоран нам может дать гораздо более полезные сведения, чем Брике. Лоран знает расположение дома, она ухаживала за головами. Быть может, она говорила с моим отцом... то есть с его головой.

— Так давайте скорее, Лоран.

— Увы, ее тоже необходимо сначала освободить.

— Она у Керна?

— В больнице. Очевидно, в одной из тех больниц, где за хорошие деньги держат взаперти таких же больных людей, как мы с вами. Нам придется немало поработать, Ларе.— И Доуэль рассказал своему другу о своем свидании с матерью Лоран.

— Проклятый Керн! Он сеет вокруг себя несчастье и ужасы. Попадись он мне...

— Постараемся, чтобы он попался. И первый шаг к этому — нам надо повидаться с Лоран.

— Я немедленно еду туда.

— Это было бы неосторожно. Нам лично нужно показываться только в тех случаях, когда ничего другого не остается. Пока будем пользоваться услугами других людей. Мы с вами должны представлять своего рода тайный комитет, который руководит действиями надежных людей, но остается неизвестным врагу. Надо найти верного человека, который отправился бы в Ско, завел знакомство с санитарями, сиделками, поварами, привратниками — с кем окажется возможным. Если удастся подкупить хоть одного, дело будет наполовину сделано.

Ларе не терпелось. Ему самому хотелось немедленно приступить к действиям, но он подчинился более рассудительному Артуру и в конце концов примирился с политикой осторожных действий.

— Но кого же мы пригласим? О, Шауб! Молодой художник, недавно приехавший из Австралии. Мой приятель, прекрасный человек, отличный спортсмен. Для него поручение будет тоже своего рода спортом. Черт возьми,— выбранился Ларе,— почему я сам не могу взяться за это?

— Это так романтично? — с улыбкой спросил Доуэль.

ЛЕЧЕБНИЦА РАВИНО

Шауб, молодой человек двадцати трех лет, розоволицый блондин атлетического сложения, принял предложение «заговорщиков» с восторгом. Его не посвящали пока во все подробности, но сообщили, что он может оказать друзьям огромную услугу. И он весело кивнул головой, не спросив даже Ларе, нет ли во всей этой истории чего-нибудь предосудительного: он верил в честность Ларе и его друга.

— Великолепно! — воскликнул Шауб. — Я еду в Ско немедленно. Этюдный ящик послужит прекрасным оправданием появления нового человека в маленьком городишке. Я буду писать портреты санитаров и сиделок. Если они будут не очень безобразны, я даже немножко поухаживаю за ними.

— Если потребуется, предлагайте руку и сердце, — сказал Ларе с воодушевлением.

— Для этого я недостаточно красив, — скромно заметил молодой человек. — Но свои бицепсы я охотно пушу в дело, если будет необходимо.

Новый союзник отправился в путь.

— Помните же, действуйте с возможной скоростью и предельной осторожностью, — дал ему Доуэль последний совет.

Шауб обещал приехать через три дня. Но уже на другой день вечером он, очень расстроенный, явился к Ларе.

— Невозможно, — сказал он. — Не больница, а тюрьма, обнесенная каменной стеной. И за эту стену не выходит никто из служащих. Все продукты доставляются подрядчиками, которых не пускают даже во двор. К воротам выходит заведующий хозяйством и принимает все, что ему нужно... Я ходил вокруг этой тюрьмы, как волк вокруг овчарни. Но мне не удалось даже одним глазом заглянуть за каменную ограду.

Ларе был разочарован и раздосадован.

— Я надеялся, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — что вы проявите большую изобретательность и находчивость, Шауб.

— Не угодно ли вам самим проявить эту изобретательность, — ответил не менее раздраженно Шауб. —

Я не оставил бы своих попыток так скоро. Но мне случайно удалось познакомиться с одним местным художником, который хорошо знает город и обычаи лечебницы. Он сказал мне, что это совершенно особая лечебница. Много преступлений и тайн хранит она за своими стенами. Наследники помещают туда своих богатых родственников, которые слишком долго зажились и не думают умирать, объявляют их душевнобольными и устанавливают над ними опеку. Опекуны несовершеннолетних отправляют туда же своих опекаемых перед наступлением их совершеннолетия, чтобы продолжать «опекать», свободно распоряжаясь их капиталами. Это тюрьма для богатых людей, пожизненное заключение для несчастных жен, мужей, престарелых родителей и опекаемых. Владелец лечебницы, он же главный врач, получает колоссальные доходы от заинтересованных лиц. Весь штат хорошо оплачивается. Здесь бессилён даже закон, от вторжения которого охраняет уже не каменная стена, а золото. Здесь все держится на подкупе.

— Согласитесь, что при таких условиях я мог просидеть в Ско целый год и ни на один сантиметр не продвинуться в больницу.

— Надо было не сидеть, а действовать,— сухо заметил Ларе.

Шауб демонстративно поднял свою ногу и указал на порванные внизу брюки.

— Действовал, как видите,—с горькой иронией сказал он.— Прошлую ночь попытался перелезть через стену. Для меня это нетрудное дело. Но не успел я спрыгнуть по ту сторону стены, как на меня набросились огромные доги,—и вот результат... Не обладай я обезьяньим проворством и ловкостью, меня разорвали бы на куски. Тотчас по всему огромному саду послышалась переключка сторожей, замелькали зажженные электрические фонари. Но этого мало. Когда я уже перебрался обратно, тюремщики выпустили своих собак за ворота. Животные выдрессированы точно так же, как дрессировали в свое время собак на южноамериканских плантациях для поимки беглых негров... Ларе, вы знаете, сколько призов я взял в состязаниях на быстроту бега. Если бы я всегда бегал так, как улепетывал минувшей ночью, спасаясь от прокля-

тущих псов, я был бы чемпионом мира. Довольно вам сказать, что я без особого труда вскочил на подножку попутного автомобиля, мчавшегося по дороге со скоростью по крайней мере тридцать километров в час, и только это спасло меня!

— Проклятие! Что же теперь делать? — воскликнул Ларе, ероша волосы. — Придется вызвать Артура. — И он устремился к телефону.

Через несколько минут Артур уже пожимал руки своих друзей.

— Этого надо было ожидать, — сказал он, узнав о неудаче. — Керн умеет хоронить свои жертвы в надежных местах. Что же нам делать? — повторил он вопрос Ларе. — Идти напролом, действовать тем же оружием, что и Керн, — подкупить главного врача и...

— Я не пожалею отдать все мое состояние! — воскликнул Ларе.

— Боюсь, что его будет недостаточно. Дело в том, что коммерческое предприятие почтенного доктора Равино зиждется на огромных кушах, которые он получает от своих клиентов, с одной стороны, и на том доверии, которое питают к нему его клиенты, вполне уверенные, что уж если Равино получил хорошую взятку, то ни при каких условиях он не продаст их интересов. Равино не захочет подорвать свое репутацию и тем самым пошатнуть все основы своего предприятия. Вернее, он сделал бы это, если бы мог сразу получить такую сумму, которая равнялась бы всем его будущим доходам лет на двадцать вперед. А на это, боюсь, не хватит средств, если бы мы сложили наши капиталы. Равино имеет дело с миллионерами, не забывайте этого. Гораздо проще и дешевле было бы подкупить кого-нибудь из его служащих помельче. Но все несчастье в том, что Равино следит за своими служащими не меньше, чем за заключенными. Шауб прав. Я сам наводил кое-какие справки о лечебнице Равино. Легче постороннему человеку проникнуть в каторжную тюрьму и устроить побег, чем проделать то же в тюрьме Равино. Он принимает к себе на службу с большим разбором, в большинстве случаев людей, не имеющих родных. Не брезгает он и теми, кто не поладил с законом и желает скрыться от бдительного ока полиции. Он платит хорошо, но берет обязательство, что никто

из служащих не будет выходить за пределы лечебницы во время службы, а время это определяется в десять и двадцать лет, не меньше.

— Но где же он найдет таких людей, которые решились бы на такое почти пожизненное лишение свободы? — спросил Ларе.

— Находит. Многих соблазняет мысль обеспечить себя на старости. Большинство загоняет нужда. Но, конечно, выдерживают не все. У Равино случаются, хотя и очень редко — раз в несколько лет, — побегі служащих. Не так давно один служащий, истосковавшийся по свободной жизни, бежал. В тот же день его труп нашли в окрестностях Ско. Полиция Ско на откупе у Равино. Был составлен протокол о том, что служащий покончил жизнь самоубийством. Равино взял труп и перенес к себе в лечебницу. Об остальном можно догадаться. Равино, вероятно, показал труп своим служащим и произнес соответствующую речь, намекая на то, что такая же судьба ждет всякого нарушителя договора. Вот и все.

Ларе был ошеломлен.

— Откуда у вас такая информация?

Артур Доуэль самодовольно улыбнулся.

— Ну вот, видите, — сказал повеселевший Шауб. — Я же говорил вам, что я не виноват.

— Представляю, как весело живет в этом проклятом месте Лоран. Но что же нам предпринять, Артур? Взорвать стены динамитом? Сделать подкоп?

Артур уселся в кресло и задумался. Друзья молчали, поглядывая на него.

— Эврика! — вдруг вскрикнул Доуэль.

«СУМАСШЕДШИЕ»

Небольшая комната с окном в сад. Серые стены. Серая кровать, застланная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два белых стула.

Лоран сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень похудела и побледнела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые с черной каймой халаты сестер.

— Сумасшедшие...— тихо говорит Лоран, глядя на гуляющих больных.— И я сумасшедшая... Какая нелепость! Вот все, чего я достигла...

Она сжала руки, хрустнув пальцами.

Как это произошло?..

Керн вызвал ее в кабинет и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, мадемуазель Лоран. Вы помните наш первый разговор, когда вы пришли сюда, желая получить работу?

Она кивнула головой.

— Вы обещали молчать обо всем, что увидите и услышите в этом доме, не так ли?

— Да.

— Повторите ж сейчас это обещание и можете идти навестить свою мамашу. Видите, как я доверяю вашему слову.

Керн удачно нашел струну, на которой играл. Лоран была чрезвычайно смущена. Несколько минут она молчала. Лоран привыкла исполнять данное слово, но после того, что она узнала здесь... Керн видел ее колебания и с тревогой следил за исходом ее внутренней борьбы.

— Да, я дала вам обещание молчать,— сказала она наконец тихо.— Но вы обманули меня. Вы многое скрыли от меня. Если бы вы сразу сказали всю правду, я не дала бы вам такого обещания.

— Значит, вы считаете себя свободной от этого обещания?

— Да.

— Благодарю за откровенность. С вами хорошо иметь дело уже потому, что вы по крайней мере не лукавите. Вы имеете гражданское мужество говорить правду.

Керн говорил это не только для того, чтобы польстить Лоран. Несмотря на то что честность Керн считал глупостью, в эту минуту он действительно уважал ее за мужественность характера и моральную стойкость. «Черт возьми, будет досадно, если придется убрать с дороги эту девочку. Но что же поделать с нею?»

— Итак, мадемуазель Лоран, при первой же возможности вы пойдете и донесете на меня? Вам должно быть известно, какие это будет иметь для меня последствия. Меня казнят. Больше того, мое имя будет опозорено.

— Об этом вам нужно было подумать раньше,— ответила Лоран.

— Послушайте, мадемуазель,— продолжал Керн, как бы не расслышав ее слов.— Отрешитесь вы от своей узкой моральной точки зрения. Поймите, если бы не я, профессор Доуэль давно сгнил бы в земле или сгорел в крематории. Стала бы его работа. То, что сейчас делает голова, ведь это, в сущности, посмертное творчество. И это создал я. Согласитесь, что при таком положении я имею некоторые права на «продукцию» головы Доуэля. Больше того, без меня Доуэль — его голова — не смог бы осуществить свои открытия. Вы знаете, что мозг не поддается оперированию и сращиванию. И тем не менее операция «сращения» головы Брике с телом удалась прекрасно. Спинной мозг, проходящий через шейные позвонки, сросся. Над разрешением этой задачи работали голова Доуэля и руки Керна. А эти руки,— Керн протянул руки, глядя на них,— тоже чего-нибудь стоят. Они спасли не одну сотню человеческих жизней и спасут еще много сотен, если только вы не занесете над моей головой меч возмездия. Но и это еще не все. Последние наши работы должны произвести переворот не только в медицине, но и в жизни всего человечества. Отныне медицина может восстановить угасшую жизнь человека. Сколько великих людей можно будет воскресить после их смерти, продлить им жизнь на благо человечества! Я удлиню жизнь гения, верну детям отца, жене — мужа. Впоследствии такие операции будет совершать рядовой хирург. Сумма человеческого горя уменьшится...

— За счет других несчастных.

— Пусть так, но там, где плакали двое, будет плакать один. Там, где было два мертвеца, будет один. Разве это не великие перспективы? И что в сравнении с этим представляют мои личные дела, пусть даже преступления? Какое дело больному до того, что на душе хирурга, спасающего его жизнь, лежит преступление? Вы убьете не только меня, вы убьете тысячи жиз-

ней, которые в будущем я мог бы спасти. Подумали ли вы об этом? Вы совершите преступление в тысячу раз большее, чем совершил я, если только я совершил его. Подумайте же еще раз и скажите мне ваш ответ. Теперь идите. Я не буду торопить вас.

— Я уже дала вам ответ.— И Лоран вышла из кабинета.

Она пришла в комнату головы профессора Доуэля и передала ему содержание разговора с Керном. Голова Доуэля задумалась.

— Не лучше ли было скрыть ваши намерения или по крайней мере дать неопределенный ответ? — наконец прошептала голова.

— Я не умею лгать,— ответила Лоран.

— Это делает вам честь, но... ведь вы обрекли себя. Вы можете погибнуть, и ваша жертва не принесет никому пользы.

— Я... иначе я не могу,— сказала Лоран и, грустно кивнув голове, удалилась...

— Жребий брошен,— повторяла она одну и ту же фразу, сидя у окна своей комнаты.

«Бедная мама,— неожиданно мелькнуло у нее в голове.— Но она поступила бы так же»,— сама себе ответила Лоран. Ей хотелось написать матери письмо и в нем изложить все, что произошло с нею. Последнее письмо. Но не было никакой возможности переслать его. Лоран не сомневалась, что должна погибнуть. Она была готова спокойно встретить смерть. Ее огорчали только заботы о матери и мысли о том, что преступление Керна останется неотомщенным. Однако она верила, что рано или поздно все же возмездие не минует его.

То, чего она ждала, случилось скорее, чем она предполагала.

Лоран погасила свет и улеглась в кровать. Нервы ее были напряжены. Она услышала какой-то шорох за шкафом, стоящим у стены. Этот шорох больше удивил, чем испугал ее. Дверь в ее комнату была заперта на замок. К ней не могли войти так, чтобы она не услышала. «Что же это за шорох? Быть может, мыши?»

Дальнейшее произошло с необычайной быстротой.

Вслед за шорохом послышался скрип. Чьи-то шаги быстро приблизились к кровати. Лоран испуганно при-

поднялась на локтях, но в то же мгновение чьи-то сильные руки придавили ее к подушке и прижали к лицу маску с хлороформом.

«Смерть!..» — мелькнуло в ее мозгу, и, затрепетав всем телом, она инстинктивно рванулась.

— Спокойнее, — услышала она голос Керна, совсем такой же, как во время обычных операций, а затем потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в лечебнице...

Профессор Керн привел в исполнение угрозу о «чрезвычайно тяжелых для нее последствиях», если она не сохранит тайну. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам не получил возмездия. Мари Лоран принесла в жертву себя, но ее жертва была бесплодной. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянию. Даже здесь она чувствовала влияние Керна.

Первые две недели Лоран не разрешали даже выходить в большой тенистый сад, где гуляли «тихие» больные. Тихие — это были те, которые не протестовали против заключения, не доказывали врачам, что они совершенно здоровы, не грозили разоблачениями и не делали попыток к бегству. Во всей лечебнице было не больше десятка процентов действительно душевнобольных, да и тех свели с ума уже в больнице. Для этой цели у Равино была выработана сложная система «психического отравления».

«ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ»

Для доктора Равино Мари Лоран была «трудным случаем в практике». Правда, за время ее работы у Керна нервная система Лоран была сильно истощена, но воля не поколеблена. За это дело и взялся Равино.

Пока он не принимался за «обработку психики» Лоран вплотную, а только издали внимательно изучал ее. Профессор Керн еще не дал доктору Равино определенных директив относительно Лоран: отправить ее преждевременно в могилу или свести с ума. Послед-

него, во всяком случае, в большей или меньшей степени требовала сама система психиатрической «лечебницы» Равино.

Лоран в волнении ожидала того момента, когда ее судьба окончательно будет решена. Смерть или сумасшествие — другого пути здесь для нее, как и для других, не было. И она собирала все душевные силы, чтобы противоборствовать по крайней мере сумасшествию. Она была очень кротка, послушна и даже внешне спокойна. Но этим трудно было обмануть доктора Равино, обладавшего большим опытом и недюжинными способностями психиатра. Эта покорность Лоран возбуждала в нем лишь еще большее беспокойство и подозрительность.

«Трудный случай», — думал он, разговаривая с Лоран во время обычного утреннего обхода.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он.

— Благодарю вас, хорошо, — отвечала Лоран.

— Мы делаем все возможное для наших пациентов, но все же непривычная обстановка и относительное лишение свободы действуют на некоторых больных угнетающе. Чувство одиночества, тоска.

— Я привыкла к одиночеству.

«Ее не так-то легко вызвать на откровенность», — подумал Равино и продолжал:

— У вас, в сущности говоря, все в полном порядке. Нервы немного расшатаны, и только. Профессор Керн говорил мне, что вам приходилось принимать участие в научных опытах, которые должны производить довольно тяжелое впечатление на свежего человека. Вы так юны. Переутомление и небольшая невращенности... И профессор Керн, который очень ценит вас, решил предоставить вам отдых...

— Я очень благодарна профессору Керну.

«Скрытная натура», — злился Равино. — Надо свести ее с другими больными. Тогда она, может быть, больше раскроет себя, и таким образом можно будет скорее изучить ее характер».

— Вы засиделись, — сказал он. — Почему бы вам не пройти в сад? У нас чудесный сад, даже не сад, а настоящий парк в десяток гектаров.

— Мне не разрешили гулять.

— Неужели? — удивленно воскликнул Равино. — Это недосмотр моего ассистента. Вы не из тех боль-

ных, которым прогулки могут принести вред. Пожалуйста, гуляйте. Познакомьтесь с нашими больными, среди них есть интересные люди.

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением.

И когда Равино ушел, Лоран вышла из своей комнаты и направилась по длинному коридору, окрашенному в мрачный серый тон с черной каймой, к выходу. Из-за закрытых дверей комнат доносились безумные завывания, крики, истерический смех, бормотание...

— О... о...о... — слышалось слева.

— У-у-у... Ха-ха-ха-ха, — откликались справа.

«Будто в зверинце», — думала Лоран, стараясь не поддаваться этой гнетущей обстановке. Но она несколько ускорила шаги и поспешила выйти из дома. Перед нею расстиралась ровная дорожка, ведущая в глубь сада, и Лоран пошла по ней.

«Система» доктора Равино чувствовалась даже здесь. На всем лежал мрачный оттенок. Деревья только хвойные, с темной зеленью. Деревянные скамьи без спинок окрашены в темно-серый цвет. Но особенно поразили Лоран цветники. Клумбы были сделаны наподобие могил, а среди цветов преобладали темно-синие, почти черные, анютины глазки, окаймленные по краям, как белой траурной лентой, ромашками. Темные туи дополняли картину.

«Настоящее кладбище. Здесь невольно должны рождаться мысли о смерти. Но меня не проведете, господин Равино, я отгадала ваши секреты, и ваши «эффекты» не застанут меня врасплох», — подбадривала себя Лоран и, быстро миновав «кладбищенский цветник», вошла в сосновую аллею. Высокие стволы, как колонны храма, тянулись вверх, прикрытые темно-зелеными куполами. Вершины сосен шумели ровным, однообразным сухим шумом.

В разных местах парка виднелись серые халаты больных.

«Кто из них сумасшедший и кто нормальный?» Это довольно безошибочно можно было определить, даже недолго наблюдая за ними. Те, кто еще не был безнадежен, с интересом смотрели на «новенькую» — Лоран. Больные же с померкнувшим сознанием были уг-

лублены в себя, отрезаны от внешнего мира, на который смотрели невидящими глазами.

К Лоран приближался высокий сухой старик с длинной седой бородой. Старик высоко поднял свои пушистые брови, увидел Лоран и сказал, как бы продолжая говорить вслух сам с собой:

— Одиннадцать лет я считал, потом счет потерял. Здесь нет календарей, и время стало. И я не знаю, сколько пробродил я по этой аллее. Может быть, двадцать, а может быть, тысячу лет. Перед лицом бога день один — как тысяча лет. Трудно определить время. И вы, вы тоже будете ходить здесь тысячу лет туда, до каменной стены, и тысячу лет обратно. Отсюда нет выхода. Оставьте всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте. Ха-ха-ха! Не ожидали? Вы думаете, я сумасшедший? Я хитер. Здесь только сумасшедшие имеют право жить. Но вы не выйдете отсюда, как и я. Мы с вами... — И, увидев приближающегося санитаря, на обязанности которого было подслушивать разговоры больных, старик, не изменяя тона, продолжал, хитро подмигнув глазом: — Я Наполеон Бонапарт, и мои сто дней еще не наступили. Вы меня поняли? — спросил он, когда санитар прошел дальше.

«Несчастный, — подумала Лоран, — неужели он притворяется сумасшедшим, чтобы избежать смертного приговора? Не я одна, оказывается, принуждена прибегать к спасительной маскировке».

Еще один больной подошел к Лоран, молодой человек с черной козлиной бородкой, и начал лепетать какую-то несусразицу об извлечении квадратного корня из квадратуры круга. Но на этот раз санитар не приближался к Лоран, — очевидно, молодой человек был вне подозрения у администрации. Он подходил к Лоран и говорил все быстрее и настойчивее, брызгая слюной:

— Круг — это бесконечность. Квадратура круга — квадратура бесконечности. Слушайте внимательно. Извлечь квадратный корень из квадратуры круга — значит извлечь квадратный корень из бесконечности. Это будет часть бесконечности, возведенная в энную степень, таким образом можно будет определить и квадратуру... Но вы не слушаете меня, — вдруг разозлился молодой человек и схватил Лоран за руку. Она вырвалась и почти побежала по направлению к корпусу, в

котором жила. Недалеко от двери она встретила доктора Равино. Он сдерживал довольную улыбку.

Едва Лоран вбежала к себе в комнату, как в дверь постучали. Она охотно закрылась бы на ключ, но внутренних запоров у двери не было. Она решила не отвечать. Однако дверь открылась, и на пороге показался доктор Равино.

Его голова по обыкновению была откинута назад, выпуклые глаза, несколько расширенные, круглые и внимательные, смотрели сквозь стекла пенсне, черные усы и эспаньолка шевелились вместе с губами.

— Простите, что вошел без разрешения. Мои врачебные обязанности дают некоторые права...

Доктор Равино нашел, что наступил удобный момент начать «разрушение моральных ценностей» Лоран. В его арсенале имелись самые разнообразные средства воздействия — от подкупающей искренности, вежливости и обаятельной внимательности до грубости и циничной откровенности. Он решил во что бы то ни стало вывести Лоран из равновесия и потому взял вдруг тон бесцеремонный и насмешливый.

— Почему же вы не говорите: «Войдите, пожалуйста, простите, что я не пригласила вас. Я задумалась и не слыхала вашего стука...» — или что-нибудь в этом роде?

— Нет, я слыхала ваш стук, но не отвечала потому, что мне хотелось остаться одной.

— Правдиво, как всегда! — иронически сказал он.

— Правдивость — плохой объект для иронии, — с некоторым раздражением заметила Лоран.

«Клюет», — весело подумал Равино. Он бесцеремонно уселся против Лоран и уставил на нее свои рачьи немигающие глаза. Лоран старалась выдерживать этот взгляд, в конце концов ей стало неприятно, она опустила веки, слегка покраснев от досады на себя.

— Вы полагаете, — произнес Равино тем же ироническим тоном, — что правдивость — плохой объект для иронии. А я думаю, что самый подходящий. Если бы вы были такой правдивой, вы бы выгнали меня вон, потому что вы ненавидите меня, а между тем старае-

тесь сохранить любезную улыбку гостеприимной хозяйки.

— Это... только вежливость, привитая воспитанием,— сухо ответила Лоран.

— А если бы не вежливость, то выгнали бы? — И Равино вдруг засмеялся неожиданно высоким, лающим смехом.— Отлично! Очень хорошо! Вежливость не в ладу с правдивостью. Из вежливости, стало быть, можно поступаться правдивостью. Это раз.— И он загнул один палец.— Сегодня я спросил вас, как вы себя чувствуете, и получил ответ «прекрасно», хотя по вашим глазам видел, что вам впору удавиться. Следовательно, вы и тогда солгали. Из вежливости?

Лоран не знала, что сказать. Она должна была или еще раз солгать, или же сознаться в том, что решила скрывать свои чувства. И она молчала.

— Я помогу вам, мадемуазель Лоран,— продолжал Равино.— Это была, если так можно выразиться, маскировка самосохранения. Да или нет?

— Да,— вызывающе ответила Лоран.

— Итак, вы лжете во имя приличия — раз, вы лжете во имя самосохранения — два. Если продолжать этот разговор, боюсь, что у меня не хватит пальцев. Вы лжете еще из жалости. Разве вы не писали успокоительные письма матери?

Лоран была поражена. Неужели Равино известно все? Да, ему действительно было все известно. Это также входило в его систему. Он требовал от своих клиентов, поставляющих ему мнимых больных, полных сведений как о причинах их помещения в его больницу, так и обо всем, что касалось самих пациентов. Клиенты знали, что это необходимо в их же интересах, и не скрывали от Равино самых ужасных тайн.

— Вы лгали профессору Керну во имя поруганной справедливости и желая наказать порок. Вы лгали во имя правды. Горький парадокс! И если подсчитать, то окажется, что ваша правда все время питалась ложью.

Равино метко бил в цель. Лоран была подавлена. Ей самой как-то не приходило в голову, что ложь играла такую огромную роль в ее жизни.

— Вот и подумайте, моя праведница, на досуге о том, сколько вы нагрешили. И чего вы добились своей правдой? Я скажу вам: вы добились вот этого самого пожизненного заключения. И никакие силы не выведут вас отсюда — ни земные, ни небесные. А ложь? Если уважаемого профессора Керна считать исчадием ада и отцом лжи, то он ведь продолжает прекрасно существовать.

Равино, не спускающий глаз с Лоран, внезапно замолчал. «На первый раз довольно, заряд дан хороший», — с удовлетворением подумал он и, не прощаясь, вышел.

Лоран даже не заметила его ухода. Она сидела, закрыв лицо руками.

С этого вечера Равино каждый вечер являлся к ней, чтобы продолжать свои иезуитские беседы. Расширять моральные устои, а вместе с тем и психику Лоран сделалось для Равино вопросом профессионального самолюбия.

Лоран страдала искренне и глубоко. На четвертый день она не выдержала, поднявшись с пылающим лицом, крикнула:

— Уходите отсюда! Вы не человек, вы демон!

Эта сцена доставила Равино истинное удовольствие.

— Вы делаете успехи, — ухмыльнулся он, не двигаясь с места. — Вы становитесь правдивее, чем раньше.

— Уйдите! — задыхаясь, проговорила Лоран.

«Великолепно, скоро драться будет», — подумал доктор и вышел, весело насвистывая.

Лоран, правда, еще не дралась и, вероятно, способна была бы драться только при полном помрачении сознания, но ее психическое здоровье подвергалось огромной опасности. Оставаясь наедине с собой, она с ужасом сознавала, что надолго ее не хватит.

А Равино не упускал ничего, что могло бы ускорить развязку. По вечерам Лоран начали преследовать звуки жалобной песни, исполняемой на неизвестном ей инструменте. Как будто где-то рыдала виолончель, иногда звуки поднимались до верхних регистров скрипки, потом вдруг, без перерыва, изменялась не только высота, но и тембр, и звучал уже как бы человеческий голос, чистый, прекрасный, но бесконечно печальный. Ноющая

мелодия совершала своеобразный круг, повторялась без конца.

Когда Лоран услышала эту музыку впервые, мелодия даже понравилась ей. Причем музыка была так нежна и тиха, что Лоран начала сомневаться, действительно ли где-то играет музыка, или же у нее развивается слуховая галлюцинация. Минуты шли за минутами, а музыка продолжала вращаться в своем заколдованном круге. Виолончель сменялась скрипкой, скрипка — рыдающим человеческим голосом... Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе. Через час Лоран была убеждена, что этой музыки не существует в действительности, что она звучит только в ее голове. От унылой мелодии некуда было деваться. Лоран закрыла уши, но ей казалось, что она продолжает слушать музыку — виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

— От этого с ума сойти можно, — шептала Лоран. Она начала напевать сама, старалась говорить с собой вслух, чтобы заглушить музыку, но ничего не помогало. Даже во сне эта музыка преследовала ее.

«Люди не могут играть и петь беспрерывно. Это, вероятно, механическая музыка... Наваждение какое-то», — думала она, лежа без сна с открытыми глазами и слушая бесконечный круг: виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

Она не могла дожидаться утра и спешила убежать в парк, но мелодия уже превратилась в навязчивую идею. Лоран действительно начинала слышать незвучавшую музыку. И только крики, стоны и смех гуляющих в парке умалишенных несколько заглушали ее.

НОВЕНЬКИЙ

Постепенно Мари Лоран дошла до такого расстройства нервов, что впервые в своей жизни стала помышлять о самоубийстве. На одной из прогулок она начала обдумывать способ покончить с собой и так углубилась в эти мысли, что не заметила сумас-

шедшего, который подошел близко к ней и, преграждая дорогу, сказал:

— Те хороши, которые не знают о неведомом. Все это, конечно, сентиментальность.

Лоран вздрогнула от неожиданности и посмотрела на больного. Он был одет, как все, в серый халат. Шатен, высокого роста, с красивым, породистым лицом, он сразу привлек ее внимание.

«По-видимому, новенький,— подумала она.— Брился в последний раз не более пяти дней тому назад. Но почему его лицо напоминает мне кого-то?..»

И вдруг молодой человек быстро прошептал:

— Я знаю вас, вы мадемуазель Лоран. Я видел ваш портрет у вашей матери.

— Откуда вы знаете меня? Кто вы? — спросила удивленно Лоран.

— В мире — очень мало. Я брат моего брата. А брат мой — я? — громко крикнул молодой человек.

Мимо прошел санитар, незаметно, но внимательно поглядывая на него.

Когда санитар прошел, молодой человек быстро прошептал:

— Я Артур Доуэль, сын профессора Доуэля. Я не безумный и представился безумным только для того, чтобы...

Санитар опять приблизился к ним.

Артур вдруг отбежал от Лоран с криком:

— Вот мой покойный брат! Ты — я, я — ты. Ты вошел в меня после смерти. Мы были двойниками, но умер ты, а не я.

И Доуэль погнался за каким-то меланхоликом, испуганным этим неожиданным нападением. Санитар кинулся вслед за ними, желая защитить маленького хилого меланхолика от буйного больного. Когда они добежали до конца парка, Доуэль, оставив жертву, повернул обратно к Лоран. Он бежал быстрее санитара. Минувя Лоран, Доуэль замедлил бег и закончил фразу:

— Я явился сюда, чтобы спасти вас. Будьте готовы сегодня ночью к побегу.— И, отскочив в сторону, заплясал вокруг какой-то ненормальной старушки, которая не обращала на него ни малейшего внимания.

Потом он сел на скамью, опустил голову и задумался.

Он так хорошо разыграл свою роль, что Лоран недоумевала, действительно ли Доуэль только симулирует сумасшествие. Но надежда уже закралась в ее душу. Что молодой человек был сыном профессора Доуэля, она не сомневалась. Сходство с его отцом бросалось теперь в глаза, хотя серый больничный халат и небритое лицо значительно «обезличивали» Доуэля. И потом он узнал ее по портрету. Очевидно, он был у ее матери. Все это было похоже на правду. Так или иначе Лоран решила в эту ночь не раздеваться и ожидать своего неожиданного спасителя.

Надежда на спасение окрылила ее, придавала ей новые силы. Она вдруг как будто проснулась после страшного кошмара. Даже назойливая песня стала звучать тише, уходить вдаль, растворяться в воздухе. Лоран глубоко вдохнула, как человек, выпущенный на свежий воздух из мрачного подземелья. Жажда жизни вдруг вспыхнула в ней с небывалой силой. Она хотела смеяться от радости. Но теперь, более чем когда-либо, ей необходимо было соблюдать осторожность.

Когда гонг прозвонил к завтраку, она постаралась сделать унылое лицо — обычное выражение в последнее время — и направилась к дому.

Возле входной двери, как всегда, стоял доктор Равино. Он следил за больными, как тюремщик за арестантами, возвращающимися с прогулки в свои камеры. От его взгляда не ускользала ни одна мелочь: ни камень, припрятанный под халатом, ни разорванный халат, ни царапины на руках и лице больных. Но с особой внимательностью он следил за выражением их лиц.

Лоран, проходя мимо него, старалась не смотреть на него и опустила глаза. Она хотела скорее проскользнуть, но он на минуту задержал ее и еще внимательнее посмотрел в лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как всегда, — отвечала она.

— Это какая по счету ложь и во имя чего? — иронически спросил он и, пропустив ее, прибавил вслед: — Мы еще поговорим с вами вечером.

«Я ждал меланхолии. Неужели она впадает в состояние экстаза? Очевидно, я что-то просмотрел в ходе ее мыслей и настроений. Надо будет доискаться...» — подумал он.

И вечером он пришел доискиваться. Лоран очень боялась этого свидания. Если она выдержит, оно может быть последним. Если не выдержит, она погибла. Теперь она в душе называла доктора Равино «великий инквизитор». И действительно, живи он несколько столетий тому назад, он мог бы с честью носить это звание. Она боялась его софизмов, его допроса с пристрастием, неожиданных вопросов-ловушек, поразительного знания психологии, его дьявольского анализа. Он был поистине «великий логик», современный Мефистофель, который может разрушить все моральные ценности и убить сомнениями самые непреложные истины.

И, чтобы не выдать себя, чтобы не погибнуть, она решила, собрав всю силу воли, молчать, молчать, что бы он ни говорил. Это был тоже опасный шаг. Это было объявление открытой войны, последний бунт самосохранения, который должен был вызвать усиление атаки. Но выбора не было.

И когда Равино пришел, уставился по обыкновению своими круглыми глазами на нее и спросил: «Итак, во имя чего вы солгали?» — Лоран не произнесла ни звука. Губы ее были плотно сжаты, а глаза опущены.

Равино начал свой инквизиторский допрос. Лоран то бледнела, то краснела, но продолжала молчать. Равино, — что с ним случалось очень редко, — начал терпение и злиться.

— Молчание — золото, — сказал он насмешливо. — Растеряв все свои ценности, вы хотите сохранить хоть эту добродетель безгласных животных и круглых идиотов, но вам это не удастся. За молчанием следует взрыв. Вы лопнете от злости, если не откроете предохранительного клапана обличительного красноречия. И какой смысл молчать? Как будто я не могу читать ваши мысли? «Ты хочешь свести меня с ума, — думаете вы сейчас, — но это тебе не удастся». Будем говорить откровенно. Нет, удастся, милая барышня. Испортить человеческую душонку для меня не труднее, чем повредить механизм карманных часов. Все винтики этой

несложной машины я знаю наперечет. Чем больше вы будете сопротивляться, тем безнадежнее и глубже будет ваше падение во мрак безумия.

«Две тысячи четыреста шестьдесят один, две тысячи четыреста шестьдесят два...» — продолжала Лоран считать, чтобы не слышать того, что говорит ей Равино.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта пытка, если бы в дверь тихо не постучалась сиделка.

— Войдите, — недовольно сказал Равино.

— В седьмой палате больная, кажется, кончается, — сказала сиделка.

Равино неохотно поднялся.

— Кончается, тем лучше, — тихо проворчал он. — Завтра мы dokonчим наш интересный разговор, — сказал он и, приподняв голову Лоран за подбородок, насмешливо фыркнул и ушел.

Лоран тяжело вздохнула и почти без сил склонилась над столом.

А за стеной уже играла рыдающая музыка безнадежной тоски. И власть этой колдовской музыки была так велика, что Лоран невольно поддавалась этому настроению. Ей уже казалось, что встреча с Артуром Доуэлем — только бред ее больного воображения, что всякая борьба бесполезна. Смерть, только смерть избавит ее от мук. Она огляделась вокруг... Но самоубийства больных не входили в систему доктора Равино. Здесь не на чем было даже повеситься. Лоран вздрогнула. Неожиданно ей представилось лицо матери.

«Нет, нет, я не сделаю этого, ради нее не сделаю... хотя бы эту последнюю ночь... Я буду ждать Доуэля. Если он не придет...» — Она не додумала мысли, но чувствовала всем существом то, что случится с нею, если он не выполнит данного ей обещания.

ПОБЕГ

Это была самая томительная ночь из всех проведенных Лоран в больнице доктора Равино. Минуты тянулись бесконечно и нудно, как доносившаяся в комнату знакомая музыка.

Лоран нервно прохаживалась от окна к двери. Из коридора слышались крадущиеся шаги. У нее заби-лось сердце. Забилося и замерло,— она узнала шаги дежурной сиделки, которая подходила к двери, чтобы заглянуть в волчок. Двухсотсвечовая лампа не гасла в комнате всю ночь. «Это помогает бессоннице»,— решил доктор Равино. Лоран поспешно, не раздеваясь, легла в кровать, прикрылась одеялом и притворилась спящей. И с ней случилось необычное: она, не спавшая в продолжение многих ночей, сразу уснула, утомленная до последней степени всем пережитым. Она спала всего несколько минут, но ей показалось, что прошла целая ночь. Испуганно вскочив, она подбежала к двери и вдруг столкнулась с входящим Артуром Доуэлем. Он не обманул. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Скорей,— шептал он.— Сиделка в западном коридоре. Идем.

Он схватил ее за руку и осторожно повел за собой. Их шаги заглушались стонами и криками больных, страдающих бессонницей. Бесконечный коридор кончился. Вот, наконец, и выход из дома.

— В парке дежурят сторожа, но мы прокрадемся мимо них...— быстро шептал Доуэль, увлекая Лоран в глубину парка.

— Но собаки...

— Я все время кормил их остатками от обеда, и они знают меня. Я здесь уже несколько дней, но избегал вас, чтобы не навлечь подозрения.

Парк тонул во мраке. Но у каменной стены на некотором расстоянии друг от друга, как вокруг тюрьмы, были расставлены горящие фонари.

— Вот там есть заросли... Туда...

Внезапно Доуэль лег на траву и дернул за руку Лоран. Она последовала его примеру. Один из сторожей близко прошел мимо беглецов. Когда сторож удалился, они начали пробираться к стене.

Где-то заворчала собака, подбежала к ним и завиляла хвостом, увидев Доуэля. Он бросил ей кусок хлеба.

— Вот видите,— прошептал Артур,— самое главное сделано. Теперь нам осталось перебраться через стену. Я помогу вам.

— А вы? — спросила с тревогой Лоран.

— Не беспокойтесь, я за вами,— ответил Доуэль.

— Но что же я буду делать за стеной?

— Там нас ждут мои друзья. Все подготовлено. Ну, прошу вас, немного гимнастики.

Доуэль прислонился к стене и одной рукой помог Лоран взобраться на гребень.

Но в этот момент один из сторожей увидел ее и поднял тревогу. Внезапно весь сад осветился фонарями. Сторожа, сзывая друг друга и собак, приближались к беглецам.

— Прыгайте! — приказал Доуэль.

— А вы? — испуганно воскликнула Лоран.

— Да прыгайте же! — уже закричал он, и Лоран прыгнула. Чьи-то руки подхватили ее.

Артур Доуэль подпрыгнул, уцепился руками за верх стены и начал подтягиваться. Но два санитар схватили его за ноги. Доуэль был так силен, что почти приподнял их на мускулах рук. Однако руки скользнули, и он упал вниз, подмяв под себя санитаров.

За стеной слышался шум заведенного автомобильного мотора. Друзья, очевидно, ожидали Доуэля.

— Уезжайте скорее. Полный ход! — крикнул он, боясь с санитарями.

Автомобиль ответно прогудел, и слышно было, как он умчался.

— Пустите меня, я сам пойду,— сказал Доуэль, перестав сопротивляться.

Однако санитары не отпустили его. Крепко сжав ему руки, они вели его к дому. У дверей стоял доктор Равино в халате, попыхивая папироской.

— В изоляционную камеру. Смирительную рубашку! — сказал он санитарам.

Доуэля привели в небольшую комнату без окон, все стены и пол которой были обиты матрацами. Сюда помещали во время припадков буйных больных. Санитары бросили Доуэля на пол. Вслед за ними в камеру вошел Равино. Он уже не курил. С руками, заложенными в карманы халата, он наклонился над Доуэлем и начал рассматривать его в упор своими круглыми глазами. Доуэль выдержал этот взгляд.

Потом Равино кивнул головой санитарам, и они вышли.

— Вы неплохой симулянт,— обратился Равино к Доуэлю,— но меня трудно обмануть. Я разгадал вас в первый же день вашего появления здесь и следил за вами, но, признаюсь, не угадал ваших намерений. Вы и Лоран дорого поплатитесь за эту проделку.

— Не дороже, чем вы,— ответил Доуэль.

Равино зашевелил своими таракальными усами:

— Угроза?

— На угрозу,— лаконически бросил Доуэль.

— Со мною трудно бороться,— сказал Равино.— Я ломал не таких молокососов, как вы. Жаловаться властям? Не поможет, мой друг. Притом вы можете исчезнуть прежде, чем нагрянут власти. От вас не останется следа. Кстати, как ваша настоящая фамилия? Дюбарри — ведь это выдумка.

— Артур Доуэль, сын профессора Доуэля.

Равино был явно удивлен.

— Очень приятно познакомиться,— сказал он, желая скрыть за насмешкой свое смущение.— Я имел честь быть знакомым с вашим почтенным папашей.

— Благодарите бога, что у меня связаны руки,— отвечал Доуэль,— иначе вам плохо пришлось бы. И не смейте упоминать о моем отце... негодяй!

— Очень благодарю бога за то, что вы крепко связаны и надолго, мой дорогой гость!

Равино круто повернулся и вышел. Звонко щелкнул замок. Доуэль остался один.

Он не очень беспокоился о себе. Друзья не оставят его и вырвут из этой темницы. Но все же он сознавал опасность своего положения. Равино должен был прекрасно понимать, что от исхода борьбы между ним и Доуэлем может зависеть судьба всего его предприятия. Недаром Равино оборвал разговор и неожиданно ушел из камеры. Хороший психолог, он сразу разгадал, с кем имеет дело, и даже не пытался применять свои инквизиторские таланты. С Артуром Доуэлем приходилось бороться не психологией, не словами, а только решительными действиями.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Артур ослабил узлы, связывавшие его. Это ему удалось, потому что, когда его связывали смиренной рубашкой, он умышленно напряг свои мышцы. Медленно начал он освобождаться из своих пеленок. Но за ним следили. И едва он сделал попытку вынуть руку, замок шелкнул, дверь открылась, вошли два санитар и перевязали его заново, на этот раз наложив поверх смиренной рубашки еще несколько ремней. Санитары грубо обращались с ним и угрожали побить, если он возобновит попытки освободиться. Доуэль не отвечал. Туго перевязав его, санитары ушли.

Так как в камере окон не было и освещалась она электрической лампочкой на потолке, Доуэль не знал, наступило ли утро. Часы тянулись медленно. Равино пока ничего не предпринимал и не являлся. Доуэлю хотелось пить. Скоро он почувствовал приступы голода. Но никто не входил в его камеру и не приносил еды и питья.

«Неужели он хочет уморить меня голодом?» — подумал Доуэль. Голод мучил его все больше, но он не просил есть. Если Равино решил уморить его голодом, то незачем унижать себя просьбой.

Доуэль не знал, что Равино испытывает силу его характера. И, к неудовольствию Равино, Доуэль выдержал этот экзамен.

Несмотря на голод и жажду, Доуэль, долгое время проведенный без сна, незаметно для себя уснул. Он спал безмятежно и крепко, не подозревая, что этим самым доставит Равино новую неприятность. Ни яркий свет лампы, ни музыкальные эксперименты Равино не производили на Доуэля никакого впечатления. Тогда Равино прибегнул к более сильным средствам воздействия, которые он применял к крепким натурам. В соседней комнате санитары начали бить деревянными молотами по железным листам и трещать на особых трещотках. При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал, как младенец. Этот необычайный случай поразил даже Равино.

«Поразительно,— удивлялся Равино,— и ведь этот человек знает, что жизнь его висит на волоске. Его не разбудят и трубы архангелов».

— Довольно! — крикнул он санитарам, и адская музыка прекратилась.

Равино не знал, что невероятный грохот пробудил Доуэля. Но, как человек большой воли, он овладел собой при первых проблесках сознания и ни одним вздохом, ни одним движением не обнаружил, что он уже не спит.

«Доуэля можно уничтожить только физически» — таков был приговор Равино.

А Доуэль, когда грохот прекратился, вновь уснул по-настоящему и проспал до вечера. Проснулся он свежим и бодрым. Голод уже меньше мучил его. Он лежал с открытыми глазами и, улыбаясь, смотрел на волчок двери. Там виднелся чей-то круглый глаз, внимательно наблюдавший за ним.

Артур, чтобы подразнить своего врага, начал напевать веселую песенку. Это было слишком даже для Равино. Первый раз в жизни он почувствовал, что не в состоянии овладеть чужой волей. Связанный, беспомощно лежащий на полу человек издевался над ним. За дверью раздалось какое-то шипение. Глаз исчез.

Доуэль продолжал петь все громче, но вдруг поперхнулся. Что-то раздражало его горло. Доуэль потянул носом и почувствовал запах. В горле и носоглотке щекотало, скоро присоединилась к этому режущая боль в глазах. Запах усиливался.

Доуэль похолодел. Он понял, что настал его смертный час. Равино отравил его хлором. Доуэль знал, что он не в силах вырваться из туго связывавших его ремней и смиренной рубашки. Но в этот раз инстинкт самосохранения был сильнее доводов разума. Доуэль начал делать невероятные попытки освободиться. Он извивался всем телом, как червяк, выгибался, скручивался, катался от стены к стене. Но он не кричал, не молил о помощи, он молчал, крепко стиснув зубы. Омраченное сознание уже не управляло телом, и оно защищалось инстинктивно.

Затем свет погас, и Доуэль словно куда-то провалился...

Очнулся он от свежего ветра, который трепал его волосы. Необычайным усилием воли он постарался раскрыть глаза: на мгновение перед ним мелькнуло чье-то знакомое лицо, как будто Ларе, но в полицейском костюме. До слуха дошел шум автомобильного мотора. Голова трещала от боли. «Бред, но я, значит, еще жив», — подумал Доуэль. Веки его опять сомкнулись, но тотчас открылись вновь. В глаза больно ударил дневной свет. Артур прищурился и вдруг услышал женский голос:

— Как вы себя чувствуете?

По воспаленным векам Доуэля провели влажным куском ваты. Окончательно открыв глаза, Артур увидел склонившуюся над ним Лоран. Он улыбнулся ей и, осмотревшись, увидел, что лежит в той самой спальне, в которой некогда лежала Брике.

— Значит, я не умер? — тихо спросил Доуэль.

— К счастью, не умерли, но вы были на волоске от смерти, — сказала Лоран.

В соседней комнате послышались быстрые шаги, и Артур увидел Ларе. Он размахивал руками и кричал:

— Слышу разговор! Значит, ожил. Здравствуйте, мой друг! Как себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил Доуэль и, почувствовав боль в груди, сказал: — Голова болит... и грудь...

— Много не говорите, — предупредил его Ларе, — вам вредно. Этот висельник Равино едва не отравил вас газом, как крысу в трюме корабля. Но, Доуэль, как мы великолепно провели его!

И Ларе начал смеяться так, что Лоран посмотрела на него с укоризной, опасаясь, как бы его слишком шумная радость не потревожила больного.

— Не буду, не буду, — ответил он, поймав ее взгляд. — Я сейчас расскажу вам все по порядку. Похитив мадемуазель Лоран и немного подождав, мы поняли, что вам не удалось последовать за нею...

— Вы... слышали мой крик? — спросил Артур.

— Слышали. Молчите! И поспешили укатить, прежде чем Равино выйдет погоню. Возня с вами задержала его свору, и этим вы очень помогли нам скрыться незамеченными. Мы прекрасно знали, что вам там не поздоровится. Игра в открытую. Мы, то есть я и Шауб,

хотели возможно скорее прийти к вам на помощь. Однако необходимо было сначала устроить мадемуазель Лоран, а уж затем придумать и привести в исполнение план вашего спасения. Ведь вагге пленение было непредвиденным... Теперь и нам надо было во что бы то ни стало проникнуть за каменную ограду, а это, вы сами знаете, не легкое дело. Тогда мы решили поступить так: я и Шауб достали себе полицейские костюмы, подъехали на автомобиле и заявили, что мы явились для санитарного осмотра. Шауб изобразил даже мандат со всеми печатями. На наше счастье, у ворот стоял не постоянный привратник, а простой санитар, который, очевидно, не был знаком с инструкцией Равино, требовавшей при впуске кого бы то ни было предварительно созвониться с ним по телефону. Мы держали себя на высоте положения и...

— Значит, это был не бред...— перебил Артур.— Я вспоминаю, что видел вас в форме полицейского и слышал шум автомобиля.

— Да, да, на автомобиле вас обдул свежий ветер, и вы пришли в себя, но потом впали в беспамятство. Так слушайте дальше. Санитар открыл нам ворота, мы вошли. Остальное сделать было нетрудно, хотя и не так легко, как мы предполагали. Я потребовал, чтобы нас провели в кабинет Равино. Но второй санитар, к которому мы обратились, был, очевидно, опытный человек. Он подозрительно оглядел нас, сказал, что доложит, и вошел в дом. Через несколько минут к нам вышел какой-то горбоносый человек в белом халате, с черепаховыми очками на носу...

— Ассистент Равино, доктор Буш.

Ларе кивнул головою и продолжал:

— Он объявил нам, что доктор Равино занят и что мы можем переговорить с ним, Бушем. Я настаивал на том, что нам необходимо видеть самого Равино. Буш повторял, что сейчас это невозможно, так как Равино находится у тяжелобольного. Тогда Шауб, не долго думая, взял Буша за руку вот так,— Ларе правой рукой взял за запястье своей левой руки,— и повернул вот этак. Буш вскрикнул от боли, а мы прошли мимо него и вошли в дом. Черт возьми, мы не знали, где находится Равино, и были в большом затруднении. По счастью, он сам в это время шел по коридору. Я узнал его, так как виделся с ним, когда привозил вас в ка-

честве моего душевнобольного друга. «Что вам угодно?» — резко спросил Равино. Мы поняли, что нам нечего больше разыгрывать комедию, и, приблизившись к Равино, быстро вынули револьверы и направили их ему в лоб. Но в это время носатый Буш, — кто бы мог ожидать от этой развалины такой прыти! — ударил по руке Шауба, причем так сильно и неожиданно, что выбил револьвер, а Равино схватил меня за руку. Тут началась потеха, о которой, пожалуй, трудно и рассказать связно. На помощь к Равино и Бушу уже бежали со всех сторон санитары. Их было много, и они, конечно, быстро справились бы с нами. Но, на наше счастье, многих смутила полицейская форма. Они знали о тяжелом наказании за сопротивление полиции, а тем более, если оно сопряжено с насильственными действиями над представителями власти. Как Равино ни кричал, что наши полицейские костюмы — маскарад, большинство санитаров предпочитало роль наблюдателей, и только немногие осмелились положить руки на священный и неприкосновенный полицейский мундир. Вторым нашим козырем было огнестрельное оружие, которого не было у санитаров. Ну и, пожалуй, не меньшим козырем была наша сила, ловкость и отчаянность. Это и уравнило силы. Один санитар надел на Шауба, наклонившегося, чтобы поднять упавший револьвер. Шауб оказался большим мастером по части всяческих приемов борьбы. Он стряхнул с себя врага и, нанося ловкие удары, отбросил ногою револьвер, за которым уже протянулась чья-то рука. Надо отдать ему справедливость, он боролся с чрезвычайным хладнокровием и самообладанием. На моих плечах тоже повисли два санитары. И неизвестно, чем окончилось бы это сражение, если б не Шауб. Он оказался молодцом. Ему удалось-таки поднять револьвер, и, не долго думая, он пустил его в ход. Несколько выстрелов сразу охладили пыл санитаров. После того как один из них заорал, хватаясь за свое окровавленное плечо, остальные мигом ретировались. Но Равино не сдавался. Несмотря на то что мы приставили к обоим его вискам револьверы, он крикнул: «У меня тоже найдется оружие. Я прикажу своим людям стрелять в вас, если вы сейчас не уйдете отсюда!» Тогда Шауб, не говоря лишнего слова, стал выворачивать Равино руку. Этот прием вызывает такую чертовскую боль,

что даже здоровенные бандиты ревут, как бегемоты, и становятся кроткими и послушными. У Равино кости хрустели, на глазах появились слезы, но он все еще не сдавался. «Что же вы смотрите? — кричал он стоявшим в отдалении санитарам. — К оружию!» Несколько санитаров побежали, вероятно, за оружием, другие снова подступили к нам. Я отвел на мгновение револьвер от головы Равино и сделал пару выстрелов. Слуги опять окаменели, кроме одного, который упал на пол с глухим стоном...

Ларе передохнул и продолжал:

— Да, горячее было дело. Нестерпимая боль все более обессиливала Равино, а Шауб продолжал выкручивать его руку. Наконец Равино, корчась от боли, прохрипел: «Чего вы хотите?» — «Немедленной выдачи Артура Доуэля», — сказал я. «Разумеется, — скрипнув зубами, ответил Равино, — я узнал ваше лицо. Да отпустите же руку, черт возьми! Я проведу вас к нему...» Шауб отпустил руку ровно настолько, чтобы привести его в себя: он уже терял сознание. Равино провел нас к камере, в которой вы были заключены, и указал глазами на ключ. Я отпер двери и вошел в камеру в сопровождении Равино и Шауба. Глазам нашим представилось невеселое зрелище: спеленатый, как младенец, вы корчились в последних судорогах, подобно полураздавленному червю. В камере стоял удушливый запах хлора. Шауб, чтобы не возиться больше с Равино, нанес ему легонький удар снизу в челюсть, от которого доктор покатился на пол, как куль. Мы сами, задыхаясь, вытащили вас из камеры и захлопнули дверь.

— А Равино? Он...

— Если задохнется, то беда не велика, решили мы. Но его, вероятно, освободили и привели в чувство после нашего ухода... Выбрались мы из этого осинового гнезда довольно благополучно, если не считать, что нам пришлось расстрелять оставшиеся патроны в собак... И вот вы здесь.

— Долго я пролежал без сознания?

— Десять часов. Врач только недавно ушел, когда ваш пульс и дыхание восстановились и он убедился, что вы вне опасности. Да, дорогой мой, — потирая руки, продолжал Ларе, — предстоят громкие процессы.

Равино сядет на скамью подсудимых вместе с профессором Керном. Я этого дела не оставлю.

— Но прежде надо найти — живую или мертвую — голову моего отца, — тихо произнес Артур.

ОПЯТЬ БЕЗ ТЕЛА

Профессор Керн был так обрадован неожиданным возвращением Брике, что даже забыл побранить ее. Впрочем, было и не до того. Джону пришлось внести Брике на руках, причем она стонала от боли.

— Доктор, простите меня, — сказала она, увидав Керна. — Я не послушалась вас...

— И сами себя наказали, — ответил Керн, помогая Джону укладывать беглянку на кровать.

— Боже, я не сняла даже пальто.

— Позвольте, я помогу вам сделать это.

Керн начал осторожно снимать с Брике пальто, в то же время наблюдая за ней опытным глазом. Лицо ее необычайно помолодело и посвежело. От морщинок не осталось следа. «Работа желез внутренней секреции, — подумал он. — Молодое тело Анжелики Гай омолодило голову Брике».

Профессор Керн уже давно знал, чье тело похитил он в морге. Он внимательно следил за газетами и иронически посмеивался, читая о поисках «безвестно пропавшей» Анжелики Гай.

— Осторожнее... Нога болит, — поморщилась Брике, когда Керн повернул ее на другой бок.

— Допрыгались! Ведь я предупреждал вас.

Вошла сиделка, пожилая женщина с туповатым выражением лица.

— Разденьте ее, — кивнул Керн на Брике.

— А где же мадемуазель Лоран? — удивилась Брике.

— Ее здесь нет. Она больна.

Керн отвернулся, побарабанил пальцами по спинке кровати и вышел из комнаты.

— Вы давно служите у профессора Керна? — спросила Брике новую сиделку.

Та промывчала что-то непонятное, показывая на свой рот.

«Немая, — догадалась Брике. — И поговорить не с кем будет...»

Сиделка молча убрала пальто и ушла. Вновь появился Керн.

— Покажите вашу ногу.

— Я много танцевала, — начала Брике свою пока-
янную исповедь. — Скоро открылась ранка на подошве
ноги. Я не обратила внимания...

— И продолжали танцевать?

— Нет, танцевать было больно. Но несколько дней
я еще играла в теннис. Это такая очаровательная
игра!

Керн, слушая болтовню Брике, внимательно осма-
тривал ногу и все более хмурился. Нога распухла до
колена и почернела. Он нажал в нескольких местах.

— О, больно!.. — вскрикнула Брике.

— Лихорадит?

— Да, со вчерашнего вечера.

— Так... — Керн вынул сигару и закурил. — Положе-
ние очень серьезное. Вот до чего доводит непослуша-
ние. С кем это вы изволили играть в теннис?

Брике смутилась:

— С одним... знакомым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы мне, что вообще произош-
ло с вами с тех пор, как вы убежали от меня?

— Я была у своей подруги. Она очень удивилась,
увидав меня живую. Я сказала ей, что рана моя ока-
залась не смертельной и что меня вылечили в боль-
нице.

— Про меня и... головы вы ничего не говорили?

— Разумеется, нет, — убежденно ответила Брике. —
Странно было бы говорить. Меня сочли бы сума-
сшедшей.

Керн вздохнул с облегчением. «Все обошлось луч-
ше, чем я мог предполагать», — подумал он.

— Но что же с моей ногой, профессор?

— Боюсь, что ее придется отрезать.

Глаза Брике засветились ужасом.

— Отрезать ногу! Мою ногу? Сделать меня кале-
кой?

Керну самому не хотелось уродовать тело, добытое и оживленное с таким трудом. Да и эффект демонстрации много потеряет, если придется показывать калеку. Хорошо было бы обойтись без ампутации ноги, но едва ли это возможно.

— Может быть, мне можно будет приделать новую ногу?

— Не волнуйтесь, подождем до завтра. Я еще навещу вас,— сказал Керн и вышел.

На смену ему вновь пришла безмолвная сиделка. Она принесла чашку с бульоном и гренки. У Брике не было аппетита. Ее лихорадило, и она, несмотря на настойчивые мимические уговаривания сиделки, не смогла съесть больше двух ложек.

— Унесите, я не могу.

Сиделка вышла.

— Надо было измерить сначала температуру,— услышала Брике голос Керна, доносившийся из другой комнаты.— Неужели вы не знаете таких простых вещей? Я же говорил вам.

Вновь вошла сиделка и протянула Брике термометр.

Больная безропотно поставила термометр. И когда вынула его и взглянула, он показывал тридцать девять.

Сиделка записала температуру и уселась возле больной.

Брике, чтобы не видеть тупого и безучастного лица сиделки, повернула голову к стене. Даже этот незначительный поворот вызвал боль в ноге и внизу живота. Брике глухо застонала и закрыла глаза. Она подумала о Ларе: «Милый, когда я увижу его?..»

В девять часов вечера лихорадка усилилась, начался бред. Брике казалось, что она находится в каюте яхты. Волнение усиливается, яхту качает, и от этого в груди поднимается тошнотворный клубок и подступает к горлу... Ларе бросается на нее и душит. Она вскрикивает, мечется по кровати... Что-то влажное и холодное прикасается к ее лбу и сердцу. Кошмары исчезают.

Она видит себя на теннисной площадке вместе с Ларе. Сквозь легкую заградительную сетку синее море. Солнце палит немилосердно, голова болит и кружится. «Если бы не так болела голова... Это ужасное солнце!.. Я не могу пропустить мяч...» — И она с нап-

ряжением следит за движениями Ларе, поднимающего ракетку для удара. «Плей!» — кричит Ларе, сверкая зубами на ярком солнце, и, прежде чем она успела ответить, бросает мяч. «Аут», — громко отвечает Брике, радуясь ошибке Ларе...

— Продолжаете играть в теннис? — слышит она чей-то неприятный голос и открывает глаза. Перед нею, наклонившись, стоит Керн и держит ее за руку. Он считает пульс. Потом осматривает ее ногу и неодобрительно качает головой.

— Который час? — спрашивает Брике, с трудом ворочая языком.

— Второй час ночи. Вот что, милая попрыгунья, вам придется ампутировать ногу.

— Что это значит?

— Отрезать.

— Когда?

— Сейчас. Медлить больше нельзя ни одного часа. иначе начнется общее заражение.

Мысли Брике путаются. Она слышит голос Керна как во сне и с трудом понимает его слова.

— И высоко отрезать? — говорит она почти безучастно.

— Вот так. — Керн быстро проводит ребром ладони внизу живота. От этого жеста у Брике холодеет живот. Сознание ее все больше проясняется.

— Нет, нет, нет, — с ужасом говорит она. — Я не позволю! Я не хочу!

— Вы хотите умереть? — спокойно спрашивает Керн.

— Нет.

— Тогда выбирайте одно из двух.

— А как же Ларе? Ведь он меня любит... — лепечет Брике. — Я хочу жить и быть здоровой. А вы хотите отнять все... Вы страшный, я боюсь вас! Спасите! Спасите меня!..

Она уже вновь бредила, кричала и порывалась встать. Сиделка с трудом удерживала ее. Скоро на помощь был вызван Джон.

Тем временем Керн быстро работал в соседней комнате, готовясь к операции.

Ровно в два часа ночи Брике положили на операционный стол. Она пришла в себя и молча смотрела

на Керна так, как смотрят на своего палача приговоренные к смерти.

— Пощадите,— наконец прошептала она.— Спасите...

Маска опустилась на ее лицо. Сиделка взялась за пульс. Джон все плотнее прижимал маску. Брике потеряла сознание.

Она пришла в себя в кровати. Голова кружилась. Ее тошнило. Смутно вспомнила об операции и, несмотря на страшную слабость, приподняв голову, взглянула на ногу и тихо простонала. Нога была отрезана выше колена и туго забинтована. Керн сдержал слово: он сделал все, чтобы возможно меньше изуродовать тело Брике. Он пошел на риск и произвел ампутацию с таким расчетом, чтобы можно было сделать протез.

Весь день после операции Брике чувствовала себя удовлетворительно, хотя лихорадка не прекращалась, что очень озабочивало Керна. Он заходил к ней каждый час и осматривал ногу.

— Что же я теперь буду делать без ноги? — спрашивала его Брике.

— Не беспокойтесь, я вам сделаю новую ногу, лучше прежней,— успокаивал ее Керн.— Танцевать будете.— Но лицо его хмурилось: нога покраснела выше ампутированного места и опухла.

К вечеру жар усилился. Брике начала метаться, стонать и бредить.

В одиннадцать часов вечера температура поднялась до сорока и шести десятых.

Керн сердито выбранился: ему стало ясно, что началось общее заражение крови. Тогда, не думая о спасении тела Брике, Керн решил отвоевать у смерти хотя бы часть экспоната. «Если промыть ее кровеносные сосуды антисептическим, а затем физиологическим раствором и пустить свежую, здоровую кровь, голова будет жить».

И он приказал вновь перенести Брике на операционный стол.

Брике лежала без сознания и не почувствовала, как острый скальпель быстро сделал надрез на шее, выше красных швов, оставшихся от первой операции. Этот надрез отделял не только голову Брике от ее прекрасного молодого тела. Он отсекал от Брике весь мир, все радости и надежды, которыми она жила.

ТОМА УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Голова Тома хирела с каждым днем. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться, поднимать тяжести, утомлять свое могучее тело, потом много есть и крепко спать.

Он часто закрывал глаза и представлял, что, напругая свою спину, поднимает и носит тяжелые мешки. Ему казалось, что он ощущает каждый напряженный мускул. Ощущение было так реально, что он открывал глаза в надежде увидеть свое сильное тело. Но под ним по-прежнему виднелись только ножки стола.

Тома скрипел зубами и вновь закрывал глаза.

Чтобы развлечь себя, он начинал думать о деревне. Но тут же он вспоминал и о своей невесте, жоторая навсегда была потеряна для него. Не раз он просил Керна поскорее дать ему новое тело, а тот с усмешкой отговаривался:

— Все еще не находится подходящего, потерпи немного.

— Уж хоть какое-нибудь завалящее тельце,— просил Тома: так велико было его желание вернуться к жизни.

— С завалящим телом ты пропадешь. Тебе надо здоровое тело,— отвечал Керн.

Тома ждал, дни проходили за днями, а его голова все еще торчала на высоком столике.

Особенно были мучительны ночи без сна. Он начал галлюцинировать. Комната вертелась, расстилался туман, и из тумана показывалась голова лошади. Выходило солнце. На дворе бегала собака, куры поднимали возню... И вдруг откуда-то вылетал ревуший грузовой автомобиль и устремлялся на Тома. Эта картина повторялась без конца, и Тома умирал бесконечное количество раз.

Чтобы избавиться от кошмаров, Тома начинал шептать песни,— ему казалось, что он пел,— или считать.

Как-то его увлекла одна забава. Тома попробовал ртом задержать воздушную струю. Когда он затем внезапно открыл рот, воздух вырвался оттуда с забавным шумом.

Тома это понравилось, и он начал свою игру снова. Он задерживал воздух до тех пор, пока тот сам не прорывался через стиснутые губы. Тома стал поворачивать при этом язык: получались очень смешные звуки. А сколько секунд он может держать струю воздуха? Тома начал считать. Пять, шесть, семь, восемь... «Ш-ш-ш», — воздух прорвался. Еще... Надо довести до дюжины... Раз, два, три... шесть, семь... девять... одиннадцать, двенадцать...

Сжатый воздух вдруг ударил в небо с такой силой, что Тома почувствовал, как голова его приподнялась на своей подставке.

«Этак, пожалуй, слетишь со своего шестка», — подумал Тома.

Он скосил глаза и увидел, что кровь разлилась по стеклянной поверхности подставки и капала на пол. Очевидно, воздушная струя, подняв его голову, ослабила трубки, вставленные в кровеносные сосуды шеи. Голова Тома пришла в ужас: неужели конец? И действительно, сознание начало мутиться. У Тома появилось такое чувство, будто ему не хватает воздуха: это кровь, питавшая его голову, уже не могла проникнуть в его мозг в достаточном количестве, принося живой кислород. Он видел свою кровь, чувствовал свое медленное угасание. Он не хотел умирать! Сознание цеплялось за жизнь. Жить во что бы то ни стало! Дождаться нового тела, обещанного Керном...

Тома старался осадить свою голову вниз, сокращая мышцы шеи, пытался раскачиваться, но только ухудшал свое положение: стеклянные наконечники трубок еще больше выходили из вен. С последними проблесками сознания Тома начал кричать, кричать так, как он не кричал никогда в жизни.

Но это уже не был крик. Это было предсмертное хрипение...

Когда чутко спавший Джон проснулся от этих незнакомых звуков и вбежал в комнату, голова Тома едва шевелила губами. Джон, как умел, установил голову на место, всадил трубки поглубже и тщательно вытер кровь, чтобы профессор Керн не увидел следов ночного происшествия.

Утром голова Брике, отделенная от тела, уже стояла на своем старом месте, на металлическом столике со стеклянной доской, и Керн приводил ее в сознание.

Когда он «промыл» голову от остатков испорченной крови и пустил струю нагретой до тридцати семи градусов свежей, здоровой крови, лицо Брике порозовело. Через несколько минут она открыла глаза и, еще не понимая, уставилась на Керна. Потом с видимым усилием посмотрела вниз, и глаза ее расширились.

— Опять без тела...— прошептала голова Брике, и глаза ее наполнились слезами. Теперь она могла только шипеть: горловые связки были перерезаны выше старого сечения.

«Отлично,— подумал Керн,— сосуды быстро наполняются влагой, если только это не остаточная влага в слезных каналах. Однако на слезы не следует тратить драгоценную жидкость».

— Не плачьте и не печальтесь, мадемуазель Брике. Вы жестоко наказали сами себя за ваше непослушание. Но я вам сделаю новое тело, лучше прежнего, потерпите еще несколько дней.

И, отойдя от головы Брике, Керн подошел к голове Тома.

— Ну, а как поживает наш фермер?

Керн вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на голову Тома. Она имела очень плохой вид. Кожа потемнела, рот был полуоткрыт. Керн осмотрел трубки и напустился с бранью на Джона.

— Я думал, Тома спит,— оправдывался Джон.

— Сам ты проспал, осел!

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас!..— шипела голова Брике.— Он умер. Я так боюсь покойников... Я тоже боюсь умереть... Отчего он умер?

— Закрой у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

Брике умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза сиделки, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить,— сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн

уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел на термометр:

— Температура трупа. Кончено!

И, забыв о присутствии Брике, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынести ее на ледник... Надо будет произвести вскрытие.

Негр быстро схватил таз и вышел. Голова Брике смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В кабинете Керна зазвонил телефон. Керн со злобой швырнул на пол сигару, которую собирался закурить, и ушел к себе, сильно хлопнув дверью.

Звонил Равино. Он сообщил о том, что отправил Керну с нарочным письмо, которое им должно быть уже получено.

Керн сошел вниз и сам вынул письмо из дверного почтового ящика. Поднимаясь по лестнице, Керн нервно разорвал конверт и начал читать. Равино сообщал, что Артур Доуэль, проникнув в его лечебницу под видом больного, похитил мадемуазель Лоран и бежал сам.

Керн оступился и едва не упал на лестнице.

— Артур Доуэль!.. Сын профессора... Он здесь? И он, конечно, знает все.

Объявился новый враг, который не даст ему пощады. В кабинете Керн сжег письмо и зашагал по ковру, обдумывая план действия. Уничтожить голову профессора Доуэля? Это он может всегда сделать в одну минуту. Но голова еще нужна ему. Необходимо только будет принять меры к тому, чтобы эта улика не попала на глаза посторонним. Возможен обыск, вторжение врагов в его дом. Потом... потом необходимо ускорить демонстрацию головы Брике. Победителей не судят. Что бы ни говорили Лоран и Артур Доуэль, Керну легче будет бороться с ними, когда его имя будет окружено ореолом всеобщего признания и уважения.

Керн снял телефонную трубку, вызвал секретаря научного общества и просил заехать к нему для переговоров об устройстве заседания, на котором он, Керн, будет демонстрировать результаты своих новейших ра-

бот. Затем Керн позвонил в редакции крупнейших газет и просил прислать интервьюеров.

«Надо устроить газетную шумиху вокруг величайшего открытия профессора Керна... Демонстрацию можно будет произвести дня через три, когда голова Брике несколько придет в себя после потрясения и привыкнет к мысли о потере тела. Ну-с, а теперь...»

Керн прошел в лабораторию, порывшись в шкафчиках, вынул шприц, бунзеновскую горелку, взял вату, коробку с надписью «Парафин» и отправился к голове профессора Доуэля.

ЗАГОВОРЩИКИ

Домик Ларе служил штаб-квартирой «заговорщиков»: Артура Доуэля, Ларе, Шауба и Лоран. На общем совете было решено, что Лоран рискованно возвращаться в свою квартиру. Но так как Лоран хотела скорее повидаться с матерью, то Ларе отправился к мадам Лоран и привез ее в свой домик.

Увидев дочь живой и невредимой, старушка едва не лишилась чувств от радости; Ларе пришлось подхватить ее под руку и усадить в кресло.

Мать и дочь поместились в двух комнатах третьего этажа. Радость мадам Лоран омрачилась только тем, что Артур Доуэль, «спаситель» ее дочери, все еще лежал больной. К счастью, он не слишком долго подвергался действию удушливого газа. Брал свое и его исключительно здоровый организм.

Мадам Лоран и ее дочь по очереди дежурили у постели больного. За это время Артур Доуэль очень подружился с Лоранами, а Мари Лоран ухаживала за ним более чем внимательно; не будучи в силах помочь голове отца, Лоран переносила свои заботы на сына. Так ей казалось. Но была еще причина, которая заставляла ее неохотно уступать своей матери место сиделки. Артур Доуэль был первый мужчина, поразивший ее девичье воображение. Знакомство с ним произошло в романтической обстановке, — он, как рыцарь, похитил ее, освободив из страшного дома Равино. Тра-

гическая судьба его отца налагала и на него печать трагичности. А его личные качества — мужественность, сила и молодость — завершали очарование, которому трудно было не поддаться.

Артур Доуэль встречал Мари Лоран не менее ласковым взглядом. Он лучше разбирался в своих чувствах и не скрывал от себя, что его ласковость не только долг больного по отношению к своей внимательной сиделке.

Нежные взгляды молодых людей не ускользали от окружающих. Мать Лоран делала вид, что ничего не замечает, хотя, по-видимому, она вполне одобряла выбор своей дочери. Шауб, в своем увлечении спортом презрительно относившийся к женщинам, улыбался насмешливо и в душе жалел Артура, а Ларе тяжело вздыхал, видя зарю чужого счастья, и невольно вспоминал прекрасное тело Анжелики, причем теперь на этом теле он чаще представлял голову Брике, а не Гай. Он даже сам досадовал на себя за эту «измену», но оправдывал себя тем, что здесь играет роль только закон ассоциации: голова Брике всюду следовала за телом Гай.

Артур Доуэль не мог дождаться того времени, когда доктор разрешит ему ходить. Но Артуру было разрешено только говорить, не поднимаясь с кровати, причем окружающим был дан приказ беречь легкие Доуэля.

Ему волей-неволей пришлось взять на себя роль председателя, выслушивающего мнение других и только кратко возражающего или резюмирующего «прения».

А прения бывали бурные. Особенную горячность вносили Ларе и Шауб.

Что делать с Равино и Керном? Шауб почему-то облюбовал себе в жертву Равино и развил планы «разбойных нападений» на него.

— Мы не успели добить эту собаку. А ее необходимо уничтожить. Каждое дыхание этого пса оскверняет землю! Я успокоюсь только тогда, когда удушю его собственными руками. Вот вы говорите, — горячился он, обращаясь к Доуэлю, — что лучше предоставить все это дело суду и палачу. Но ведь Равино сам нам говорил, что у него власти на откупе.

— Местные,— вставлял слово Доуэль.

— Подождите, Доуэль,— вмешивался в разговор Ларе.— Вам вредно говорить. И вы, Шауб, не о том толкуете, о чем нужно. С Равино мы всегда сумеем почитаться. Ближайшей нашей целью должно быть раскрытие преступления Керна и обнаружение головы профессора Доуэля. Нам надо каким бы то ни было способом проникнуть к Керну.

— Но как вы проникнете? — спросил Артур.

— Как? Ну, как проникают взломщики и воры.

— Вы не взломщик. Это тоже искусство не малое... Ларе задумался, потом хлопнул себя по лбу:

— Мы пригласим на гастроли Жана. Ведь Брике открыла мне, как другу, тайну его профессии. Он будет польщен! Единственный раз в жизни совершит взлом дверных замков не из корыстных побуждений.

— А если он не столь бескорыстен?

— Мы уплатим ему. Он может только проложить нам дорогу и скрыться с театральных подмостков, прежде чем мы вызовем полицию, а это мы, конечно, сделаем.

Но здесь его пыл охладил Артур Доуэль. Тихо и медленно он начал говорить:

— Я думаю, что вся эта романтика в данном случае не нужна. Керн, вероятно, уже знает от Равино о моем прибытии в Париж и участии в похищении мадемуазель Лоран. Значит, мне больше нет оснований хранить инкогнито. Это первое. Затем, я сын... покойного профессора Доуэля и потому имею законное право, как говорят юристы, вступить в дело, потребовать судебного расследования, обыска...

— Опять судебного,— безнадежно махнул рукой Ларе.— Запутают вас судебные крючки, и Керн вывернется.

Артур закашлял и невольно поморщился от боли в груди.

— Вы слишком много говорите,— заботливо сказала мадам Лоран, сидевшая подле Артура.

— Ничего,— ответил он, растирая грудь.— Это сейчас пройдет...

В этот момент в комнату вошла Мари Лоран, чем-то сильно взволнованная.

— Вот читайте,— сказала она, протягивая Доуэлю газету.

На первой странице крупным шрифтом было напечатано:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА КЕРНА

Второй подзаголовок — более мелким шрифтом:

Демонстрация оживленной человеческой головы.

В заметке сообщалось о том, что завтра вечером в научном обществе выступает с докладом профессор Керн. Доклад будет сопровождаться демонстрацией оживленной человеческой головы.

Далее сообщалась история работ Керна, перечислялись его научные труды и произведенные им блестящие операции.

Под первой заметкой была помещена статья за подписью самого Керна. В ней в общих чертах излагалась история его опытов оживления голов — сначала собак, а затем людей.

Лоран с напряженным вниманием следила то за выражением лица Артура Доуэля, то за взглядом его глаз, переходивших со строчки на строчку. Доуэль сохранял внешнее спокойствие. Только в конце чтения на лице его появилась и исчезла скорбная улыбка.

— Не возмутительно ли? — воскликнула Мари Лоран, когда Артур молча вернул газету. — Этот негодяй ни одним словом не упоминает о роли вашего отца во всем этом «сенсационном открытии». Нет, этого я так не могу оставить! — Щеки Лоран пылали. — За все, что сделал Керн со мной, с вашим отцом, с вами, с теми несчастными головами, которые он воскресил для ада бестелесного существования, он должен понести наказание. Он должен дать ответ не только перед судом, но и перед обществом. Было бы величайшей несправедливостью допустить его торжествовать хотя бы один час.

— Что же вы хотите? — тихо спросил Доуэль.

— Испортить ему триумф! — горячо ответила Лоран. — Явиться на заседание научного общества и всенародно бросить в лицо Керну обвинение в том, что он убийца, преступник, вор...

Мадам Лоран не на шутку была встревожена. Только теперь она поняла, как сильно расшатаны нервы ее дочери. Впервые мать видела свою кроткую, сдержанную дочь в таком возбужденном состоянии. Мадам Ло-

ран пыталась ее успокоить, но девушка как будто ничего не замечала вокруг. Она вся горела негодованием и жадой мести. Ларе и Шауб с удивлением глядели на нее. Своей горячностью и неукротимым гневом она превзошла их. Мать Лоран умоляюще посмотрела на Артура Доуэля. Он поймал этот взгляд и сказал:

— Ваш поступок, мадемуазель Лоран, какими бы благородными чувствами он ни диктовался, безрассу...

Но Лоран прервала его:

— Есть безрассудство, которое стоит мудрости. Не подумайте, что я хочу выступить в роли героини-обличительницы. Я просто не могу поступить иначе. Этого требует мое нравственное чувство.

— Но чего вы достигнете? Ведь вы не можете сказать обо всем этом судебному следователю?

— Нет, я хочу, чтобы Керн был посрамлен публично! Керн воздвигает себе славу на несчастье других, на преступлениях и убийствах! Завтра он хочет пожать лавры славы. И он должен пожать славу, заслуженную им.

— Я против этого поступка, мадемуазель Лоран,— сказал Артур Доуэль, опасаясь, что выступление Лоран может слишком потрясти ее нервную систему.

— Очень жаль,— ответила она.— Но я не откажусь от него, если бы даже против меня был целый мир. Вы еще не знаете меня!

Артур Доуэль улыбнулся. Эта юная горячность нравилась ему, а сама Мари, с раскрасневшимися щеками, еще больше.

— Но ведь это же будет необдуманым шагом,— начал он снова.— Вы подвергаете себя большому риску...

— Мы будем защищать ее!— воскликнул Ларе, поднимая руку с таким видом, как будто он держал шпагу, готовую для удара.

— Да, мы будем защищать вас,— громогласно подержал друга Шауб, потрясая в воздухе кулаком.

Мари Лоран, видя эту поддержку, с упреком посмотрела на Артура.

— В таком случае я также буду сопровождать вас,— сказал он.

В глазах Лоран мелькнула радость, но тотчас же она нахмурилась.

— Вам нельзя... Вы еще нездоровы.
— А я все-таки пойду.
— Но...
— И не откажусь от этой мысли, если бы целый мир был против меня. Вы еще не знаете меня,— улыбаясь, повторил он ее слова.

ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ

В день научной демонстрации Керн особенно тщательно осмотрел голову Брике.

— Вот что,— сказал он ей, закончив осмотр.— Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и Брике прошипела:

— Поняла, но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Волнение его все увеличивалось. Предстояла не легкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова со всеми аппаратами, поставили на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по ровному полу и ручками для переноса по лестницам. Наконец все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

...Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученому миру.

Роскошные наряды дам, сверкающие бриллианты напоминали обстановку концертного зала при выступлении мировых знаменитостей.

Сдержанный шум ожидающих начала зрителей наполнял зал.

Возле эстрады за своими столиками оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиня карандаши для стенографической записи.

Справа был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты выступления Керна и оживленной головы. На эстраде разместился почетный президиум из наиболее крупных представителей ученого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи по радио речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой Брике. Она возвышалась на правой стороне эстрады. Умело и умеренно наложенный грим придавал голове Брике свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжелое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленных зрителей. Сиделка и Джон стояли возле ее столика.

Мари Лоран, Артур Доуэль, Ларе и Шауб сидели в первом ряду, в двух шагах от помоста, на котором стояла кафедра. Один только Шауб, как никем не «расшифрованный», был в своем обычном виде. Лоран явилась в вечернем туалете и в шляпе. Она низко держала голову, прикрываясь полями шляпы, чтобы Керн при случайном взгляде не узнал ее. Артур Доуэль и Ларе явились загримированными. Их черные бороды и усы были сделаны артистически. Для большей конспиративности было решено, что они друг с другом «не знакомы». Каждый сидел молча, рассеянным взглядом окидывая соседей. Ларе был в подавленном состоянии: он едва не потерял сознание, увидев голову Брике.

Ровно в восемь часов на кафедру взошел профессор Керн. Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих. Профессор Керн начал доклад о мнимых своих открытиях.

Это была блестящая по форме и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о предварительных, очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля. Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и о своих «скромных заслугах». Для слушателей не должно было оставаться никакого сом-

нения в том, что вся честь открытия принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни дам направляли на него бинокли и лорнеты. Бинокли и монокли мужчин с не меньшим интересом устремлялись на голову Брике, которая принужденно улыбалась.

По знаку профессора Керна сиделка открыла кран, пустила воздушную струю, и голова Брике получила возможность говорить.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее старичок ученый.

— Благодарю вас, хорошо.

Голос Брике был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, звук был почти лишен модуляций, тем не менее выступление головы произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам. Но Брике, которая когда-то упивалась лаврами от своих выступлений в маленьких кабачках, на этот раз только устало опустила веки.

Волнение Лоран все увеличивалось. Ее начинала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора», — несколько раз говорила она себе, но каждый раз ей не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедру взошел седенький старичок, один из крупнейших ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, о счастье общаться с такими умами, которые дарят миру величайшие научные достижения.

И в тот момент, когда Лоран меньше всего этого ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и со смертельно бледным лицом и лихорадочно

горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону Лоран, как бы желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул в дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала Лоран, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он крал труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с его головой. Он мучает и пыткой заставляет продолжать научные опыты, а потом выдает их за свои открытия... Мне сам Доуэль говорил, что Керн отравил его...

В публике смятение переходило в панику. Многие повскакали с мест. Даже некоторые корреспонденты уронили карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кинооператор усиленно крутил ручку аппарата, радуясь неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления на лице. Дождавшись момента, когда нервная спазма сдавила горло Лоран, он воспользовался наступившей паузой, повернулся к стоявшим у дверей контролерам аудитории и сказал им властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Контролеры бросились к Лоран. Но прежде чем они успели пробраться к ней через толпу, Ларе, Шауб и Доуэль подбежали к ней и вывели в коридор. Керн проводил всю группу подозрительным взглядом.

В коридоре Лоран пытались задержать полицейские, но молодым людям удалось вывести ее на улицу и посадить в автомобиль. Они уехали.

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошел на кафедру и извинился перед собранием «за печальный инцидент».

— Лоран — девушка нервная и истерическая. Она не вынесла тех сильных переживаний, которые ей при-

ходилось испытывать, проводя день за днем в обществе искусственно оживленной мною головы трупа Брике. Психика Лоран надломилась. Она сошла с ума...

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала.

Раздалось несколько хлопков, но они были заглушены шиканьем. Будто веяние смерти пронеслось над залом. И сотни глаз теперь уже смотрели на голову Брике с ужасом и жалостью, как на выходца из могилы... Настроение собравшихся было испорчено безнадежно. Многие из публики ушли, не ожидая окончания. Наскоро прочитали заранее заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором различных институтов и академий наук, и собрание было закрыто.

За спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув ему, стал готовить к обратной отправке голову Брике, сразу поблекшую, усталую и испуганную.

Оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю своей злобе. Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Утром, на другой день после злополучного выступления Керна в научном обществе, Артур Доуэль явился к начальнику полиции, назвал себя и заявил, что он просит произвести обыск в квартире Керна.

— Обыск в квартире профессора Керна уже был произведен минувшей ночью, — сухо ответил начальник полиции. — Никаких результатов этот обыск не дал. Заявление мадемуазель Лоран, как и следовало ожидать, оказалось плодом ее расстроенного воображения. Разве вы не читали об этом в утренних газетах?

— Почему вы так легко предположили, что заявление мадемуазель Лоран является плодом расстроенного воображения?

— Потому что, сами посудите,— отвечал начальник полиции,— это совершенно немыслимая вещь, и по-
том обыск подтвердил...

— Вы допрашивали голову мадемуазель Брике?

— Нет, мы не допрашивали никаких голов,— ответил начальник полиции.

— Напрасно! Она также могла бы подтвердить, что видела голову моего отца. Она лично сообщила мне об этом. Я настаиваю на производстве вторичного обыска.

— Не имею к этому никаких оснований,— резко ответил начальник полиции.

«Неужели подкуплен Керном?» — подумал Артур.

— И потом,— продолжал начальник полиции,— вторичный обыск может только возбудить общественное негодование. Общество достаточно уже возмущено выступлением этой сумасшедшей Лоран. Имя профессора Керна у всех на устах. Он получает сотни писем и телеграмм с выражением соболезнования ему и негодования на поступок Лоран.

— И тем не менее я настаиваю, что Керн совершил несколько преступлений.

— Нельзя необоснованно бросать такие обвинения,— нравоучительно сказал начальник полиции.

— Так дайте же мне возможность обосновать их,— возразил Доуэль.

— Эта возможность уже была предоставлена вам. Властями был произведен обыск.

— Если вы категорически отказываетесь, я принужден буду обратиться к прокурору,— сказал Артур решительно и поднялся.

— Ничего не могу для вас сделать,— ответил начальник полиции, тоже поднимаясь.

Упоминание о прокуроре, однако, произвело свое действие. Немного подумав, он сказал:

— Я, пожалуй, мог бы сделать распоряжение о производстве вторичного обыска, но, так сказать, неофициальным порядком. Если обыск даст новые данные, тогда я донесу об этом прокурору.

— Обыск должен быть произведен в присутствии моем, мадемуазель Лоран и моего друга Ларе.

— Не слишком ли много?

— Нет, все эти лица могут оказать существенную пользу.

Начальник полиции развел руками и, вздохнув, сказал:

— Хорошо! Я командирую нескольких агентов полиции в ваше распоряжение. Приглашу и следователя.

В одиннадцать часов утра Артур уже звонил у двери Керна.

Негр Джон приоткрыл тяжелую дубовую дверь, не снимая цепочки.

— Профессор Керн не принимает.

Выступивший полицейский заставил Джона пропустить неожиданных гостей в квартиру.

Профессор Керн встретил их в своем кабинете, приняв вид оскорбленной добродетели.

— Прошу вас,— сказал он ледяным тоном, широко распахнув двери лаборатории и бросив мельком уничтожающий взгляд на Лоран.

Следователь, Лоран, Артур Доуэль, Керн, Ларе и двое полицейских вошли.

Знакомая обстановка, с которой было связано столько тягостных переживаний, взволновала Лоран. Сердце ее сильно забилося.

В лаборатории находилась только голова Брике. Ее щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя Лоран и Ларе, она улыбнулась и заморгала глазами. Ларе с ужасом и содроганием отвернулся.

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находилась наголо обритая голова пожилого человека с громадным мясистым носом. Глаза этой головы были скрыты за совершенно черными очками. Губы слегка подергивались.

— Глаза болят...— пояснил Керн.— Вот и все, что я могу вам предложить,— добавил он с иронической улыбкой.

И действительно, при дальнейшем осмотре дома, от подвала до чердака, других голов не обнаружили.

На обратном пути вновь пришлось проходить через комнату, где помещалась толстоногая голова. Разочарованный Доуэль направился уже было к следующей двери, а за ним двинулись к выходу следователь и Керн.

— Подождите! — остановила их Лоран.

Подойдя к голове с толстым носом, она открыла воздушный кран и спросила:

— Кто вы?

Голова шевелила губами, но голос не звучал. Лоран пустила более сильную струю воздуха.

Послышался шипящий шепот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас...

Лоран заглянула в уши головы и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессором Доуэлем.

— Но ваше лицо? — задохнулась Лоран от волнения.

— Лицо?..— Голова говорила с трудом.— Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введен под кожу носа... Увы... моим остался только мой мозг в этой изуродованной черепной коробке... но и он отказывается служить... Я умираю... наши опыты несовершенны... хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически.

— Зачем у вас очки? — спросил следователь, приблизившись.

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться. — Он лишает меня возможности слышать и видеть... Очки не прозрачные... чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... Снимите же мне очки...

Лоран дрожащими руками сняла очки.

— Мадемуазель Лоран... вы? Здравствуйте, друг мой!.. А ведь Керн сказал, что вы уехали... Мне плохо... работать больше не могу... Коллега Керн только вчера милостиво объявил мне амнистию... Если я сам не умру сегодня, он обещал завтра освободить меня...

И вдруг, увидав Артура, который стоял в стороне, словно оцепенев, без кровинки в лице, голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын!..

На мгновение тусклые глаза ее прояснились.

— Отец, дорогой мой! — Артур шагнул к голове. — Что с тобой сделали?..

Он пошатнулся. Ларе поддержал его.

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после моей смерти... — просипела голова профессора Доуэля.

Голосовые связки почти не работали, язык плохо двигался. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

— Артур, поцелуй меня в лоб... если тебе... не... неприятно...

Артур наклонился и поцеловал.

— Вот так... теперь хорошо...

— Профессор Доуэль,— сказал следователь,— можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти?

Голова перевела на следователя потухший взгляд, видимо плохо понимая, в чем дело. Потом, поняв, медленно скосила глаза на Лоран и прошептала:

— Я ей... говорил... она знает все.

Губы головы перестали шевелиться, а глаза заволклись дымкой.

— Конец!..— сказала Лоран.

Некоторое время все стояли молча, подавленные происшедшим.

— Ну что ж,— прервал тягостное молчание следователь, и, обернувшись к Керну, произнес: — Прошу следовать за мною в кабинет! Мне надо снять с вас допрос.

Когда дверь за ними захлопнулась, Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и закрыл лицо ладонями:

— Бедный, бедный отец!

Лоран мягко положила ему руку на плечо. Артур порывисто поднялся и крепко пожал ей руку.

Из кабинета Керна раздался выстрел.

Подводные земледельцы

1. НЕПТУН ИВАНОВИЧ ОГОРЧЕН

— Жан! Иоганн! Джонг Джонни! Дживанни!.. Иоанн! Иван! Ваня! Ванюшка!

— А-а-аах! — кто-то сладко зевнул и перевернулся на другой бок. Слышно было, как заскрипели пружины кровати. Тишина. И снова первый голос начинает выкликать с разными интонациями, то повышая, то понижая силу звука:

— Жан! Иван! Джон!.. — и вдруг крикнул изо всех сил: — Ванька, шельмец! Стань передо мной, как лист перед травой.

— Ах-ах, фут возьми! — За перегородку й взвизгнула пружина, босые ноги зашлепали по полу. Кто-то засопел носом, повозился впотьмах, открыл дверь, пошарил у стены, щелкнул выключателем.

Электрическая лампочка, висящая под потолком, осветила золотистые сосновые бревна стен, широкое окно, завешенное плотной шторой темно-синего сукна, большой чертежный стол у стены, на столе — старый номер «Известий», чертежные принадлежности, землемерные планы, несколько книг, папки с бумагами. У другой стены, на узкой железной походной кровати лежал, заложив руки за голову, мужчина средних лет, плотный, широкоплечий, рыжеволосый, с небольшими усами и бородкой клином. Голубые, широко открытые глаза смотрели в потолок пристально, а на левой щеке виднелась отметина: глубокий красноватый шрам.

— Собирайся, Ванюша, пора! — сказал лежащий на кровати.

Ванюша еще раз вздохнул. Уж очень хотелось ему спать. Он стоял посреди комнаты в одних трусах, заspanный, со слипающимися глазами. Лицо его имело

полудетскую мягкость и округленность черт, а черные жесткие волосы стояли ежиком. Он поднимал брови, чтобы глаза скорее раскрылись, шевелил губами и разбрасывал руки в стороны, разминаясь после сна. Потом подошел к окну, отдернул занавеску и, глядя в непроницаемый мрак, сказал:

— Темно еще, Семен Алексеевич!

— Пока соберемся, в самый раз будет,— отвечал Семен Алексеевич Волков.

Ванюшка Топорков вышел в другую комнату и зажег там свет. Эта комната была такой же, как и первая. Кровать, простой стул, полка с книгами над небольшим столиком и шкафчик у кровати составляли всю ее обстановку. Ни в одной из этих комнат не видно было печки. Зато, если нагнуться, под столом можно было заметить пластинки электрического отопления. Это высшее проявление электрификации в домашнем быту так не шло ко всему облику бревенчатой избушки.

Ванюшка Топорков начал сборы, не переставая говорить из-за перегородки. У него был своеобразный недостаток речи: Ванюшка не выговаривал шипящих «ж», «ш», «щ». Вместо «ж» и «ш» у него выходило «ф», а вместо «щ» нечто среднее между «в» и «ф», но ближе к «ф». Любимой его присказкой было «шут возьми», причем у него получалось «фут возьми». Чем больше он волновался, тем больше картавил.

— Семен Алексеевич. Какой я сон видел. Как будто приплыл к нам больфуффий фельтобрюхий кит, лег на крыфу нафего дома и раздавил его, как яичную скорлупу. Мофет это быть?

— Выдержит крыша, не бойся. Что ты там долго возишься?

— Сейчас, Семен Алексеевич.

Ванюшка открыл шкаф и вынул оттуда теодолит¹ особого устройства, треножник, землемерную цепь, резиновый мешок. Нагрузив все это на себя, он вышел в другую комнату. Волков уже поднялся с кровати и усиленно занимался гимнастикой.

Ванюша смотрел на него, невольно повторял все его движения, сначала потихоньку, а потом, бросив вещи на пол, по-настоящему. Он приседал, вставал,

¹ Угломерный инструмент, употребляемый в землемерном деле.

размахивал руками, нагибался, разгибался и, наконец, удовлетворенный, закончил:

— Ха-арофо, фут возьми! Утренняя зарядка.

Он опять собрал вещи и открыл наружную дверь избушки.

За этой дверью, в некотором расстоянии от нее, была вторая дверь — железная, плотно пригнанная. Ванюшка повозился у круглого запора и открыл ее. Перед ним открылась железная камера.

Камера эта имела объем в два кубических метра. Прямо перед Ванюшкой в железной стене виднелась круглая дверь в метр поперечником, похожая на большой иллюминатор. В правой стене был железный шкаф с отодвигающейся вбок дверцей, а в левой, внизу, виднелись два небольших круглых зерешеченных отверстия, по сорок сантиметров в диаметре.

Ванюшка внес в камеру землемерные инструменты. Вслед за ним в камеру вошел Волков, одетый, как и Ванюшка, в одни трусы. Ванюшка открыл шкаф и начал вынимать оттуда странные предметы: две полумаски, состоящие из большого черного резинового носа и прикрепленных к нему очков. От очков шла резина, придерживающая их, а от носа (снизу — от ноздрей) — две резиновые трубки. Затем Ванюшка извлек пару электрических фонарей с резиновыми лентами и проводами, ранец, наушники, кортик и, наконец, тяжеленные сандалии со свинцовыми подошвами. Волков и Ванюшка начали быстро надевать на себя все эти доспехи. Прежде всего надели ранцы, сделанные из черного металла, затем черные носы и очки. Длинные трубки, свисавшие с носов, они, помогая друг другу, прикрепили к особым отверстиям в ранцах за спиной. Потом надели на голову аппараты, напоминающие радионаушники. Эти аппараты держались гибкой металлической пластинкой, надеваемой на голову. К ушам плотно прикреплялись круглые наушники, а от наушников шли две трубки, падавшие немного ниже плеч и оканчивавшиеся небольшими раструбами, как в трубке телефона. При помощи резиновой ленты на голове были прикреплены фонари. Затем путники застегнули пояса, на которых были привешены длинные кортики. Наконец, на ноги надели тяжелые сандалии, прикрепив их ремнями.

Судя по их уверенным и быстрым движениям, та-

кой маскарад производился очень часто и сделался привычным. Тем не менее Ванюшка, посмотрев на Волкова, на его черный огромный нос, на выпуклые очки, на болтающиеся трубки-уши, выпирающий горбом ранец и шишковидный фонарь на голове, не мог все же удержаться от смеха.

— Ах, фут возьми! Прямо не человек, а нарочно! Прямо дядюшка с Марса.

Волков, не обращая внимания на Ванюшку, плотно закрыл шкаф, осмотрел дверь в избушку, подошел к стене и круто и сильно повернул круглый кран. В одно из отверстий вдруг с шумом хлынула вода вместе с маленькими рыбками. Вода залила голые ноги до колен, и, когда дошла до пояса, Ванюшка начал подпрыгивать: тело еще не остыло от теплоты кровати, и прохладная вода не совсем приятно щекотала его. Чтобы уж сразу привыкнуть к перемене температуры, Ванюшка сел на пол и скрылся с головой, не ожидая, пока вода дойдет доверху.

Через две минуты камера наполнилась водой. Освещенные сильной электрической лампой, в зеленоватой воде заплескали мелкие рыбки. Ванюшка, чувствуя, что он стал легче, поднялся с пола и навьючил на себя землемерные инструменты. Волков отвинтил круглую дверь, похожую на иллюминатор, и сдвинул ее вбок. Перед ними открылось темное отверстие, наполненное водой. Они шагнули через порог, высотой в треть метра, и вышли наружу. На голове Волкова ярко вспыхнул электрический фонарь. Волков задвинул круглую дверь, загасил фонарь и шагнул вперед.

Путников окружала почти полная тьма, но они уверенно подвигались вперед. Шли по косогору из мягкого ила. Слева, где был берег, и впереди густела темно-зеленая муть, вверху вода была несколько светлее. Слабые лучи света пробивались сквозь пятиметровую толщу воды. А справа слепила непроглядная тьма. Там была глубина, туда спускалась покатошь дна.

Иногда голое тело задсвали длинные ленты водорослей. Иногда с размаху налетит горбуша¹ и испуганно вильнет в сторону, или причудливая рыбка агномал царапнет своими костными щитками. Ванюшка наступил на большую раковину и споткнулся.

¹ Рыба из семейства лососевых, имеет промысловое значение.

Он взял трубку, свисавшую с уха Волкова, поднес близко к своему рту, выдул из внешнего отверстия трубки воздух и, прижав сильно губы, сказал:

— Может быть, засветить фонарь?

— Надо беречь электричество, — ответил Волков. — Скоро посветлеет. Пойдем по фукусной тропе, там дно чище и мельче.

Они свернули влево, к берегу. Стало светлее. Да и солнце поднималось выше над океаном, вонзая горячие лучи в прохладу вод.

Через четверть часа Ванюшка посмотрел вверх. Теперь вода над головой была совсем светлая. Ванюшка видел перед собою качающиеся водоросли, зеленоватые и бурые. Глядя на эти разнообразные узорчатые растения, можно было подумать, что их создал художник, который старался восполнить недостаток оригинальных идей богатством, тщательностью и разнообразием отделки. Здесь были водоросли, похожие на веревки со многими узлами, водоросли елковидные, лапчатые, лентообразные, с зазубренными краями. На расстоянии двух-трех метров Ванюшка отчетливо видел эти растения, а дальше все вуалировалось, как на земле в туманный день. Только этот туман был особенный, зеленовато-серый. Большие крабы быстро убегали от человеческих ног, скрываясь в зарослях. Голотуринтрепанги, похожие на неуклюжих червей, покрытых отростками, копались в иле. Многочисленные рыбки шныряли между водорослями.

На долю морской растительности отпущено природой только три краски: зеленая, бурая и черная. Зато животный мир щеголяет и черной, и белой, и желтой, и оранжевой, и синей, и фиолетовой. Когда солнце поднялось еще выше над головой, Ванюшка увидел все это пестрое великолепие рыб, моллюсков, креветок.

Отклоняясь все больше влево, к берегу, Ванюшка вышел на такое место, что голова его вдруг поднялась над поверхностью воды. Солнце, отраженное легкой зыбью, сразу ослепило его. Когда глаза несколько привыкли, он посмотрел на небо, на берег... Нет, все-таки надземный мир неизмеримо богаче красками, чем подводный. Как изумительна голубизна неба, сколько оттенков света на облаках, горах, какие леса, какая зелень лугов, желтизна глины и песков, выступавших у подмытых водою берегов.

Ванюшка увидел берег, покрытый лесом, чаек на волнах, китайскую фанзу под высокой елью, ярко освещенную солнцем. Как отчетливо все видно! Как будто Ванюшка под водой смотрел в плохо наведенный бинокль, а теперь этот бинокль точно наведен на фокус.

Кто-то тронул Ванюшку за руку. Наверно Волков. Ванюшка бродил по дну океана не за тем, чтобы любоваться видами. Надо было приниматься за работу. Ванюшка погрузился в воду, вынул из резинового мешка землемерную цепь, а Волков — книжку, сделанную из пластинок, на которых он выцарапывал записи стилетом. Ванюшка устанавливал инструмент, отходил на указанное расстояние, притрагивался к кнопке на голове, и над его лбом зажигался сильный электрический фонарь. Волков наводил зрительную трубу теодолита на свет и записывал углы.

Они спускались все ниже по покатому дну. Здесь было темнее. Давление воды чувствовалось: труднее было двигаться, приходилось глубже и чаще дышать носом, выпуская воздух из легких через рот. Пузырьки ритмически вылетали изо рта Ванюшки, который при этом выпячивал губы и раздувал щеки. Он находил, что так дышать «вкуснее».

Яркий свет фонаря освещал длинные ленты бурых водорослей, огромные листья агар-агара,¹ похожие на листья лопуха и усеянные дырочками. Водоросли медленно колыхались и тянулись к берегу, — начинался прилив. Ванюшка отошел от Волкова на значительное расстояние. Они переговаривались кастаньетами, которые держали в руке меж пальцев.

«Семен Алексеевич, почему звук так скоро доходит до меня?» — постукивал Ванюшка.

«Потому что в воздухе звук проходит 322 метра, а в воде 1450», — отвечал Волков.

«А почему так?»

Но Волков был занят, — не время теперь перестукиваться.

И вдруг слух Ванюшки уловил какой-то совсем иной звук — отдаленное постукивание. Кто бы это мог стучать? Быть может, Пунь звала завтракать? Но еще рано. Макар Иванович? Но он не собирался сегодня выходить в море.

¹ Водоросли, из которых добывают плотный студень, употребляемый в бактериологии.

«Вы слышите?» — выстукал Ванюшка Волкову.

«Да,— отвечал тот.— Кто-то стучит в воде».

Волков и Топорков прекратили работу, сошлись вместе и погасили фонари, а Ванюшка даже взялся за рукоять кортика. Стук прекратился. Ванюшка не утерпел. Он нажал кнопку и снова зажег фонарь. Зеленая муть осветилась. На расстоянии пяти метров маячила неясная фигура,— вернее, расплывчатое пятно шарообразной фигуры на человеческих ногах. По мере приближения очертания фигуры делались все более отчетливыми. Теперь уже можно было различить, что по дну океана идет огромный человек, очень медленно размахивая веслоподобными руками. Его туловище напоминало бочку,— так оно было толсто и кругло. Еще несколько шагов — и к ним подошел старик с длинной серой бородкой, которая развевалась во все стороны, как дым, при каждом движении воды. На нем были большие очки, а каучуковый черный нос придавал лицу странный вид. Длинная рубаша и порты, закрученные до колен, составляли его костюм. На огромных босых ногах были надеты сандалии с тяжелыми подметками. Вокруг туловища обмотана сеть, а в сети бились живые рыбы. Эта сеть с рыбами и придавала фигуре старика издали такой необычайный бочкообразный вид.

Старик остановился, расставил руки, опустив их вниз. С растопыренными пальцами эти руки напоминали трезубцы Нептуна, а сам старик — морского бога. Волков так и прозвал его: Нептун Иванович Конобеев. Настоящее имя его было Макар. Он улыбался во весь рот, пуская пузыри и обнажая здоровые длинные белые зубы. Волков кивнул ему головой и ощупал его руки.

В них не было кастаньет. Волков удивился. Чем же Нептун Иванович стучал в воде? У старика не было слуховой трубки, не знал он и азбуки Морзе, а поэтому с ним приходилось объясняться жестами. Волков указал на свои кастаньеты и опять ощупал руки великана. Макар Иванович улыбнулся, оскалил рот — и вдруг защелкал зубами. Получился звук гораздо более громкий, чем от кастаньет. Ванюшка, забыв, что он под водой, рассмеялся, выпустив фейерверк пузырей, потом закашлялся и едва не захлебнулся. Он зажал рот руками, кое-как сдержался, но ненадол-

го. Новый приступ смеха охватил его. Тогда Ванюшка быстро отстегнул сандалии со свинцовыми подошвами и, оттолкнувшись от дна, поднялся вверх, как детский воздушный шар, оторвавшийся от нити.

Он вынырнул на поверхность. Волны закачали его, а прибой понес к берегу.

Ванюшка всплыл недалеко от рыбацкой лодки, на которой сидели два японца. Увидев страшное чудовище, выплывшее из морской глубины, японцы с расширенными от страха глазами прыгнули в воду, как испуганные лягушки, и быстро поплыли в сторону от черноморского чудовища. А Ванюшка еще поддал жару — вдруг заулюлюкал нечеловеческим голосом.

На поверхности океана было ветрено, солнечно и весело. Тут можно было смеяться, не опасаясь захлебнуться. Насмеявшись вдоволь, Ванюшка затих на мгновение, лежа на волнах, и посмотрел на берег. Вдали виднелась фанза под высокой елью, около фанзы стояла, как толстенький крепенький грибок, женская фигура, а у самого берега выла собака, повернув морду прямо к воде. Ванюшка кивнул головой, прошептал «фут возьми!» и, сделав глубокий вдох, опустился на дно.

В подводной мути ему не сразу удалось найти Волкова и Конобеева. Прилив на поверхности океана отнес Ванюшку к берегу, и ему пришлось плыть над знакомыми тропинками, путаясь в длинных лентах водорослей и временами останавливаясь, чтобы разрезать осклизлые ленты кортиком. Вода выжимала вверх. Ванюшка принужден был нырнуть до дна, разыскать несколько камней и, взяв их в руки, отправиться в путь достаточно «уравновешенным» для подводных путешествий.

Вот где-то вдали, в зеленой мгле, вспыхнул огонек и послышались призывные удары кастаньет. Ванюшка ответил условными тремя ударами и ускорил шаги. Огонь двигался навстречу ему. Скоро Ванюшка подошел к Волкову и Конобееву, Волков схватил говорительную трубку Ванюшки и сделал такой вид, как будто крутит его за ухо, потом, приложив трубку к губам, сказал:

— Джонни! Нельзя быть таким легкомысленным. Ты рисковал помереть от смеха. Вот твои калоши!

— Это была бы самая веселая смерть, Семен Але-

ксеевич,— ответил Ванюшка, надевая тяжелые сандалии.— Воет! — прибавил он.

— Кто воет?

— Хунгуз. Будет опять нагоняй Макар Ивановичу,— и, обратившись к Конобееву, Ванюшка сложил рот трубочкой и завыл, пуская пузыри.

Лицо Конобеева вдруг омрачилось. Брови над большими очками сдвинулись, а усы и волосы бороды около рта взъерошились. «Морской бог» был чем-то рассержен или огорчен. Он замахал руками-веслами и направился быстро к берегу.

— Семен Алексеевич! Можно мне посмотреть хоть одним глазком, как она его ругать будет? — спросил Ванюшка.

— Жан! Ты забываешь о своих обязанностях! — строго сказал Волков. Они вновь принялись за работу.

II. «РЫБЕ — ВОДА, ЗЕМЛЯ — ЧЕЛОВЕКУ»

А Макар Иванович быстро шел, направляясь к берегу. Дно океана все поднималось. Чем ближе к берегу, тем почва становилась более илистой от наносной земли и перегноя. И все сильнее чувствовалось движение воды. Прибой подгонял Конобеева, как сильный ветер. Старик откинулся назад и едва успевал перебирать ногами. Если бы не его огромная сила, его давно перевернуло бы и выбросило с волнами на берег, как сорванную корабельную мачту. Но Конобеев все еще боролся. Однако, когда он вышел на песчаный откос, где вода едва покрывала голову, даже он, Нептун Иванович, не мог устоять. Океан пересилил. Прибою помогал сильный ветер, дувший к берегу. Водяные массы, упругие, как футбольные мячи, вращаясь, поднимали со дна ил, песок, крабов, креветок, вырывали водоросли и все это катили вместе с собою к берегу и выбрасывали с шумом, шипением, гулом. Они, эти водяные шары, сбили с ног Конобеева и вместе с его сетью, наполненной рыбой, выбросили на отмель и с оглушительным шипением откатились назад.

Большая собака — сибирская лайка серой шерсти — с испуганным тывканьем, поджав пушистый хвост, отскочила от Конобеева, потом вдруг, захлебываясь радостным лаем, подбежала к нему и начала лизать его мокрое лицо, влажные стекла очков, каучуковый черный нос, бороду, похожую на водоросли, огромные руки...

«Ах! Ах!» — истерически вскрикивала собака; потом, неожиданно повернувшись на месте волчком, помчалась вихрем к фанзе, стоявшей под елью. На лай собаки из фанзы вышла пожилая толстенная коротенькая женщина, с пухлыми красными руками и красным круглым лицом. На голове ее был повязан чистенький белый платок с черным горошком; синяя просторная кофта из китайского полотна и черная длинная юбка колыхались при каждом движении. Женщина вперевалку, по-утиному, заковыляла к берегу.

Конобеев смущенно поднялся с мокрого песка и направился к ней навстречу, а собака с радостным лаем бегала то к женщине, то к старику, пока они не сошлись, после чего лайка начала прыгать вокруг них.

— Здравствуй, старуха! — сказал Конобеев, потряхивая сетью, в которой трепетала рыба. — Вот я тебе... того... рыбки принес!

Но старуха не обратила на сеть с рыбой никакого внимания.

— Сними ты хоть поганую обрзину с лица, смотреть тошно! — сказала она строго. — Водяной. Прямо водяной! И течет с него, как с утоплого. Ха-а-рош! Нечего сказать. Иди, переоденься в сухое, что ли!

— Ничего, высохну. Теперь тепло. Да мне и назад скоро в воду. Работа ждет.

— Да ты хоть чаю напейся. Отсырел, небось, там, в воде. Давно чаю не пил.

Конобеев шумно вздохнул и снял с себя очки, каучуковый нос и ранец.

Его собственный нос был немногим краше каучукового: большой, мясистый, рыхлый и вдобавок поросший седыми длинными волосами. Удивительны были руки с большими, малоподвижными, очень широко расставленными пальцами и складчатой толстой кожей. А на ладонях у старика были настоящие мозольные подушки. На эти ладони он свободно клал горячий уголек, не обжигаясь.

— Однако так и быть, пойдем, старуха! Рыбу в кадушку с водой пусти. Завтра ущицу сварить. Больше горбуша, но есть и сельдь, иваси...

Жена Конобеева, Марфа Захаровна, знала, что ее старик любит чаевать. Для этого она его и заманила с коварством женщины в китайскую фанзу, где жила. Когда Конобеев переступил порог фанзы, Марфа Захаровна, быстро двигаясь по фанзе своей утиной перевалкой, приготовила чай, положила на стол свежий хлеб и, глядя на мужа, вливавшего в огромный рот стакан за стаканом, начала отчитывать его за «беспутную жизнь».

— Ну где же это видано, где это слыхано, чтобы человек, как горбуша, в воде жил? Рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — земля. Так испокон веку сам бог положил. Залез ты в мокрое место.

— Однако человек по воздуху теперь летает лучше всякой птицы, — возражал Конобеев, прихлебывая чай.

Марфа Захаровна не обратила внимания на эту реплику и продолжала, все более повышая тон:

— Коли женился ты на мне, так и живи со мной, а не с горбушами и сельдями. Какой ты муж после этого, когда тебе селедка милей, чем жена? Сорок лет жили вместе, а тут нá тебе! Как подменили человека. Сдурел на старости лет. Не хочу и не желаю. Либо я, либо селедка. Теперь женщине вольная воля. Вот пойду в загс, да и разведусь с тобой.

— Однако... — начал Конобеев, но поперхнулся чаем. Залаяла собака, а из-за двери показался Ванюшка.

— Правильно, Марфа Захаровна, правильно, мамафа! — крикнул Ванюшка, появляясь в дверях в одних трусах. — Теперь не старый режим. А только вы напрасно, мамафа, на Макар Ивановича сердчаете. Вы бы лучше пришли сами к нам жить...

— Что? Я! Под воду? К селедкам? Я не русалка, прости господи, чтобы под водой жить. С лягушками, с гадами морскими.

— Нет там лягушек, Марфа Заха...

— Да никогда!

— А вы бы хоть глянули, Марфа Захаровна. У нас там очень даже отлично. В самом море-океане стоят фелезные хоромы-колпаки, а под колпаками — избушка. А в избушке и светло, и тепло, и никакой воды, — сухо вполне. И чаек, и сахарок, и самоварчик найдется.

— Ты бы лучше штаны надел, чем старых людей учить. Бесстыдник! А еще комсомолец.

— Бойтесь, значит?

— Ничего не боюсь. А отсыреть не желаю.

— А вот Пунь не побоялась. Корейка-то смелей вас. Она у нас на все руки. И варит, и фарит, и белье стирает, и пол моет.

— Пол моет? Под водой-то?

— Да что же вы в самом деле думаете, что у нас все водой залито,— и полы, и кровати, и самоварные трубы? Ничего подобного! Суше, чем в вашей фанзе. Эх, вот только что плохо: не умеет по-нашенски варить обед Пунь. Как наварит своих корейских куфаний,— один только Цзи Цзы и лопает с аппетитом. А если бы вы, Марфа Захаровна, нам ффи сготовили, как помните, угофляли меня? Я до сих пор пальчики облизываю. Вы бы нам варили да фарили, да пироги рыбные пекли с рыбной начинкой, да пельмени...

Похвала подействовала,— Марфа Захаровна смягчилась, но о том, чтобы спуститься под воду, и слышать не хотела.

— Приходи сам сюда пельмени есть,— ответила она, улыбнувшись.

— Однако нам пора,— сказал Конобеев и начал надевать на себя маску и водолазное облачение.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! — качая головой, сказала старуха.

— Ничего особенного, однако,— ответил Конобеев и направился с Ванюшкой к берегу навстречу налетавшим волнам. Волны грохотали, пена шипела на песке, брызги летели дождем, а Конобеев смело шел вперед.

— Держись за меня! — крикнул он Ванюшке, когда они подошли к волнорезу. Ванюшка ухватился за богатырскую руку старика. Первая волна обдала их и едва не сбила с ног. Наклонив головы, прижавшись друг к другу, Конобеев и Топорков бросились вперед. Волны покрыли их. На мгновение показалась еще раз косматая седая голова Макара Ивановича и скрылась.

Марфа Захаровна, сложив красные руки на круглом животе, склонила свое круглое красное лицо. Губы кривились; она готова была заплакать. А собака Хунгуз, подойдя к самой воде, вдруг подняла морду и на-

чала выть. Потом сердито залаяла на волны и начала бегать по берегу, как бы желая броситься вслед ушедшим под воду. И снова завывала, жалобно и протяжно...

III. ПОД ПЯТЬЮ КУПОЛАМИ

Трудно идти по дну океана навстречу приливу. Труднее, чем по земле против ветра в шторм. Конобеев нагнул голову и таранил жесткую упругую движущуюся массу воды. А Ванюшка шел на буксире, держась руками за бедра старика-великана.

Когда спустились в подводную лошину, стало сразу тише. Здесь чувствовался только водяной «ветерок». Ванюшка отцепился от Конобеева и поднял голову вверх. Солнце стояло над ними светящимся размытым пятном. Волнение на поверхности мешало видеть резко очерченный шар, как это бывало во время шторма.

«Полдень. Пора обедать», — подумал Ванюшка.

И в этот самый момент послышался звук колокола. Под водой он был слышен очень отчетливо. Колокол прозвонил двенадцать. В зеленоватой мгле мерцал огонек. Это светился маяк на крыше подводного жилища. Его гасили только тогда, когда все были в сборе. Конобеев распрямил спину и быстро пошел на свет. Ванюшка едва поспевал за своим вожак.

Сквозь лес длинных водорослей свет маяка разгорался все ярче по мере того, как путники подвигались вперед. Ванюшка много раз уже любовался подводным ландшафтом — и не мог налюбоваться. Как будто он попал на неведомую планету, где все иное. Длинные полосы, ленты, шнуры, веревки бурых водорослей тихо колебались, извивая, как полусонные змеи, свои гибкие тела. Среди этих лент, протянутых, как серпантин, резко выделялись широкие пальмовидные листья ламинарий.

Скоро можно было различить уже и подводное жилище. Издали оно напоминало пять куполов-полусфер византийского храма: как будто храм провалился в землю до самых куполов. Дом стоял в долине между двумя поперечными возвышенностями, которые предохраняли от морских «ветров» — прилива и отлива.

Здесь всегда было тихо.

Яркий свет подводного прожектора собирал множество рыб, шнырявших между водорослями, как разноперые птицы в тропическом лесу. Только эти птицы были молчаливые.

Путники вошли в железную камеру и плотно закрыли за собою дверь. Ванюшка повернул кран, и вода начала уходить в трубу. Через пять минут сильные насосы освободили камеру от воды; другие насосы наполнили ее воздухом. Ванюшка и Конобеев сняли водолазные костюмы и мокрую одежду, переоделись и вошли через железную и деревянную двери в деревянную избушку. Они были у себя дома.

Под средним, самым большим, куполом находилось «общественное здание» из четырех комнат. В одной помещалась общая столовая, в другой — кухня с кладовой, в третьей — библиотека-читальня и в четвертой — машинное отделение.

Вокруг этого большого центрального купола с маяком были расположены четыре меньших. Купол с выходною дверью, направленный к берегу, назывался западным. Он прикрывал собою избушку в две комнаты, в которой помещались Топорков и Волков. Затем следовали: северный купол — там жили стряпуха Пунь и ее муж Цзи Цзы; западный — в двух комнатах этой избушки помещались Конобеев и Гузик; и, наконец, южный — в этом куполе было две комнаты: одна — лаборатория-мастерская Гузика, а другая — запасная — для «приезжающих», где иногда ночевали приехавшие с берега по делам к Волкову и Гузiku.

Ванюшка вышел в столовую. Она, кроме выходной двери, имела еще две: прямо — в кухню и влево — в библиотеку-читальню. В этой комнате, как и в других комнатах центрального дома, совсем не было окон. Сильная электрическая лампа под потолком хорошо освещала большой, застланный китайской чистой скатертью стол с шестью приборами и шесть табуреток у стола. Еще несколько запасных табуреток стояли у стен. Рядом с дверью в кухню, у стены стоял буфет карельской березы; на круглом столике сверкал полированными боками большой самовар, лучший друг Конобеева.

В столовой еще никого не было. Ванюшка потянул носом, поморщился и прошел в кухню.

У электрической плиты возилась маленькая скуластая Пунь в синем платье и белом переднике. Ее черные, как смоль, жесткие волосы были гладко зачесаны и собраны сзади в пучок, сколотый двумя шпильками с шариками на концах.

История ее появления в подводной колонии была такова. Волков нанял для работы корейца Цзи Цзы, или — по корейскому произношению — Кые Ца. Стоворились о плате. Цзи Цзы получил задаток и в назначенный день явился со своею подругой жизни, которую отрекомендовал:

— Пунь.

— Почему «Пунь»? — спросил Волков, который знал, что «пунь» — это мелкая корейская монета.

— Больше не стоит, — ответил Цзи Цзы.

— А ты сам сколько стоишь? — спросил улыбаясь Волков.

— Сто пунь будет нянь, а десять нянь будет кань. Вот сколько я стою. Кань! — ответил Цзи Цзы.

— Но зачем же ты привел свою жену? — спросил Волков, поглядывая на женщину, покорно стоявшую около своего властелина.

Цзи Цзы удивился вопросу и в недоумении пожал плечами.

— Как зачем? Чтобы она работала.

— Но ведь я нанимал тебя. А ты что же будешь делать?

— Я буду получать деньги, — ответил спокойно Цзи Цзы.

Волков решил, что женщина может пригодиться в доме по хозяйству, а Цзи Цзы возьмется рано или поздно за работу, и согласился принять Пунь, которая беспрекословно надела водолазную маску и последовала за мужем в воды океана. Так же беспрекословно она пошла бы за ним даже «в страну теней».

Пунь оказалась на редкость полезным членом подводной колонии. Она варила обед, мыла посуду, полы, стирала белье, наводила чистоту и еще успевала помогать мужчинам в их работе вне дома. Зато Цзи Цзы ровно ничего не делал, если не считать получения жалованья.

Он целыми днями валялся на кровати, покуривал трубочку. Однажды Волков указал корейцу, что он своим курением портит воздух. Цзи Цзы ничего не

сказал, надел водолазную маску и отправился на берег. Что он там делал, было неизвестно. Вероятно, в хорошие дни валялся на берегу. Но к обеду он являлся аккуратно.

— Здравствуй, Пунь, чего ты нам сегодня наворотила? — обратился Ванюшка к поварихе, заглядывая в горшки и сковороды. Морская капуста, соус, вероятно, тоже из водорослей, трепанги, иваси, еще какой-то пряно пахнущий неведомыми травами соус...

— Халасе наваратила! — весело ответила Пунь, потряхивая сковородку.

— Щец бы! — вздохнул Ванюшка, но Пунь не поняла его и начала в чем-то оправдываться.

Она вдруг быстро-быстро заговорила по-корейски, и ее тоненький голосок раздавался, как птичье щебетанье.

— Ладно уж! — покровительственно ответил Ванюшка и прошел в библиотеку. Стены этой комнаты были заставлены книжными шкафами. За круглым столом сидел Конобеев, наклонившись над иллюстрированным журналом.

— Мастоdont, читающий последние политические известия! — рассмеялся Ванюшка, увидав старика за таким «неподходящим» занятием. Действительно, со своим громоздким телом, огромной бородой, руками, которые были способны задушить акулу, но не обращаться с книгой, он как-то не подходил к этой обстановке.

— Гляди, однако, — сказал Конобеев, с невероятными усилиями переворачивая корнеобразными негнбающимися пальцами страницу журнала.

— Краб лучше тебя листы ворочал бы. Чего смотреть-то, однако? — спросил Ванюшка.

Конобеев показал на снимок летящего аэроплана.

— Летают, однако!

— Ну и что же? — спросил Ванюшка, не поняв, что Конобеев в душе продолжает спорить со своей старухой, отстаивая право жить под водой. И, не ожидая объяснений Макара Ивановича, Ванюшка прошел в машинное отделение.

Там пахло особенно, — «электричеством», как шутя говорил Ванюшка.

— Здравствуй, Гузик! Сегодня мы с тобой еще не видались! — весело крикнул Топорков молодому чело-

веку, сидевшему спиной к нему на корточках около электрической машины.

— Вот тебе и два с половиной диэлектрическая постоянная эбонита! — ответил Гузик.

— Заговариваешься, братишка?

— А, это ты, Ваня? Здравствуй! — Гузик поднялся, отряхнулся и повернулся к Ванюшке лицом. Густые, каштановые, немного вьющиеся волосы над высоким лбом и большие очень прозрачные светло-серые глаза, всегда задумчивые, смотрящие куда-то вдаль, как бы пронизывающие вещественные предметы, — «рентгеновские», как выразился однажды Волков. Эти глаза невольно обращали на себя внимание.

Молодой инженер-электрик, ученый изобретатель Микола Гузик был прост, как ребенок, и феноменально рассеян. Но эта рассеянность относилась лишь к внешнему миру и внешним вещам, и происходила она оттого, что Гузик умел так глубоко внутренне сосредоточиваться, что забывал обо всем окружающем.

— Идем обедать, что ли! — сказал Ванюшка.

— Да, да... — ответил Гузик и, переведя взгляд прозрачных глаз с неведомых мировых высот на динамо, опять уселся на корточки и начал возиться у машины.

— Микола-чудотворец! — закричал вдруг Ванюшка и начал трясти Гузика за плечи. — Довольно! Айда в столовую! — И он потащил своего ученого друга. — Макар Иваныч, обедать! — крикнул он мимоходом Конобееву.

В столовой уже сидел Волков. Пунь подавала на стол. К общему удивлению, Цзи Цзы не пожаловал к обеду.

— Где Кые Ца? — спросил Волков Пунь.

— Цолт зял (черт взял), — ответила она. — И пусть!

Гузик мог не есть целыми днями. Но, усевшись за стол и глубоко задумавшись, он ухитрялся незаметно для себя съедать и больше, чем надо. Однажды он один съел большую сковороду печенки, приготовленной для всех. Теперь молодой изобретатель принялся за соус, сделанный из морской капусты, и поглощал его с большим аппетитом, пронизывая Конобеева невидящим взглядом.

— А ну-ка, дай попробовать! — сказал Ванюшка, пододвигая к себе соусник и накладывая на тарелку.

Соус был очень вкусный и питательный, но Ванюшка недовольно повел носом.

— Не то! — сказал он, вздохнув.

— Непривычка и больше ничего, — возразил Волков, — морская капуста вкуснее земной и гораздо питательнее. Когда ты привыкнешь, то не захочешь другой. И я уверен, что морская капуста скоро будет таким же необходимым блюдом за каждым столом, как картошка. Ведь картофель вначале тоже не хотели и даже боялись есть. Саранча, муравьи, ласточкины гнезда кажутся тебе омерзительными, а между тем у многих племен кушанья эти являются самым лакомым блюдом.

Ванюшка даже кулаком ударил себя по груди.

— Семен Алексеевич! Чувствую, понимаю! Если бы не понимал, то и на дно бы не полез. Ради чего я полез? Ради этой самой морской капусты полез. Но только, Семен Алексеевич, не привык я еще. Вот Марфа Захаровна недавно угощала нас щами. Натуральными. Ах, невозможно забыть, Семен Алексеевич! Красота! — И вдруг, хлопнув Конобеева по спине, Ванюшка воскликнул: — Макар Иванович, помнишь? Нет, как хочешь, а Марфу Захаровну мы сюда доставим. Если под водой у нас щами запахнет, совсем другой океан будет. Красота! Только как, Макар Иванович? На какой бы крючок, на какую приманку нам эту рыбку поймать — Марфу Захаровну то есть?

Конобеев вздохнул и даже ложку отложил в сторону.

— Не сделано еще такого крючка, на который можно было бы таких самостоятельных старух ловить, — отвечал он. — Греха боится по глупости бабской. Староверка она у меня.

— А ты тоже старовер? — спросил Ванюшка.

— Был, да весь вышел, однако! — ответил Конобеев. — Темноть.

Макар Иванович о чем-то глубоко задумался, потом, не окончив обеда, поднялся из-за стола и вышел.

— Скучает! — тихо сказал Ванюшка, кивнув вслед Конобееву. — Эх ты, кручение-мучение с этим полом, с длинным подолом.

А Конобеев прошел в свою комнату, хмурый, озабоченный. Его густые брови, усы и борода топорщились и беспрерывно шевелились. Он надел водолазный ко-

стюм. Старику хотелось на берег, но на глаза Марфе Захаровне он не решался показываться. И он отправился далеко на юг, на разведки. Эти разведки Конобеев очень любил. Потом он докладывал обо всем виденном под водой Волкову: где какая почва, где растут водоросли, где они не растут, но расти могут.

Конобеев пробродил целый день, вернулся поздно ночью, улегся на полу — он не любил спать на кровати — и начал так ворочаться и вздыхать, что разбудил Гузика.

— Чего вы ворочаетесь, Макар Иванович? — спросил его Микола.

— К непогоде. Тайфун будет, — отвечал Конобеев. — Всегда чую!

Но не одно приближение тайфуна заставило его ворочаться и вздыхать по-слоновьи. Ему было жалко старуху, Марфу Захаровну, которая в эту ночь ворочается одна в китайской фанзе под елью. Ель шумит, дверь скрипит, собака воет, а она одна...

Жалко старуху, но и бросить воду он не может. Нет, никак не может! Да и как бросить налаженное дело, шутка ли?

Макар Иванович начал вспоминать свою жизнь вплоть до того момента, как он встретился с Волковым.

IV. ПОДВОДНЫЙ СОВХОЗ

Конобеев родился и вырос в Приморье. Отец его был зверолов. И Макар Иванович еще десятилетним мальчишкой уже ходил с отцом на медведя. Сколько он их потом уложил на своем веку, выходя на зверя «один на один»! Но не в пример отцу, который был настоящим «лесным человеком», у Макара Ивановича была общественная жилка. Еще в старое время, до революции, он пытался организовать артель охотников и рыболовов. Но из этого ничего не вышло. Конобеев доверчиво роздал членам артели деньги, которые скопил, продавая пушнину; его обманули, ушли с деньгами и не вернулись.

После революции Макар Иванович перекочевал к самому берегу океана и занялся рыбной ловлей, — сна-

чала один, потом небольшой артелью от Дальсельсоюза. Но от времени до времени в нем просыпался охотник, и он бросал невод и острогу, чтобы взяться за ружье и рогатину. Во время этих охотничьих запоев Конобеев и встретился с агрономом Волковым, тоже взятым охотником. Они скоро подружились, как два истых профессионала.

Волков не так давно поселился в Приморье. Раньше он работал в Белоруссии по колхозному строительству. Но у него была беспокойная натура. Наскучив работой землемера, он пристроился к одной научной экспедиции, которая отправлялась на Дальний Восток. Красота и своеобразие этого края так пленили Волкова, что он остался там жить.

У него было настоящее чутье охотника и меткий глаз. Если Конобеев «стоил» четырех десятков медведей, то у Волкова были другие заслуги: он собственноручно убил двух тигров, — не плохой стаж для новичка. Правда, одного тигра ему пришлось убить, случайно наткнувшись на него и обороняясь. Лишь исключительное хладнокровие и находчивость спасли ему жизнь. Тигр был убит, но уже издыхающий успел царапнуть щеку Волкову одним коготком, оставив отметину на всю жизнь.

Сидя у костра, Конобеев и Волков рассказывали друг другу бесконечные истории из охотничьей жизни.

Однажды утром они вышли на берег моря. Стоял конец октября. Погода была на редкость тихая. На океане отлив обнажил отмели с наметанными на них кучами морских водорослей. Недалеко от берега два японца занимались странным занятием. Один из них сидел в тупоносой лодке, нагруженной связанными в пучок бамбуковыми ветвями. Второй японец, поставив голую ногу на край лодки, другой ногой, налегая всей тяжестью тела, наступал на конический заступ, имевший две рукоятки, как в детских ходулях. Поднимая и опуская заступ, он двигался вдоль борта лодки; следуя за ним, его товарищ брал пучки бамбуковых веток и втыкал их в дно.

Волкову впервые приходилось видеть такое зрелище.

— Что они делают? — спросил он Конобеева. Старик усмехнулся.

— Капусту садят!

— Нет, в самом деле?

— Однако в самом деле капусту сажают,— ответил Конобеев.— Морскую капусту.

— Но ведь это не капуста, а ветки бамбука.

— Ну да, ветки бамбука. Вишь ты, какая штука: когда морская капуста выпустит семя...

— Споры?

— Никаких споров. Обыкновенное семя. Семя это летит по воде, как пыль по воздуху. А вот эти самые кусты задерживают семя. И на этом месте начнет капуста расти. Место тут неглубокое, удобное для того, чтобы капусту потом палками с крючками срывать. Вот они и сажают ветки. Огород, значит, разводят, вроде как подводные земледельцы. Однако к нам лезут! Тесно у них на островах, податься некуда, вот и лезут. Да нешто одни японцы нас обируют? А американцы что делают? Глаза бы не видали! Одних котов¹ тыщами изводят.

— Макар Иваныч. Это что же такое? Контрабандная реквизиция общественного достояния? — услышал Волков чей-то молодой голос и обернулся. Перед ним стоял веселый черномазый юноша, сверкая белыми зубами. На нем была надета кепка, толстовка и кожаные штаны, заправленные в огромные рыбацкие сапоги с голенищами выше колен.

— Ванюшка? Здравствуй! — отозвался Конобеев и, обратившись к Волкову, пояснил: — Ванюшка Топорков в нашей артели работает. Комсомолия.

— Ты чего не на работе? — спросил он Ванюшку.

— Выходной я, Макар Иваныч! Я говорю: что это делается? Здравствуйте, гражданин,— поздоровался он с Волковым.— Как они смеют грабить достояние!

— Я и то говорю... Тесно у них,— ответил Конобеев.

— Знаю, что тесно,— не унимался Ванюшка.— Да ведь кто грабит? Подручные Таямы Риокицы, промышленника толстопузого. Он же бедняку-японцу и продаст эту капусту за четыре дóрога, а бедняк опять голодный будет. Гнать их отсюда без всяких дипломатических нот. Эй вы! — крикнул он, замахнувшись ракушкой на японцев.— Брысь отсюда! Что за безобразие, фут возьми! Брысь, брысь! — И он решитель-

¹ Котик.

но зашагал к лодке прямо по воде, поднимая тучи брызг.

Японцы о чем-то быстро поговорили между собою, потом положили в лодку заступ и взялись за весло. Скоро лодка скрылась из вида.

Трое — Конобеев, Ванюшка и Волков — уселись на берегу. Над ними с пронзительными криками летали чайки. Куда-то в сторону тянули бакланы. Совсем недалеко от людей спокойно ходили кулики и клевали.

Макар Иванович вынул кисет, набил зеленоватым табаком трубку с коротким мундштуком, закурил, затянулся и начал медленно говорить:

— Однако теперь морской капусты совсем мало у нас добывают. А раньше много больше добывали. В Китай, в Японию продавали... И чего это столько добра зря пропадает! Глядеть жалко!

— Миллионы миллионов,— поддержал Ванюшка.

— Да, а если бы нам самим взяться за разведение морской капусты, как это японцы делают,— задумчиво сказал Волков,— мы могли бы удесятить сбор и сбыт капусты. А если все это механизировать, механизировать...

— Совхоз! О! — воскликнул Ванюшка. — Это... это, фут возьми, что такое? Экспортный товар. Валютный! А? Что ты скажешь, дед Макар?

— Однако хорошо было бы,— подумав, ответил Макар Иванович.

Ванюшка вдруг вскочил, как с горячей плиты. Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и заговорил, как на собрании:

— Граждане, кто за подводный совхоз? Единогласно! Ах, фут возьми! Вот это будет номер! — И он размечтался, захваченный необычайностью идеи.

— Мы будем работать под водой в водолазных костюмах. Мы выстроим на дне настоящие города. Проведем дороги. Наставим электрических фонарей. И по этой подводной дороге будем ездить на подводных автомобилях к подводным знакомым! Вот так фут возьми! Работать мы будем на подводных тракторах... А как, телефонные провода можно в воде прокладывать? — спросил он Волкова.

— Можно, только хорошо изолировать их. Кабели называются.

— Будут у нас телефоны, и радио, и уха каждый день, потому что с рыбами в одной квартире. Прямо воду нагревай и уху ешь!

Он забрасывал Волкова вопросами: хорошо ли под водой видно, слышно ли звуки, которые издаются над водой, как изменилась бы жизнь, если бы человечество жило в океане.

— Ведь нам объясняли, — говорил он, — что все живое вышло из воды. А вот если бы и обезьяны, и сам человек развился в воде?

— Однако, далеко хватил! — сказал Конобеев. — Мы про капусту начали говорить. — Эти слова охладили фантазию Ванюшки и вернули его к практическим вопросам.

— Прежде чем думать о том, чтобы жить под водой, надо подумать об усовершенствовании водолазных костюмов, — сказал Волков. — В современных водолазных костюмах долго не проработаешь, да и слишком это сложно и дорого. Ведь наша задача должна сводиться к тому, чтобы завести правильное хозяйство — садить морскую капусту японским способом на новых участках земли. Японцы могут втыкать свои бамбуковые ветки лишь на очень небольшой глубине, там, где вода над плантацией при отливе не превышает одного — полутора метров. Работать на большой глубине не позволяют их несовершенные орудия. Конический заступ не сделаешь слишком длинным, — иначе с ним трудно будет обращаться, а садить кустики в сделанные ямы, ныряя с лодки, слишком трудно и утомительно, на значительной же глубине и невозможно. Если же сконструировать хороший, удобный водолазный костюм, не связанный с определенной базой, то площадь подводных плантаций можно увеличить во много-много раз. Можно, конечно, механизировать и копанье ямок, хотя о подводных тракторах и автомобилях нам мечтать пока не приходится. Трактор без горючего не двинется, а горение под водой...

— Можно двигать электричеством, — не унимался Ванюшка. — Вот подождите, я напишу своему приятелю в Ленинград. Он электротехник и изобретатель. Он работает в лаборатории самого академика Иоффе. Слыхали про такого? Он нам — не Иоффе, а приятель мой, Микола Гузик, — и водолазные костюмы придума-

ет, и подводные тракторы. А может, и сам Иоффе поможет. Башковитый малый!

— Однако на все это нужна монета,— опять охладил Конобеев юношеский пыл Ванюшки.

— А много? — спросил Топорков дрогнувшим голосом, повернув голову к Волкову.

— Очень много,— ответил тот.

Наступила пауза. Три головы усиленно думали. Ванюшка, забыв о деньгах, опять фантазировал, Конобеев вспоминал свои неудачи с организацией артели, а Волков думал, можно ли создать подводный совхоз хотя бы на самых скромных началах. Безусловно, сделать можно многое, даже не переселяясь на дно океана. Главный вопрос в деньгах. Дело новое и может встретить естественное недоверие...

— Валюта! Вот она! Бери ее! — крикнул Ванюшка, продолжая ткать нить своих мечтаний; и так махнул руками, что спугнул стайку птиц, клевавших почти у самых его ног.

На этот раз не было принято никакого практического решения. Однако начало было положено. Эти три случайно сошедшихся человека представляли уже некоторую силу. Один без другого они едва ли смогли бы что-нибудь сделать и, вероятно, ограничились бы только тем, что помечтали бы о подводных плантациях и вернулись каждый к своим делам. Но при сложении этих трех человеческих величин, вопреки школьной арифметике, сумма была равна трем плюс икс. Этот икс являлся как бы процентом на капитал объединенного труда. Недаром кипящая вода весит несколько больше, чем при температуре замерзания. Ванюшка, Конобеев и Волков дополняли друг друга. У Ванюшки был «огонь», фантазия, смелость мысли, не связанной старыми предрассудками, искрящийся энтузиазм молодости. Конобеев имел практическую сметку и долгий-долгий житейский опыт, а Волков обладал знаниями и упорством в достижении цели. Огонь сжигает, вода гасит огонь. Но если на огне Ванюшкиного энтузиазма подогреть холодную воду конобеевского жизненного опыта в котле волковского знания, то может получиться пар, который будет двигать машину!..

Друзья (они были уже друзьями, связанными общей идеей) решили встретиться через несколько дней.

У. ПИСЬМО МИКОЛЫ ГУЗИКА

Через несколько дней Волков, Конобеев и Ванюшка встретились на заранее условленном месте на берегу моря.

— Идет дело на лад! — воскликнул Ванюшка. — Я написал Гузика в Ленинград. Он, понимаете, из ударной бригады послан в вуз. Башковитый малый. И мой приятель. Одно время мы с ним вместе работали, там и подружились.

— Однако из этого дела ничего не выйдет, — неожиданно сказал Конобеев, шевеля усами и густыми бровями. — Я говорил с нашим артельным завом. Спрашиваю его: что, мол, если бы начать капусту разводить, как японцы, можно ли на это деньги из артели получить или из Дальсоюза. А зав говорит, что и думать нечего. Сажать капусту, говорит, нечего; одним прибоем, говорит, тысячи тонн на берег выбрасывает, так и гибнет, ни себе, ни людям. Эвона сколько! — и Конобеев указал на груды гниющих водорослей, выброшенных волнами на берег.

— А вон смотри! Это что? — воскликнул Ванюшка, указывая на лодку, в которой сидели два уже известных японца. Они продолжали сажать кусты бамбука. — Покажи нашему заву.

— То дело десятое, однако, — возразил Конобеев. — Японцы у себя всю морскую капусту до последнего кустика выщипывают, можно сказать дно языком вылизывают, а у нас что? Хы! Собака на сене.

— А ты что раньше сам говорил? — вспыхнул Ванюшка.

— Говорил, что не плохо бы.

— Семен Алексеевич! Что же это такое? — спросил Ванюшка, покрасневший от волнения и разочарования. — Это же трудовое дезертирство. Неверие!..

— Я думаю, что Макар Иванович неправ, — ответил Волков. — Из того, что мы плохо используем свои природные богатства, вовсе не следует, что мы и не должны их использовать. Наоборот, надо использовать то, что сам океан на берег выбрасывает, что еще хранится в его водах, и то, что можно создать своими руками. Я навел кое-какие справки. Сейчас нами добывается водорослей свыше восьми тысяч тонн, а в

тысяча восемьсот восемьдесят пятом году добывалось больше десяти тысяч! — Ванюшка свистнул. — Тогда мы продавали капусту в Китай в качестве пищевого продукта. Макар Иванович прав, — сейчас мы добываем меньше, чем раньше. Слушайте дальше. Химические исследования, произведенные не так давно, показали, что морская капуста действительно содержит много питательных веществ и годна и для питания человека, и для корма скота. В ней содержится от шести до тридцати процентов белка и немного жира — примерно процента полтора — два. Таким образом, в капусте есть все необходимые для питания вещества. Японская капуста «аманори» богата протеином¹ и является очень хорошим питательным веществом. Японцы большие мастера готовить из аманори различные кушанья. Они кладут высушенную капусту в приправы или едят ее отдельно приготовленной. Особенно вкусными получаются консервы аманори с бобовой соей.

— Слыхал? — спросил Ванюшка Конобеева, многозначительно кивая головой.

— Однако все это я слышал, когда еще тебя на свете не было, — отозвался старик.

— Мы могли бы отправлять капусту и на внутренний и на внешний рынки. Но морская капуста, — продолжал Волков, — может быть использована не только как питательное вещество. Из золы ее получают очень ценные удобрения, так как в ней имеются калиевые соли. Америка добывает этих солей из водорослей на много миллионов долларов ежегодно. Наконец, в водорослях много солей, йода, брома и даже мышьяка. В 1916—1917 годах здесь был завод, который давал до тысячи килограммов йода в год. «Ляминариа дигитата» содержит три процента йода и до двадцати пяти процентов углекислого калия. В пищу наиболее часто употребляются «ульва» из зеленых водорослей, «порфира» и «редимения» — из красных «аляриа» и «ляминария».

— А сколько всего можно добыть водорослей? — спросил Ванюшка.

— Один американец высчитал, что в Тихом океане один только вид водорослей — «макроцистис» — может дать тысяч шестьдесят тонн ежегодной жатвы.

¹ Протеины — белковые вещества, встречающиеся в растениях в виде крупных зерен.

А запасы всех видов водорослей невозможно сейчас даже учесть.

— Эвона, однако! — сказал Конобеев, проведя широко рукой с севера на юг. — По берегам всего Татарского пролива до бухты Пластун, по берегам Сахалина и на полдень аж до самой Корен. Неисчислима, как песок морской!

Новое экстренное собрание было созвано Ванюшкой, когда он получил ответ от Миколы Гузика.

«Ты, Ванюшка, спрашиваешь меня о водолазных костюмах. Наилучшие из них — японские. Это аппарат, который закрывает нос и глаза (очки). В японских костюмах можно погружаться до 80 м. Глубже опускаться в таких аппаратах затруднительно (давление воды: погружение на каждые 10 м увеличивает давление примерно на одну атмосферу). Для более глубокого погружения существуют жесткие аппараты, в которых можно опускаться на глубину 200 м. В таком аппарате давление воды поглощается стенками. Среднее погружение в мягком аппарате — 40 м. Но и при жестком и при мягком аппарате водолаз связан со своей базой (подача воздуха). Освобождение водолаза от базы (относительное) может быть достигнуто снабжением аппарата сжатым воздухом. Но это «освобождение», как я сказал, относительное. Полную независимость от базы водолаз не может получить уже потому, что в воде трудно ориентироваться (на глубине 8 м в самое светлое время можно видеть по горизонтальному направлению не далее 2—4 м).

Так обстоит дело с существующими аппаратами. Но...»

Ванюшка прервал чтение и, подняв указательный палец руки вверх, сказал:

— Дальше идет самое интересное!

«...но изобретение нашей лабораторией нового компактного аккумулятора открывает большие горизонты в самых многочисленных областях применения электрической энергии, в том числе и в водолажном деле. Представь себе маленькую коробочку — вроде спичечной. И вот в этой коробочке, которую ты легко можешь положить в жилетный карман (если ты уже обзавелся жилетом), содержится запас электричества,

достаточный для того, чтобы в продолжение нескольких суток двигать автомобиль с предельной скоростью. В твоём жилетном кармане спрятана «электростанция» в несколько сот лошадиных сил. Этой энергией ты можешь неделю освещаться, отапливаться, можешь вращать ею мельничные жернова, приводить в движение станки, тракторы. Я решил применить аккумулятор к водолазному делу. Ты дал мне идею! Я создам совершенно новый вид водолазного аппарата.

Ты, вероятно, знаешь, что кислорода, необходимого для дыхания, в природе более чем достаточно. В атмосфере его 23%, в земной коре — 47,2%, а в морях и океанах — 85,8%, — то есть больше, чем в воздухе и земной коре, вместе взятых. Этот кислород надо только извлечь из воды. А извлечь его можно при помощи электролиза. При помощи аккумулятора водолаз получит из морской воды воздух, разлагая воду электричеством. Вся «лаборатория» для добывания кислорода будет помещаться за спиной в ящике величиною не больше походного ранца. Но этого мало. Тот же аккумулятор даст ток и для сильной лампы в тысячу и больше свечей. Лампа будет помещаться над головой водолаза и освещать ему подводные окрестности на несколько десятков метров. Наконец еще одно. В своём ранце ты можешь иметь не один, а два, три, десяток аккумуляторов. Ты «всосешь» в аккумуляторы электричество целой электростанции. Ты сам станешь ходячей электростанцией. И ты сможешь использовать электрический ток еще в одном направлении: для вращения небольшого винта, который позволит тебе плавать с большой быстротой. Ты понимаешь, какие перспективы это открывает? Ты станешь настоящим морским жителем, ты будешь проплывать под водой десятки и сотни километров. Тебе не нужно будет иметь никакой базы, с которой бы ты был связан. Если захочешь, ты сможешь даже поселиться под водою. Ваш план о подводном земледелии заинтересовал многих моих приятелей-ученых. Они считают этот план вполне осуществимым и многообещающим. Сейчас я произвожу опыты, конструирую новый водолазный аппарат. Когда все будет готово, я напишу тебе. Сообщи, как идут у вас дела с организацией подводных плантаций. Эта мысль так заинтересовала меня, что, по-

жалуй, я сам не удержусь и прикачу к вам пробовать мой водолазный костюм.

М. Гузик».

Ванюшка опустил письмо на колени и посмотрел на слушателей. На них письмо, видимо, произвело большое впечатление, особенно на Волкова, который понял в нем гораздо больше, чем Конобеев. На Макара же Ивановича произвело впечатление то, что о разведении подводной капусты знают в Ленинграде ученые люди и что они находят это дело осуществимым и хорошим. У всех настроение поднялось. Конобеев хлопнул по коленям огромными лапищами и сказал глухим басом свое любимое:

— Однако!.. Выходит так,— продолжал он после паузы,— что дело на мази. Остановка за деньгами.

— Макар Иванович, ты же сейчас говорил, что из этого дела ничего не выйдет.

— В Ленинграде сидят люди поумнее нашего зава,— ответил Конобеев.

— Теперь надо только обхлопотать это дело,— сказал Ванюшка.— В Далькрайсоюз пойдем, в Амурсельсоюз толкнемся, все краевые учреждения облазим. А если здесь поддержки не найдем, до Москвы доберемся. На этакое дело деньги должны найтись. И мы найдем их! В лепешку разобьемся, а достанем!

На том и порешили.

С этого дня начались для подводных земледельцев «хождения по мукам».

В одном краевом учреждении их принял хмурый человек в очках. Он слушал их, покуривая папиросу и пощипывая реденькую мочальную бородку. Иногда поднимал правую бровь, что у него выражало удивление, иногда едва заметно усмехался краешком губ и складками в углах век. Ванюшка на этот раз решил действовать прямо и изложил весь план о подводном земледелии, о подводных плантациях, насаждаемых водолазами, о грандиозных цифрах добычи капусты. Только о подводных тракторах он не решился сказать. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы заставить хмурого человека развеселиться. В конце доклада Ванюшки хмурый человек показал даже свои красивые зубы, обнаженные улыбкой. Надо ему отдать справедливость, он умел слушать.

Когда Ванюшка окончил, вытер вспотевший лоб и уселся на стул, как подсудимый, сказавший свое последнее слово, хмурый человек, не переставая улыбаться, поправил очки и сказал:

— Так! — Голос его с хрипотцой не предвещал ничего хорошего. — Грандиозно! Великолепно! — Он затянулся папироской и, переменив тон на деловую скороговорку, неожиданно начал сыпать слова, как горох:

— Но нужно ли весь этот подводный огород городить, дорогие мои? Знаете ли вы, какую площадь занимает Дальневосточный край? — Хмурый человек поднялся и указал на карту, висевшую на стене. — Вот, полюбуйтесь!

— Видали! — не очень-то любезно ответил Ванюшка.

Хмурый человек посмотрел на него строго, как учитель на ученика, который перебивает учителя, и продолжал:

— Дальний Восток занимает площадь в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. Вы понимаете, какая это махина? Для примера можно сказать, что на поверхности Дальневосточного края укладываются Италия, Бельгия, Румыния, Португалия, Чехословакия, Финляндия, Дания, Франция, Германия, да еще останется излишек без малого в полмиллиона квадратных километров. А населения во всем крае меньше, чем в одной Москве! Если бы плотность Далькрая была такая, как, скажем, в Полтавщине, то есть около семидесяти пяти человек на квадратный километр, то в наших привольных местах можно было бы разместить сто семьдесят восемь миллионов пятьсот шестьдесят тысяч человек, — больше чем во всем СССР! Есть где разойтись! Земли непочатый край. Мы еще далеко не освоили этого огромного участка земной суши. Пашите, насаждайте плантации, садите огороды, сколько вашей душе угодно. Устраивайте совхозы, колхозы, фермы. Не проще ли это, чем лезть под воду, чтобы насаждать морскую капусту? — И хмурый человек победоносно посмотрел на Ванюшку поверх очков.

Ванюшка не сдавался.

— Но разве это противоречит одно другому? — спросил он. — Пусть кто хочет пашет землю, а мы хотим пахать дно океана потому, что это даст нам экспор-

тный товар, валюту. Мы желаем использовать природные богатства края. Мы...

Но человек в очках был против «фантастических проектов».

Друзья ушли ни с чем. Сколько еще таких диспутов, стычек, разговоров пришлось им вести, прежде чем, наконец, необходимые суммы были отпущены! Рабкоры писали корреспонденции, шумели, «бузили». Волкову и Ванюшке пришлось побывать даже в Москве.

VI. В «МОРЕ-ОКИЯНЕ»

Самый трудный и скучный период организации кончился. Дальше начиналось дело. В мае приехал Гузик с несколькими водолазными костюмами. Приезд этот был целым событием в жизни подводных земледельцев. Предстояла проба аппаратов. Гузик, Волков, Конобеев и Ванюшка выехали на катере. Океан был спокоен, погода отличная. У друзей было веселое, радостное настроение. Расположившись на палубе катера, Гузик показывал аппараты и давал объяснения.

— Вот это — «летний» костюм. Он устроен по типу японских водолазных костюмов для небольшой, сравнительно, глубины — метров до семидесяти. Летним я его называю потому, что весь он состоит только из «наносника» с очками, фонаря да ранца-лаборатории, где аккумулятор превращает морскую воду в кислород. Надев такую маску на лицо и привязав ранец за спину, можно опускаться на дно голым, что, конечно, приятно лишь в теплое время года, когда тепла и океанская вода. В таком «костюме» из носа и очков вы будете иметь полную свободу движений. Для подводных работ это очень ценно. Этих аппаратов я привез пока парочку, но сделать их можно очень много в короткий срок.

— Заткнем за пояс японцев! — весело сказал Ванюшка, примеряя маску. — Хорошо! Очень хорошо! — хохотал он, поглядывая на себя в маленькое зеркальце. Конобеев протянул лапшу ко второму аппарату. Но Макара Ивановича ждало разочарование. Каучу-

ковый наносник покрывал лишь самый кончик его носа — уж очень велик да мясист был нос Макара Ивановича.

— Не с твоим носом водолазом быть, Макар Иванович! — шутил Ванюшка. — Этот нос семерым бог нес, одному достался. Впрочем, если отрезать с килограмм, то, может быть, и войдет.

— Однако нечего зубоскалить, — обидчиво отвечал Макар Иванович. — И ничего плохого нет. Сказано: чем носовитей, тем красовитей.

— Не печальтесь, Макар Иванович. Я вам сделаю аппарат по особому заказу. Каучука и на ваш нос хватит, — успокоил старика Гузик.

А оглашенный Ванюшка уже сверзился за борт в своей маске, нырнул, но скоро выплыл наружу, едва не задохнувшись. Он еще не привык вдыхать кислород носом, а выдыхать углекислоту ртом. К аппарату надо было привыкнуть.

— Успеешь еще наглотаться морской воды! — крикнул ему Гузик. — Лезь, слушай дальше!

Ванюшку подняли на борт.

— Харафо, только вода в рот лезет! — сказал Ванюшка.

— Это — «зимний» костюм, — продолжал свои пояснения Гузик. — Это, собственно, обычный водолазный костюм, если не считать того, что снабжение кислородом происходит из собственного «газогенератора». Но тут, впрочем, есть еще одно маленькое усовершенствование, — скромно заявил он. — В материи — подкладке костюма — имеются металлические нити, которые соединены с аккумулятором. Нити могут нагреваться и давать тепло. В таком костюме можно, не боясь схватить насморк, опускаться в ледяные волны Ледовитого океана или подниматься на высоту в десять тысяч километров над поверхностью земли.

— Наконец последнее — жесткий аппарат для подводных глубин, — продолжал Гузик. — В нем можно погружаться на триста метров и более. Он снабжен особо сильными фонарями. Не знаю, понадобится ли вам этот аппарат. Ведь уже на глубине пятидесяти метров дно опустевает, а на глубине четырехсот — нет крупных водорослей. Морская флора сосредоточена на узкой полосе, идущей не далее полутора ста морских миль от берега. А дальше и глубже все бесконеч-

ное протяжение дна морей является пустыней, лишенной всякой растительности.

— Да, но нам жесткий аппарат может понадобиться для исследовательских целей. В конце концов дно океана изучено далеко не полно,—возразил Волков.

В тот раз на дно моря погружались Волков и Ванюшка, а толстоносый Конобеев только с завистью смотрел на них и кричал с таким огорченным видом, что Гузику стало жаль старика, и он обещал изготовить наносник кустарным способом здесь же, на месте, в своей временной лаборатории.

И уже в следующую поездку Конобеев с удовольствием натянул на свой грушевидный нос черную резиновую покрывку. В больших очках, с огромным черным носом, с седой бородкой и длинными усами он выглядел необычайно комичным.

— Прямо водяной! — кричал Ванюшка, покатываясь со смеху.

— Еще поважнее, сам Нептун — морской бог! — отзывался Волков, вторя Ванюшке.

— Нептун Иваныч! Здорово!

Так и пошло за Конобеевым этот «Нептун Иваныч».

* * *

Рыбаки и охотники живут в мире случая, удачи, риска, приключения, неожиданности. Это накладывает особый отпечаток на их психологию. Будничная обстановка, лишенная острых переживаний, неожиданностей и риска, кажется им скучной и пресной. Им нужна вечная игра с огнем, опасностями; им нужна новизна и острота впечатлений. Таков был и старик Конобеев. Охотничьи чувства и инстинкты с годами не угасали, а сильнее разгорались в нем. Его серые глаза под мохнатыми черными бровями оживали, загорались искрами, когда ему приходилось бороться с волнами или диким зверем. И вот теперь предстояло ему новое удовольствие, неиспытанное ощущение, быть может целая цепь новых приключений. Бедная Марфа Захаровна! Ее ждали новые испытания, новая полоса одиночества. Когда ее спрашивали, где муж, она лишь безнадежно махала рукой.

Конобееву предстояло опуститься на дно океана, того самого океана, который безжалостно поглощал ры-

баков, их сети и добычу; отправиться в гости к рыбам, посмотреть, как они там живут-поживают. В водолазной полумаске Конобеев чувствовал себя сказочным морским царем. Гузик, несколько волнуясь, объяснял старику, как надо вдыхать и выдыхать воздух, но Конобеев отмахивался с таким видом, словно он всю жизнь ходил в этой полумаске и родился на дне океана.

— Однако не задохнись!— говорил он.— Вот только одно плохо: курить там нельзя. Сделай милость, Микола, придумай как-нибудь, чтобы я с трубкой мог ходить.— Гузик, смеясь, обещал придумать.

Конобеев хорошо помнит, как он впервые в рубаше и портах (так старик считал приличнее — трусов он не признавал) опустился на дно океана. Вода была прохладная и приятно покалывала закаленное тело, заставляя двигаться быстрее, как на морозе. С дыханием Макар Иванович — отличный пловец и нырец — скоро справился, пуская через рот струю пузырей. По этим пузырям в штиль с поверхности легко было определить, где находится водолаз.

Погрузившись в таинственный полумрак морского дна, Макар Иванович от удовольствия фыркнул и зашагал в глубину. Засветил фонарь. На свет собралось неимоверное количество рыб посмотреть на невиданное зрелище. Они оказались любопытными не меньше людей.

«Рыб-то, рыб сколько!— думал Конобеев, приходя в рыболовный восторг и хватая их прямо руками.— Экая досада, сети не захватил! Однако теперь вы от меня не уйдете!»— И он шагал по подводному лесу водорослей, окруженный полчищами рыб, блестящих боками при повороте, как серебряные ножи. Это было так забавно, необычайно и красиво, что Конобеев вдруг, забыв, где он находится, загоготал во всю силу легких, пустив на поверхности столько пузырей, что сидевшие на катере серьезно обеспокоились за старика. Правда, пузыри вскоре начали появляться регулярно, но они удалялись все дальше и дальше. Скоро их не стало видно.

Конобеев для первого раза гулял несколько часов подряд, почти до захода солнца. Вернулся возбужденный, сияющий.

— Ну и жизнь под водой, однако!— сказал он.— И зачем это люди на земле живут, а не в море-окияне?

VII. ТАЙФУН

Как ни приятно было бродить по неизведанным тропам подводной тайги, Макару Ивановичу пришлось сдержать свои охотничьи страсти и приняться за дело. А работы было хоть отбавляй.

Японские рыболовы и браконьеры, шнырявшие у наших берегов, с удивлением и неудовольствием поглядывали на большую белую палатку, которая появилась в одну ночь на берегу небольшой реки, впадающей в океан. Это был «главный штаб», где жили Ванюшка и Волков. Скоро рядом с этой палаткой появились другие; через несколько дней на берег было навезено много досок, бревен, кирпичей. Завизжали пилы, застучали топоры. Стали расти временные бараки.

В числе приглашенных рабочих было много японцев и китайцев, которые должны были готовить капусту так, как она готовится у них на родине. А русские рабочие учились у японцев и китайцев. Волков заботился о том, чтобы экспортный товар удовлетворял всем требованиям зарубежных потребителей морской капусты. Извлеченные из воды водоросли промывали в особых чанах, очищали от песка и ила, сортировали вручную, еще раз очищали, мелко изрезывали и клали ровными слоями определенного размера на бамбуковых циновках, разостланных на открытом воздухе в наклонном положении. Из этих слоев водорослей получались сухие пластины. Высушенные пластины, склеившиеся в желатинообразную массу, отдирались от циновки и прессовались для придания им равномерной толщины. Плитки в 25×30 сантиметров складывались по десяти штук и аккуратно связывались. Волков обращал большое внимание на то, чтобы плитки были приготовлены аккуратно и одинаково, «как плитки шоколада».

Задумчивый Гузик, постояв однажды на берегу, где производились эти работы, сказал:

— Человеческие руки хорошо устроены, но их можно было бы устроить еще лучше.— И, посидев несколько вечеров над чертежами и расчетами, он придумал несложные, но очень целесообразно устроенные машины для сортировки и резки водорослей. После этого работа пошла еще быстрее и аккуратнее.

Старания Волкова и Гузика увенчались успехом.

Японские и китайские покупатели-оптовики скоро оценили качество советской заготовки и начали предъявлять усиленный спрос. Старые купцы-японцы, получив образцы, долго мяли в руках гибкие, тонкие, как писчая бумага, пластинки, присматриваясь к пурпурно-коричневому цвету со светлыми крапинками и слегка блестящей поверхности, взвешивали на руке, нюхали, пробовали на зуб, любовались аккуратной обработкой и упаковкой — и заявляли:

— Да, это хорошо!

Скоро пришлось удвоить, утроить, удесятерить число рабочих. Работа кипела. Водоросли, выброшенные бурями и волнами на берег, также не пропадали. Их пережигали в золу, добывая щелочи, или отвозили на небольшой завод для добывания йода. За первые полгода завод дал более двух тысяч килограммов выхода йода.

Однако добывать водоросли приходилось пока почти исключительно старым японским способом на сравнительно мелких местах: рабочие на лодках скользили вдоль берегов с шестами в руках. На конце шестов были крючья, которыми водоросли зацеплялись и извлекались на поверхность и укладывались на лодку, пока она не наполнялась доверху. Добычу отвозили на берег и снова отплывали «щипать траву», как говорил Ванюшка. Ему не терпелось скорее перенести работу на дно и пустить в ход подводные сельскохозяйственные машины: тракторы, косилки...

Волков, Ванюшка, Гузик и Конобеев ежедневно опускались в водолазных костюмах на дно океана и ходили по своим будущим подводным плантациям, производя нивелировочные и землемерные работы.

С первых же шагов выяснилось, какие огромные перспективы открывает водолазная обработка. В то время как японцы своим обычным способом могли обрабатывать плантации на небольшой глубине в три — пять метров, подводные земледельцы, снабженные гузиковскими водолазными костюмами, имели возможность работать на глубине нескольких десятков метров. А это расширяло площадь подводной агрикультуры на многие тысячи гектаров. Огромные пространства на глубине двадцати — пятидесяти метров не нужно было и «засевать»: они уже были покрыты густыми зарослями водорослей, богатых йодом.

Летом, в конце июня, разразился сильнейший тайфун. Конобеев первый предсказал его приближение по таинственным, одному ему известным приметам. Накануне он долго смотрел на безоблачное небо, на синюю спокойную гладь океана, нюхал воздух, раздувая ноздри мясистого, поросшего волосами носа, качал головой и ворчал:

— Будет буря, однако. Тайфун идет. Надо бы убрать палатку.

— Мы укрепим ее,—беспечно сказал Ванюшка. Конобеев махнул безнадежно рукой.

— Чем укрепишь-то, однако? Тайфун деревья с корнем выворачивает, а не то что закрепь. Уходить надо. В пещеру уходить.

Гузик обеспокоился за свои инструменты,— в его палатке находилась походная лаборатория и много ценных точных приборов и аппаратов. Недалеко от берега была гора с большой пещерой, куда Гузик и перенес свои сокровища. Скептик Волков не пожелал двинуться с места, хотя Конобееву удалось все же настоять на том, чтобы убрали в пещеру водолазные костюмы.

Ночь была тихая, душная, влажная. Ни один лист не дрожал на дереве. Природа словно замерла в ожидании. Волков сидел в своей палатке и при свете электрической лампы, питаемой все тем же аккумулятором, работал, склонившись над простым сосновым столом. Ванюшка на другом столе щелкал на счетах, одновременно слушая радиопередачу. Вдруг он приподнял голову и палец, которым считал, и посмотрел на Волкова.

Прядь тонких рыжеватых волос спустилась на лоб Волкова, голубые глаза при свете лампочки казались почти синими. Тень углубляла шрам на щеке. Губы были плотно сжаты, лоб изборожден легкими складками, говорившими о большом напряжении мысли. Ванюшка сидел не шелохнувшись, с приподнятым средним пальцем правой руки. Потом вдруг соскочил со стула и бросился к Волкову, позабыв снять с головы радионаушники. Он потянул за собой радиоприемник и едва не разбил лампы.

— Семен Алексеевич! Макар Иваныч правду сказал!— воскликнул Ванюшка взволнованным и несколько торжественным голосом.

— Не мешай, Иоганн,— отозвался Волков и зашевелил губами, собирая рассеянные мысли.

— Семен Алексеевич! — не отставал Ванюшка.— Складывайте монетки и айда в пещеру к Гузику! Тайфун идет! Сейчас зародился восточнее Филиппинских островов семнадцатого июня. Первые дни он шел довольно медленно и к двадцать второму июня дошел только до берегов Китая. Здесь он изменил северо-западное направление и, повернув на северо-восток, двинулся уже с очень большой скоростью. Двадцать третьего он пронесся над Кореей, вызвав очень сильные ливни, а завтра, двадцать четвертого, его ждут у наших берегов. Вот, фут возьми! Макар-то Иваныч? Ему и радио не надо! Нюхом чует, своим волосатым носом.— Ванюшка помолчал, и, когда заговорил вновь, его голос звучал еще тревожнее и торжественнее.— Семен Алексеевич! Идет тайфун. Слыфите? А? Фумит лес? Вот, фут возьми, как гудит!

Волков прислушался. У палатки ветра еще не было, но приближался странный гул, как будто где-то поблизости проходила градовая туча. Вошел Конобеев. Он был спокоен, как всегда. Сколько тайфунов он видел на своем веку, и на берегу и в открытом море, в утлом рыбацьем суденышке! Брови старика сдвинулись сурово, и больше обыкновенного топорщились усы.

— Однако собирайся, Семен Алексеевич! — просто сказал он. И, не ожидая ответа, начал быстро загребать огромными ручищами вещи и уносить их. Волков крикнул и принялся помогать.

Гул увеличивался. Океан тяжело вздыхал и издавал новые необычные звуки — «аах! аах!» — будто сердился, что его, старика, будит взбалмошный ветер. И все глубже и выше колебалась его поросшая пенистыми волнами грудь. Но старику-океану не суждено было заснуть в эту ночь. Небо еще сверкало звездами и молодым месяцем, как будто вымытым, — такой он был чистый и прозрачный. А Конобеев торопил.

— Может быть, пройдет стороной? — спросил Волков. Ему не хотелось разорять палатку.

— Однако поторапливайся! — вместо ответа проворчал Конобеев, нагружая себя двумя столами, чептырьмя стульями и складной кроватью.

Когда Волков отнес вещи в пещеру и возвращался в палатку за другими, месяц уже не казался чисто вымытым. Он стал тусклым и как будто пожелтел. Рванул первый порыв ветра.

А старик-океан уже ворчал: «Ага! Ага!». Наконец-то ты явился, тайфун!

Да, он явился. Его ждали, и все же его появление было неожиданно. Он во мгновение ока смахнул звезды, разлил по небу, как спрут сепию, свинцовые тучи, забросил куда-то потускневший месяц, нажал воздушной лапой на землю, сплющил леса, хлестнул потоками воды, смешал границы неба и земли в круговороте водяных и воздушных столбов, свил сотни тысяч тонн воды, неба и океана в жгуты, связал узелком, в несколько минут ввергнул природу в первозданный хаос... Барометр пал до семисот сорока — «лежал в обмороке».

Волков стоял у входа в пещеру, когда мимо него пронеслось, как быстро мелькнувшее крыло чайки, вытянувшееся во всю длину полотнище палатки, которую так и не успели снять. Вместе с ним были унесены пальто, одеяло и землемерные инструменты Волкова. Треножник был найден много дней спустя закинутым на вершину высокой ели, в десятке километров от места стоянки. Зато осторожный Гузик торжествовал: он сохранил все инструменты.

Конобеев уютно устроился в уголке большой пещеры и крепко уснул под завывание ветра и шум дождя. А Ванюшка не мог спать. На него тайфун действовал возбуждающе, как гроза, как пожар, как все выходящее из ряда вон. Ему было жутко и весело. Хотелось петь, кричать, двигаться. Надо было что-нибудь придумать, дать разрядиться нервному напряжению. Наружу не выглянешь, — унесет, как палатку. А что, если пойти осматривать пещеру? Ванюшка предложил Гузику. Но тот уже погрузился в свою созерцательную нирвану, долго отвечал невпопад, пока не понял, чего от него требуют, и достаточно вразумительно ответил:

— Не мешай, я обдумываю!

Волков также отказался. Конобеев спал. Ванюшка недовольно крикнул.

— В таком случае я пойду один.

Он надел на спину ранец с аккумулятором и привязал к голове фонарь. Подумав немного, надел и наносник с очками.

Фонарь ярко вспыхнул, осветив темные зеленоватые своды пещеры.

— Прощайте, иду! — сказал Ванюшка и зашагал в глубину.

VIII. ПЕЩЕРНОЕ ЭХО

Под сводами царил тишина. Уши были свободны от наушников, и Ванюшка слышал, как эхо перебрасывало шум шагов от стены к стене. Странное эхо! Как будто он не один шел в пещере, а несколько человек шагали впереди, сзади, с боков... Вот в такой обстановке зарождались легенды о духах, двойниках, привидениях. Ванюшка не верил всему этому и все же почувствовал холодок в спине, когда, крикнув, услышал многоголосое эхо: пещера играла звуками, перебрасывая их, как мяч.

— Ох! — крикнул Ванюшка.

«Ох! Ох! Ох! Ох! Ох! Ох!» — застонала пещера.

Ванюшка принужденно засмеялся, — пещера подхватила его смех, унося раскаты его все дальше, пока они не замерли где-то далеко...

Хорошо, что у Ванюшки такая сильная лампа! При ярком свете не страшно.

Чем дальше Ванюшка подвигался вперед, тем наряднее, богаче, красивее становились стены пещеры. Фантастическими кружевами спускались с потолка сталактиты. Со дна пещеры навстречу им поднимались острия сталагмитов. Кое-где сталактиты встречались с сталагмитами, образуя вычурные колонны, напоминавшие китайскую резьбу по слоновой кости.

Пещера то суживалась, то расширялась. Ее своды иногда нависали так низко, что Ванюшке приходилось нагибать голову, и потом неожиданно поднимались высоко вверх, как в готическом храме. В обширных и высоких залах зияли темные входные провалы, расходящиеся в разные стороны коридоров. Ванюшка, чтобы не заблудиться, решил всегда поворачи-

вать в крайний левый проход. Несколько раз он заходил в тупики, выбирался из них и снова поворачивал влево. Наконец дошел до большой пещеры, стены которой были покрыты зеленоватыми, розовыми и красными кристаллами. Кое-где эти кристаллы горели, как капли крови, в иных местах светились изумрудом молодой травы. Ванюшка залюбовался невиданным зрелищем.

«Может быть, все это — драгоценные камни. Вот богатство, фут возьми!» — думал Ванюшка, медленно направляя свет фонаря то в одну, то в другую сторону. Осветив почву под ногами, он увидал каменистый спуск, отлого бегущий вниз. В глубине, в стене было темное отверстие. «Подземный ход!» — подумал Ванюшка. Он смело двинулся вниз и вдруг вскрикнул от неожиданности. Ноги коснулись совершенно невидимой холодной воды или чего-то такого же холодного, как вода. Холодный газ? Ванюшка ударил ногой — и фонтаном взлетели сверкающие брызги. Да, это вода! Еще никогда в жизни Ванюшке не приходилось видеть такой чистой, прозрачной воды. Она была прозрачнее самого лучшего стекла. Дно подземного озера было видно на всем протяжении до малейшего камушка. Из этой пещеры был только один выход — назад, если не считать темного отверстия под водой, ведущего куда-то под землю. А что, если пойти вперед, в это темное отверстие?

Ванюшка еще раз попробовал воду. Холодна! Но ведь он привык к купанью. Надо только сразу окунуться!

Ванюшка прикрепил наносник, соединил трубки с аппаратом, вырабатывающим кислород, и бросился в воду. Вода тотчас наполнила резервуар в ранце, и аппарат начал выделять кислород.

Вода была так холодна, что Ванюшка едва не убежал на берег, но усилием воли сдержал себя и заставил продвигаться вперед.

Вход в подземный туннель был довольно низкий. Ванюшке пришлось согнуться. Фонарь освещал гранитные стены, которые сжимались все теснее. Ванюшка то плыл, то полз на четвереньках. В одном месте возникло опасение, что не удастся пролезть дальше. Но, когда это узкое место было преодолено, туннель начал быстро расширяться. Стены раздвигались, свод под-

нялся выше уровня воды. Ванюшка всплыл на поверхность и увидал, что он находится в огромной пещере, наполненной водой. Свисавшие с потолка пещеры сталактиты напоминали странных чудовищ. Чудовища тянулись к воде и отражались в ней; дно из серо-зеленого камня было видно совершенно отчетливо. Множество рыб плавало в этом подземном озере, где не имелось никакой растительности. Чем питались эти рыбы, помимо пожирания себе подобных? Ванюшка поймал рукой одну рыбу странного вида — колючую, сухую, негибкую — и убедился, что она была совершенно слепа. Вместо глаз у нее были только небольшие углубления. Все рыбы этого озера, никогда не видящего света, были слепы! Ванюшка обследовал стены пещеры под водою и убедился, что они имеют несколько боковых каналов, через которые беспрестанно врывались и выплывали рыбы. Быть может, по соседству имелись водоемы, которые содержали все необходимое для поддержания жизни этого слепого царства.

Переплыв озеро, Ванюшка вышел на берег и пошел по огромному, все суживающемуся туннелю. И вдруг он вздрогнул и остановился, к чему-то внимательно прислушиваясь. Нет, все тихо. Ему померещилось. Это, вероятно, капризы эха. Разве здесь могут быть люди? Ванюшка сделал еще несколько шагов вперед и снова остановился. На этот раз до него достаточно отчетливо донеслись заглушенные расстоянием человеческие голоса — как будто мужской и женский, — о чем-то спорившие. Кто они, эти люди, и где они находятся? Как могли пробраться сюда? Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Он решил подкрасться незамеченным и понаблюдать за неизвестными. Закрыв ладонью свет фонаря, оставив только маленький лучик, и, осторожно ступая, направился в сторону, откуда доносились голоса.

Голоса раздавались все яснее, все ближе, а перед Ванюшкой были только бесплодные, мертвые своды пещеры. Впереди виднелась каменная гряда, не дошедшая до верха пещеры. За прикрытием этой гряды Ванюшка мог подойти незамеченным на близкое расстояние. Теперь уже можно было разобрать отдельные слова.

— Смотрите, Борис Григорьевич, какой странный

беловатый отсвет на своде пещеры! — сказал женский голос.

Ванюшка невольно поднял голову вверх и увидел, что один луч прикрытого рукою фонаря дает небольшой отблеск на своде пещеры. Этот отблеск и был замечен кем-то, находящимся по другую сторону каменной гряды. Ванюшка поспешил погасить фонарь. В то же время он заметил колеблющийся, то усиливающийся, то меркнувший красноватый свет на сводах пещеры. Такой свет мог исходить только от костра.

— Это тебе показалось, — ответил мужской низкий голос. — Игра теней... Да, так я и говорю, — продолжал мужской голос после небольшой паузы. — Меня, как чеховского Епиходова, преследуют двадцать два несчастья...

Ванюшка слышал не только человеческие голоса, но и доносившиеся откуда-то гуденье, шум ветра, завывание бури... Все объяснялось просто; Ванюшка, сделав дугу, заворачивал все время налево, должен был выйти к краю горной цепи, в которой находились пещеры. В горах, очевидно, имелось несколько пещер, соединенных друг с другом внутренними переходами. В одну из этих пещер и зашли люди, укрываясь от бури так же, как и Ванюшкины приятели. Но что же это за люди?! Ванюшка подкрался к самому краю скалистой гряды и заглянул, укрываясь меж камней.

Он увидел большую пещеру. Через узкое входное отверстие врывался ветер и колебал пламя костра. Ближе к выходу, у костра, лежал человек, прикрытый рваным тулупчиком; судя по ногам в синих штанах и китайской обуви, это был китаец. По другую сторону костра сидел высокий широкоплечий человек — лысый, с коротко подстриженными усами и черными бровями. Человек этот держал на палке над костром чайник.

«Чудак, — подумал Ванюшка. — И чай-то толком не умеет вскипятить, а тоже, по пещерам шляется».

А еще ближе к Ванюшке на фоне пламени костра четко выделялась фигура женщины или девушки, среднего роста, хорошо сложенной, в короткой юбке и кепи на голове. Ванюшка видел только черный силуэт. Подбоченясь и подняв голову вверх, девушка смотрела на свод пещеры, очевидно ожидая, не повторится ли странное световое явление.

«Молодая и, наверное, красивая»,— решил Ванюшка.

Не опуская приподнятой головы, девушка сделала несколько шагов вперед и вдруг вскрикнула: ее ноги коснулись холодной, прозрачной до невидимости воды.

— Здесь вода! Кто бы мог думать?— сказала девушка удивленно, отдергивая ногу.

«И ты попалась на этот фокус, голубушка»,— подумал Ванюшка и, не сдержавшись, тихо засмеялся.

— Ах!— испуганно вскрикнула девушка.— Тут кто-то есть! Я слышала смех.

— Тебе все мерещится, Аленка. Я не думал, что ты такая трусиха,— сказал мужчина с чайником.— Ты бы лучше помогла мне держать чайник. Рука устала. Это эхо здесь такое. Ты крикнула, эхо повторило.

— Но я крикнула «ах», а эхо повторило «ха-ха-ха»,— наоборот, да еще в кубе. Так не бывает.

— А ну-ка, крикни!— предложил мужчина.

Девушка снова крикнула коротко и отрывисто: «ах!» Ванюшке пришла мысль позабавиться. Он вдруг ответил, понижая тон: «Ах-ах!»

Девушка подняла руки к голове, а мужчина уронил чайник в костер. Китаец под рваным полушубком заворочался, приподнялся и стал прислушиваться.

— Странное эхо!— сказал мужчина, стараясь палкой подцепить чайник за ручку.— Какое несчастье! Аленка! Из-за твоего эха я уронил чайник.

— Это не эхо,— ответила девушка.— Эхо не может изменять высоту тона. Здесь есть человек,— и, сделав несколько шагов вперед, она спросила:

— Кто там?

Ванюшка тихо застонал, потом вдруг показал из-за камней свой большой черный нос и круглые стекла очков. Девушка крикнула и подалась назад. Китаец с причитаниями выбежал из пещеры; мужчина у костра сидел, широко раскрыв глаза и даже приоткрыв рот. Потом пошарил у себя в заднем кармане, вынул револьвер, схватил горящую головню и бросился к каменной гряде, за которой скрывался Ванюшка.

Что делать? Крикнуть «не стреляйте» или же убежать? Ванюшка решил до конца играть роль «пещерного духа». Он вдруг побежал к озеру и бросился в воду.

Опустившись на дно, обернулся к берегу и смотрел, что будет. Мужчина подбежал к воде, прицелился и выстрелил. Благодаря преломлению лучей в воде пуля не попала в цель. Ванюшка замахал руками, повернулся и исчез в туннеле.

«Завтра я увижу этих людей и расскажу им все,— подумал он.— А пока пусть поудивляются».

Ванюшка вернулся в пещеру, где находились Волков, Гузик и Конобеев.

Макар Иванович продолжал храпеть; Гузик, как статуя Будды, сидел с поджатыми ногами и с неподвижным взглядом, устремленным в космические глубины. Волков задремал рядом с Конобеевым, но проснулся при входе Ванюшки.

— Где ты шатался? — спросил он. Ванюшка многозначительно махнул рукой.

— Такие дела, Семен Алексеевич! Я теперь не человек, а пефферное эхо. Завтра все расскажу, а теперь спать!.. — И, быстро сняв с себя водолазный аппарат, Ванюшка улегся.

Скоро его храп присоединился к храпу Макара Ивановича.

IX. НА ПЛЕЧАХ ТАЙФУНА

Утром ветер утих, но океан ревел и бушевал с ужасной силой. Пришлось ночевать в пещере. За утренним чаем Ванюшка рассказал о своем ночном приключении в подземных лабиринтах. Он решил, несмотря на дождь, сейчас же отправиться на поиски вчерашних людей, которых он так озадачил, и познакомиться с ними. Стройный силуэт девушки на фоне костра не выходил у него из головы. Этот силуэт рисовался ему на скалах, тучах, далеких горах — везде...

В дождь гораздо приятнее было бы путешествовать в одних трусах, но Ванюшка принарядился: надел длинные брюки, желтые ботинки и толстовку. Этот необычайный для такой погоды наряд заставил даже Гузика спуститься со своих надзвездных высот, чтобы выразить удивление. Волков делал вид, что не замеча-

ет желтых башмаков Ванюшки, а Конобеев хлопнул веслами-руками по бедрам и сказал кратко свое любимое:

— Однако!

Нагибаясь под сильными струями дождя, Ванюшка отправился бродить по окрестным пещерам. Без особого труда удалось найти ту, в которой он видел ночью людей у костра. Но, увы! Теперь в этой пещере никого не было. Зола костра была еще теплая. На черных углях валялся распаявшийся чайник. Консервная банка «бычки в томате», пустая коробка из-под папирос, кусочек бечевы — вот все, что осталось от неизвестных путешественников. Да у самого выхода Ванюшка нашел китайскую туфлю. Испуганный китаец, очевидно, уронив ее с ноги во время бегства, уже не осмелился вернуться за нею. Теперь про эту пещеру, наверное, будет сложена легенда!..

Ванюшка обошел пещеру несколько раз, осмотрел все уголки за каменной грядой... Пусто! И никаких следов, которые указали бы, куда направились путники. Неужели он, Ванюшка, так напугал их, что они ушли, не дожидаясь рассвета? И зачем он не познакомился с ними вчера ночью? Ванюшка не мог простить себе этого.

Вернулся он в свою пещеру весь мокрый, грязный, усталый и раздраженный. Походил из угла в угол и вдруг заявил, что сейчас опустится на дно моря.

— Да ты и до воды не доберешься! Посмотри, что опять делается, — сказал Волков, указывая на выходное отверстие пещеры. Сквозь частую сетку дождя виден был бушующий океан и дрожащие под страшным напором ветра деревья.

— Очень просто дойду, — упрямо ответил Ванюшка. — Ходил же я пещеру искать.

— Тогда было тише, а сейчас опять разыгралось.

— Зато на дне тихо. Рыбы, небось, и не знают, что тут творится. Семен Алексеевич, да как и не идти-то? Ведь сами знаете, тайфуны как зарядят, так и пойдут крутить. Шутка сказать, от июня до ноября они вертят! Правда, не беспрерывно, а все-таки дуют да дуют. Так что же, мы все это время сложа руки сидеть будем? И так вся работа на берегу остановилась. Как хотите, а я пойду. Не сидится мне.

Ванюшка взял черный наносник и очки.

— Надень по крайней мере полужесткий водолазный костюм,— посоветовал Волков.— Посмотри, целые водяные горы обрушиваются на берег. Они разможат тебя, раздавят, как яичную скорлупу.

— Что правда, то правда,— ответил Ванюшка и влез в полужесткий костюм, облегающий тело. Особенностью этого водолазного костюма была жесткая оболочка у груди, принимающая на себя давление воды.

— До свидания, товарищи! — сказал Ванюшка и надел на голову скафандр. Волков помог ему прикрепить ранец с аппаратом, доставляющим в скафандр кислород. Ванюшка тронулся в путь.

Между падением на берег волн проходило всего несколько секунд. За этот короткий промежуток времени Ванюшка хотел добраться до волнореза. Но об этом нечего было и думать. Тяжелые свинцовые подошвы и не менее тяжелый свинцовый костюм связывали свободу движений на поверхности земли. Ванюшка походил вдоль берега и, махнув рукой, направился обратно. Однако Волков ошибся, думая, что благоразумие победило. Ванюшка отошел от берега и, сделав дугу, взошел на высокий обрыв. У подножия обрыва была довольно большая глубина, и Ванюшка не раз бросался здесь в воду и нырял. Теперь он решил использовать это место, чтобы опуститься на дно, избегая столкновения с волнами.

Ванюшка переждал, когда волна разбилась об утес, и бросился вниз. Это было тоже рискованно. Следующая волна, если бы он не успел опуститься достаточно глубоко, могла разбить его об утес. Волков внимательно смотрел, стоя у входа в пещеру, на волны. Ванюшки не видно. Он, очевидно, погрузился в глубину.

— Однако глянь-ка на небо! — услышал Волков голос Макара Ивановича. Волков поднял глаза вверх по указанному рукой Конобеева направлению.

Среди косматых волнующихся свинцовых туч образовалось зловещее темное пятно. Пятно все увеличивалось — и вдруг из центра его показалась воронка, которая, вращаясь с ужасающей быстротой, начала спускаться все ниже и ниже, как хобот чудовищного животного. В то же время на поверхности океана под черным облаком кто-то невидимый смешал волны в одну

клокочущую массу. Масса эта, вращаясь со все ускоряющейся быстротой, начала выпучиваться, превращаясь в воронку, обращенную заостренным концом вверх, и поднимаясь навстречу воронке, спускавшейся с неба.

— Смерч! — сказал Волков. Ему уже приходилось видеть смерчи — постоянные спутники тайфуна. Но на этот раз зрелище было на редкость интересное.

Обе воронки — спускающаяся из черного облака и поднимающаяся с поверхности океана — соединились, образовав гигантский водяной столб, расширявшийся внизу иверху. Этот столб двигался по поверхности океана со скоростью тридцати пяти километров в час. Посмотрев на верхний конец водяного столба, Волков увидел, что в том месте, где этот столб вливался в тучи, он как бы переходил в очень длинную водяную трубу, которая резко выделялась своим более светлым цветом на черном фоне тучи. Эта труба непрерывно извивалась, как огромная змея. Иногда «змея» завивалась узлом, и на этом месте Волков видел черный круг с еще более черной точкой посередине. Эта водяная труба была в полтора раза длиннее самого смерча и пропадала где-то далеко в облаках. Жутко было смотреть на страшную вращающуюся водяную змею. Вот смерч побледнел, труба разорвалась у верхнего конца, и в то же время порвался смерч у нижнего конца. Нижняя воронка сравнялась с поверхностью океана, а верхняя, крутясь, поднялась к облакам и скрылась в черной туче... Через несколько минут явление повторилось, — снова гигантский столб двигался по поверхности взбаламученного океана. И еще раз смерч порвался, причем нижняя его воронка, постепенно опускаясь, помчалась по направлению к берегу и там разбилась. Было видно, как эта воронка налетела на берег и упала на высокий склон. Целая Ниагара воды вдруг забушевала на склонах берега, ниспадая в океан.

— Однако врагу не пожелаешь быть в это время в океане, — сказал Конобеев. — А приходилось.

Через двадцать минут смерчи исчезли. Небо очистилось. Далеко на востоке еще виднелся один столб, наклонившийся и медленно, словно с трудом, двигавшийся на север. Вот и он побледнел, разорвался внизу и исчез.

Тучи быстро уносило на север. Скоро выглянуло

солнце. А к обеду небо было уже безоблачно, ветер утих, лишь океан продолжал бросать на берег волну за волной.

Ванюшка к обеду не вернулся. Проходил час за часом, его все не было. Волков, Гузик и Конобеев начали беспокоиться. Конобеев решил отправиться на поиски, хотя найти Ванюшку на дне океана было не легче, чем иголку в сене.

— Однако, может быть, его разбило волной около утеса! — говорил Конобеев. — Поищу! — И Конобеев опустился в водолажном костюме с того же места, с которого прыгнул в воду Ванюшка. Обшарил все дно вокруг утеса, но Ванюшки не нашел.

А к вечеру, при закате солнца, Ванюшку принесли на самодельных носилках рабочие промысла. Они нашли его в десятке километров от пещеры.

Когда Ванюшка окончательно пришел в себя, то рассказал своим друзьям, что произошло с ним.

— Не всякому человеку удастся покататься на спине тайфуна и остаться в живых, — так начал он рассказ о своем необычайном приключении. — Спрыгнул я в глубину благополучно и пошел. Фонаря не зажигал, — он мало помог бы мне в мутной от песка и ила воде. Добрался до котловины, которая находится метрах в сорока от берега, — знаете? Там было совсем тихо. Вода почти не двигалась. Буря катилась над моей головой. Я спокойно пошел по дну. «Теперь можно зажечь фонарь», — подумал я. Нажал кнопку. И, как вы думаете, что я увидел? Фут возьми, рыб! Видимо-невидимо! Их было здесь столько, что мне положительно приходилось проталкиваться через них, как будто я попал в сельдяную бочку. Понимаете? Они набились сюда в котловину из боязни, что буря выбросит их на берег. Умная тварь, хоть и не говорит! Тут и сельди, и треска, и горбуша, и иваси, разные жесткоперые, и большие, и малые. И даже не гоняются друг за другом — не до этого: животы спасают.

А уж сколько там водорослей в этой котловине — уйма! Прямо получился котел ухи с капустой. И водоросли не движутся, — тихо. Разве только какую водоросль рыба большая двинет, тогда бурые ленты чуть шелохнутся и опять замрут. Иду я, иду, — рыбки передо мной бочками сверкают серебряными, синими, медными, красными, — иду и радуюсь. Как это хорошо

выходит: там, над головой, светопреставление, а у меня тут тишь да гладь, и я сухой хожу! Тепло мне и сухо. Вот, думаю, отсижусь тут, пока рыбы наверх полезут, тогда, значит, будет ясно, что буре конец.

Прошел я несколько шагов и стал замечать, что как будто откуда-то ветерком понесло. Тихо-тихо начали водоросли в одну сторону поворачиваться, и у рыбок какое-то беспокойство замечается. Все они повернулись навстречу ветерку и зашевелились тревожно, будто шепчутся. Откуда, думаю, водяным ветерком потянуло? Может быть, я в такую струю попал? Вернулся назад метров на пять — ничего подобного. То есть я хочу сказать, что и здесь ветерок. Значит, дело не в струе, а в том, что почему-то вся вода в котловине в движение пришла, как будто кто большой ложкой мешать начал. И чем дальше, тем больше. И все в одну сторону. Натягиваются струнами ленты водорослей, работают рыбки плавниками, как корабельный винт во время шторма, а их все относит, и меня вместе с ними. Попробовал идти против течения. Куда тут!

Неужели, думаю, и здесь придется отлеживаться? Не иначе. Не успел я лечь, как вдруг сильное течение приподняло меня от земли и потянуло куда-то в сторону. Я руками, ногами за землю, за водоросли, — ничего не помогает. Несет меня вместе со всем рыбным народом в неизвестном направлении, заворачивает по кругу, ровно на карусели.

Тут, должен вам признаться, растерялся я маленько, фонарь погасить забыл, хоть и не помогал он мне в таком происшествии. В глазах зарябило; рыбы, водоросли в один переплет сплелись.

Ну и покатался же я тут!.. Как чайника в стакане чая, когда ложкой быстро сахар размешивают, так и я летал. Хорошо, что дух не захватывало, потому что кислород у меня собственный. А сердце замирало, скрывать не стану.

И вдруг чувствую я, что меня не только крутит, но и поднимает, прямо как по штопору вверх. Что за притча такая?.. И вдруг на одно мгновение вижу я дневной свет. И вижу, что высунулась моя голова из водяного столба, который над морем поднялся и вертится, и я верчусь вместе с ним. Увидел я берег и горы с лесом, и разбитый рыбацкий челн на берегу — и опять нырнул внутрь столба водяного. А меня так за-

крутило, что я ноги и руки подобрал поближе к телу,— того и гляди оторвет. Рядом со мной какая-то рыба вертится, огромная, вот хоть обнимись с ней. Еще разок выглянул я на свет из столба водяного, а он пополам разорвался, и нижняя часть, в которой я был, на берег несется. Закачало, закрутило меня так, что я сознание потерял. А пришел в себя,— двинуться не могу; сильно грохнуло и дышать тяжело—кислорода нет...

Ну и вот, спасибо, рабочие подоспели и скафандр открыли. Отдышался. Если бы не разорвался смерч, подняло бы меня выше туч, грохнулся бы я оттуда — и капут. Выходит, что на смерче я покатался, на самом тайфуне. Не шутите со мной, теперь я человек особенный.

Рядом с Ванюшкой рыбаки нашли мертвую акулу, жительницу южных морей, с распоротым на скалах брюхом. Тут же валялось содержимое ее желудка: задняя часть свиньи, передняя часть барана, голова породистого бульдога, корабельный скребок, карман клетчатого пальто с газетой «Таймс», целая кладовая трески, две эмалированные кружки и молодая акула.

Да, Ванюшка дешево отделался. После его рассказа Конобеев рассказал несколько случаев из своей долголетней рыбацкой практики, когда рыбацкие суда были захвачены водяным смерчем. И он не помнит случая, чтобы хоть один из людей вернулся живым из этого путешествия.

Х. НОВОСЕЛЬЕ

— Нет, без подводного жилища нам никак невозможно,— говорил Ванюшка.— Тут буря за бурей, океан рычит, к нему не подступишься, назад тебя выбрасывает, как мусор какой. А живи мы на дне океана, нам бури были бы ни о чем. Ходили бы мы с вами, Семен Алексеевич, по дну моря-окияна да планы снимали. Ты изобретатель, Гузик, и должен ты нам такой подводный дом изобрести, чтобы его ни смерч не сдул, ни кит не раздавил. Можешь?

— Что? Где? Кого кит раздавил? — спрашивал Гузик, слетая с заоблачных высот.— Подводный дом?

Ну да, я же об этом давно думаю. Все высчитано, взвешено, обдумано.— И он начал развивать свой план.

Подводные дома должны быть выстроены из железа и так крепко соединены с почвой, чтобы никакие тайфуны не разрушили их. Пресную воду можно провести по трубам с берега или же опреснять морскую воду. Наконец можно заложить буровые скважины в морском дне и поискать пресной воды. Нет ничего невероятного в том, что под морским дном окажется река или озеро пресной воды. Воздух, как и воду, можно получать по трубам с поверхности, чтобы не тратить запасы аккумуляторного электричества на добывание кислорода из морской воды. Отоплять же удобнее всего электричеством. Можно, конечно, тепло пара или горячей воды подавать с берега по трубам, хорошо изолированным, но это сложнее. Электрическое отопление, электрическая кухня, электрическое освещение. Для того, чтобы зимою не было холодно, можно железные стены обмазать изнутри особым составом с пробковыми опилками, как это делается на арктических кораблях, чтобы не было внутреннего «потения» стен.

— А почему бы не железные колпаки изнутри деревом — благо это очень дешевый материал? — предложил Волков.— Дерево, вдобавок, будет хорошо изолировать от холода окружающей воды...

— ...которая все же почти весь год имеет температуру выше нуля,— подхватил Гузик.— Можно и деревянные,— согласился он.— Но прежде всего надо железо для колпаков, много железа.

— А его достать труднее всего,— заметил Ванюшка.— Наши доменные печи всегда голодны, как акулы. Сколько их ни корми железом, все мало. У них отнимать нельзя. Надо бы как-нибудь самим разыскать.

— Разыскать железные рудники и потом добывать руду? — спросил Волков.— Долгая песня.

— Зачем рудники?

— Однако,— вставил Конобеев, раскуривая трубку,— на дне моря сколько этого самого железа лежит! Тыщи пудов!

— Откуда? — спросил Ванюшка.

— То-то, откуда. Мал ты, молод. Наклали его туда, на дно, когда тебя еще на свете не было. В девятьсот четвертом-пятом году, вот когда. Когда с японца-

ми воевали, и они нам наклали. То-то. Вместе с косточками вице-адмирала Макарова железо лежит. Я служил тогда во Владивостокской эскадре, которой командовал Эссен. Чего только не насмотрелся, чего не наслушался! Хорошего мало. Сколько кораблей, сколько людей погибло! На одном «Петропавловске» семьсот человек, в Цусимское сражение семь тысяч: «Варяг», «Кореец», «Енисей», «Боярин», «Стерегищий», «Страшный», «Петропавловск»... У Цусимы целые две эскадры ко дну пошло. Пересчитать невозможно. Порт-артурский флот перед сдачей крепости почти весь уничтожен. Железа-то, железа сколько!

— Да, но и Цусима и Порт-Артур не близко. При том в Порт-Артуре многие затонувшие суда уже давно подняты японцами.

— Многие, да не все. Есть, однако, и поближе Цусимы. Владивостокская эскадра была слабенькая и больше охотилась за торговыми японскими судами. Только один раз вступила в морское сражение у Ген... Гензана — городок такой есть в Корее, и там даже потопила японский транспорт «Киншию-Мару». А несколько торговых небольших судов были потоплены не очень далеко отсюда. Я бы, пожалуй, и место нашел.

— А что же, это мысль,— сказал Гузик.— Почему нам не поискать этих затонувших судов?

— Не легко их будет поднять,— заметил Волков.

— Мы и не станем поднимать их. Я сумею разрезать железный корпус под водой, и мы перетащим его по частям. Только бы нам найти!

Решили, не откладывая, взяться за поиски «дефицитного товара» — железа затонувших судов. Дело это было не из легких. Конобеев мог указать местонахождение потонувших судов лишь очень приблизительно. Пользуясь периодом затишья, друзья вчетвером выплыли на катере. Конобеев по каким-то признакам узнал «дорогу» и указал место. Спустили лаг, который показал двести метров. На такой глубине можно было работать только в жестком аппарате. Ванюшка, который никому не хотел уступать возможность первому опуститься на такую глубину, надел с помощью других тяжелый водолазный наряд и бросился в глубину. Там он зажег фонарь в тысячу свечей и начал бродить по дну. Здесь росли неизвестные Ванюшке

водоросли, стебли которых были длиннее высочайших надземных деревьев. Жажда света вытянула эти веревки-стебли, прикрепленные к глубокой почве среди вечного полумрака. Стебли поддерживали специальные воздушные мешки на листьях. В одном месте Ванюшка попал в густую заросль этих подводных лиан и едва выбрался из них. Их трудно было перервать, а оплетали они тело, как веревки. «Надо будет брать с собой нож»,— решил Ванюшка. И с той поры все опускающиеся на дно океана брали с собою длинный кортик.

Морское дно было пустынно. Оно не пестрело мелкими веселыми рыбками, как на поверхности. Иногда проплывали неведомые угрюмые тени, привлеченные светом фонаря,— большие неповоротливые рыбы. Однажды свет фонаря, упавший на каменистую почву, осветил человеческие кости: два полуразвалившихся скелета. В ребрах одного из них поселился большой краб, который при свете фонаря беспокойно заерзал. Продолжая поиски, Ванюшка набрел на затонувшую рыбацью шхуну, деревянное двухмачтовое судно. Ванюшка хотел проникнуть в каюты, но его водолазный аппарат был слишком громоздок и не прошел бы в люк.

Ванюшка осветил нос корабля и прочел на нем название, написанное по-английски «Gay». Вот где нашел свой конец «Веселый». От такелажа и парусов не осталось и следа. Корпус судна и даже уцелевшие мачты были покрыты ракушками. Руль отломан, якорная цепь разорвана, якорь отсутствовал. Ни одной шлюпки на палубе. Возможно, что люди оставили тонувшее судно и спаслись на шлюпках. Ванюшка бродил по дну в продолжение нескольких часов, но без успеха. Проголодавшийся и уставший, он надул пневматический мешок кислородом и поднялся на поверхность, как на воздушном шаре.

— Не нашел! — сказал он, когда с него сняли аппарат.

— Однако я маленько ошибся,— заметил Конобеев.— Надо больше на полдень взять курс.

Волков, Ванюшка и Гузик по несколько раз в день опускались на дно океана. И только через несколько дней Гузику посчастливилось, наконец, напасть на то, что он искал. На неглубоком месте,— на «банке», как

называют моряки морские мели,— недалеко друг от друга лежали два больших коммерческих парохода. Один из них лежал боком, другой — вверх дном. У первого была пробоина в борту, у второго не хватало носовой части,— очевидно, он наткнулся на плавучую мину. Железа тут было более чем достаточно. Гузик уселся на песок и начал обдумывать план автогенной резки металлического судна под водой.

Когда у Гузика начинала работать творческая мысль, он забывал, где он и что с ним. Ученый-изобретатель просидел неподвижно на дне океана более трех часов. Наверху, на палубе катера, начали уже беспокоиться, так как перед погружением они условились, что Гузик пробудет под водой не более часа. И Гузик очень удивился, когда увидел Ванюшку, шедшего к нему по дну в «летнем» водолазном костюме, то есть в трусиках и в полумаске.

— Ты чего тут застрял? — спросил Ванюшка через слуховую трубку.

— Думал,— отвечал Гузик.— И уже придумал. Есть! Плыдем на поверхность.

Гузик придумал и осуществил очень остроумный аппарат для подводной автогенной резки металла. Железный корпус парохода резался легко и быстро, как бумага. Отдельные куски поднимались при помощи кранов на поверхность и нагружались на шхуну. Работали попарно, чаще всего Гузик и Ванюшка. В полдень, когда солнце стояло над головой, в воде было настолько светло, что можно было работать без фонарей. На дне около пароходов виднелись человеческие кости, полузанесенные песком и илом. По мере того, как отнимался кусок за куском металлического корпуса, открывалась внутренность затонувшего парохода,— каюты, наполненные человеческими скелетами, трюм, где в полусгнивших ящиках оказался целый склад оружия, котельное отделение...

Железных корпусов двух коммерческих пароходов было вполне достаточно для изготовления колпаков, которые покрыли собою пять первых деревянных избушек подводного поселения. Восторжествовала идея Волкова — обшить железные колпаки изнутри деревом.

Постройка подводных жилищ не представляла особого труда. На дно был уложен бетонный фундамент,

деревянные дома доставлялись в сложенном готовом виде на плотках к месту постройки, талями погружались в воду и брались на причал при помощи якорей. Затем над ними возводили железные купола, откачивали воду, внутренность куполов высушивали при помощи электрических плит и снабжали дома необходимым оборудованием. Производство всех этих работ значительно облегчалось тем, что в распоряжении строителей были почти идеальные водолазные костюмы, которые не стесняли свободу движений и не зависели от базы.

Ванюшка, опустившись впервые в подводное жилище, был в восторге. Он ходил из «квартиры в квартиру» и повторял «Вот это фтука, фут возьми!» И заявил, что больше не поднимется на поверхность и отныне превращается в водяного жителя.

Макару Ивановичу Конобееву также очень понравился их новый «хутор». В подводной долине меж гор всегда было тихо,— ни ветров, ни бурь, ни дождей, ни метелей. Тихо колыхались водоросли, весело сустились рыбы, важно восседали на дне большие крабы. Нравились Конобееву и «хоромы»,— ему еще не приходилось жить в таких светлых, чистых и теплых комнатах. Но не этот уют и удобства тянули его, а сам океан — неведомый, необъятный, полный своеобразной красоты.

— Однако тут не хуже тайги! — говорил Макар Иванович. На его языке это был лучший комплимент.

— Вот и будем жить в подводной тайге, — отвечал Волков.

Жить под водой было удобно и нужно для дела. Теперь никакие бури, никакие тайфуны не могли мешать выйти из дому и отправиться бродить по подводным полям. Работы было много. Волков решил устроить совхоз по всем правилам. Нужно было измерить подводные поля, нанести план, чтобы правильно вести хозяйство: знать, сколько заготовить пучков, сколько нанять рабочих, какой ожидать урожай. Волков, Ванюшка, Конобеев и Гузик решили немедленно переселиться под воду. Все они, кроме Конобеева, были людьми свободными, холостыми; один Макар Иванович был женат. Больших затруднений старик не предвидел: ведь пропадал же он целыми месяцами на охоте. Марфа Захаровна привыкла к одиночеству.

Так думал он и однажды вечером, сидя в своей фанзе за самоваром, сказал ей:

— Однако завтра я переселяюсь на дно, в подводное жилище.— Марфа Захаровна посмотрела на него с недоумением. Ее красное лицо стало еще краснее.

— Как это переселяешься? — спросила она:— Куда это на дно? Ты в своем уме?

— Ум не шапка, чужой не наденешь. Правду говорю. На дне моря-окияна жить буду. Слыхала, небось, дом строили? Ну вот, и выстроили. Очень хорошо.

— А я?

— А ты тоже пойдешь со мной.

— С тобой? Под воду? Я не русалка. Сама не пойду и тебя не пущу!

— Не хочешь, неволить не буду. Такое дело. А меня остановить не имеешь права. Я сам себе волен.

Марфа Захаровна в слезы. И лицо ее стало совсем как спелая клюква. Макар Иванович немного растерялся. Он не мог понять, что так взволновало его старуху. Едва ли боязнь за него. В тайге было не меньше опасностей, чем в воде. Притом опасность, риск были слишком обычными спутниками его близкой к природе жизни почти первобытного человека. К опасностям охоты на дикого зверя Марфа Захаровна относилась так же спокойно, как жена человека каменного века. Голод страшнее зверя. Слабого, голодного человека одолеет и малый зверек. Чтобы быть сильным, надо убивать крупных зверей; чтобы жить,— надо рисковать жизнью. Эта философия крепко сидела в старухе и помогала спокойно относиться к тому, что ее муж в одиночку выходил на медведя. В чем же теперь дело? Ведь Макар Иванович обещал видаться с Марфой Захаровной даже чаще, чем раньше; он будет жить под бокром.

Марфа Захаровна, всхлипывая и беспрестанно сморкаясь в платочек, объяснила ему свой взгляд на вещи. Макар Иванович мог уходить на охоту, оставляя жену в китайской фанзе, купленной за медвежью шкуру,— этого требовала суровая жизнь. Но он возвращался к ней в дом, у них был этот самый общий дом, семейный очаг. А теперь Макар Иванович собирался перебраться на жительство в другой дом, обзавестись каким-то своим углом. Это было равносильно измене, было похоже на то, что старик бросал

Марфу Захаровну. Все это она изложила в таких туманных выражениях, что Макар Иванович ничего не понял, кроме того, что старуха недовольна его намерением уйти под воду.

— Однако пойдем вместе,— предложил он ей.

Но тут она понесла такую околесицу, что Макар Иванович даже поперхнулся чаем. Марфа Захаровна решительно заявила, что жить под водой крещеному человеку грех, потому что вода создана господом богом для рыб, а не для человека. И что такого человека после смерти «земля не примет и вода изрыгнет». И откуда только набралась такой премудрости! Наверное, начётчик научил.

Макар Иванович, как всегда, поднялся из-за стола только после того, как весь самовар был выпит.

— Однако ты некрещеную рыбу ешь! — выдвинул он неожиданный аргумент, который так поразил старуху, что она замолчала. На этом разговор закончился. А утром на другой день Конобеев, надевая водолазный костюм, сказал:

— Прощай, старуха. Когда захочешь меня видеть, подойди к берегу, опусти руки в воду и постучи камушком о камушек. В воде хорошо слышно. Я стук твой услышу и вылезу.

Марфа Захаровна посмотрела на своего мужа с испугом. Он превращался в ее глазах в водяного. Он уже знал, что делается у них там, под водой, как слышно, как видно... И этот страшный большой черный нос, эти глаза-очки!..

— Когда же ты придешь? — спросила старуха, присмирев, дрогнувшим голосом.

— Как справлюсь,— неопределенно ответил он и зашагал к берегу. Старуха поплелась вперевалку за ним, а впереди бежал Хунгуз и тревожно лаял.

— Чувствует животная!.. — промолвила Марфа Захаровна, вздыхая.

— Ну, прощай,— еще раз сказал Конобеев. Марфа Захаровна посмотрела на каучуковый нос, ровный и гладкий, без единого волосика, к виду которых на мясистом носу мужа она так привыкла, и тяжело вздохнула.

— Прощай. Бог тебе судья.

Но Конобеев не слышал последнего напутствия жены. Он смело вошел в воду и зашагал, погружаясь все

более. Волны шипели песком вокруг него, как бы сердясь, что человек идет туда, куда ему нет доступа. Марфе Захаровне этот «змеиный шип» казался дурным предзнаменованием. Хунгуз, видя «утопающего» хозяина, завыл, заскакал на берегу, бросился в воду... Конобеев отогнал собаку рукой и погрузился в волны с головой.

Плакала старуха, выла собака.

XI. «ПЛЕННИКИ МОРЯ»

Конобеев не раз выходил на берег, видался с женою, пил чай, уговаривал опуститься вместе с ним на дно, но она упрямо отказывалась и бранила его, называя водяным и безбожником. Макару Ивановичу было жалко старуху. Она хоть и по глупости своей, а сильно страдала. Жили вместе тридцать лет и три года, как в пушкинской сказке, да и разлучились... Конобеев нередко думал об этом, когда ему не спалось, и не мог понять: оттого ли не спится, что думы одолевают, или оттого, что сна ни в одном глазу. И вот однажды, проворочавшись на кровати почти до утра, он явился к Волкову и сказал:

— Семен Алексеевич! Однако помогите мне уложить старуху к нам переехать жить. Оно бы ловчее было. Самоварчик бы ставила нам, уху, щи, кашу варила. Надоели эти корейские кушанья, что Пунь нам готовит. Пунь была бы по стирке, за чистотой смотрела, а моя старуха — за харчем.

Ванюша, присутствовавший во время этого разговора, сказал:

— Семен Алексеевич! Мы вот что сделаем — пойдем всем миром: вы, я, Макар Иваныч, Гузик. Будем ее просить вроде как депутацией. Не откажется.

Волков безнадежно махнул рукой.

— Ничего не выйдет, — ответил он. — Я уже говорил с ней и убеждал ее. Крепкая старуха. Стоит на своем — и баста!

— Тогда вот что: скажем, что Макар Иваныч умирает, она испугается и придет...

— Однако она со страху и помереть может,— возразил Конобеев.— Уж лучше без обману. Пойдем попросим всем миром, может, что и выйдет.

И, захватив на всякий случай водолазный костюм для Марфы Захаровны, все отправились на берег.

Марфа Захаровна стирала белье у фанзы и была даже несколько напугана, когда увидела, как из волн морских вышло четыре чудовища,— впереди них ее муж-богатырь, как дядька Черномор,— и вся эта процессия двинулась к фанзе. Марфа Захаровна наспех вытерла руки, спустила фартук и в выжидательной позе остановилась у двери. Хунгуз с радостным лаем бросился к хозяину. Процессия людей с большими черными носами и огромными очками подошла к фанзе. Все сняли водолазные полумаски и с поклонами подошли к Марфе Захаровне. От этой торжественности у Марфы Захаровны даже закололо в носу.

Волков произнес речь, в которой говорил о том, что Макар Иванович заболел с тоски, что он не спит по ночам и что от всего этого и работа у него не клеится, и если бы Марфа Захаровна согласилась жить в море, то она очень помогла бы всем им. Ее можно было бы принять в штат служащих и платить ей деньги... (Тут Марфа Захаровна отрицательно махнула рукой.) А если и не из-за денег, то все же она должна согласиться ради того, чтобы помочь им всем.

Потом говорил Ванюшка, потом Гузик. И все они просили ее. Никогда еще столько людей не просили Марфу Захаровну! Она была смущена, взволнована и польщена. И неизвестно, что побудило ее решиться: то ли, что ее просят, или, быть может, мимоходом брошенное Волковым упоминание о том, что ее приглашают на службу и что ей будут платить жалованье... Она не была корыстолюбива и не привыкла обращаться с деньгами. Муж доставлял ей «натурой» все необходимое. Но у нее далеко отсюда был внучек, сын ее дочери, в котором она души не чаяла. И теперь Марфа Захаровна получала возможность делать ему подарки, а потом, собрав денег, даже поехать повидаться с ним перед смертью. А может быть, и самолюбие ее было задето: Ванюшка опять говорил о том, что Пунь не побоялась опуститься на дно.

Марфа Захаровна, выслушав все речи, обращен-

ные к ней, ударила руками по толстым бедрам и засмеялась.

— Ах вы, сукины коты! — неожиданно обратилась она к членам депутации. — Что выдумали! Столько народу ко мне одной, будто я барыня какая. Ну, что мне с вами делать? Возьму грех на душу. Ведите, топите меня, старую!

— Зачем топить, мамаша! — ответил повеселевший Ванюшка. — Представим в лучшем виде. Примерьте носик, мамаша! — И Ванюшка протянул Марфе Захаровне водолазную полумаску. Марфа Захаровна испуганно ахнула и отшатнулась.

— Не бойтесь, мамаша, не укусит, — продолжал Ванюшка. — Наденьте на нос, а я помогу вам завязать. — Он взял из ее рук полумаску и начал прилаживать на лице.

— В лучшем виде, мамаша. Теперь ранец. Вот так. Приподнимите ручки. Ремни под мышки. Не тяжело? Ранец-то почти пустой, один воздух.

— К носу плотно пришлось? — спросил Гузик и взял Марфу Захаровну за черный каучуковый нос. Она легонько взмахнула руками и снова опустила их: делайте, мол, что хотите, ваша воля!

— Хорошо! Можно присоединить трубки с кислородом. Пусть поучится дышать. Вы, Марфа Захаровна, воздух в себя носом тяните, а из себя ртом выпускайте.

— Да что вы, в самом деле, сейчас меня хотите под воду тянуть? А собраться как же? Я так не могу! Я все свое хозяйство должна с собою взять.

— Возьмем, возьмем, все возьмем, не волнуйтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Вы только дышите. Вот так. Ну, начинайте! Раз! Раз! Так, хорошо. Идемте, мамаша. Вашу ручку. Гузик, бери за другую. — И в сопровождении двух кавалеров, больше похожих на конвоиров, Марфа Захаровна направилась к берегу океана.

— Ой, батюшки, боюсь! Ой, умру!

— Вот видите, Марфа Захаровна, я же говорил вам, что вы от страха в море не хотите идти, — сказал Ванюшка. — А Пунь та не побоялась, так за своим муженьком и зашагала.

Это подействовало. Марфа Захаровна сделала еще несколько шагов. Но, когда волны начали обдавать

подол длинной старомодной юбки, старуха вновь остановилась.

— Позвольте, но как же это так? — сказала она. — Ведь я вымочусь, вся вымочусь, и на полу у вас там наслежу. А переодеться я ничего не взяла с собой.

— Не беспокойтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Мы там вас живо электричеством высушим, вам и переодеться не надо будет. Прямо, можно сказать, сухою из воды выйдете. Ну, смелее, крещается раба божия Марфа!.. — И он потащил ее в воду.

— Ах! Уф! — кричала Марфа Захаровна.

— Закройте ротик, Марфа Захаровна, захлебнетесь, мамаша! В воде ахать и охать воспрещается! — строго сказал Ванюшка.

Когда вошли в воду до пояса, Гузик сказал, что пора надеть наушники. Все плотнее натянули на уши аппарат и быстро вошли в воду. Марфа Захаровна что-то еще кричала, но ее уже не слышали. Однако, когда она погрузилась в воду с головой, то вдруг начала биться в руках, как пойманная рыба. Гузик и Ванюшка пытались удержать ее, но подоспевший Конобеев вырвал свою старуху из их рук и вынес на поверхность почти потерявшую сознание. Когда она отдышалась, то объяснила, что без привычки наглоталась воды и едва не захлебнулась.

Пришлось здесь же на берегу устроить совет.

— Это без привычки, мамаша, вы поучитесь немножко, — твердил Ванюшка. Но Гузик убеждал, что гораздо проще принести зимний водолазный костюм со скафандром. В таком аппарате Марфа Захаровна может дышать, как ей заблагорассудится, — вода не воьется в рот. С этим все согласились. Пока Марфа Захаровна переодевалась в сухое, Ванюшка «слетал» на дно и принес из подводного жилища новенький водолазный костюм, в который и облачили Марфу Захаровну. Теперь дело пошло легче.

Еще несколько шагов, и Марфа Захаровна спустилась под поверхность океана и вступила в новый для нее, необычайный мир. Ее все пугало и удивляло. И свет фонарей, внезапно загоревшийся на голове Гузика и Ванюшки, и неожиданно громкий голос мужа, сказавшего ей через слуховую трубу: «Однако не робей, старуха!» — и рыбы, шнырявшие возле самой ее головы.

Несмотря на тяжелые свинцовые подошвы, старуха чувствовала себя легче, как будто она сразу стала сильнее, моложе. Это было довольно приятное, новое ощущение. Но зато быстрота и резкость движений пропали. Все шло медленно, словно подражая плавности движений водорослей. Гузик и Ванюшка уже не поддерживали Марфу Захаровну за руки. Она шла самостоятельно.

— Однако вот мы и дома! — услышала Марфа Захаровна голос мужа.

— Где? — Она ничего не видела. Свет фонаря, хватывая круг из зеленоватой мглы, освещал лишь два-три десятка метров водяного пространства с бесконечным количеством водорослей. В силу причудливых законов подводного видения Марфе Захаровне казалось, будто она идет в глубину какой-то трубы, наполненной мохнатой бурой паутиной. Но вот за длинными лентами и красивыми лапчатыми листьями она увидела что-то большое, темное, круглое — слишком правильно округленное для того, чтобы быть естественным созданием природы, которая умеет изготавливать круглые предметы только слишком больших или очень маленьких размеров: солнца, планеты, росинки, дождевые капли...

Когда подошли еще ближе, Марфа Захаровна увидела железную стену с большой круглой «заплатой». Это был вход. Волков подошел к «заплате», откатил вбок железную дверь и жестом пригласил Марфу Захаровну переступить порог. Все вошли в камеру. Дверь задвинулась. Вода начала быстро вытекать. Скоро камера освободилась от воды. Над головой Марфы Захаровны загорелась электрическая лампа. Гузик и Ванюшка погасили свои головные фонари, подошли к Марфе Захаровне и помогли ей снять тяжелый водолазный костюм.

— Поздравляю с прибытием! — сказал Ванюшка.

ХII. ХУНГУЗ

Волков, Конобеев, Гузик и Ванюшка быстро сбросили свои полумаски и ранцы, спрятали водолазные костюмы в железный шкаф и явились пе-

ред Марфой Захаровной в обыкновенном виде, который для нее, женщины старой и строгого нрава, казался довольно неприличным. Она старалась не смотреть на полуобнаженные тела мужчин. Один только Конобеев был приличен в своих широких штанах и длинной рубахе.

— Ну, идем, старуха,— сказал он, взяв старуху за руки, чего раньше никогда не делал. Это было неприлично и трогательно.— Покажу тебе, как живут морские жители.

Марфу Захаровну ввели в восточный домик, где помещались Конобеев и Гузик. По случаю прибытия гости Гузик переселился в лабораторию, помещавшуюся в южном домике.

Когда Марфа Захаровна вошла в чистенькую комнату подводной избушки, она была чрезвычайно удивлена и даже поражена. Неизвестно, как представляла она это подводное жилище. Но, наверно, ей мерещились осклизлая тина, копошащиеся в полутьме морские гады и ужасная сырость — как же может быть иначе в воде! И когда она увидела толстые бревна стен, пахнущие смолой («совсем, как на земле!»), чистый белый пол, который можно мыть, не боясь занозить руки (так хорошо были оструганы половицы), стол, табуреты, кровати, дощатую перегородку,— все сухое, земное, настоящее,— она не верила глазам своим. Было тепло, даже жарко,— Гузик постарался. Электрическая лампа светила ярко. Марфа Захаровна стояла посредине комнаты, сложив руки на круглом животе, и вид у нее был такой, словно она молится в храме. Конобеев наблюдал за нею, самодовольно улыбаясь.

— Однако ты боялась замочиться, отсыреть, замерзнуть,— сказал он.— Тут тебе будет лучше, чем в китайской фанзе. Ну скажи, старуха, не плохо?

— Грех с вами! — неопределенно ответила Марфа Захаровна.— А окно-то зачем? — вдруг заинтересовалась она, поднимая занавеску.— Тьма-то какая!.. Нет, тут не то, что на земле. Ночь вечная! Затоскуешь без солнышка.

— Эту ночь мы сейчас в день превратить можем,— ответил Конобеев.— Сейчас, вишь ты, железный ставень закрыт, а вот мы откроем его да свету пустим...— Конобеев повернул рычажок и выключатель. Железный засов отодвинулся, яркий свет осветил прост-

ранство за стеклом, и Марфа Захаровна увидала рыб, подплывших к стеклу. Через несколько минут их собралось множество.

— Однако целая уха! — сказал Конобеев. — Если скучно станет, в окошко погляди, что делается.

— А что тут делается? Все одно. Рыбы и рыбы.

— Однако ты приглядишься и увидишь, что и тут разное бывает. По рыбам ты многое узнаешь: ночь или день, утро или вечер, солнце над головой ил и тучи, тихая погода или буря. Я уже насквозь всю эту премудрость узнал. Вот тут и будешь жить со мной. А теперь пойдем, покажу тебе кухню и твою помощницу.

Конобеев открыл деревянную и железную двери и провел Марфу Захаровну в коридор с железными ставнями. После теплой и сухой избы здесь чувствовался холодок и как будто тянуло сыростью. Марфа Захаровна поежилась.

— Небось не отсыреешь. Вот и пришли, — сказал Конобеев. Они вошли под крышу большого центрального купола, где помещались столовая, библиотека-читальня, машинное отделение и кухня. Еще пара дверей, и они в столовой. Здесь их приветствовал Ванюшка.

— А вот и кухня, — сказал Конобеев, открывая деревянную дверь.

Пунь, увидав входящую Марфу Захаровну, отвесил ей низкий поклон. Она охотно пала бы ниц на землю, чтобы показать глубокое почтение, но Ванюшка отучил ее от этой «азиатской рабской церемонии», как он говорил. Смуглое лицо Пуня сморщилось в улыбке. Она сказала нараспев:

— Мама халасо! — Этими словами Пунь выражала свое удовольствие по поводу того, что в подводном жилище появилась еще одна женщина.

Марфа Захаровна привыкла к подводному жилищу скорее, чем ожидал Конобеев. Она, как практическая женщина, быстро оценила все выгоды и удобства нового жилища. Только к одному она никак не могла привыкнуть — к «электрическому чаю». Ей недоставало самовара. В конце концов Гузик должен был приделывать электрическую грелку к ее самовару. Правда, самовар вскипал не от углей, как это полагалось, но, вскипев, он ничем не отличался от настоящего «православного» самовара. И еще одно огорчало старуху: это

то, что на берегу осталась собака Хунгуз, к которой она привыкла.

— Лаает небось сердешный день и ночь,— говорила она и не обманывалась в своих предположениях.

Когда, несколько дней спустя, Конобеев вышел на берег, он застал там Хунгуза, похудевшего от тоски. Пес, вероятно, оплакивал свою хозяйку, безвременно погибшую в волнах океана. Увидав Конобеева, Хунгуз завизжал от радости и стал лизать мокрые руки старика. Конобеева растрогала эта ласка. Он ничего не сказал жене о встрече с Хунгузом, чтобы не расстроить ее, но встретив Гузика, заявил: «Однако надо и Хунгуза взять сюда. Пропадет с тоски пес. Жалко. Тварь тоже чувствует».

— Как же мы доставим его сюда? Разве что в большом водолазном костюме.— Лицо Гузика вдруг сделалось грустным. Оно всегда казалось таким, когда молодой ученый задумывался. Конобеев посмотрел на Гузика и, вздохнув, отошел. Не до собаки, видно, Гузику. У него дела поважнее.

Но Конобеев ошибся. Гузик как раз думал о собаке.

«А в самом деле,— думал он,— почему бы не сконструировать водолазный костюм для собаки? Сделать такой аппарат, в котором она смогла бы не только прийти сюда, но и бегать по дну моря!»

Гузик отправился на берег, подозвал Хунгуза, измерил объем его шеи, головы и длину морды и вновь нырнул в океан.

Через пару дней он вышел из лаборатории с собачьим скафандром и небольшим «ранцем» в руках.

— Макар Изанович! Идемте на берег за Хунгузом,— сказал он, подмигнув Конобееву. Старик посмотрел на скафандр, похожий на голову допотопного животного, понял все и начал быстро собираться в дорогу.

Гузику и Конобееву не без труда удалось надеть на голову собаки скафандр и привязать к спине аппарат, вырабатывающий кислород. Хунгуз отчаянно мотал головой и старался лапами снять с себя мешавший ему скафандр. У него, вероятно, было такое же чувство, как у сказочной лисы, которая не могла вынуть голову из горшка. Правда, Хунгуз мог видеть сквозь большие очки, но аппарат на спине мешал ему. Хунгуз начал

кататься по земле, пытался стряхнуть с себя тяжесть, но аппарат держался крепко.

— Однако довольно ему колобродить,— сказал Конобеев и, подхватив собаку на руки, направился с нею к воде. Хунгуз отчаянно забился, когда вода коснулась его лап. Конобееву пришлось порядочно принажать на бока собаки, чтобы она не вырвалась и не убежала обратно на берег.

Погрузились в воду. Солнце стояло над головой, и под водою было довольно светло. Хунгуз все еще бился в руках Конобеева. Они медленно подвигались вперед. На песчаной подводной отмели, хорошо отражавшей свет солнца, Гузик остановил Конобеева и попросил спустить собаку. Гузику надо было посмотреть, как собака будет ходить по дну. Хунгузу трудно было надеть на все четыре лапы обувь с грузом, чтобы предупредить всплытие наверх. И поэтому Гузик, оставив лапы Хунгуза свободными, положил груз в аппарат, помещавшийся на спине.

Хунгуз, получив свободу, пробежал несколько шагов и вдруг, свалившись на сторону, начал всплывать, перебирая лапами. Тяжесть была недостаточна, и, кроме того, положенная на спину, она не обеспечивала такой устойчивости, какую давали свинцовые подошвы.

Гузик недовольно крикнул, выпустив пузыри изо рта, и схватил Хунгуза, всплывшего уже на высоту человеческого роста. Конобеев был так удивлен неожиданным взлетом собаки вверх, что стоял неподвижно, расставив руки.

У Гузика в сумочке, на всякий случай, уже были заготовлены «калоши» для Хунгуза. Ученый передал собаку Конобееву и начал тут же, под водой, привязывать к каждой ноге Хунгуза по мешочку со свинцовыми пластинками. Окончив эту работу, Гузик вынул часть тяжестей из аппарата, помещавшегося на спине собаки, и спустил ее на песок. Хунгуз стоял, мотая в недоумении головой. И вдруг около самого его носа проплыла довольно большая рыба и, словно вызывая на игру, начала удаляться. Хунгуз не мог видеть ни одного предмета, удалявшегося от него, чтобы не погнаться за ним, будь это заяц, автомобиль или человек. И Хунгуз побежал за рыбой, устремив вперед морду. Охотничий инстинкт был разбужен, и пес сразу забыл всю необычайность обстановки и своего по-

ложения. Правда, бег Хунгуза был далеко не таким быстрым, как на земле. Но все же меньший объем и горизонтальное положение тела давали ему возможность двигаться с гораздо большей быстротой, чем людям. И не успели Конобеев и Гузик сообразить, что случилось, как Хунгуз уже скрылся в зарослях водорослей. Этого еще не хватало! Опыт удался в большей степени, чем того хотел Гузик.

Конобеев вдруг взмахнул руками и, делая огромные шаги, двинулся вслед за собакой. Гузик тоже сообразил, чем это может кончиться. Собака, не имея возможности пользоваться обонянием, заблудится в подводной «тайге» и подохнет от голода или же задохнется в тот момент, когда аккумулятор перестанет работать и доставлять кислород. Надо спасти собаку во что бы то ни стало! Конобеев и Гузик засветили фонари, надеясь, что собака пойдет на огонь. Гузик застукал в кастаньеты, а Конобеев пробовал даже свистеть, но, кроме пузырей, у него ничего не получалось.

— В чем дело? — неожиданно послышался голос Ванюшки, который подошел незаметно к Гузику и проговорил в трубку.

— Ты откуда? — спросил в свою очередь Гузик.

— Работал неподалеку с Семеном Алексеевичем, услышал твой стук и явился.

Гузик рассказал Ванюшке об исчезновении Хунгуза. Ванюшка принял участие в поисках. Они разошлись в разные стороны, долго бродили, но собаки не нашли. Усталые и опечаленные, Гузик и Ванюшка вернулись домой. Старик еще не приходил. Молчаливо уселись за стол, стараясь не смотреть на Марфу Захаровну, которая состряпала им прекрасные «электрические щи», как называл Ванюшка в веселые минуты блюда, приготовленные на электрической плите. И вдруг в соседней комнате залаял Хунгуз. Марфа Захаровна была так поражена этим, что выронила из рук кастрюлю. Хунгуз ворвался в комнату, бросился к ней, стал на задние лапы и с веселым лаем начал лизать ей лицо. У старушки даже слезы на глазах выступили.

— Хунгузик мой! — ласкала она его. Вслед за собакой в комнату явился и Конобеев.

— Где ты нашел его, папаша? — спросил Ванюшка.

— Я решил так,— ответил Конобеев,— что собака не пойдет в глубокое место, где темно и страшно, а пойдет на свет, а когда пойдет на свет, то непременно выйдет на берег. Так оно и вышло. Я вылез на берег, а Хунгуз мой уже там. По песку катается и головой крутит. Я его сгреб в охапку и прямо сюда, не спуская с рук.

— Теперь надо его на веревочке водить, пока не привыкнет! — сказал Ванюшка.

К двуногим подводным жителям прибавился четвероногий.

ХIII. МОРСКОЙ ВОЛК

Хунгуз довольно быстро привык к водолазному аппарату и часто сопровождал Конобеева в его подводных путешествиях. Иногда они выходили на берег. Конобеев снимал там с себя и Хунгуза водолазные аппараты, оставляя их в сторожевой будке, вынимал припрятанные в пещере ружье, сумку, патронташ и отправлялся на охоту, чтобы снабдить обитателей подводного жилища свежим мясом. Хунгуз сопровождал Конобеева, выслеживая дичь. Когда ягдташ Конобеева был полон, старик и собака возвращались на берег. Здесь Конобеев надевал себе и собаке аппараты, прятал ружье, клал настрелянную дичь в герметически закрывающийся металлический ящик, прятал в пещеру ружье и патроны и возвращался в подводное жилище, нагруженный добычей. Птица складывалась в ледник. Надоедала дичь, и Конобеев принимался за рыбную ловлю. На нем лежало снабжение небольшой колонии рыбой и мясом.

Ловить рыбу не представляло труда. Она сама шла на свет фонаря. Хунгуз, переселившись под воду, вначале только пугал рыб, но Конобеев скоро приучил его к новой охоте. И теперь Хунгуз или спокойно лежал у ног Конобеева, пока тот, сидя на подводном камне, выжидал добычу, или же загонял рыбу поближе к сети, бегая вблизи освещенного фонарем места. Конобеев устроил особую сеть, которая прикреплялась к дуге.

Один из концов этой дуги, поставленной вертикально, Конобеев держал в руке, сидя спокойно и неподвижно. Как только рыбы набиралось достаточно, Конобеев вдруг гасил свет и быстро накрывал сетью рыб, наклоняя дугу до земли. Затем он задегивал сеть снизу — и рыба, таким образом, оказывалась не только пойманной, но и «упакованной» для переноски домой.

Конобеев хорошо изучил места, где водилась нужная ему рыба. Иной раз он поднимался ближе к поверхности, где обитала мелкая рыбешка, но там было достаточно светло и днем рыбу нельзя было заманить на огонь. Мелкую рыбку приходилось ловить ночью. Хунгуз скакал по окрестностям, будоража рыбу волнением воды. Рыбки, завидев свет, плыли к нему, где и попадались в сети.

Иногда старик отправлялся в подводные мирины и там ловил рыб покрупнее. На самых крупных рыб он охотился с острой ночью, и тогда совсем походил на Нептуна. Конобеев особенно любил эти ночные прогулки. Идти приходилось очень тихо, чтобы не спугнуть рыб колебанием воды, которое они чувствовали на очень далеком расстоянии. Фонарь не зажигался. Хунгуз шел позади хозяина. Иногда рыбы, испуганно шарахаясь в заросли водорослей, задевали хвостом по лицу или плечу Конобеева. Хунгуз боязливо взвизгивал или ворчал в своем скафандре.

Придя на место лова, Конобеев зажигал фонарь, постепенно усиливая свет. Завидев — иногда в нескольких шагах от себя — огромную рыбищу чуть ли не в центнер весом, он осторожно подкрадывался к ней сзади, потому что боками — наибольшей площадью своего тела — рыба скорее чувствовала угрожающее волнение дотоле спокойной воды и одним движением скрывалась в густых зарослях.

Конобеев не переставал удивляться силе и ловкости рыб. Он выходил один на один на медведя и всегда оставался победителем. Но с рыбой своего роста Конобеев не всегда мог справиться. Чаше она вырывалась вместе с острой, нередко тянула старика за собой в продолжение нескольких километров и сдавалась, лишь совершенно обессилев. Подчас между ним и рыбой происходило настоящее единоборство, во время которого Хунгуз прыгал вокруг Конобеева, сжимавшего рыбу в объятиях, и отчаянно лаял в скафандре.

ре. Прижимая рыбу одной рукой, Конобеев другой вынимал нож и приканчивал добычу, вонзая его в сердце.

Для приманки мелких рыб Конобеев пользовался не только светом, но и запахами. Он заметил, что некоторые маленькие рыбки очень любят запах мяты. Конобеев нарвал много мяты, растущей на берегу, и натирался ею перед тем, как идти ловить рыбку. Ванюшка долго не мог понять такую странность: когда он отправлялся бродить по дну океана вместе с Конобеевым, то к старику — и только к нему — приплывало несметное количество мелкой рыбешки, которая буквально облепляла его, как туча комаров. Он мог бы ловить их руками.

— Почему они к тебе так лезут? — удивленно спрашивал Ванюшка.

— Слово такое знаю, — улыбаясь, отвечал Конобеев.

Однажды во время рыбной ловли произошел случай, который надолго остался в памяти и Конобеева и... Хунгуза. Конобеев сидел на подводной поляне с сетями в руках и горящим фонарем на голове. На этот раз рыба шла плохо. Даже для такого знатока-рыболова, каким был Конобеев, не все было ясно в поведении рыб. Почему на одном и том же месте вчера их было много, а сегодня совершенно нет? Куда ушли они? Что напугало их или привлекло на другое место? Конобеев знал сезонные передвижения рыб. Знал он и о постоянных передвижениях рыбных стад с места на место в поисках лучших подводных «лугов», более изобильной пищи. Рыбы передвигались, как стада овец или диких лошадей по первобытным степям. Хищная рыба следовала за мелкой. Иногда крупные хищники заставляли бежать целые полчища мелких рыб далеко на юг или север. В воде, как и на земле, был свой круговорот: весы жизни и смерти вечно качались, уравнивая биологическое равновесие. Обо всем этом Конобеев мог бы рассказать много интересного. Но все же и для Макара Ивановича было многое непонятно. Почему эта подводная долина сегодня похожа на город, покинутый своими жителями?.. Придется переменить место. Конобеев тронул ногой Хунгуза, покойно лежавшего возле него, поднялся и отправился в путь, погасив фонарь. Места были знакомые, и понапрасну не было нужды тратить электрическую энергию аккумуля-

ляторов. Хунгуз шел впотьмах, ориентируясь по движению воды конобеевского кильватера.

Макар Иванович спокойно прошел несколько сот метров и вдруг почувствовал, что почва под ногами изменилась. Казалось, на гладком доселе пути кто-то разбросал камни или большие створки раковин. Подошвы тяжелых водолазных башмаков поминутно наступали на что-то твердое и как будто подвижное. Идти стало трудно. Конобеев почувствовал, как что-то больно ущемило его ногу у лодыжки. Что за оказия? Макар Иванович согнулся, схватил рукой жесткий предмет и на ощупь определил, что это был краб. Зажег фонарь, нагнулся, осветил почву и увидел, что по дну ползло неисчислимое полчище больших и малых крабов. Это было настоящее «великое переселение народов». Крабы шли сплошной массой, направо и налево, впереди и сзади, и никогда еще Макару Ивановичу не приходилось видеть их такое множество. Еще один краб вцепился в ногу. Конобеев отдернул его с такой силой, что зажатая клешня оторвалась от туловища и осталась на ноге. Ее пришлось отрывать отдельно.

Щипками Конобеева не испугаешь. Как пропустить такой случай? Если не идет рыба, то можно наловить крабов. И нет ничего легче. Не обращая внимания на щипки, Конобеев положил на землю сеть. Через несколько секунд она была облеплена крабами. Оставалось только задернуть сетку сверху — и добыча в руках. Но в этот самый момент Конобеев почувствовал, что около его ноги сзади кто-то трется. Макар Иванович осветил место позади себя и увидел почти обезумевшую от боли и страха собаку. Крабы насели на Хунгуза сплошной массой, так что его почти не было видно. Пес катался по земле, отбивался лапами, на которых также висели крабы. Еще несколько минут — и его бы заживо растерзали десятиногие раки.

Хунгуза пришлось лечить несколько дней. А когда он вылез, то еще долго дрожал, выходя на подводную прогулку. Если же ему приходилось увидеть хоть маленького краба, пес, поджав хвост, обращался в паническое бегство.

Так постепенно научился он различать опасных и безопасных обитателей моря. Хунгуз делался «старым морским волком».

XIV. ГУЗИК СРЫВАЕТ ПОДВОДНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

Семейная драма Конобеева разрешилась благополучно. Марфа Захаровна сделалась захаром подводного жилища. Впервые за все время существования океана собака разгуливала по подводным равнинам и делала стойку на рыб, дремавших в водорослях. Жизнь на дне океана наладилась.

Но Волков и его товарищи не забывали и о земле. На берегу кипела работа. Гузик на время переселился на землю и руководил работами по постройке химического завода, который должен был добывать из водорослей йод, калийные соли, бром и мышьяк. Работы на берегу и под водой требовали все большего количества людей. Как грибы, вырастали временные бараки для рабочих на пустынном берегу, где еще недавно было веками ненарушимое царство пернатых.

Вокруг химического завода быстро вырос небольшой поселок. Высоко поднялась к небу заводская труба и начала выбрасывать клубы черного дыма. Тишину морского берега нарушил заводской гудок, который был хорошо слышен даже в подводном жилище. Бараки для рабочих растягивались длинной полосой вдоль берега,— граница подводного совхоза все дальше заходила на север и юг.

Волков и Ванюшка ежедневно наносили на план все новые и новые гектары подводных плантаций. Им приходилось то пробираться по густым зарослям, пуская иногда в ход нож, чтобы проложить себе путь, то бродить по голой, обнаженной каменистой почве. На такой почве спорам водорослей негде было зацепиться, и здесь растительности не было. Но Волков собирался «засеять» и эти бесплодные равнины. Надо было лишь придумать машину для пробивания в гранитном дне небольших дыр, в которые можно было бы вставлять пучки ветвей. Ветви задержат споры, и водоросли быстро вырастут. Придумать такой механический заступ должен был все тот же Гузик, присяжный изобретатель подводного совхоза.

Теперь, проходя из подводного жилища на работу, они встречали под водой многочисленных рабочих, которые медленно ходили в водолазных костюмах, напо-

миная фантастических марсиан. Рабочие собирали водоросли в небольшие тюки, связывали и прикрепляли к крюку на конце веревки, опускавшейся сверху. Затем они дергали за веревку, и водоросль поднималась на борт лодки или большой барки. Караван таких барок выводился в океан буксирным пароходом, который расставлял их одну за другой на протяжении нескольких километров. Барки становились на якорь и спускали лодки. Вечером, по окончании работы, нагруженные доверху барки вновь собирались буксирным пароходом и отводились к берегу, где их разгружали. Вся добыча поступала на завод. Такой способ добывания был более удобен, чем японский.

Японцы не могли чисто «косить» водоросли своими примитивными баграми и шестами. После них еще много водорослей оставалось на дне. Притом водоросли росли на глубине, которая превосходила длину шестов, и были для них совершенно недоступны. Водолазы же могли спускаться на значительную глубину, добывая таким образом еще никем никогда не использованные богатства подводного мира.

Но Ванюшку не удовлетворял и этот способ добывания водорослей водолазами вручную. Он мечтал о подводных косилках. И Гузик обещал ему спроектировать их, когда наладит производство на химическом заводе.

Когда Ванюшка поднимался со дна на поверхность, его всегда поражали шум и суета надводного мира. В воде гораздо тише. А здесь! Неистово кричат чайки, жужжит паровая лесопилка, перекликаются рабочие, стучат топорами, заготавливая пучки ветвей... Все еще первобытным способом, вручную. Ванюшка хотел бы механизировать все, что только можно. Поймав Гузика, который возился в химической лаборатории над установкой перегонного куба, Ванюшка начал упрашивать его, чтобы тот поторопился с косилкой.

— Будь другом, поспеши! И еще я просил тебя сделать заступ, который мог бы в граните ямки делать. Динамитом, чем хочешь, только чтобы скоро и хорошо. И еще... подожди, куда же ты? И еще надо придумать машину ветви рубить и вязать. Вручную мы далеко не уедем.

Гузика отрывали другие рабочие, и Ванюшка, безнадежно махнув рукой, крикнул на прощанье:

— Приходи хоть обедать к нам под воду! Тут с тобой и поговорить не дадут.

— Ладно! — отвечал Гузик и спешил в котельную.

В тот день за обедом Гузик казался задумчивее обычного. Ванюшка убеждал его скорее изготовить механический заступ, а Гузик как будто не слышал. Он ел морскую капусту, приготовленную Марфой Захаровной, и неопределенно мычал. После обеда Гузик коротко предложил всем мужчинам отправиться вместе с ним. Зачем, куда, — на эти вопросы он не дал никакого ответа. Эта таинственность заинтересовала Ванюшку. Наверно, что-нибудь опять новое выкинет Гузик.

Марфа Захаровна и Пунь остались дома хозяйничать, а мужчины, надев водолазные костюмы, вышли из подводного жилища. День был сумрачный, и пришлось тотчас зажечь фонари. Гузик жестами показал, чтобы все стояли неподвижно и ждали его, а сам отправился за дом. Прошло несколько минут, и вдруг с другой стороны дома, откуда никто не ожидал, вспыхнул яркий свет. Ванюшка направил в ту же сторону свет своего фонаря и увидел необычайное зрелище: Гузик выехал на каком-то странном экипаже, полутракторе-полутанке, на гусеничном ходу. Ванюшка бросился к своему другу-изобретателю и начал осматривать экипаж.

Да, это был подводный трактор, — «заступ», о котором Ванюшка так долго мечтал. На машину были направлены все фонари, и Гузик начал демонстрацию.

Он проехал мимо них и потом показал рукою позади себя. Трактор оставил в почве полосу углублений — по пяти в ряд, — идущих несколько вкось. Ванюшка пригляделся, как трактор роет ямы. Сзади машины виднелись пять металлических стержней, которые последовательно, слева направо, поднимались, опускались, захватывали пальцами-скребками куски земли и выбрасывали ее в сторону, оставляя в почве ровные, узкие и довольно глубокие ямы. Но это было еще не все. Гузик, сорвав подводные аплодисменты, уехал за дом и через некоторое время вернулся оттуда на той же машине, нагруженной пучками веток. Он проехал по целине. На этот раз трактор не только выкапывал ямки, но и сажил в них пучки кустов. Это было великолепное зрелище. Гузик ездил по гладкой поч-

ве, и везде, где он проезжал, тотчас «вырастал» кустарник.

— Браво! — закричал Ванюшка.

Но его никто не слышал, кроме его самого. Тогда он подбежал к трактору, уселся рядом с Гузиком и начал аплодировать перед самым его лицом. Тот сразу не понял этого жеста и даже немного растерялся. Затем Ванюшка схватил слуховую трубку Гузика и крикнул:

— Молодец, Микола! На ять сделал, фут возьми! Теперь ты только придумай такой заступ, чтобы гранит ковырять можно было.

Гузик махнул головой и пригласил всех следовать за ним. Ванюшка, имея в виду сопротивление подводной среды, не утерпел и уселся на трактор, который двигался довольно быстро. Он хорошо брал всякие неровности почвы и, как настоящий маленький танк, бесстрашно нырял в ложбины и влезал на бугры. Ванюшке приходилось наклоняться вперед, как при сильном ветре. Вот и ровное плато, лишенное водорослей. Маленькая подводная пустыня. Выход горной породы. Трактор быстро пробежал по каменистой почве и остановился. Металлические стержни-руки поднялись, а на смену им из-под трактора выдвинулись пять буров, которые начали быстро сверлить дыры в каменистой почве. Правда, эту быстроту нельзя было сравнить с быстротой копки ям: там вся работа шла на ходу, — здесь же приходилось периодически останавливаться, сверлить камень и снова подвигаться вперед на несколько десятков сантиметров, чтобы опять сделать остановку. Но все же это был большой успех.

Закончив опыты, вернулись в подземное жилище. Ванюшка обнял и расцеловал Гузика. Но тот не был склонен к изъятию нежных чувств. Отстранив от себя Ванюшку, он сказал:

— Вот видишь, я все сделал, о чем ты просил меня. Но, пожалуй, мы сможем обойтись без сверления ям в граните. Это все-таки дороговато стоит. Вот когда пустим в ход вторую электростанцию, — тогда дело другое. У нас будет дешевая энергия.

— А как же быть с подводными бесплодными каменистыми равнинами?

— Это тебе скажет Волков, мы уже беседовали с ним, — ответил Гузик.

— Бесплодные равнины можно превратить в цветущие, если можно так выразиться, поля иным способом,— ответил Волков.— Есть вид водорослей, который в Японии называется «фунори». Японцы разводят фунори как раз на каменистой почве таким образом. Они бросают на дно камни, преимущественно горные, так как горные камни более шероховатые, чем морские, обточенные уже водой. Этих камней с шероховатой поверхностью, оказывается, достаточно для того, чтобы задержать, закрепить споры фунори. И водоросль быстро начинает разрастаться на камнях. Набросать камней, пожалуй, будет дешевле, чем сверлить дыры. Впрочем, мы можем использовать оба способа. Во всяком случае в пределах нашей досягаемости, а вернее, в тех пределах, до которых простираются морские водоросли, мы не оставим ни одного сантиметра неиспользованным. Но в первую очередь мы будем эксплуатировать то, что, как говорится, лежит под руками. Ведь мы еще не собираем и десятой части даже естественно растущих водорослей.

— Вот так фут возьми, Семен Алексеевич! Сколько же мы сможем заготовить водорослей?

— Думаю, что через год-два мы обгоним американцев. Могу поручиться за то, что будем получать несколько миллионов долларов дохода в год. Но об этом мы еще успеем помечтать. А сейчас пойдем-ка с тобой, Ванюшка, на работу. Сегодня нам еще много надо пошагать!..

ХV. ПОД ВОДЯНЫМ ОДЕЯЛОМ

Постепенно удаляясь все более на север, Волков и Ванюшка исследовали площадь дна, покрытую водорослями, чтобы взять на строгий учет эти естественно растущие богатства.

Здесь было довольно глубоко, и потому приходилось работать в полном водолажном костюме со скаффандром. Костюм замедлял движения, но зато в нем легче дышалось,— вода не давила на грудную клетку, а поэтому и усталость чувствовалась меньше. Но Ванюшка был «болен темпами». Медлительность мучила его, причиняла почти физическую боль.

— Много времени на переходы теряем,— говорил он.— Какие же это темпы! Надо бы заказать Гузику изобрести подводный автомобиль, что ли.

В самом деле, на этот раз они зашли очень далеко. Здесь не встречались рабочие-водолазы, срывающие капусту, зато было очень много рыб, быть может, перекочевывавших сюда из вод подводного совхоза, где стало слишком беспокойно.

«Конобеева бы сюда»,— подумал Ванюшка, поражаясь необычайному количеству рыб. Треска шла густой массой. С ее необъятным количеством можно было сравнить лишь темные тучи роев саранчи. Рыбы, кем-то напуганные, металась как обезумевшие, насккивая друг на друга. Даже сильный свет фонаря их не пугал. Они бились в стекло скафандра, подплывали под руки, словно в поисках спасения. Потом вся масса вдруг повернула вправо, на восток. Прошло, не менее получаса, пока «горизонт» не очистился от этого необычайного скопления рыб.

— Уф, фут возьми, даже дышать как будто легче стало! — сказал Ванюшка.— Вот она, валюта! Тыщи, миллионы на свободе ходят, сами в руки идут. Возьмите нас! Эх! Надо бы добраться скорее и до этого добра. А это еще что такое?..

Какой-то шест коснулся скафандра Ванюшки и быстро поднялся. Ванюшка хотел схватить за конец, но Волков остановил его.

— Гаси фонарь! — сказал Волков.— Это, наверно, рыбаки или ловцы водорослей. Они заметили свет в глубине воды, а может быть, увидели нас и испугались.

— Нашим нечего пугаться! — ответил Ванюшка.— Наши рыбаки знают, что теперь под водой водолазы с фонарями ходят. Испугаться могли только японцы, которые нашу капусту воруют. Дай-ка я выплыву на поверхность да гляну.

Ванюшка нажал кнопку у аппарата, и водород, получившийся при электролизе воды для добывания кислорода и обычно выпускавшийся наружу, начал надувать резиновый баллон, который поднял Ванюшку на поверхность.

В десятке метров от Ванюшки, покачиваясь на волнах, стояла японская лодка, тупоносая, расписанная

по краям красными узорами. Два японца смотрели на берег и не видели Ванюшку. Ванюшка решил посоветоваться с Волковым, как наказать хищников. Он выпустил из баллона водород и опустился вниз, влекомый тяжестью грузил в подметках.

— Японцы,— сказал он Волкову.— Давайте проучим их! Поднимемся и выдернем весла из их рук. Нет, это не годится. Их унесет в океан, и они могут погибнуть. Ведь они только рабочие. Я знаю,— это лодки Таямы. Я просто уцеплюсь за их шест, если они еще опустят его. Вот он! — Ванюшка схватил конец шеста.

Шест задвигался и медленно пошел вверх вместе с Ванюшкой. Японец решил, что на конце шеста хорошая добыча — большой пук водорослей. Каково же было его удивление, когда из воды показался скафандр водолазного костюма! Ванюшка подплыл к лодке и жестами дал понять, что он перевернет лодку, если они не уберутся отсюда немедленно.

Японцы тотчас же взялись за весла и поплыли прочь.

Ванюшка был очень взволнован этой встречей. Вернувшись домой, он заявил Волкову:

— Семен Алексеевич, они продолжают воровать народное достояние. Я не могу допустить этого. Мы должны устроить сторожевой пост. Я сам буду сторожить. Если нас сейчас обкрадывают, то что же будет, когда мы насадим капусту на мелких местах? Их надо проучить. Я сейчас вызову Гузика по телефону с берега и поговорю с ним.

Когда Гузик явился, Ванюшка изложил ему свой план. Территория подводного совхоза все расширяется. За этой территорией тянутся пространства, никем не охраняемые. Необходимо улучшить подводную охрану. Для этого нужно выстроить подводную сторожку в нескольких километрах к северу от главного подводного жилища. В сторожку переселятся Ванюшка и Конобеев.

— Марфа Захаровна будет против! — перебил Волков.— Нельзя так: зазвать старушку под воду и оставить одну.

— Мы будем меняться с ним дежурствами. Макарыч и теперь днями пропадает. Необходимо провести телефон.

— На такое расстояние проводить телефон трудно,— возразил Гузик.— Ведь в воде приходится изолировать провода. Необходимо, значит, прокладывать кабель. Это стоит недешево. Притом за кабелем нужно смотреть. Его могут повредить и морские животные и люди. Удобнее поставить небольшие радиостанции на короткой волне. Вода передает радиоволны. Одного аккумулятора хватит надолго, чтобы питать радиостанцию. Таким образом можно установить связь между отдаленнейшими уголками подводного совхоза.

— Еще одно надо,— продолжал Ванюшка.— Вот случится тревога. Я вызову вас радиосигналом. А пока вы доберетесь до меня, меня двадцать раз могут убить, и рыбы съедят, ничего не останется. Изобрази ты, пожалуйста, подводный автомобиль. Ведь если ты электричеством обеспечен, то чего проще! Я так думаю, тут и изобретать нечего, разве только гусеничный ход приладить. Дорог, правда, под водой еще нет хороших, но со временем мы и шоссе проведем. Полный автотор, одним словом.

— С автомобилем ничего не выйдет. Шоссе провести, дорогой мой, не так-то легко. Под водой есть и горы, и пропасти, и расщелины, и обрывы, и болота. Попробуй проложить дорогу да мосты построить! — возражал Гузик.— Все деньги ухлопаешь, а скорости настоящей не достигнешь. Положим, можно сделать кузов автомобиля в виде хорошо обтекаемого тела рыбы. Но колеса все-таки будут вязнуть. В подводное болото влезешь — не вытащишь машину. Ты прав в одном отношении: изобретать мне действительно почти ничего не приходится. Мне остается только использовать величайшее изобретение нашей советской техники — наш маленький, но мощный аккумулятор. Немного конструктивной выдумки — и задачу подводного транспорта мы разрешим, не прибегая к постройке автомобиля. Довольно взять обыкновенный винт, какой применяется в моторных судах, только поменьше, и укрепить его... на твоей голове. И винт потянет тебя за мое почтение!

— А голову не оторвет? Ты смотри у меня, Гузик!

— Не оторвет. Аппарат можно укрепить у плеч, но винт выдвинуть впереди головы, так что ты будешь разрезать воду твоим медным лбом.

— Ты не ругайся, Гузик. Медные лбы только у твердолобых. А сопротивление воды? Наше тело не похоже на тело рыбы.

— Сделаем особый плащ из полужесткого материала, который придаст обтекаемую форму твоему телу. И ты помчишься вперед...

— С какой скоростью?

— Да хоть бы и сотню километров в час!

Ванюшка был в восторге. Однако ждать, пока будет выстроена сторожка, поставлена радиостанция и изготовлен винтовой двигатель, он не мог. Не терпелось! И Ванюшка решил отправиться на дежурство в ту же ночь, чтобы рано утром быть на месте.

— Я возьму несколько запасных аккумуляторов, и мне хватит кислорода на несколько дней. Возьму пресной воды и запас пищи в резиновый мешок. Когда захочу есть или пить, всплыву на поверхность, выйду на берег, позавтракаю — и снова в воду. Если что случится, буду стучать камнями.

Простившись с товарищами, он отправился в путь. Было темно. Ванюшка зажег свой фонарь и время от времени посматривал на компас, прикрепленный сверху резиновой перчатки.

Ступив несколько шагов влево, начал вдруг медленно падать куда-то в бездну. Хорошо, что это случилось в воде. Будь это на земле, Ванюшка разбился бы вдребезги. Да и водолазный костюм кстати: падая в морскую бездну, юноша не рисковал утонуть.

Чем ниже, тем медленнее «тонул» Ванюшка. Свет его фонаря освещал каменную отвесную стену и длинные веревкообразные стебли подводных растений. Ванюшка ухватился за одну из этих веревок. Она медленно начала опускаться вместе с ним. Однако надо же подниматься вверх! Ванюшка взмахнул руками — и остался на месте. Веревка опутала его ноги. Он согнулся и начал развязывать ее. Не поддается. Ножом ее! Ванюшка вынул кортик. Ах!.. Кортик выскользнул из рук и нырнул вниз, блеснув, как рыба.

Без ножа плохо и опасно. Вдруг откуда-нибудь вылезет осьминог. Надо опуститься еще ниже и найти кортик.

Ванюшка с трудом разорвал стебли водорослей и осторожно опустился. Вот он и на дне. Угрюмое под-

водное ущелье меж скал. Внизу — среди водорослей — целое кладбище лодок, рыбацких баркасов, шун... Человеческие ребра, черепа... Куски мачт, железная острога, гарпун, якорь, еще якорь... А вот и оброненный кортик. Здесь совсем не видно рыб. Почему бы это? Зато на дне много рыбьих скелетов. Странное подводное рыбье кладбище! Почему здесь не водится рыба?.. Вот одна показалась вверху. Она мечется, словно попала в сети... Вот она исчезла во тьме водяного «неба». Вот другая, нет, — та самая. Она едва ворочается, лежит на боку, опускается. Отравлена!.. Быть может, здесь имеются газы, отравляющие рыб, — как в знаменитой собачьей пещере в Италии. Углекислота?!. Хорошо, что Ванюшка в водолазном костюме. Но и ему как будто становится тяжело дышать в этом жутком ущелье смерти. Скорей наверх!.. Ванюшка собирает в баллон водород и всплывает.

Ночь. Небо чистое. Звезды. Волны качают Ванюшку. Он уже привык к их баюканью. Он может даже уснуть на волнах. Но что это? Волна вдруг бросает его и преобильно ударяет о что-то. Берег далеко. Что же это может быть здесь? Ни лодки, ни буя. Ах вот оно что! Когда волна спала, Ванюшка увидал обнажившийся черный утес. Так вот отчего внизу так много погибших судов! Этот опасный подводный утес — вершина подводного горного пика — погубил уже не одно судно.

Ванюшка опускается вниз и идет по неровной почве. Опять лес водорослей. Здесь очень глубоко. Самое подходящее место для ловли. И далеко от совхоза. Ванюшка решает здесь прождать до утра. Еще рано. Он смотрит на часы, прикрепленные к правой руке. Два часа ночи, а вышел он в девятом часу вечера. Почти шесть часов в пути! Надо отдохнуть! На этом песке хорошо уснуть. Ванюшка не без труда ложится, обматывает вокруг себя водоросли и, легонько покачиваясь, засыпает сладким сном. Он так храпит в своем скафандре, что рыбы пугаются. Даже крабы, подозрительно косясь, боком пятятся подальше в сторону. Ванюшка может спать спокойно. Одежда его крепка и надежна, кислорода хватит на много часов. Почему бы и не проспать ночку под водой, как спят рыбы?

ХVI. ВАНЮШКА-ДИПЛОМАТ

Проснулся он от усиливающегося покачивания. Начинался прилив. Ванюшка лежал на мелком месте, где вся масса воды перемещается вперед во время приливов и отливов. Открыл глаза. Утро. Поверхность воды чуть-чуть розовела от солнца. Над самой головой Ванюшки маячило темное пятно. Это дно лодки.

Ванюшка сразу вспомнил, зачем он сюда пришел. Разорвал водоросли, всплыл на поверхность и увидел лодку, нагруженную бурыми водорослями, и в ней двух японцев. Еще несколько лодок медленно передвигались вдоль побережья, а в открытом океане стояла большая шхуна Таямы Риокици. Ванюшка подплыл к лодке и потребовал, чтобы его доставили на шхуну. Но японцы не поняли — или не пожелали понять — его мимического языка. Ванюшка погрозил им кулаком и направился к шхуне.

Подплыв к корме, он ухватился за якорную цепь и начал делать знаки матросам, стоявшим на борту. Поднялась суета. К борту подошел японец в резиновом плаще и кожаном шлеме. Японец пристально посмотрел на Ванюшку, потом сделал знак, приказав матросам, чтобы они подняли его. Ванюшке бросили конец троса и подняли на палубу. Он быстро снял с головы скафандр и обратился к японцу в плаще и шлеме:

— Вы Таяма Риокици?

Один из матросов тотчас перевел этот вопрос.

— Нет, — отвечал японец в плаще. — Я шкипер господина Таямы. А кто вы и что вам надо?

— Мне надо видеть Таяму, а зачем, — вы сами можете догадаться. Вы ловите водоросли у наших берегов.

Японец минуту подумал и быстро сказал что-то матросу по-японски. Матрос кивнул и убежал.

— Прошу обождать! — сказал шкипер, любезно улыбаясь в то время, как глаза его были суровы.

Скоро матрос вернулся, скороговоркой передал что-то японцу. Тот, улыбаясь еще любезнее, сказал Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просит вас к себе. Но вам удобнее будет, если вы снимете ваш водолазный костюм.

Ванюшка подумал. Одет он был более чем легко. Не уронит ли он советский престиж, если явится к Таяме в одних трусах? Ведь он, Ванюшка, выступает в важной роли дипломата. Вдобавок, он совсем не желает, чтобы ему приказывали.

— Мне так удобно,— ответил он японцу.— Визит мой не продлится долго. Если Таяма опасается, что я замочу его каюту, то мы можем встретиться с ним здесь, на палубе.

Японец в шлеме опять послал матроса к Таяме. Наконец эти предварительные дипломатические переговоры о месте конференции окончились: Таяма просил Ванюшку пожаловать к нему в каюту, не стесняясь костюмом. Ванюшка отправился в своем водолазном костюме, оставив на палубе только скафандр. Правду сказать, водолазный костюм не создан для визитов. На суше он тяжел,— в особенности его свинцовые подошвы. Ванюшка с трудом передвигал ноги, спускаясь по узкому трапу.

Каюта капитана была устроена внутри шхуны и освещалась только фонарем, висевшим у потолка. Посредине комнаты сидел, поджав ноги, толстый человек с лицом Будды. Трудно было сказать, сколько ему лет, весел он или печален,— бронзовая маска лица была непроницаема. На нем было надето два халата — нижний — белый с отворотами, открывавшими тучную шею, и верхний — голубой, с широкими рукавами. Полы халата на коленях были подвернуты в виде валика. Будда сидел, опустив глаза на ковер и склонив голову, как будто он глубоко задумался или молился.

Ванюшка остановился у двери и зорким взглядом окинул комнату. Направо виднелась узкая дверь, а за нею — самая обыкновенная «европейская» каюта.

И еще одно увидел Ванюшка: из-за двери в капитанскую каюту выглядывала хорошенькая, на вид совсем юная японка с косо посаженными миндалинками черных глаз, коротко остриженная. На японке была матроска и короткая синяя юбка, на ногах — легкие европейские туфли. Девушка смотрела на Ванюшку с полудетским-полуженским любопытством. Ванюшка улыбнулся и весело мигнул ей.

Будда, очевидно, умел, глядя на пол, видеть, что делается вокруг. Он неожиданно проговорил несколь-

ко японских слов, после которых японочка, улыбнувшись в ответ на приветствие Ванюшки, скрылась за дверью и прикрыла ее.

— Прошу вас, садитесь,— сказал Таяма по-русски, и довольно правильно.

— Я вижу гражданина Таяму Риокици? — спросил Ванюшка, не без труда усаживаясь на подушку в своем водолазном костюме.

Таяма еще ниже наклонил голову и сказал:

— Вы видите перед собою вашего покорнейшего слугу. Я сам и моя шхуна в вашем распоряжении. Если вы пришли ко мне по делу, то дело не уйдет. Вы мой гость, и вы должны осчастливить меня, разделив со мною утреннюю трапезу.

В капитанской каюте опять мелькнула матросская блузка японки. Ванюшке очень хотелось вновь подмигнуть ей, но положение обязывало,— и дипломат только повел бровью. Таяма, как ожившая статуя, принял с колен руки и налил из бутылки две рюмки.

Тонкий аромат прекрасного рома наполнил комнату.

— Благодарю, не пью! — сказал Ванюшка, поднимая руку.— И вообще я хотел бы поговорить раньше о деле.

Будда опять превратился в статую. Потом в его руках неожиданно появился веер, которым Таяма начал обмахивать свое лицо, хотя в каюте не было жарко. Быть может, это был только хитрый маневр. И в самом деле: Ванюшка засмотрелся на «фокусный» веер, произошла пауза, которой воспользовался Таяма. Не давая говорить Ванюшке, он начал говорить сам,— жаловаться на плохие времена, на перенаселенность Островов, на безвыходное положение тысяч японских семейств.

— Я не спрашиваю, кто вы и зачем пришли. Я знаю это. Вы вправе требовать, чтобы мы ушли от ваших берегов, и мы уйдем. Но не судите нас строго. Мы берем лишь то, что вы сами не используете. Зачем богатства пропадать напрасно, если им можно накормить голодных? Сравните наши страны. Япония имеет всего триста восемьдесят пять тысяч квадратных километров, а у вас один Дальневосточный край раскинулся на площади в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. У нас на од-

ном квадратном километре теснятся полтора-два человека, а у вас не приходится и одного — ноль и семь десятых. Можно ли судить нас строго? Но я вижу, я знаю, — вы устраиваете подводный совхоз... сос... совхоз. Вы хотите использовать ваши богатства так, как они никогда не использовались раньше. И мы не будем мешать вам. Мы уважаем собственность. Не трудитесь убеждать меня. Я сейчас же дам распоряжение ловцам, чтобы они снимались с якоря. Я больше не буду плавать у ваших берегов. Можете передать это вашим товарищам: товарищу Волкову и другим уважаемым товарищам.

Ванюшка был удивлен и раздосадован.

Удивлен тем, что Таяма так хорошо обо всем осведомлен и знает организаторов подводного совхоза даже по фамилиям. Раздосадован же тем, что победа досталась слишком легко, что Таяма сдался без боя, что он своим фокусом с веером сумел вырвать инициативу в ведении переговоров, сказал все, что ему было нужно, и поставил Ванюшку в такое положение, когда тому не о чем больше было говорить. Катись, мол, колбасой — и только. Конечно, Ванюшка не дипломат. Но провести себя он не позволит и в обиду не даст. Надо на прощанье по крайней мере сказать откровенно, что он о Таяме думает. Пусть скиснет от этих слов! Тоже — ромом задобрить хотел!

— Так вот что, гражданин Таяма, — сказал Ванюшка. — О вашей тесноте мы сами очень даже хорошо знаем. Но только мы знаем еще, что и в Японии не всем тесно живется. Есть там худые, а есть даже и очень толстые. Вы о себе заботитесь, а не о бедноте. А вот когда японский пролетариат свернет вам шею, тогда мы с ним поговорим особо, у нас с ним будет отдельный разговор. С ними, с бедняками, мы всегда сговоримся и, может быть, эти земли им отдадим, потому что наш Союз — родина всех пролетариев. А пока вы в Японии хозяева, мы вас не допустим у наших берегов хозяйничать.

Ванюшка поднялся и, довольный собой, вышел из каюты. Тяжело ступая, он начал подниматься по ступеням.

Таяма, сохранявший в продолжение всей Ванюшкиной речи неподвижность статуй, трижды ударил в ладоши. Мимо Ванюшки стрелой промчался матрос.

В следующую минуту несколько матросов, спускавшихся по трапу, с поразительной для них неловкостью сбились в кучу на узенькой площадке и, всячески извиняясь, задержали Ванюшку по крайней мере на две-три минуты. Наконец ему удалось выбраться на палубу.

Матрос, который обогнал его на трапе, держал в руках его скафандр, а шкипер внимательно рассматривал. Ванюшка подошел к ним и протянул руку к скафандру. Шкипер через переводчика сказал Ванюшке, что в скафандре имеется повреждение и что поэтому гостю лучше не покидать судна, пока повреждение не будет исправлено.

— Никакого повреждения в скафандре нет, — ответил Ванюшка. — Давайте его сюда.

Но, взяв скафандр в руки, Ванюшка увидел, что сбоку действительно имеется небольшое углубление, сделанное каким-то режущим предметом. Сквозной дыры еще не было, но все же вода могла проникнуть внутрь, — в особенности при некотором давлении. В таком скафандре нельзя опускаться на дно. Ванюшка готов был поклясться, что этого повреждения не было в то время, когда он поднимался на палубу. Снимая скафандр, он не мог не заметить изъяна на блестящей гладкой поверхности аппарата. Ванюшка подозрительно посмотрел на шкипера-японца.

— Что это значит? — спросил он.

— Вероятно, вы ударились под воду об острую скалу! — ответил японец. — Но это пустяки. Наши мастера быстро поправят повреждение. Вам придется немного погостить у нас.

Погостить на шхуне после того, как он высказал откровенное мнение о Таяме, не очень-то улыбалось Ванюшке. Но делать было нечего. Бросать водолазный костюм он не хотел, до берега доплыть не легко...

— Если вы не хотите снять костюма, то я советовал бы вам по крайней мере снять ящик со спины и грузила с ног, — предложил шкипер.

Это был неплохой совет. В конце концов почему бы и не снять ранца и грузил?

— А скоро починят скафандр?

— Я полагаю, что на это уйдет не больше часа, — ответил японец. — Здесь ветрено. Быть может, вы сойдете в кают-компанию?

XVII. СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Ванюшка сбросил ранец и грузила и, не снимая костюма, отправился в кают-компанию. Кок принес ему на подносе печенье, уже знакомую бутылку рома и стакан чаю, поклонился и вышел. В кают-компании никого не было, чему Ванюшка был рад. Он покосился на бутылку и отставил ее, чай же выпил не без удовольствия. «Этим ты меня не подкупишь!» — думал он о Таяме.

Поскучав полчаса, он решил подняться на палубу. Но в этот самый момент в каюту вошла молодая японка, уже в японском национальном костюме — в розовом кимоно и маленьких шитых золотом туфельках. В руках она держала грушевидную четырехструнную гитару с бледно-розовой лентой у колков. За нею появился матрос-переводчик, который сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Господин Таяма Риокичи просил передать уважаемому гостю, что он приказал своей дочери поиграть — занять уважаемого гостя музыкой и пением, чтобы уважаемому гостю не было скучно, пока чинят его скафандр. — И, низко поклонившись, матрос вышел, прикрыв дверь.

Ванюшка злился на себя, на Таяму, на маленькую японку.

Японка между тем, приветливо улыбаясь и приседая, подошла к стулу, уселась, положила на колени гитару с месяцеобразными прорезами в деке и начала играть при помощи тонкой треугольной костяной пластинки, — плектрона, как играют на мандолине. Взяв несколько аккордов, она запела. Звуки инструмента были очень нежные, а маленький голосок девушки еще нежнее. Она пела какую-то сладко-грустную песенку. Ванюшка не понимал слов, но он понял, что это была песня о неразделенной любви.

Ванюшка положил голову на ладонь, оперся о стол и заслушался...

Какие-то голоса, как будто спорившие, привели юношу в себя. В его душе вдруг зародилось беспокойство. Не заманил ли его хитрый Таяма в ловушку? Быть может, его скафандр и ранец с аккумулятором и аппаратом, вырабатывающим кислород, будут спрятаны

ны, а Ванюшку посадят под замок! Он вдруг поднялся,— так резко, что японка уронила плектрон и оборвала пение,— сердито посмотрел на испуганную девушку и, едва не сбив с ног матроса, стоявшего за дверью, выбежал на палубу.

Шкипера не было. Матросы поднимали на палубу шлюпки и лодки. Таяма, по-видимому, сдерживал слово и собирался уходить. Но ведь он может захватить с собою в качестве пленника и Ванюшку!

— Где мой ранец? Где шкипер? — набросился Ванюшка на матроса, но тот не понимал по-русски и только пожимал плечами.

Матрос сделал шаг, чтобы позвать шкипера, но Ванюшка остановил его. Быстро сбежав по ступеням трапа, он направился без предупреждения в каюту капитана. Здесь он застал такую картину. Возле стола стояли шкипер, сам Таяма и молодой матрос с длинным носом и короткими волосами, в очках, похожий скорее на инженера или врача, чем на простого матроса. Все они внимательно рассматривали скафандр и вскрытый аппарат для добывания кислорода. Тут же на столе лежал знаменитый аккумулятор Гузика, а на листе ватмана виднелись наспех сделанные наброски карандашом. Японец в очках снимал чертежи.

— Вы что тут делаете?! — закричал Ванюшка, забыв о том, что он одинок и беззащитен. — Вы не только нашу капусту крадете, но и наши секреты, наши изобретения?

— Простите, — сказал японец в очках по-русски. — Естественное любопытство. Мы хотели ознакомиться с аппаратом, пока будет чиниться ваш скафандр. Он готов. Вы можете...

— А эти чертежи зачем? — не унимался Ванюшка. — Тоже любопытство? Давайте их сюда! — Он схватил чертежи и засунул их за пазуху в водолазный костюм. — Давайте аккумулятор!

Ванюшка быстро собрал аппарат, надел скафандр, прикрепил дыхательные трубки и вышел из каюты, не говоря ни слова. И, удивительное дело, его никто не задержал. Он поднялся на палубу, надел на ноги грузила и прыгнул за борт, не осмотрев даже, хорошо ли исправлен скафандр. Уже в воде он оглянулся на борт шхуны. Из окна небольшого иллюминатора выглянуло лицо молодой девушки. Японка улыбнулась и махну-

ла маленькой ручкой, словно выточенной из слоновой кости.

И неожиданно, по какой-то непонятной для него самой ассоциации, Ванюшка вдруг вспомнил девушку, которую он видел в пещере. «Вот та — это да, фут возьми!» — громко сказал он в скафандре. Образ японки побледнел, а силуэт девушки, стоявшей на фоне костра, обрисовался так четко, как будто он видел его на самом деле. Ванюшка крикнул и опустился на дно.

Вернувшись в подводное жилище, Ванюшка рассказал о своем визите к Таяме Риокици. Это было во время обеда. Марфа Захаровна приготвила уток, доставленных с берега ее мужем, и больших крабов. А Пунь угостила пастилой, сделанной из морских водорослей. На этот раз даже Ванюшка похвалил кулинарные способности Пунь.

— Оказывается, она не кухарка, а кондитер, Очень вкусно. И знаете что, Семен Алексеевич? Давайте изготавливать эту пастилу для продажи. Ходко пойдет!

— Это идея, — ответил Волков и спросил Ванюшку, где он так долго был. Когда Ванюшка упомянул имя Таямы Риокици, Конобеев вдруг так стукнул волосатым кулаком по столу, что запрыгали тарелки, и сказал:

— Убить мало этого паразита! Из-за него я чуть не утоп!

И Конобеев рассказал давнишнюю историю. Оказалось, что между ним и Таямой были старые счеты. Конобеев и Таяма не раз сталкивались во время рыбной ловли.

Еще до мировой войны и революции у Конобеева была небольшая рыболовная артель, а Таяма, богатый купец и промышленник, вел дело на широкую ногу. Его шхуны бороздили воды Японского и Охотского морей, а иногда заплывали и в Берингово море. Рыба, водоросли, морские котики — все это хищнически уничтожалось Таямой у наших берегов. Отсутствие охраны и малочисленность прибрежного населения развязывала руки Таяме, который обнаглел настолько, что не стеснялся ловить рыбу или бить котиков на глазах русских рыбаков и промышленников. Больше того, иногда он вступал с ними в настоящие сражения из-за лучших мест ловли.

Излюбленным приемом Таямы был такой. В свежий

ветер одна из его шхун начинала носиться по волнам, как бешеная. Она насканивала на русские рыбацкие баркасы, зацепляла полуспущенным якорем сети, рвала их или увлекала за собой. Сам Таяма или его штурман ругательски ругали в это время на русском языке экипаж и рулевого шхуны, которые не умели-де обращаться с управлением и не знали своего дела. Перевернув с десятков русских баркасов и изорвав сотни метров сети, экипаж шхуны Таямы укрощал «взбесившуюся» судно.

Однажды шхуна Таямы налетела таким образом на баркас, в котором находился Конобеев. В это время он спускал в воду огромную сеть.

Увидав перед собою вырастающую стену борта шхуны, Конобеев поднял вверх огромные кулачища и закричал. В голосе его слышались такие громopodobные раскаты и такая убедительная чувствовалась угроза, что даже дисциплинированный рулевой Таямы смутился и начал быстро вертеть колесо штурвала, желая избежать столкновения. Но расстояние было слишком малое. Шхуна наскочила на баркас и перевернула его вместе со всеми находящимися в нем рыбаками. Конобеев упал в воду и запутался в сети. И он, вероятно, погиб бы, если бы не счастливая случайность. Сеть зацепилась за полуспущенный якорь шхуны, который и потащил ее за собой. Быстрым движением Конобеева подняло на поверхность; он выхватил нож, которым потрошил рыбу, разрезал сеть и освободился.

Таяма тотчас сделал распоряжение спустить шлюпку и выловить Конобеева. Но Макар Иванович отказался от помощи. Когда шлюпка подплыла к нему и один из матросов протянул руку, Конобеев закричал:

— Прочь руки! Я не приму помощи от убийц! — и поплыл дальше.

Берег едва виднелся вдали, море было бурное. Конобеев выбивался из сил, но продолжал плыть в своих огромных рыбацких сапогах. Шлюпка следовала издалека, надеясь, что он утомится и примет помощь. Скоро Макар Иванович действительно выбился из сил и начал тонуть. Шлюпка медленно поспешила на помощь. Матрос протянул Конобееву весло, но тот, злобно выругавшись, так сильно рванул его, что маленький японец вместе с веслом упал в воду. Японцы, забыв о

Конобееве, начали вылавливать из бурных волн упавшего товарища, а Макар Иванович, отдышавшись, поплыл дальше.

Выловив упавшего матроса, японцы вернулись на шхуну, предоставив Конобеева самому себе и волнам.

— Таяма уверен, что я утонул! — закончил Макар Иванович.

Тут же за обедом все решили, что Ванюшка был прав, предлагая устроить подводную сторожку. И, не откладывая дела, с этого же дня приступили к устройству целых трех сторожек. Предполагалось, что постоянно дежурить под водой будут лишь в одной сторожке, а две другие послужат запасными базами, где подводный охранник сможет отдохнуть и пообедать, не поднимаясь на поверхность, или же снестись с центральной базой при помощи небольшой коротковолновой радиостанции.

Сторожки имели вид колпака высотой в пять и диаметром в шесть метров. Железный колпак с внутренней стороны был покрыт изоляционной оболочкой, которая сохраняла тепло и предохраняла стены от потения. В колпаке были заключены: шкаф с продуктами, запас пресной воды, электрическая плита, шкафчик с необходимой посудой, кровать, застланная серым пушистым одеялом. Далее: ковер на полу, под ним — линолеум, деревянный пол и бетон, как основание, дверь, снабженная наружной камерой для впуска и выпуска воды, круглое окно с толстым стеклом, наконец электрическая лампочка на потолке и сильный рефлектор для освещения подводного мира за окном. На отдельном столике помещалась приемно-передающая радиостанция. И еще одним аппаратом была снабжена подводная сторожка: перископом, который можно было поднимать на поверхность, чтобы обозревать окрестности. Вначале этот перископ был установлен на постоянном стержне, но стержень этот очень скоро сломала проходившая шхуна. Пришлось сделать его выдвижным и убирать по надобности.

Третья — крайняя — сторожка находилась в двадцати километрах от главного подводного жилища, которому Волков дал громкое название «Гидрополис» — водяной город.

— А почему бы и не быть водяным городам? — говорил он. — С тех пор как существует чудеснейший ак-

кумулятор, многое стало возможным. Водолаз может теперь находиться под водой неограниченно долгое время, передвигаться с быстротой акулы, освещать свой путь лучше, чем освещают его глубоководные рыбы. Мы сможем строить подводные жилища, снабженные всем необходимым. И кто знает, быть может, через много-много веков, когда население земли увеличится и на суше станет слишком тесно, часть людей уйдет на постоянное жительство под воду. Здесь имеется еще огромная неиспользованная площадь. Сами океаны могут дать неограниченные запасы электроэнергии, если использовать разность потенциалов электронов в разной температуре воды верхних и нижних слоев. Электроэнергия путем электролиза даст нам кислород, она же даст свет и тепло. Представьте себе подводные города, залитые электрическим светом, подводные автомобили, велосипеды, трамваи, поезда, своеобразные подводные дирижабли, телеграфы, телефоны, подводные сады и парки с лужайками для детей, с кучками песку, с прирученными вместо собачек рыбами. Разве это не заманчивая перспектива? Гидрополис — только первая ласточка.

Месяц спустя после того, как были выстроены сторожки, Гузик преподнес Ванюшке подарок — маленький винтовой двигатель, при помощи которого можно было проплывать под водой огромные пространства. Теперь Ванюшка проделывал под водой концы в сотни километров, побывал в проливе Татарском и мечтал об исследовании берегов Охотского моря.

Вернувшись из одного такого путешествия в Гидрополис, Ванюшка сказал Волкову:

—Семен Алексеевич! Это же безобразие. Столько богатства у нас пропадает! Так нельзя. Видали вы карту первой пятилетки? Там Чукотского полуострова и Камчатки вы даже не найдете: они прикрыты картой Кузнецкого бассейна. Прикрыты! И что прикрыто? Миллиарды! Леса, звери, рыбы, золото, ископаемые всяческие, птицы, водоросли, — миллиарды тонн водорослей, а значит, целые цистерны йоду, целые горы калийных удобрений, корма для людей и скота. Надо заселить погуще наше побережье. Протянем наши промыслы сплошной ниткой до Берингова пролива, заселим рабочими, а потом и начнем разворачивать

производство за производством, промысел за промыслом!

В январе приступили к первой «жатве». Посаженные пучки ветвей задержали споры водорослей, которые разрослись теперь пышными плантациями. Хорошо принялись и фунори на засыпанных горными камнями местах. Ванюшка ходил на подводные нивы и любовался урожаем. На плантациях уже работало несколько сот человек. Механические косилки скашивали и связывали длинные ленты водорослей. На глубоких, с изрезанным профилем морского дна местах водолазы вырывали водоросли просто руками или же подрезали их ножом.

На берегу работа кипела еще оживленнее. Если бы теперь Хунгуз захотел побегать по берегу, то он едва ли нашел бы свободное место: все было завалено горами водорослей. Немного выше расположились сортировщики, промывщики, еще дальше — сушильщики. Водоросли, предназначенные для химической переработки, отвозились на завод целыми поездами вагонов с маленьким электровозиком во главе. Сердцем электровозика был все тот же аккумулятор, величиною со спичечную коробку.

«Страдная» пора продолжалась от января до весеннего равноденствия. Работы было столько, что Ванюшка на время позабыл о Таяме. Но Таяма сам напомнил о себе.

XVIII. ТАЯМА ОТДАЕТ ВИЗИТ

Поздно вечером, когда все собрались после трудового дня в столовой и засели за чай, зазвонил телефон с берега. Заводской инженер-химик, который в это время еще работал в лаборатории, сообщил, что недалеко от берега бросила якорь какая-то шхуна, с которой высадился толстый японец внушительного вида. Фамилию свою он не называет и говорит, что у него есть важное дело к Семену Алексеевичу Волкову, которого он желает видеть немедленно.

— Это Таяма! — воскликнул Ванюшка. — Пусть придет сюда.

— Зовите! — сказал Конобеев с угрожающим видом. — Однако сюда он войдет, а отсюда его вынесут.

— Таяме не следует показывать нашего подводного жилища, — возразил Волков, — если только это действительно Таяма. Но почему, Ванюшка, ты думаешь, что это Таяма?

— Кто же может быть иной? Важный, пузатый, как следует купчишке. Идем все к нему!

— Разумеется, — ответил Волков. — Я не имею ни малейшего желания говорить с ним с глазу на глаз.

— А почему бы раньше не узнать, что у него на уме? — сказал Гузик, как бы рассуждая сам с собой. — Таяма хитрый и опасный соперник. Если мы придем все вместе, то он, конечно, не скажет того, что скажет одному Семену Алексеевичу. Давайте сделаем так...

— Семен Алексеевич будет говорить один, а мы устроимся за перегородкой в резерве и накроем Таяму! — закончил Ванюшка. — Айда!

Ванюшка не ошибся: посетителем был Таяма. В дорогой меховой шубе и такой же шапке, он ожидал Волкова в конторе завода.

Когда Волков вошел, Таяма назвал свое имя, вежливо, но с достоинством поклонился, сняв шапку, и сказал:

— Разрешите поговорить с вами по одному важному делу.

Волков предложил сесть.

Таяма говорил долго и внушительно. Он начал издалека, как и в разговоре с Ванюшкой. Говорил об ужасной тесноте и перенаселенности островов Японского архипелага, говорил о нужде, о безработице, о непрекращающейся эпидемии самоубийств, о самоубийствах целых семейств, долго распространялся о «неосвоенных» просторах Дальневосточного края, привел даже русскую пословицу о собаке, которая лежит на сене: сама не ест и другим не дает!

— Позвольте внести фактическую поправку, — не утерпел Волков. — Во-первых, «собака» сама начала усиленно есть дальневосточное сено, — вы видите и знаете, как быстро мы развиваем эксплуатацию морских водорослей. Но это лишь первые шаги. Во-вторых, «собака» и другим дает есть, если только это происходит в рамках законности. Разве между Советским

правительством и Японией не заключаются различные договоры о торговле, о рыбной ловле и прочее?

— То, что вы делаете, — капля в море по сравнению с тем, что у вас есть, — возражал Таяма. — Что же касается договоров между правительствами, то это ужасно сложная, громоздкая вещь. Отдельным лицам гораздо проще договориться. К этому, собственно, и сводится цель моего визита... — Волков насторожился. Таяма заметил это и поспешил добавить: — Но не думайте, пожалуйста, что я хочу предложить вам незаконное... что-нибудь вроде... взятки.

— Нельзя ли ближе к делу?

— Одним словом, я предлагаю вам следующее: я буду ловить рыбу и добывать водоросли в тех местах, которые еще не освоены вами, вашим подводным... — как это? — завхозом. Согласитесь, что убытка от этого вам не будет: и рыба, и водоросли дают ежегодный прирост, превышающий убыль от улова. Если же я скажу, что из моего улова рыбы и добычи водорослей я буду давать вам четверть — натурой или стоимостью, — то ясно, что для вас это явится чистой выгодой, так сказать, расширением производства. Вы превысите план выработки, получите благодарность...

Волков поднялся.

— Вы хотите подкупить меня?

Поднялся и Таяма.

Дверь с треском открылась, и в комнату влетел Ванюшка. А за ним появилась огромная фигура старика, закрывшего выход своим массивным телом.

Желтоватая кожа Таямы потемнела.

— Нас подслушивали? — сказал он, делая возмущенное лицо.

Конобеев подошел к Таяме вплотную. Пушистая борода Макара Ивановича почти коснулась лица Таямы. Уже тихим, но зловещим, как отдаленный гром, голосом Конобеев спросил:

— Узнаешь?

Таяма внимательно посмотрел в лицо Макара Ивановича. Кто один раз в жизни видел это характерное лицо, тот не забывал его никогда. Таяма отступил на шаг, не отрывая взгляда. Видно было, что он напрягал всю силу воли, чтобы не показать волнения.

— Да, я узнаю вас, — после паузы, несколько охрипшим голосом ответил Таяма. — Помнится: в бурю

моя шхуна столкнулась с вашей лодкой, вы тонули, мои матросы хотели помочь вам, но вы...

— Врешь! — крикнул Конобеев с такой силой, что даже Ванюшка, привыкший к его голосу, невольно присел. — Врешь, гадина! Ты утопил меня, как утопил многих наших рыбаков. Но я поднялся со дна моря, чтобы рассчитаться с тобой за себя и за тех. — Страшная волосатая рука протянулась к Таяме, огромные пальцы-клещи сомкнулись на груди японца — и Конобеев одной рукой приподнял сто двадцать пять килограммов таямовских мехов и жира. Таяма взлетел вверх, как перышко. А вытянутая рука Макара Ивановича даже не дрогнула.

Конобеев направился к двери. Открыв ее пинком ноги, он вынес полузадохнувшегося японца на улицу, донес до шлюпки и бросил так, что Таяма пролетел три метра, прежде чем попал на руки своих матросов. Вместе с хозяином они повалились на дно шлюпки, зачерпнувшей полным бортом и едва не перевернувшейся.

— Эффектно! — сказал Гузик задумчиво и тотчас перевел глаза на горизонт, где мерцал сигнальными огнями далеко проходивший пароход.

ХІХ. НЕВЕДОМЫЙ ВРАГ

Визит Таямы несколько дней служил темой для разговоров, но потом о нем начали забывать. Стояло горячее время, и новые заботы и события отвлекли внимание.

Началось с того, что Марфа Захаровна, непревзойденная специалистка варить капусту, подала на стол нечто несообразное. Даже Ванюшка, самый ревностный поклонник ее кулинарного искусства, отхлебнув из ложки, вдруг сделал гримасу, как грудной младенец, которому дали намазанную горчицей соску.

— Что это за гадость такая? — воскликнул он. Марфа Захаровна покраснела, причем оказалось, что от обиды ее красное, как спелый помидор, круглое лицо было способно краснеть еще больше. Правда, надеясь на свой талант, она не попробовала сама капусту.

Но разве она не варила так, как всегда! Марфа Захаровна подошла к столу, взяла ложку своего мужа, зачерпнула капусту, попробовала и вдруг вразвалку, как испуганная утка, выбежала из кухни и плюнула в мусорное ведро. Капуста имела отвратительный горько-соленый вкус.

— Понять не могу, что бы это значило! — сказала она, возвращаясь из кухни. — Капуста была свежая, хорошая, солила я ее как будто в меру, как всегда. Прямо ума не приложу!..

— Влюблены, наверно, — пошутил Ванюшка.

А Волков вышел из столовой и через несколько минут вернулся, держа в руках стакан воды.

— Так я и думал. Попробуй немножко на язык! — сказал он, обращаясь к Ванюшке.

— Нас отравили? — спросил тот, беря стакан.

— Я не стану угощать тебя отравой, — ответил Волков. — Попробуй и скажи.

Ванюшка омочил губы, попробовал на язык, как это делают дегустаторы, и с удивлением сказал:

— Настоящая морская соленая вода! Откуда вы ее достали?

— Из нашего водопроводного крана, — ответил Волков.

— Как же она могла попасть туда? Ведь у нас в кране пресная вода с берега!

— Очевидно, где-нибудь прорвалась водопроводная труба и морская вода проникла туда, — сказал Гузик, мечтательно глядя в потолок. — Надо будет осмотреть и исправить, вот и все.

Он вышел из столовой; вслед за ним отправился Ванюшка, а Волков и Конобеев остались обедать. Щи были испорчены, но осталось второе — жареная рыба.

Через полчаса Гузик явился и сделал доклад.

— Так и есть. Труба повреждена. По-видимому, трактор задел ее. Не надо было поручать Цзи Цзы. Какой он тракторист?

— Ну, что же делать? Научится, — ответил Волков. — Я рад, что он хоть за что-нибудь взялся. А где Ванюшка?

— Пошел на берег сказать рабочим, чтобы починили трубу и телефонный кабель.

— Как, и... телефонный кабель?

— Ну, разумеется,— ведь он положен почти рядом с трубой.

Не успели починить трубу и телефонный кабель, как под водой случилось новое происшествие.

Рано утром Волков и Ванюшка были разбужены Конобеевым. Он звал их поскорее посмотреть на то, что делается на «дворе», как он говорил по привычке. А делалось, вероятно, что-нибудь необыкновенное, так как Макар Иванович явился в спальню Волкова прямо в мокром «зимнем» водолазном костюме, сняв только с головы скафандр.

— Я, вишь ты, вышел пораньше, хотел идти на шестой километр работать, однако вижу,— несуразное случилось.

— Да что же случилось? — допытывался нетерпеливый Ванюшка, облачаясь в водолазный костюм.

— Мамай, одним словом,— ответил Конобеев.

Волков и Ванюшка вышли из дома и, засветив фонари, посмотрели вокруг. В разных местах на недавно скошенных «лугах» валялись кучки свежевырванных водорослей. Пока в этом ничего удивительного не было: буря на море нередко перебрасывает водоросли с места на место. Волков и Ванюшка пошли следом за Конобеевым. Но, чем дальше они шли, тем больше валялось на земле сорванных водорослей. И еще одна подробность не ускользнула от глаз Волкова: в это утро им почти не встречалась рыба,— как будто что-то испугало ее и рыба уплыла далеко отсюда. Путники прошли около километра, пока пришли к плантации, на которой еще не были сняты водоросли,— сегодня сюда должны были прийти косцы. Увы, печальное зрелище представилось их глазам! Вся плантация была изуродована,— водоросли вырваны вместе с пучками веток, разбросаны, перемешаны с песком и илом. Эти водоросли могли пойти разве только на золу. Лучшие нивы, лучшие, отборные сорта фукусов, алярия и ламинария были уничтожены. Конобеев взял слуховую трубку Волкова и сказал:

— Однако и дальше не лучше!

Они отправились дальше, и Волков убедился, что и дальше действительно было не лучше. Водоросли были уничтожены на много гектаров к северу.

— Это Таяма вредительствует! — крикнул Ванюшка в трубку Волкова, но тот отрицательно покачал го-

ловой. Испортить в одну ночь такую огромную площадь было немислимо. Для этого нужна армия людей. Откуда их может взять Таяма?

Волков нагнулся, осветил дно фонарем и начал изучать. Под водой следы человеческих ног на песке быстро сглаживались, и только свежие следы оставляют некоторые неровности: Волков искал их, но не находил. Лишь кое-где виднелись длинные продольные бугорки как будто недавнего происхождения. Такие бугры могли быть сделаны лапами якоря, когда он волочился по песку.

— Что вы думаете, Макар Иванович? — спросил Волков Конобеева.

Старик пожал плечами.

Волков, Конобеев и Ванюшка вернулись лишь к обеду, усталые и опечаленные. Огромные пространства подводных полей были опустошены, погибли сотни, а может быть, и тысячи тонн водорослей. И хуже всего было то, что причина оставалась неизвестной.

Ванюшка несколько ночей подряд не ложился спать, — он ночевал в море, бродил по подводным полям, переносился с места на место при помощи винтового двигателя и внезапно освещал прозелень моря то там, то здесь. Однако, кроме рыб, он не встречал ничего.

Море было пустынно. Водоросли тихо покачивались, рыбы поедали друг друга, — все было как всегда. И тем не менее через неделю снова погиб огромный участок подводных плантаций.

Ванюшка потерял сон и аппетит.

В бесплодных поисках виновника «потравы» подводных лугов прошла зима. Несмотря на солидные убытки, причиненные подводному совхозу неизвестным вредителем, было собрано огромное количество водорослей. К времени весеннего равноденствия сбор прекратился. На берегу началась переработка сырья, а под водой намечались новые места для засева, заваливались камнями бесплодные каменистые равнины. С наступлением весны и лета работы стало меньше, и часть рабочих-подводников была направлена на рыбную ловлю.

Ванюшка, сбросив «зимний» водолазный костюм, в трусах и полумаске совершал далекие путешествия. Однажды недалеко от крайней сторожки он вновь за-

стал рыбаков Таямы. На этот раз месть Ванюшки была уже подготовлена; уходя на разведку, он всегда захватывал с собой большой бурав. Подплыв к рыбацкому баркасу со стороны кормы, Ванюшка начал бурить дно и скоро сделал дыру. Японцы увидели течь и поспешно заделали дыру, но Ванюшка уже провертел вторую, а за ней третью. Перепуганные японцы поспешили к шхуне, которая и приняла их на борт. Поднявшись на поверхность, Ванюшка крикнул, что он будет теперь поступать так с каждым японским судном, которое только появится в советских водах.

В тот же день вечером, не возвращаясь в Гидрополис, Ванюшка вызвал по радио Конобеева к себе.

— Макар Иванович,— говорил Ванюшка,— таямовские бандиты опять появились. Приходите ко мне,— мы их разделаем так, что отобьем охоту являться сюда.

Конобеев прибыл через несколько часов, глубокой ночью.

— Однако я что-то встретил, когда плыл сюда,— сказал он, не без труда влезая в маленькую сторожку.

— Что же вы встретили, Макар Иванович? — спросил Ванюшка.

— Да похоже как вроде морской коровы. Большое, пузатое проплыло мимо. Жаль, не очень близко, не мог я рассмотреть, да и водоросли в этом месте больно густые. Ну, только никто как она нам вредила все время. Я пошел вслед за ней, смотрю — вся водоросль так и помята, так и порвана,— будто медведь в овсе валялся.

— Идем, Макар Иванович,— сказал Ванюшка, схватывая полумаску и ранец с аккумулятором.— Может быть, нам удастся нагнать ее. Если не убьем, то хоть узнаем, кто этот паразит!

XX. ВО МРАКЕ ВЕЧНОЙ НОЧИ

Они пошли с погашенными фонарями в полной тьме, протянув руки вперед, как слепые. Неприятно было так идти: то неожиданно оступишься и попадешь в яму, то запутаешься в водорослях, то спот-

кнешься обо что-то: не то утерянный якорь, не то обломки разбитого баркаса...

Шли долго. Ванюшка уже начинал уставать. Видно, и на этот раз ему не посчастливится поймать жарптицу... И вдруг он и Конобеев почувствовали на своем теле движение воды — ощущение, похожее на то, когда на земле обнаженный человек чувствует давление ветра. Откуда-то сильно «дуло». Они повернулись в сторону этого подводного водяного ветерка. Но не успели они сделать нескольких шагов, как «ветерок» превратился в сильный «ураган», столь резко оттолкнувший их назад, что Ванюшка упал, а Конобеев пошатнулся. Наклонив голову, старик рванулся вперед. Ванюшка поднялся и последовал за ним. Неожиданно кто-то схватил Ванюшку за плечо. На ощупь это была человеческая рука. Конобеев? Но он ушел вперед. Значит, тот человек, который производил опустошения на полях! По движению воды Ванюшка почувствовал, что человек другой рукой хочет схватить его за горло. Ванюшка пошарил рукой у пояса кортик и замахнулся, пытаясь вспороть неведомому врагу живот. Но враг схватил Ванюшкину руку. Ужаснейшая боль! Ванюшка вскрикнул; в тот же момент сильнейший свет ослепил его глаза и погас. Но этого короткого мгновения было достаточно, чтобы Ванюшка мог увидеть наклонившееся над ним огромное бородатое лицо Конобеева.

— Сдурел ты, что ли? — заорал Ванюшка в водяную тьму. Конобеев отпустил руки. Он схватил слуховую трубку и виновато забормотал:

— Однако история-то какая от тьмы случилась! Сослепу чуть друг друга не прикончили! Идем, что ли. Ушло чудовище, а ты на меня наткнулся!

Ванюшка уселся на дно и зажег фонарь.

— Гаси! — крикнул Конобеев. — Может быть, оно недалеко ушло.

Ванюшка погасил, и вдруг где-то далеко-далеко в глубине блеснул как будто ответный огонек. Блеснул и погас... Потом еще раз блеснул и погас уже в другом месте.

— Видел? — спросил Ванюшка. — Что это? Пойдем туда! — сказал он, показывая в ту сторону, где в последний раз блеснул огонек.

Они взялись за руки и пошли. Дно быстро понижа-

лось. Друзья входили в глубокую подводную низину. Время от времени навстречу им «веял ветерок».

— Большой зверь шевелится, однако,— сказал Конобеев, приглушая голос, хотя он говорил в трубку, плотно прижав губы к краям ее.

Ванюшке стало немного страшно. Впервые он подумал о том, что они подвергаются большой опасности.

Когда же в темной пучине вдруг опять сверкнул огонек, Ванюшка побежал вперед, оставив Конобеева. Скорее бы встретиться с этим неведомым врагом! Может быть, это самая безобидная рыба, только снабженная световым аппаратом, как многие обитатели глубоких вод?!

Ванюшка почувствовал, что вода все сильнее давит грудную клетку. Труднее становилось втягивать в себя кислород. Зато выдыхание происходило с необычайной быстротой. Очевидно, они шли уже на значительной глубине. Еще несколько метров вниз — и ноги Ванюшки заболтались в воде, не ощущая почвы. Вода начала выдавливать его вверх. Какая досада, что он не надел зимнего водолазного костюма с бочкообразной грудью! Тогда можно было бы проникнуть на гораздо большую глубину. Все тело сдавлено, но особенно достается груди. Ванюшка болтался в водном пространстве, как человек, попавший в мир невесомого. Он не мог идти дальше. Более тяжелый Макар Иванович плавал где-то под ним... Он поймал Ванюшку за ногу и потянул вниз.

— Однако ты пропадешь тут, малый,— крикнул Конобеев в трубку.

— Ничего... Макар Иванович! — задыхаясь, ответил Ванюшка.

Он не хотел сдаваться, но Конобеев, подхватив юношу под мышки, вдруг одним ударом правой руки поднялся вместе с ним на десяток метров вверх. Ванюшка чувствовал, как с каждым метром скатывается с него тяжесть, сковывавшая все тело. Правда, Ванюшка теперь прибавил в весе, но зато он может дышать нормально. Какая досада, что им не удалось выследить чудовище! Но теперь они уже кое-что знают. Надо только продолжать слежку. Ванюшка посмотрел вверх. Оттуда виднелся слабый свет. Утро! Однако как незаметно прошла ночь!

«Солнце! Благодатное солнце! Хорошо, интересно под водой, но скучно без солнца. Правда, через небольшой слой воды оно и светит и греет подводный мир, но все же»...— Ванюшка не успел додумать своей мысли. Его внимание было привлечено длинным шестом, который медленно погружался в воду. Посмотрев вверх, Ванюшка увидел дно лодки и смутное отражение человека, нагнувшегося из-за борта над водою. Лодка находилась почти над самой сторожкой. Ванюшка толкнул Конобеева локтем.

— Опять японцы взялись за свое! — сказал он. — Сейчас я просверлю им доньшко.

— Погоди, однако! — крикнул прямо в воду Конобеев и, отстранив Ванюшку, зашагал к шесту. Макар Иванович был обозлен неудачами прошлой ночи. При этом он помнил свое обещание, данное Таяме. А это, конечно, были его агенты; и Конобеев решил, наконец, расправиться с купцом по-настоящему. Слово старика Конобеева твердо!

XXI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Конобеев рванулся вперед. Своею головою Нептуна он начал таранить воду с такой силой, что рыбы, проплывавшие сзади него, крутились в водовороте. Ухватившись за шест, Макар Иванович дернул его с такой силой, что лодка перевернулась и люди начали падать в воду. Один, два, три... Двое мужчин и женщина. Один мужчина, быстро всплыв на поверхность, направился к берегу. Ванюшка определил, что это японский рыбак или матрос. Другой мужчина, барахтаясь, шел ко дну. Женщина отчаянно пыталась уцепиться за перевернутую лодку. Лодку отнесло в сторону. Женщина, делая беспорядочные движения руками и ногами, стала погружаться головою вниз, прямо на Ванюшку. Он отошел в сторону и протянул вверх руки, намереваясь подхватить ее. Рот у нее был плотно закрыт, глаза широко раскрыты и смотрели с ужасом на подводное чудовище — человекоподобное существо с большим черным носом, протягивающее к ней руки. Вот женщина открыла рот. Она захлебывается!..

Что делать? Вынести ее на поверхность или стащить в сторожку, благо она рядом? Ванюшка увидел, что Конобеев несет на руках утонувшего мужчину, открывает дверь в камеру сторожки и вносит туда. Ванюшка подхватил женщину на руки и поспешил за стариком.

Закрыли железную дверь и пустили в ход насосы. Они работали исправно, но Ванюшке казалось, что никогда еще вода не вытекала так медленно. Он держит женщину в руках, высоко подняв ее голову к потолку, чтобы дать ей скорее воздуха, как только схлынет вода. У потолка ярко горела лампа. Вот вода опустилась до уровня плеч. Теперь Ванюшка мог хорошо рассмотреть лицо женщины. И вдруг он вскрикнул от удивления.

Да ведь это о н а, та самая девушка, которую встретил он в пещере и напугал своим эхом! О которой он так много думал, тщетно искал! И неужели он встретил ее теперь лишь для того, чтобы похоронить ее тут?

Вода опустилась еще только по щиколотку, а Ванюшка уже хотел открыть дверь сторожки. Конобеев удержал его. Наконец камера освободилась от воды. Ванюшка и Конобеев перенесли утонувших людей в избушку и положили на пол. Начали приводить их в чувство.

Прошло несколько томительных минут. Ванюшка волновался все более. Но вот девушка стала оживать. Исчезла бледность лица, дрогнули веки. Она почти сознательно взглянула в лицо Ванюшки и едва заметно улыбнулась. Ванюшка пришел в восторг.

— Фывы? — спросил он. Это должно означать «живы». Но девушка не поняла его. Может быть, подводные люди говорят на особом языке.

— Как вы сюда попали, фут возьми? — задал Ванюшка второй вопрос.

— Это мне нравится! — ответила девушка насмешливо, и тут же закашлялась. — Маленькая... прогулка... на дно...

Взвешенный Ванюшка картавил больше обыкновенного.

— Я в пеффере вас видел, давно, а теперь вы тут. Вот я и удивляюсь, как вы... опять здесь... сюда попали...

— Бррр... Гррр... Апчихи!.. Аленка, ты жива? — слышался голос мужчины, пришедшего в себя.

«Аленка! Елена! Так вот, значит, как ее зовут! — подумал Ванюшка. — Лена, Леночка. А тот называет ее Аленка. Кто он ей? Отец, должно быть. А может быть, муж?..» — и в сердце Ванюшки вонзилась игла. Неприятное, незнакомое, болезненное чувство. Он еще не знал, что это — ревность.

— А вы, Борис Григорьевич? — спрашивает девушка.

«Борис Григорьевич, вы... Кто же он? Отец?..» — мучительно пытается разгадать Ванюшка.

— А я хотел пустить пузыри, — отвечал Борис Григорьевич, — да вот сей почтенный старец начал на мне играть, как на гармошке, пришлось опять начать эту музыку. — Борис Григорьевич приподнялся, уселся на полу, упершись руками, и, подняв голову вверх, спросил:

— Кому мы обязаны нашим неожиданным спасением?

Конобеев крикнул. Один только Ванюшка понимал смысл этого неопределенного междометия: хорошо, мол, спасение, если я сам едва не утопил вас!

— Я вижу, — продолжал Борис Григорьевич, не дождавшись ответа, — перед собою, очевидно, водолазов, хотя вы больше похожи на новую, черноносую породу людей, которые, наверное, произошли от морской сытости.

Аленка рассмеялась, а Ванюшка начал подозрительно быстро снимать свой каучуковый нос.

— Где мы находимся? Который теперь час? — продолжал Борис Григорьевич. — Что стало с нашим лодочником и моими инструментами?

— Находитесь вы под водой, — ответил Ванюшка за Конобеева, к которому был обращен вопрос, — в подводной сторожке подводного совхоза; час теперь девятый, лодочник ваш удрал, бросив вас утонать, и теперь, наверное, уже сушится на берегу, — он плавает, как рыба, — а инструменты ваши, наверное, лежат на дне морском рядом с нашей сторожкой. Мы подберем их, высушим и предоставим вам в полной исправности. А носы у нас, между прочим, как и у вас.

— Подводный совхоз? Это великолепно! — вскричал Борис Григорьевич, вскакивая с пола. Он оказал-

ся очень высоким мужчиной — под стать Конобееву, — лысый, с черными, коротко подстриженными усами и черными бровями. Остатки волос на висках были совершенно седые. — Мы давно уже слышали о подводном совхозе; еще в прошлогоднюю экспедицию здесь уже поговаривали о нем, а в этом году мы непременно хотели познакомиться с этим чудом природы. И вот, как говорится, не бывает бы счастьем, да несчастье помогло. Позвольте представиться: член Академии наук, профессор Борис Григорьевич Масютин. А эта сидящая на полу девица, виновница всего происшествия, — Елена Петровна Пулкова — родная дочь Пулковской обсерватории, попросту Аленка, аспирантка, от слова «аспире» — «дуть, веять, стремиться». Самое стремительное и легкомысленное существо в мире.

Аленка поднялась с пола, оправила мокрое платье и подала руку Ванюшке и Конобееву.

— Макар Иванович Конобеев, Иван Иванович Топорков. Служащие подводного совхоза. Очень приятно познакомиться, — сказал Ванюшка, крепко сжимая руку Масютина и еще крепче — Аленки. — Вас попросту зовут Аленка, а меня Ванюшка. Вот и очень хорошо. Позвольте просушить ваше платье. — Ванюшка пустил струю горячего воздуха.

— Я вижу, у вас тут все электрифицировано. Молодцы! Подходи, Аленка, сушишь первая. Если я начну сушиться, то ваш аппарат непременно испортится.

— Тут двоим места хватит, становитесь, Борис Григорьевич, — пригласила девушка.

— Мне, понимаете, удивительно не везет, — продолжал Масютин, с удовольствием поворачиваясь то одним, то другим боком перед теплой струей воздуха. — Терпеть не могу путешествовать. То ли дело сидеть у себя в кабинете на Морской. Я люблю ночью работать. Все спят. Тихо. Самоварчик ворчит — у меня такой маленький есть, — папиросы покуриваешь. И никаких тебе происшествий. Я домосед. И, несмотря на это, только и делаю, что путешествую.

— Потому что вы любите это, — сказала Елена Петровна.

— Я! Люблю? Путешествовать? Терпеть не могу. Ненавижу! Я не выношу путешествия, как такового. Но я люблю, это правда, извлекать из-под земли разные полезные ископаемые, редкие металлы и прочее

такое. Я, видите ли, химик, геолог, физик. Геолог и химик преимущественно. Для меня нет большего удовольствия, как вытащить откуда-нибудь из-под земли за ушко да на солнышко какую-нибудь урановую смолку, апатит, сланец. Но если бы все это можно было вытащить из ящика письменного стола, я с места никуда бы не сдвинулся. Ты уже суха, Аленка? Женщины одеваются легче. А я еще подсушусь...

XXII. ДРУЗЬЯ — ВРАГИ

Поворачиваясь перед аппаратом, Борис Григорьевич продолжал:

— Химики — народ особенный. Вы думаете, химия наука? Нет, химия — это мирозерцание. Я вижу все совсем иначе, чем вы. Вы видите, например, охру и говорите, что это желтая краска, та самая, которой натирают паркетные полы. А для меня это железо, сгоревшее в огне кислородного горения. Вы не замечаете, что весь мир объят страшным пожаром кислородного горения, — а я вижу этот страшный неугасимый пожар. Вы ходите по глине, и для вас она только глина. А для меня это алюминий, сгоревший в огне кислородного горения, окислившийся, что одно и то же. Если бы не кислород, вы ходили бы не по глине, а по горам алюминия. И нам пришлось бы и горшки и печки делать из чистейшего алюминия. Да, все металлы, все почти элементы мира сгорают в огне кислорода. И мы также сгораем. Вы говорите — старость, а я говорю — горение. Вы говорите — человек умер, я говорю — сгорел.

Вот я и обсох. Хорошо! Да, о чем я? Приехали сюда, — опять несчастье. Но в этом уж Аленка виновата. Она химичка, но с биологическим уклоном. Ну вот, потащила меня покататься на лодке. Планктон, видите ли, ее интересует.

— Борис Григорьевич, но ведь вы сами... — начала девушка.

— Молчи, Аленка, молчи! Я пятьдесят два года Борис Григорьевич, а такой непоседы не встречал. Одним словом, наняли какого-то китайца или японца —

я их плохо различаю,— поехали или поплыли, как у вас там говорится. Драги, шесты, сачки, крючки, все как следует. Плыдем. И вдруг какой-то морской дуралей, акула или спрут, приняв наш инструмент, вероятно, за аппетитную приманку, так дернул за шест, что все мы полетели в воду.

— Борис Григорьевич,— решил прервать много-речивого собеседника Конобеев.— Вы меня простите, старика. Это я— дуралей морской и есть. Я вас чуть не потопил. Случай такой вышел. У нас японцы рыбу да водоросли воруют...

— Хе, хе, хе! — вдруг неожиданно высоким тоном засмеялся Масютин.— Поймали рыбку, да не ту? Макарь Иванович, вы тут ни при чем, это все планида моя надо мною шутит. Я уже говорил вам, что со мной происходят самые невероятные вещи.

— А черта вы когда-нибудь видели, если с вами такое невероятное приключается? — неожиданно спросил Ванюшка.

— Черта? — удивленно протянул Масютин.— Нет, черта не видел.

— Вы забыли, Борис Григорьевич,— отозвалась Пулкова.— А помните в пещере?..

— Да, да, в самом деле! Чем не черт? Эдакий черноносый нас испугал.

— Так это ж я! — сказал Ванюшка.

Аленка всплеснула руками.

* * *

Появление гостей взволновало жителей Гидрополиса. Обитатели торжественно собрались в столовой за обеденным столом и начали рассуждать о том, куда удобнее поместить гостей. Масютин настаивал, что он будет жить на берегу с Аленкой и приходить к ним в гости.

— Если я поселюсь у вас, то со мной, а значит и со всем вашим подводным домом, непременно случится какое-нибудь несчастье: либо «рыба-кит» проглотит вас, либо пожар приключится.

— В воде-то? — испуганно спросила Марфа Захаровна.

— Да, я не удивлюсь, если вода загорится от моего присутствия.

Но Аленке очень хотелось пожить под водой, и она уговорила Масютина не уходить на берег.

— Какая ты непонятливая, Аленка! Ведь мы же стесним их!

— Нисколько,— неожиданно вступил в разговор молчаливый Гузик,— мы прекрасно разместимся.— И он начал объяснять, куда кому надо переселиться, чтобы освободить помещение для гостей.

— Хорóси девуска будет зить со мной! — вдруг заявила Пунь, стоявшая у дверей. Вслед за этим она подошла к Пулковой и погладила ее по голове. Все рассмеялись.

Пунь настояла на своем; Аленка согласилась жить в домике, где помещалась Пунь, пока не вернется ее муж. Ванюшка с Гузиком поместились в лаборатории, а Масютин — с Волковым.

И надо же было случиться, что в этот самый день вечером неожиданно явился Цзи Цзы, пропадавший более двух недель. Пунь встретила мужа в столовой, где он пил чай, и заявила ему, чтобы он к ней больше не являлся.

Цзи Цзы так озлился, что его желтоватое лицо стало лиловым. Жена, рабыня, смеет ему указывать! Нет, решительно ее надо скорее убрать отсюда. Иначе она забудет все корейские обычаи и станет настоящей большевичкой...

Цзи Цзы поднялся из-за стола, не допив чая, и, подойдя к Пунь, крепко схватил ее за руку.

— Идем отсюда!— грозно сказал он, но Пунь запротестовала и стала вырываться.

Супруги начали громко спорить и кричать. Цзи Цзы уже поднял руку, чтобы «вразумить» жену по своему обычаю, но подоспевший на крик Ванюшка остановил его.

— Не смей бить женщину!— крикнул он.

Цзи Цзы посмотрел на Ванюшку с нескрываемой злобой, но отпустил жену. Потом глухо сказал по-русски:

— Не надо так? Ухожу!— И он ушел.

Скоро Ванюшка услышал шум воды, наполнявший камеру. Очевидно, Цзи Цзы надел водолазный костюм и уплыл, решив ночевать на берегу. Этой семейной сцене не придали особого значения. Один Ванюшка был в восторге оттого, что Пунь показала себя настоя-

щей женщиной. Ванюшка плохо спал в эту ночь. Ворочался и Гузик.

В четыре часа утра Ванюшка тихонько поднялся, чтобы не будить своего товарища, и вышел. Он надел водолазный костюм, побывал на берегу, нарвал большой букет луговых цветов и поставил его в вазу на обеденный стол.

— Это еще что такое?— удивленно спросил Волков, заглянув в столовую.

Ванюшка, смутившись, ответил:

— Товарищ Пулкова говорила мне, что очень любит полевые цветы, вот я и решил сделать ей су... сюрприз. Только вот, пока плыл, маленько букет разломался.— И Ванюшка начал неумелыми пальцами поправлять цветы.

В этот момент дверь в столовой тихо приоткрылась, и в образовавшуюся щель Волков увидел лицо Гузика. Дверь тотчас захлопнулась. Это заинтересовало Волкова, и он, неслышно открыв дверь, выглянул в коридор. Там он увидел Гузика с большим букетом цветов, спасавшегося в лаборатории. Волков усмехнулся: «Совсем голову потеряли ребята».

Это была правда: у Ванюшки все валилось из рук. Гузик сделался рассеянным, как никогда. Он забывал являться к обеду, отвечал невпопад, ухитрялся часами сидеть неподвижно, глядя в одну точку.

— Изобретает!— тихо говорил Ванюшка, указывая на Гузика.

Гости чувствовали себя очень хорошо. Борис Григорьевич Масютин очень сдружился с Марфой Захаровной. Они вместе попивали чаек. Масютин рассказывал ей о своих злоключениях, приводя старушку в трепет. Подводным миром Масютин интересовался мало. В своей комнате, рядом с комнатой Волкова, он приводил в порядок свои путевые заметки и обдумывал большой научный труд.

— Хорошо,— говорил он.— Вот где надо строить кабинеты для ученых—под водой! Тишина необычайная. Нигде мне так хорошо не работалось, как здесь.

А Пулкова целые дни проводила в подводных экскурсиях. Она собрала богатую коллекцию водорослей и мечтала о том, чтобы проникнуть в глубоководные

долины океана, где надеялась найти новые виды красных водорослей. Ванюшку беспокоили одиночные прогулки девушки, но сопровождать ее он не мог, так как принужден был работать с Волковым.

Однажды, возвращаясь к себе, он неожиданно встретил Пулкову, которая, сидя на коленях на дне, забавлялась маленькими крабами. Ванюшка был очень взволнован, увидев ее. Ему давно хотелось поговорить с девушкой наедине. О чем,— он еще сам не решил, но о чем-то страшно важном.

Увидев его, Аленка приветливо помахала рукой. Ванюшка подошел, опустился рядом с нею на песок, взял ее слуховую трубку и спросил:

— Гуляете?..— Ему хотелось сказать совсем другое; он готов был крикнуть в трубку: «Я люблю вас!»— но не решился.

Пулкова показала на маленьких крабов, которые пытались удрать от нее, а она вновь и вновь ловила их руками.

— Жаркая сегодня погода... теплая вода, хочу я сказать,— продолжал Ванюшка.

Он ждал, что Пулкова что-нибудь ответит ему, но она брала в руку его слуховую трубку и отвечала только кивком головы.

— Вы тоже черноволосая!— произнес он в третий раз, решительно не зная, как вызвать девушку на разговор.

Она улыбнулась, кивнула головой и продолжала забавляться крабами, ритмически выпуская изо рта пузырьки отработанного воздуха. У Ванюшки защемило сердце. «Не любит она меня! А может, кокетничает,— разве женщин поймешь?»— поспешил он успокоить сам себя. Он тяжело вздохнул через свой черный каучуковый нос и выпустил огромное количество мелких пузырей.

— Однако пора идти!— сказал он.— Вы будете к завтраку?

Девушка отрицательно покачала головой. Ванюшка вздохнул еще раз, поднялся и медленно зашагал к подводному жилищу.

Аппетит у него пропал. Он шел и бранил себя за свою нерешительность. Так нельзя; надо узнать, любит она или нет.

Вернуться, что ли, и спросить ее?

Незаметно для себя, в раздумье, он повернул назад. Но когда приблизился к тому месту, где она сидела, ему показалось, что в глазах его двоится: как будто не одна, а две смутные размытые тени маячили перед ним. Он подошел еще ближе и остановился, не веря глазам. Пулкова сидела на дне все в той же позе, но уже не занималась крабами. В руках ее был цветок полевой ромашки; она обрывала его лепестки, как бы гадая: «любит, не любит». А перед нею, также на коленях, сидел Гузик, медленно покачиваясь вверх и вниз вместе с водою.

«Так вот что ты изобретал!» — с горечью прошептал Ванюшка; и во второй раз нехорошее чувство ревности вспыхнуло в его душе.

XXIII. ЗА КРАСНЫМИ ВОДОРΟΣЛЯМИ

Пулкова решила осуществить давнишнее желание — проникнуть в таинственные глубины океана, чтобы обогатить свою коллекцию глубоководными водорослями. Спускаться в глубину нужно было в особом жестком бочкообразном водолазном костюме. Волков убеждал девушку не отправляться в такое рискованное путешествие одной, но она уверяла, что с нею ничего не может случиться.

— Мы не дадим вам водолазного костюма, — шутя заявил Волков.

— Я сама возьму, — ответила Пулкова.

— Сами? Да понимаете ли вы, какая это тяжесть? Без посторонней помощи вы не в состоянии будете даже надеть на себя этот костюм.

Пулкова ничего не ответила, но втайне решила настоять на своем. И вот однажды утром, когда в доме оставались только Масютин, углубленный в свою работу, Марфа Захаровна, вязавшая по привычке чулки, и Пунь, Пулкова вызвала корейку и попросила ее помочь облачиться в глубоководный водолазный костюм. Пунь, души не чаявшая в «холосей девушке», охотно исполнила ее просьбу.

Выйдя на подводную улицу, Аленка пустила в ход винтовой двигатель. Пропеллер завертелся; тело девушки приняло почти горизонтальное положение, и она быстро двинулась в путь. Пулкова уже давно собиралась посетить морскую долину, находившуюся к востоку от Гидрополиса, далеко в сторону от подводных дорог. Она как-то была вместе с Масютиным у края этой долины и видела там огромные водоросли, — целые подводные дремучие леса.

Подплыв к опушке подводного леса, Аленка остановила двигатель, опустилась и пошла по мягкому илистому дну.

Здесь было совсем тихо, не чувствовалось ни малейшего волнения воды. Лишь от движения самой Пулковой тихо раскачивались соседние водоросли да рыбы танцевали свой бесконечный танец страха и любопытства: туда — сюда, вперед — назад...

Аленка попала в узкое ущелье, из которого, казалось, не было выхода. Надо вернуться назад. Девушка сделала шаг, но нога зацепилась за что-то. Дернула ногу. «Что-то» не отпускало — оно шевельнулось и сжало ногу у колена, а в следующее мгновение чьи-то объятия охватили девушку у пояса. Пулкова наклонилась голову, чтобы свет фонаря упал вниз, и увидела большие глаза и несколько хоботообразных щупальцев спрута. Спрут смотрел внимательно, как бы изучая жертву. Свет фонаря, видимо, не очень беспокоил его. Он медленно поднимал одну из своих ног, желая охватить Пулкову у плеч. Аленка была испугана, но не очень. При ней острый кортик, сейчас она вынет его, обрежет спруту ноги и освободится.

Спрут поднимал ногу медленно, широко распластав ее на высоте плеч девушки. Когда нога была вытянута во всю длину, спрут с неожиданной быстротой обвил тело у плеч и начал присасываться. К счастью, руки девушки ниже локтей еще были свободны. Она протянула левую руку к кортику. Но в это время спрут неожиданно употребил военную хитрость — выпустил целое облако сепии. Свет фонаря Пулковой потускнел, как свет солнца во время лесного пожара.

Через минуту облако стало еще гуще.

Пулкова не могла различить даже собственной протянутой руки. Бороться при таких условиях было труд-

но. Спрут действовал на ощупь, Пулкова же не могла так хорошо, как он, ориентироваться в темно-коричневом полумраке. Опустив руку вниз, чтобы вынуть из ножен кортик, она нащупала ногу спрута, обвившуюся по поясу. Рукоять кортика была покрыта ногою спрута. Эти ноги были идеально приспособлены для сдавливания жертвы. Довольно мягкие в свободном состоянии, напрягаясь, они становились упругими, как самая твердая резина. Это был совершеннейший «аккумулятор» мышц, всегда готовых к страшному напряжению и сокращению. С каждым мгновением спрут сжимал все сильнее. Пулкова попыталась оторвать ногу спрута, но это оказалось невозможным. Тогда она начала надавливать пальцами на то место, где пояс соприкасался с ногою спрута, чтобы как-нибудь продвинуть пальцы, а потом и руку между поясом и ногою и вытащить кортик. Напрасно! Спрут уже плотно присосался к резине костюма, и между ногой отвратительного головоногого и водолазным костюмом не было ни малейшей щели.

Скоро кольцо, обхватившее Аленку ниже плеч, спустилось и закрепило правую руку. Вслед за этим настала очередь и для левой руки. Пулкова судорожно сжала в пальцах кастаньеты, при помощи которых могла дать знать о себе. Если ей самой не удалось освободиться от спрута, то единственная надежда на помощь друзей. Только бы спрут не прижал кисти ее руки!..

«Не хочу! Не хочу!» — что-то кричало в Аленке. И сердце холодело от ужаса...

Она шевелит пальцами, но пальцы отказываются повиноваться. Рука онемела... Как глупо поступила! Надо было сразу, в первую же минуту, выхватить кортик! Но что это? Огонек вдали! Едва заметная мутная точка. Ее ищут! Спасение! Спасение!! Спасение!!!

Пулкова разминает застывшие пальцы, делает невероятные усилия, чтобы шевельнуть ими... Едва слышный стук раздается в тишине моря... Пулкова с напряженным вниманием следит за далеким огоньком... Вот он повернул вправо. «Не туда! Не туда!» — хотелось крикнуть Пулковой. Вот опять огонек приближается. Неужели услышал?.. Нет, опять повернул в сторону... стал маленьким... исчез...

XXIV. «ХОЛОСАЯ ДЕВУСКА»

За вечерним чаем сидели в столовой Масютин, Конобеев и Марфа Захаровна; Пунь мыла посуду в кухне.

— Что-то наших долго нет,— заботливо промолвила Марфа Захаровна, наливая стакан чая Масютину.— Совсем жидкий; надо подварить,— одна вода.

— Да, вода,— проговорил Масютин, пододвигая к себе стакан.— Я как-то сказал, что океан — это только вода, и больше ничего. Оно не совсем так.— И ученый, оседлав любимого конька, завел нескончаемый разговор о химии, удивляя Конобеева непривычно большими величинами:— В океане есть соли: поваренная, та самая, которой Марфа Захаровна подсаливает кушанья, хлористая магнезия, сернокислая магнезия, гипс. Знаете ли вы, какой объем имеют все океаны? Миллиард двести восемьдесят шесть миллионов кубических километров!

— Это много?— наивно спросил Конобеев, поглаживая свою роскошную бороду.

— Солнце этой водой не потушишь, но если бы устроить пожарную кишку, из которой вода вырывалась бы струей в километр толщиной, то можно было бы такой струей не только Солнце достать, но еще выше скакнуть, чуть не в десять раз. С Земли вы могли бы поливать огороды на Луне, Меркурии, Марсе, Венере. А если струю пустить потоньше, то и на Сатурне, на Нептуне и на Уране. Если всю соль собрать, которая в океанах растворена, то можно всю Северную Америку покрыть слоем в два с половиной километра толщиной. Почти двадцать миллионов кубических километров соли растворено в океане.

— А золото есть?— спросил Конобеев.

— Ого! Золота в океанах шесть триллионов килограммов. Если из океанов добывать золота каждый год столько, сколько из земли добывается, то на десять миллионов лет хватит. Шутка?

— Отчего же его не добывают?

— Добывают, да мало. Невыгодно пока. Но я сейчас работаю как раз над тем, как бы подешевле да побольше можно было золота из океанской воды добывать; тогда мы загреним!

Приняв от Марфы Захаровны стакан чая, неизвестно какой по счету, он продолжал:

— Океаны, моря — неисчерпаемый источник богатств. Возмите хотя бы Каспий. Нет никакого сомнения, что на дне этого моря имеются нефтяные источники. Недаром на поверхности его появляются жирные пятна, а вода иногда «пылает». Если бы спустить воду Каспийского моря...

— И что это Аленки нет? Беспокоит она меня, — не утерпела Марфа Захаровна.

В этот момент Пунь уронила на пол тарелку, громко заплакала и, выйдя из кухни в столовую, сказала:

— Я виновата. Аленка не слусалась. Большой водолазный костюм надела и послала глубоко, глубоко...

— Однако жесткий водолазный костюм она не могла надеть: тяжел больно он! — заметил Конобеев.

Пунь заплакала еще больше и ответила:

— Я помогла ей. Холосый девуска плосит...

— Святители-угодники! Чувствовало мое сердце! — прошептала Марфа Захаровна.

Все были взволнованы.

— Однако чего же ты молчала? — грозно спросил Конобеев.

Пунь закрыла лицо руками и, всхлипывая, ответила:

— Думала, плидет, сецас плидет.

Масютин поднялся и, подойдя к радиотелефону, начал вызывать Ванюшку, который должен был находиться в сторожке. Но ни он, ни Волков не отзывались. Впрочем, Волков через несколько минут явился. Узнав об исчезновении Пулковой и отсутствии в сторожке Ванюшки, он сначала улыбнулся, — пришла в голову мысль, что молодые люди гуляют вдвоем по подводным лесам, но потом забеспокоился.

— Нам надо немедленно идти на розыски, — сказал он. — Гузик дома?

Изобретатель работал в лаборатории. Он побледнел, когда узнал, что Пулкова ушла утром и не возвращалась. После экстренного совещания мужчины решили оставить дома Пунь и Марфу Захаровну, приказав им послать на поиски Ванюшку, когда он вернется, а сами быстро надели легкие водолазные ко-

стюмы, запаслись утроенным количеством аккумуляторов, вооружились кортиками — и отправились в путь, условившись сигнализировать друг другу кастаньетами и вспышками света.

Ночь была совершенно темная. Четыре человека разбрелись в разные стороны, пустили в ход маленькие гребные винты и с огромной скоростью начали буравить своими телами водную стихию. На всем ходу они врезались в густые водоросли, вспугивали больших рыб, мирно спавших в неподвижных слоях воды, проносились над глубокими пропастями, обходили подводные горные вершины. Время от времени гасили свет фонарей, чтобы посмотреть, не светит ли вдали фонарик Пулковой.

Вода посветлела над головой. Наступало утро. Гузик совершенно выбился из сил, у Масютина испортился двигатель и закапризничал аппарат, вырабатывающий кислород. В конце концов Гузику пришлось взять неудачливого профессора на буксир и уже при свете солнца тащить в Гидрополис. Только Волков и Конобеев продолжали свои безуспешные поиски.

В подводном жилище Масютин и Гузик застали одну заплаканную Марфу Захаровну. Она сообщила им, что Ванюшки до сих пор нет, а Пунь ушла.

— Куда ушла? — удивленно спросил Масютин.

— Надела водолазный костюм и отправилась искать Аленку. «Не вернусь, — говорит, — пока не разыщу».

Друзья немного отдохнули. Гузик исправил повреждения в водолажном костюме Масютина, и они снова отправились на поиски.

А в это самое время Аленка лежала уже на песчаной косе, в двух шагах от линии прибоя. С головы девушки был снят скафандр. Она пришла в себя. Прямо в глаза ей светило солнце. У ног ее сидела сияющая Пунь. Это она спасла Елену.

Пунь знала направление, куда отправилась Пулкова. Но и Пунь не нашла бы Елену в глубоководном подводном каньоне, если бы не счастливая случайность: спрут, обвивая щупальцем голову Елены, коснулся выключателя и зажег фонарь. Вспыхнул свет, который был замечен Пунь.

Она начала работать руками изо всех сил, чтобы опуститься в глубину, но это было не легко сделать.

Легкий водолазный костюм решительно отказывался «утопить» Пунь. Тогда корейнка, перевернувшись головой, пустила в ход гребной винт. Дело пошло на лад. Она стала погружаться в бездну между двумя отвесными скалами.

Корейнка ужаснулась, увидев «холосую девуску» в объятиях отвратительного спрута. Пунь хотела броситься на помощь своей любимице, но не могла этого сделать: гребной винт пришлось остановить, и давление воды было так значительно, что корейнка ежеминутно могла быть выброшена вверх, как пробка. С величайшим трудом ей удавалось удерживаться, цепляясь пальцами за неровности скалы. Так, сантиметр за сантиметром, подвигалась она к спруту, не отпуская рук от скалы.

Заметив приближавшегося врага, спрут медленно повернулся и направил на Пунь немигающие глаза. Корейнка, держась левой рукой за скалу, правой выхватила кортик и начала наступать на спрута, который уже освободил пару ног, чтобы схватить непрошеного посетителя. Пунь уже замахнулась кортиком, намереваясь обрубить ногу, но спрут в этот момент выпустил огромное облако сепии и скрылся за «дымовой» завесой. Тогда Пунь решила на отчаянное средство. Высоко подняв правую руку, вооруженную кортиком, она выждала, пока холодный и скользкий конец ноги спрута, шереховатый только на том месте, где имелись присосы, не коснулся ее тела и не обвился вокруг бедер. Тогда Пунь отняла левую руку от скалы,— теперь спрут держал ее, и она не рисковала взлететь наверх,— сделала небольшой надрез на обвившей тело ноге. Давление ужасного кольца несколько ослабло. Спрут подтягивал тело Пунь все ближе к себе. Этого она и ожидала. Нашупав левой рукой тело спрута, Пунь начала быстро и уверенно наносить удары, стараясь поразить его в самое сердце. Мускулы щупальца, обвившего ее тело, ослабели; щупальце разжалось и беспомощно повисло. Пунь поняла, что спрут издыхает, и принялась осторожно обрубить остальные щупальца, присосавшиеся к водолазному костюму Пулковой. Когда последнее было отрублено, Пунь, обхватив Пулкову, быстро поднялась с нею на поверхность.

На поверхности океана было раннее утро. Пунь взглянула через стекло скафандра в лицо Пулковой —

и ужаснулась. Лицо Аленки было бледное и неподвижное, как у мертвеца.

Изнемогая от усталости, Пунь, наконец, добралась до берега; набежавшая волна выбросила ее на песчаную отмель вместе с Пулковой. Не теряя времени, корейка быстро сняла с головы Елены скафандр и начала трясти ее за плечи, не зная, как привести в чувство. Ветер, яркий солнечный свет и морской воздух скоро вернули Пулковой сознание. Она открыла глаза, посмотрела на Пунь и поняла все.

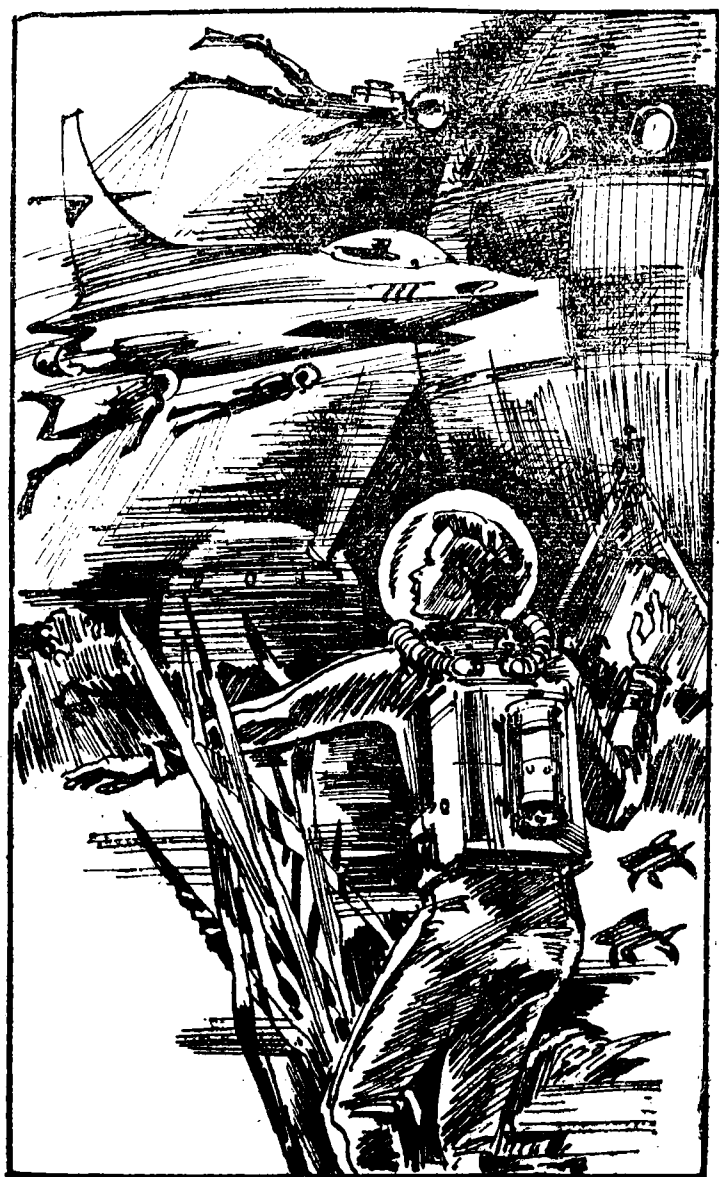
— Холосая девуска,— ласково сказала Пунь, целуя Елену.

XXV. РЫБКА НА КРЮЧКЕ

В тот самый день, когда Пулкова отправилась в свое рискованное путешествие, Ванюшка находился у северных границ подводного совхоза. Ему хотелось во что бы то ни стало выследить неизвестного врага, который портил водоросли. Целый день Ванюшка плавал вдоль и поперек подводных плантаций, но не встретил ничего необычного.

Вечер в воде наступает гораздо раньше, чем на земле. Даже на небольшой глубине уже сгущаются серо-зеленые сумерки, в то время как на земле еще тихо тает закат. Скоро в воде стало совершенно темно. Плыть без света было рискованно, зажигать же фонарь Ванюшка не решался, чтобы не привлечь внимания врага.

Вода похолодела. Ванюшка устал, а близость сторожки соблазняла возможностью поест и хорошенько выспаться. Глаза слипались. И тут, совершенно неожиданно, далеко на востоке он увидел в воде странное размытое световое пятно. Постепенно пятно начало растягиваться, превращаясь в длинный конус. Очевидно, источник света перемещался и, все усиливаясь, с поразительной быстротой приближался к Ванюшке. Тогда Ванюшка решил, что безопаснее будет опуститься ниже и пропустить неизвестного пловца над собой. Скоро водное пространство вокруг осветилось ярче, чем в солнечный полдень. Многочисленные рыбы свер-

кали в сияющем конусе света серебром чешуи. Ванюшка поспешно опустился в темную глубину и, зацепившись за густую водоросль, взволнованно смотрел на загадочного подводного бродягу. Это была подводная лодка. Ванюшка хорошо рассмотрел ее длинный продолговатый корпус, когда лодка проплывала над самой его головой.

Это была особенная лодка, странной формой корпуса напоминавшая акулу. Когда субмарина с необычайной быстротой пронеслась над ним, Ванюшка выплыл из своего убежища и поплыл вслед, пытаясь нагнать. Но это было не легко, — лодка обладала исключительно быстрым ходом. И Ванюшка никогда не догнал бы ее, если бы субмарина, круто повернувшись, не остановилась.

И вдруг на гладком теле «акулы» как будто выросли крылья. Эти крылья состояли из сложной системы кос и стержней, снабженных крючками. Медленно опустившись почти на дно, лодка двинулась в путь, захватывая крючками водоросли и подрезая их косами почти под корень. Иногда лодка начинала хлопать крыльями, чтобы сбросить нависшие водоросли, и снова принималась за свою разрушительную работу.

Ванюшка ругался всеми ругательными словами, какие только знал, и специально для этого случая придуманными, видя те разрушения, которые производила субмарина. Не могло быть никаких сомнений в том, что это был тот самый неуловимый враг, тот вредитель, который наделал столько хлопот подводным совхозникам.

Кто находился внутри сумбарины? Таяма? Но может ли частный человек иметь подводную лодку? Ванюшка решил проследить возможно дальше, куда она направится. Пользуясь тем, что сумбарина шла сравнительно медленно, Ванюшка подплыл к ней сзади и ухватился за один из торчавших стержней.

Несколько часов подводная лодка занималась своим вредительским делом, уничтожив водоросли на огромном расстоянии. Ванюшка беспомощно болтался в воде, вцепившись в беспрерывно двигавшийся стержень. Потом лодка остановилась и неожиданно «сложила крылья». Косы и стержни плотно прижались к бокам, войдя в пазы. Крюк, за который держался Ванюшка, также вошел в особый паз так быстро, что Ва-

нюшка едва успел выпустить руки, а ниже лежащий крюк неожиданно прижал его ногу. Крюк не переломил ногу и даже не сдвинул ее слишком больно, но, несмотря на все усилия, Ванюшка не мог освободить ее.

— Вот так фут возьми! Попался на крючок, как рыбешка! — прошептал Ванюшка, пуская пузыри. Руки его были свободны. Он попытался приподнять крюк, но не смог даже сдвинуть его с места.

А субмарина понеслась вперед с необычайной скоростью. Давлением воды, как ветром в бурю, Ванюшку отклонило назад, и ему с большим трудом удалось выпрямиться, пригнуться и лечь на корпус лодки головой вперед.

Это было безумное путешествие. Ванюшка летел среди морских просторов неведомо куда, но уж наверняка навстречу своей гибели. Долго ли продлится это путешествие?.. У Ванюшки мог иссякнуть кислород, он мог умереть с голоду; наконец, если он благополучно достигнет вместе с лодкой ее пристани, то там его найдут и, конечно, не пощадят. Невесело!

Сколько времени прошло в этом молчаливом беге, Ванюшка не мог определить. Он так устал, что, несмотря на всю необычайность положения, задремал.

Проснулся он от особого ощущения тепла: вода вокруг словно утратила свою плотность и стала прозрачная. Очевидно, субмарина шла не глубоко под уровнем океана, и на земле наступило утро. У Ванюшки невольно сжалось сердце. Что принесет это утро?..

Через минуту яркий солнечный свет осветил Ванюшку. Лодка покачалась и, наконец, неподвижно остановилась.

Ванюшка оглянулся вокруг. Над ним был застекленный свод гигантского павильона. Лодка качалась в бетонированном бассейне. Люк открылся, и оттуда вышли три молодых японца: один из них — в костюме морского офицера и два — в матросских. Ванюшка лежал на поверхности лодки, погруженный в воду по плечи. Японцы еще не видали его. Офицер — очевидно, капитан — поднял свисток-сирену, висевший у него на шнурке, и издал короткий пронзительный свист. Все три моряка стояли спиной к Ванюшке, глядя на широкую стеклянную дверь в стене, которой замыкался свод. От двери до бассейна шла лестница из бело-

го мрамора. Скоро стеклянная дверь открылась, и к бассейну спустился в японском халате, с веером из слоновой кости в руке Таяма. Улыбаясь, он сказал несколько слов по-японски и вдруг, перестав махать веером, высоко поднял свои светлые пушистые брови и вскрикнул, как птица. Моряки, как по команде, повернули назад головы и увидели Ванюшку. Он привстал и, кивнув мокрой головой, сказал, несколько гнусавя, так как нос его был зажат аппаратом:

— Доброго утра!

Таяма даже рот открыл от изумления, услышав это приветствие. Потом лицо его нахмурилось. С треском сложив веер, он начал нервно бить им себя по ладоням и, подойдя к самому краю площадки, сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Вы опять изволили пожаловать ко мне в гости! Прошу вас, выходите же сюда.

— И рад бы, да не могу,— отвечал Ванюшка.— Я тут за крючок зацепился маненько.

— За крю... заце...— неожиданно высоким голосом вскрикнул Таяма и вдруг залился таким неудержимым смехом, что его толстый живот запрыгал, шелковый халат затрепетал, как флажок на ветре, щеки задрожали, а маленькие, заплывшие, узкие, косые глазки прослезились.

Смех прекратился так же неожиданно, как начался. Таяма вдруг ударил себя по ладони левой руки веером, точно приказывая самому себе замолчать. Лицо купца стало бесстрастно, как маска; он спокойно отдал какое-то распоряжение. Матрос подошел к Ванюшке и сковал его руки ручными кандалами; другой матрос опустился в люк подводной лодки. Крюк, прижавший ногу Ванюшки, приподнялся. Первый матрос вытащил Ванюшку из воды и перенес, держа на руках, на мраморную лестницу.

— Это что же такое? — угрожающе спросил Ванюшка, приподнимая скованные руки и обращаясь к Таяме.

Но купец не спеша повернулся и раскачивающейся походкой вышел из стеклянного павильона.

Матросы, подтолкнув Ванюшку сзади, жестами приказали ему идти.

«Вот так влопался, фут возьми!» — подумал Топорков.

Они вышли из павильона. Ванюшка увидел небольшой, но чрезвычайно живописный карликовый японский садик. Маленькие корявые столетние сосны, миниатюрные беседочки, игрушечные мостики, переброшенные через ручьи, прудик, цветочные клумбы придавали саду необычайный вид. Налево виднелся небольшой японский домик с открытой верандой, на которую вела лестница в несколько ступеней без перил. На веранде сидел на полу, поджав ноги и положив руки на колени, молодой человек в национальном японском костюме; против него в такой же позе — «косоглазенькая», дочь Таямы. Она посмотрела на Ванюшку, и взгляд ее — только взгляд — выразил мгновенную смену радости, удивления и огорчения.

Ванюшка прошел мимо японского домика и обогнул его. Один из матросов крикнул пожилому японцу, который стоял за домом в тени вишневого дерева. Пожилой японец быстро посмотрел на Ванюшку и еще быстрее повернулся к нему спиной и скрылся за углом дома.

Ванюшка готов был держать пари, что он видел перед собою Цзи Цзы! Но этого не могло быть: муж Пунь, кореец Цзи Цзы, не мог оказаться в Японии!

Карликовый садик кончился. Через ворота в живой изгороди Ванюшка со своими конвоирами вышел на большой, хорошо мощенный двор с различными службами, автомобильным гаражом и каменным двухэтажным домом с верандой. Это был настоящий европейский уголок. Возле водопроводной колонки стоял большой автомобиль с темно-синим кузовом. Молодой японец-шофер в кожаном костюме поливал колеса и крылья автомобиля из шланга и затем тщательно вытирал их тряпкой. Увидав необычайного арестанта с черным носом, ранцем за спиной и резиновой трубкой, идущей от носа к ранцу, японец в кожаном костюме прекратил работу и проводил Ванюшку внимательным взглядом. В этом взгляде Топорков подметил нечто такое, что заставило его так же внимательно посмотреть на шофера.

Конвоиры остановились посредине двора. На балконе второго этажа появился Таяма. Он застегивал воротник крахмальной рубашки, пыхтя от натуги. Отдышавшись, он указал рукой на гараж, отдал короткое распоряжение и скрылся.

Матросы сняли с Ванюшки водолазный костюм и отвели его в пустой гараж. Двери закрылись, щелкнули замки. Ванюшка с ручными браслетами на руках остался один.

XXVI. СЕРП И МОЛОТ

Ванюшка осмотрел свою тюрьму. Широкие двери закрывались плотно. Слабый свет проникал через небольшое окно у самого потолка. Второе окно, тоже у самого потолка, вело, очевидно, в ту часть гаража, где помещалась легковая машина Таямы. Здесь, в Ванюшкиной тюрьме, находился старый грузовик и разный автомобильный хлам: старые колеса, шины, бидоны из-под бензина. Ванюшка осмотрел все углы, подошел к дверям и начал стучать подошвами, с которых еще не были сняты свинцовые пластины-грузила. Дверь приоткрылась, яркий луч света ослепил его. Ванюшка посмотрел на двор и увидел, что в автомобиле, уже блестевшем, как новенький, сидели Таяма, его дочь и молодой человек, который был с «косоглазенькой» на веранде дома. Все они были в белых европейских костюмах. Японка увидела Ванюшку, но в этот момент автомобиль выехал за ворота.

Ванюшка жестами начал объяснять матросу, стоявшему у дверей, что он хочет пить и есть и что ему мешают кандалы. Жесты он подкрепил энергичными русскими ругательствами.

— Фтоб сейчас сняли эти футки, фут возьми! — кричал он, потрясая кулаками.

Японец неопределенно кивнул головой и запер дверь.

Через несколько минут явилась девочка-японка в длинном балахоне, с черными взлохмаченными волосами, и принесла миску риса. Ванюшка вдруг озлился. Вареный рис совсем не улыбался ему, привыкшему к основательным мясным блюдам Марфы Захаровны.

— Не хочу я кафы! Кафой не наефся, фут возьми! — Он едва не выбросил миску с рисом, но, подумав, взял ее обеими руками и сказал, обращаясь к девочке: — Мяса хочу, хлеба... Бурфуи проклятые!..

С отвращением съел пресный, безвкусный, как жеваная бумага, рис. Напала тоска. «Браслеты» уже успели натереть руки. Таяма, наверное, его пустит в расход. Эх, пропала жизнь! Ванюшке вдруг стало жалко себя. Вспомнился ему подводный совхоз, вспомнилась Аленка. Всех жалко, и совхоза жалко. Сколько сделано, а еще больше сделать надо... Ну что ж, если и придется погибнуть, то он умрет, как солдат на посту. Эта мысль вдруг наполнила Ванюшку бодростью. Нечего нюни распускать! Он сумеет, если понадобится, встретить смерть, как настоящий мужчина.

Свет солнца на потолке давно погас, и через окно Ванюшка увидал звезды. Шум голосов, слышавшихся со двора, постепенно затихал. Где-то далеко заиграли на рояле. От этих звуков у Ванюшки вновь неудержимо защемило сердце. Где-то под полом скребли крысы. Вот теперь они шуршат за стеной. Да крысы ли это? Ванюшке показалось, словно кто-то осторожно ходил в соседнем помещении гаража, — и в этот самый момент Ванюшка едва не вскрикнул от удивления.

Рама в окне на внутренней стенке вдруг тихо откинулась и опустилась; в образовавшемся отверстии появилась чья-то голова, и неизвестный человек, осторожно спустив к Ванюшкиным ногам легкую металлическую лесенку, слез, подошел к Ванюшке и, дружески улыбаясь, протянул ему руку. Лицо незнакомца показалось Ванюшке знакомым. Он видел это лицо совсем недавно! «Шофер!» — вспомнил вдруг Ванюшка.

— Комрэйд! — тихо прошептал шофер.

Ванюшка не понял его. Японец постоял, задумавшись, потом, пошарив, нашел на полу кусочек мела, нарисовал на стене серп и молот и, указав Ванюшке на эту эмблему, ткнул пальцем себе в грудь.

— Товарищ! — тихо прошептал Ванюшка, и японец так же тихо ответил:

— Товарищ!

Теперь для Ванюшки все было ясно. Здесь, в чужой стране, у него есть друзья, как и во всем мире. Эти друзья спасут его. Ванюшка предполагал, что шофер предложит ему немедленно бежать из тюрьмы через окно. Но шофер жестами дал понять Ванюшке, чтобы он ждал, а сам убрался тем же путем, каким явился, и унес лестницу.

Прошло некоторое время, и в окне вновь появилась голова шофера. Вслед за ним появилась вторая голова. Второй спаситель — белый как лунь старик — также дружески пожал руку Ванюшке и, приблизив толстые губы к самому его уху, начал говорить.

В молодости старик занимался рыболовством, ходил на промысел в русские воды и научился с грехом пополам говорить по-русски. Шофер пригласил его как переводчика и просил передать следующее:

— Сегодня утром он, шофер, ездил с господами в город. Таяма отвез свою дочь и ее жениха к сестре своей...

«Так вот кто был тот молодой человек! Жених „ко-соглазенькой“!» — мелькнула мысль у Ванюшки.

— ...а сам заехал к начальнику полиции и, захватив его с собой, вернулся домой. По пути рассказывал о своем пленнике, спрашивал, как поступить с ним. Начальник полиции ответил, что, конечно, надо его... чкр! — И садовник жестом показал, как отрубают голову.

У Ванюшки вдруг похолодело на сердце и подтянуло живот.

— «Но как лучше спрятать концы в воду?» — спросил Таяма. «Именно в воду, — ответил начальник полиции. — Отвезите труп коммуниста в вашей подводной лодке и бросьте на съедение рыбам!» Но вот он — коммунист, — продолжал старик, показывая пальцем на шофера, — и вы коммунист. И он сказал, что спасет вас, но это трудно. С острова некуда бежать, а на острове вас скоро разыщет полиция. Надо обдумать, как спасти вас.

Все замолчали. Потом Ванюшка тихо зашептал:

— Я могу спастись, если удастся достать мой водолазный костюм. Надо выкрасть его у Таямы.

Садовник перевел слова Ванюшки шоферу. Тот отрицательно покачал головой:

— Невозможно. Дом Таямы — крепость.

Ванюшка улыбнулся.

— Но в этой крепости, — ответил он, — есть предатель, который поможет нам.

— Кто это?

— Дочь Таямы, — ответил Ванюшка. Жених? Это ничего не значит. Он, Ванюшка, видал, каким взглядом она посмотрела на него!

Шофер радостно улыбнулся. «Золотая лилия», так зовут по-японски дочь Таямы, каждое утро совершает

прогулку на автомобиле. И шофер может поговорить с ней. Но так как это сделать можно только завтра, то побег придется отложить до следующей ночи.

— А если меня завтра чкр!..— повторил Ванюшка звук и жест садовника.

Шофер ответил:

— Они не решатся убить вас и закопать ваше тело на земле Таямы. Они должны вывезти вас на подводной лодке. Но я сделаю так, что механизм лодки испортится и механик заявит, что на исправление потребуется не менее суток.

И неожиданные друзья, пожав Ванюшкину руку, неслышно удалились.

XXVII. «ФЫВ!»

Впоследствии, когда Ванюшка вспоминал о том, что с ним произошло дальше, ему казалось, что он видит сумбурный сон.

Томительный день. Надоевший разварной рис. «Браслеты» на руках. Запах пыли, каучука, керосина. Луч солнца сквозь узкое окно. Жара. Томительное течение минут. Полусон, полузабытье. Его кто-то будит, осторожно трогая за руку. Это шофер. Он снимает ручные кандалы. Вместо желтого теплого солнечного света — серебристый свет луны. Шофер увлекает Ванюшку к лестнице.

Ураганный теплый ветер дует в лицо. Деревья шумят. Луна прыгает в облаках; скоро облака окончательно закрывают луну. Шофер тянет Ванюшку за руку. Они проникают в карликовый садик. Тьма, зги не видеть. Неожиданно шофер, идущий впереди, останавливается. Слышится шепот. Это старик-садовник.

Старик нырнул куда-то во мрак и через некоторое время вернулся с водолазным аппаратом. Ранец, фонарик, наносник с трубкой, гребной винт — как будто все в порядке. Ванюшка быстро надел на себя аппарат, подвязал башмаки с грузилом и тяжелой походкой двинулся дальше. Буря выла, заглушая звуки его шагов. Недалеко от стеклянного павильона, где находилась подводная лодка, Ванюшка заметил темную фи-

гуру. На мгновение луна выглянула из-за туч, и Ванюшка узнал дочь Таямы. «Косоглазенькая», — подумал он благодарно. Но на дворе вдруг послышались крики, и вслед за тем раздалось два выстрела. Неожиданно в саду вспыхнули электрические фонари, освещив его, как днем.

— Тревога! — сказал старик. — Спасайся скорей, прыгай в бассейн!

Садовник скрылся в кусты. Шофер пожал руку Ванюшке и тоже поспешил скрыться.

А со стороны двора в сад уже вбегало несколько вооруженных людей. Они начали стрелять. Ванюшка видел, как «косоглазенькая» вдруг слабо вскрикнула и упала. Стиснув зубы, Ванюшка бросился в павильон и, не оглядываясь, ринулся в темную воду бассейна.

Кислородный аппарат действовал исправно. Ванюшка зажег фонарь и увидел, что находится в широком подводном туннеле. Погасив фонарь и пустив в ход маленький гребной винт, быстро поплыл. Скоро по усилившемуся движению воды понял, что находится в открытом океане. На поверхности, вероятно, была сильная буря, если даже здесь, на порядочной глубине, Ванюшку изрядно качало. И вдруг ему показалось, что море вокруг него как будто стало светлее. Ванюшка оглянулся и, к своему ужасу, увидел ослепительный свет прожектора. Сомнений не было, — за ним гнались на подводной лодке.

Что делать? Опуститься вниз? Но он не мог в своем легком водолазном костюме погружаться на большую глубину. И, немного подумав, Ванюшка решил подняться на поверхность. Рассвирепевший океан как будто только и ждал этого. Он начал играть с Ванюшкой. Подбрасывая его вверх и вновь опуская в бездну, обрушивал каскады пены, вертел, трепал, носил из стороны в сторону. У Ванюшки закружилась голова; и, улучив момент, он опять опустился вниз, но сразу попал в полосу яркого света и принужден был вновь подняться на бушующую поверхность океана. Так повторялось несколько раз. Наконец он заметил, что подводная лодка ушла вперед.

Под утро он почувствовал недостаток кислорода. Очевидно, аккумуляторы истощались. Ванюшка всплыл на поверхность и надул водородом резиновый мешок. Буря утихла; светало.

Почти весь день Ванюшка носился на волнах, изнывая от жажды и еле живой от усталости.

Наконец, когда солнце уже было на закате, он увидел невдалеке шхуну с красным флагом — советским флагом! Он начал кричать, рискуя надорвать горло. Наконец его заметили и, почти потерявшего сознание, приняли на борт.

Только на пятые сутки после захода солнца Ванюшка высадили на берег у пристани химического завода подводного совхоза. Тотчас потребовал себе заряженный аккумулятор и, забежав на минуту в контору, поспешил сообщить в Гидрополис о своем прибытии. К телефону подошел Гузик, и по тому, как он вскрикнул, услышав голос Ванюшки, можно было судить, насколько друг обрадовался его возвращению.

В подводном жилище Ванюшку встретили с самой бурной и искренней радостью. Старуха Конобеева даже прослезилась.

— Тебя-то мы и в живых не чаяли видеть,— сказала она, утирая слезу уголком платка, которым была повязана ее голова.

— Фыв! — сказал Ванюшка, и только один Волков, который лучше других привык к его произношению, понял, что это должно означать «жив». — Фыв, и еще сто лет профыву. — Он потер кулаком слипающиеся глаза и сказал сонным голосом: — Сил нет, спать хочется. Завтра вечером мы устроим торфественный уфин, и я вам все расскафу.

Он едва дошел до кровати и, не раздеваясь, уснул.

А наутро, когда Волков пришел будить его, чтобы идти вместе на работу, он нашел только пустую кровать. Пунь сказала, что Ванюшка ушел с «холосей девуской». Волков улыбнулся.

«Им много надо рассказать друг другу», — подумал он и отправился на работу один.

XXVIII. ПРЕРВАННЫЙ УЖИН

Вечером все вновь собрались в столовой. Марфа Захаровна и Пунь сбились с ног, готовя кушанья. Тут были и знаменитые сибирские пельмени,

и пироги с рыбой, и жареные утки, и рыба, и сладкая пастила из водорослей, и варенья, и фруктовые воды. Все принарядились и выглядели празднично. Волков был избран председателем и объявил повестку дня «торжественного заседания», которое должно было состояться перед ужином.

1. Елена Пулкова. Информация.— Это означало, что Пулкова должна была подробно рассказать Ванюшке о своем приключении в подводном каньоне. В сущности говоря, большой надобности в таком докладе не было, так как Аленка уже, наверное, рассказала Ванюшке обо всем во время прогулки, но то был неофициальный доклад.

2. Иван Топорков. Информация.— Ванюшка должен был рассказать обо всем, что с ним произошло за время его отсутствия.

3. Семен Алексеевич Волков. Доклад.— Волков предполагал в кратких чертах описать все работы по устройству подводного совхоза и достижения.

Когда повестка дня была оглашена и утверждена собранием, Ванюшка поднялся, необычайно покраснев, стараясь прикрыть смущение развязностью тона и поглядывая на Пулкову, которая тоже почему-то смутилась и опустила глаза.

— Товарищи,— сказал он сдавленным голосом,— позвольте, так сказать, перед официальной частью в общем и целом сделать маленький доклад, так сказать по личному вопросу... целиком и полностью...— Ванюшка вздохнул, еще раз взглянул на Пулкову и продолжал: — Дело в том, что я... что мы с Еле...

Но тут произошло нечто неожиданное. Подводный город содрогнулся. Громовой удар послышался за стеною. Что-то заскрежетало, зашумело. Второй глухой удар последовал за первым. В углу разошлись бревна, и в расщелине показалось нечто черное, длинное, остроносое и тотчас ушло назад. А в образовавшееся отверстие и через щели раздавшихся бревен хлынула вода.

Все окаменели от неожиданности, с недоумением глядя друг на друга. В тот же момент погас свет. Ноги ощутили холод воды, быстро поднимавшейся.

В жуткой тьме послышалось завывание двух существ. То были Хунгуз и Пунь, а Марфа Захаровна

точно лаяла коротко и отрывисто: «Ах! ах! ах!» — и залилась истерическим плачем.

— Однако, старуха, где ты? — вскричал Конобеев.

— Аленка! — изменившимся голосом звал Ванюшка.

— Я говорил, что принесу несчастье Гидрополису! — промолвил Масютин, но его никто уже не слушал.

— Тише! — покрыл все голоса голос Волкова. — Без паники! Скорей через библиотеку и лабораторию к выходу в коридор! Мы перейдем в мой домик, который, быть может, не залит водой.

Все поднялись и уже по пояс в воде бросились к выходу.

Железная дверь отодвинулась, и люди начали вбегать в коридор, который соединял центральный дом с домиком Волкова. Здесь также не было света. Кто-то задвинул железную дверь. Вода перестала вливаться, хотя и сюда ее набралось по колено. Друзья вошли в избушку Волкова и здесь остановились.

— Придется скорее пройти в склад и надеть водолазные костюмы, — слышался голос Волкова. — Быть может, вода настигнет нас и здесь.

Голос Масютина ответил:

— Но здесь только три водолазных костюма, а нас всех семеро.

— Можно пройти в склад по боковому коридору, недаром же мы их сделали, — промолвил Ванюшка. — Товарищ Масютин, Семен Алексеевич, Аленка! Надевайте скорее водолазные костюмы. Гузик, где ты? Открывай боковую дверь в коридор. Гузик! да где же ты, фут возьми?

Гузик не отзывался.

— Фто за футука! Товарищи, Гузика нет! — уже с тревогой в голосе крикнул Ванюшка.

— Этого еще не хватало! — проворчал Волков.

Ванюшка постоял минуту, что-то соображая, и вдруг бросился к железной двери, крикнув на ходу:

— Ты, Макар Иванович, женщин провожай, а я поплыву Гузика разыскивать.

— Однако куда ты поплывешь, оглашенный, без водолазных снарядов?

Но Ванюшка не слушал Конобеева. Он открыл железную дверь и, с трудом справляясь с идущим навстречу потоком, ринулся по коридору, через который он только что бежал. Плывая у самого потолка, Ванюшка мог дышать.

Из столовой он проплыл в библиотеку-читальню, а из нее — в машинное отделение, причем для того, чтобы проникнуть в двери, ему каждый раз приходилось нырять. Из машинного отделения дверь вела в пространство между деревянным домом и металлическим колпаком. Ванюшка поплыл туда и попытался пустить в ход предусмотрительно поставленные на случай внезапной аварии помпы. Они действовали. Вода начала спадать. Откачав ее, Ванюшка открыл вторые железные двери, вошел под колпак южного дома и, наконец, открыл дверь комнаты. Свет ослепил его. В лаборатории, у электрической плиты, стоял Гузик, освещенный водолазным фонарем. Он занимался странным делом: поджаривал на горячей плите какие-то бумажки.

— Гузик, с ума ты сошел! Фто ты тут делаефь? — вскрикнул обрадованный Ванюшка. — Где ты пропал?!

Гузик посмотрел на Ванюшку с обычной растерянностью и ответил:

— Понимаешь, я вспомнил, что в машинном отделении остались мои чертежи и формулы очень важного изобретения, и вернулся, чтобы спасти их. Они лежали в ящике стола и маленько подмокли...

Друзья надели костюмы и направились по длинному коридору, соединявшему южный дом с западным, стоявшим лицом к берегу. Здесь, в комнате Волкова, Гузик и Ванюшка нашли всех остальных обитателей подводного жилища.

* * *

Странное и печальное зрелище представлял собою уход совхозников из подводного жилища. Все были подавлены случившимся. И у всех было такое чувство, словно они сдавали крепость врагу. Шли в темноте по знакомой дороге. Даже фонари зажигать не решались. И только над поверхностью воды начали вспы-

хивать один за другим фонари, пока не зажглись все семь, растянувшись световой гирляндой.

Женщин устроили в конторе, а мужчины тотчас отправились в океан, чтобы исправить повреждения.

Оказалось, что лодка пробила насквозь железный коридор, соединявший восточный и северный домики. Стальной нос протаранил толстую железную броню центрального колпака! Но какой же крепости должна быть лодка и какой силы мотор, приводящий ее в движение!

XXIX. ЭЛЕКТРОМАГНИТ ДЕЙСТВУЕТ

После первого нападения надо было ожидать второго. В конторе завода Волков собрал «военный совет», чтобы обсудить план защиты. Первым взял слово Гузик.

— Субмарина Таямы,— заявил он,— своего рода чудо военной техники. Если нам удастся захватить ее как военный приз, то это будет отличное приобретение.

— Захватить! Легко сказать,— отозвался Ванюшка.— В сети ты ее не поймашь.

— Существует сеть,— ответил Гузик,— которую она не пробьет. Видал ли ты когда-нибудь детские игрушки — уточки, рыбки, сделанные из легкого металла, пустые внутри и с железным наконечником? Эти уточки и рыбки пускают в блюдце с водой и при помощи маленького магнита заставляют их двигаться. Так вот: я думаю поймать лодку Таямы, как игрушечную рыбку, при помощи магнита. Но так как «рыбка» велика, то и магнит должен быть особенный. Я опояшу металлическим кольцом наш подводный дом и при помощи тока большой мощности превращу это кольцо в электромагнит гигантской силы.

Этот план заинтересовал всех, хотя и высказывались сомнения в его осуществимости. С особой горячностью возражал Ванюшка. Гузик был непреклонен. Его, как изобретателя, пленяли новые способы веде-

ния войны. И в конце концов смелый план был принят.

Целый день подводники потратили на то, чтобы склепать и укрепить будущий электромагнит. Все источники электроэнергии, имевшейся в распоряжении Гузика, были пущены им в ход. Наконец, когда электромагнит получил достаточную мощность, произвели опыт. Ванюшка надел на голову гребной винт, а на ноги толстые железные подошвы. Гузик заранее объяснил Ванюшке его роль. Ванюшка должен был изображать собой подводную лодку. Он отошел на несколько десятков метров от подводного жилища, поднялся при помощи гребного винта на два-три метра вверх и протянул ноги с железными подошвами по направлению к подводному жилищу. Гузик включил ток.

В тот же момент Ванюшка почувствовал, что он падает, но как-то странно: в горизонтальном направлении. Электромагнит действовал! Тогда Ванюшка поспешил пустить в ход гребной винт. «Падение» замедлилось, как будто над головой юноши вдруг раскрылся парашют. Но все же Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу, и чем дальше, тем быстрее. Наконец ноги довольно ощутительно ударились о железный пояс. У Ванюшки было такое ощущение, будто он спрыгнул на землю с крыши дома.

Он хотел оторвать ступни от электромагнита. Не тут-то было. Ноги точно вросли в железную полосу. К Ванюшке подбежал Волков, схватил его за руки и, пустив в ход свой гребной винт, начал тянуть юношу как на буксире. Ванюшка не отрывался. Вслед за Волковым подошли Масютин, Конобеев и присоединили силы своих гребных винтов, цепляясь друг за друга, как «дедка за репку». Но даже четыре гребных винта не могли оторвать Ванюшку, а сам он, рискуя быть разорванным на части, начал кричать, дергать руками и мотать головой, разбрасывая во все стороны лучи своего фонаря. Но друзья не поняли его, приписывая эти движения выражению восторга. И Ванюшке плохо пришлось бы, если бы в этот момент Гузик не выключил ток. Вся четверка отлетела от магнитного пояса и помчалась вперед, влекомая быстро вращающимися гребными винтами.

Гузик был удовлетворен результатами опыта. Но все же решение задачи зависело от одного неизвестного: какова сила двигателя подводной лодки.

Еще до наступления ночи все были на местах. Гузик стоял наготове в машинном отделении Гидрополиса, а Ванюшка, Волков, Конобеев и Масютин расположились на четырех углах подводного жилища, лежа с погашенными фонарями в густых водорослях. Ванюшка смотрел в чернильный водный мрак, но ничего не видел. Минуты текли медленно. Ему уже захотелось спать, когда вдали мелькнуло едва заметное световое пятнышко. А через минуту Ванюшка уже не сомневался в том, что видит прожектор подводной лодки. Он побежал к подводному жилищу и начал стучать по стенке железного колпака, желая предупредить Гузика о приближении врага. В ответ на этот стук вспыхнул прожектор Гидрополиса, и все окна подводного жилища ярко засияли огнями. Ванюшка начал еще сильнее стучать в стенку.

— Ну, что ты колотишься, как припадочный! — услышал вдруг Ванюшка голос Гузика, незаметно подошедшего к нему. — Я нарочно осветил Гидрополис, чтобы Таяме удобнее было найти его.

— А вдруг Таяма при ярком свете увидит пояс? — с опаской спросил Ванюшка.

— Увидит, когда будет поздно, да и, увидав, ничего не поймет. Не беспокойся. Когда лодка приблизится на расстояние трехсот—четырехсот метров, стукни мне, и я пушу ток.

Не доходя нескольких сот метров до Гидрополиса, подводная лодка повернула, замедлив ход, и поплыла вокруг подводного жилища, словно отыскивая удобное место для атаки или высматривая, не угрожает ли ей какая-либо опасность. Ванюшка постучал Гузику. Лодка сделала полный круг и начала второй, уже на расстоянии не более сотни метров. Но тут Ванюшка заметил, что лодка начала двигаться как-то странно. Она вилляла из стороны в сторону, как автомобиль в руках неопытного шофера, — причем Ванюшка заметил, что расстояние между лодкой и Гидрополисом быстро уменьшается.

«Действует!» — подумал Ванюшка, холодея от волнения.

Свет прожектора все усиливался. Как огромная се-ребристая акула, быстро разрезала субмарина зеленоватые воды. Только нос ее не напоминал морду акулы,— он был слишком острый и походил на голову щуки.

XXX. СЛОЖЕНИЕ СИЛ

Но тут картина вновь изменилась. Подводная лодка вдруг остановилась под тупым углом по направлению к Гидрополису и дала задний ход. Гребной винт работал с такой силой, что вокруг Ванюшки поднялось настоящее волнение, и со дна, как дым, закрутились вихри ила. Ванюшка принужден был переползти на несколько метров. С нового места субмарина была хорошо видна. Казалось, она была привязана невидимым тросом, который тщетно старалась разорвать. Но все же, видимо, и «трос» испытывал огромное напряжение и как будто вытягивался.

И вот случилось, казалось, непоправимое. Медленно-медленно, как улитка, субмарина начала отходить назад. Борьба была решена в пользу Таямы!

— Так нет же! — закричал Ванюшка, поднимаясь на ноги.

Он вдруг подбежал к подводной лодке с быстротой, какая только была возможна под водой. Ему пришла в голову мысль: схватиться за выступы сложенных «крыльев» и, пустив в ход свой гребной винт, тянуть подводную лодку к дому, как упирающегося козла. Он подплыл к лодке, ухватился за нее и начал тянуть. «Ведь там, где противники почти равны, ничтожная прибавка силы может дать одной стороне перевес!» — думал Ванюшка.

Его расчет оправдался: лодка остановилась. Тут на помощь Ванюшке подоспели Волков и Конобеев, которые поняли и оценили его план. Волков схватился за лодку с другой стороны, а Конобеев, уцепившись снизу, потянул субмарину, упираясь огромными ножищами в илистую почву.

«Сложение сил» подействовало. Лодка сначала медленно, а потом со все увеличивающейся скоростью двинулась прямо на Гидрополис.

— Ура-а! — крикнул Ванюшка и в тот же момент был сброшен вместе с Волковым развернувшимися «крыльями» лодки.

Едва ли это было сделано умышленно, — крылья, состоящие из металлических кос, полос и крючьев, — были развернуты, вероятно, для того, чтобы увеличить сопротивление. Скоро и Конобеев принужден был оставить лодку, которая рванулась вдруг с такой силой, что старик упал. Друзья с ужасом смотрели на этот бешеный прыжок, который мог нанести подводному жилищу страшные повреждения.

Однако случилось нечто неожиданное: на расстоянии каких-нибудь десяти метров субмарина круто повернула боком. Винт остановился, лодка правой стороной пришвартовалась к железной полосе электромагнита и замерла.

— Стоп! Приехали! — крикнул Ванюшка в слуховую трубку Волкова. — Теперь, кафется, крепко влип Таяма!

Все поспешили к подводной лодке. Как бы не веря своим глазам, Ванюшка схватился за крюк, выступающий сбоку лодки, и потянул. Конобеев также ухватился за лодку и начал ее тянуть. Но даже этот геркулес оказался бессильным сдвинуть ее с места. Лодка держалась так крепко, словно была припаяна к железной полосе.

— Надо отправить радиogramму людям в подводной лодке, — сказал Ванюшка и, пройдя в машинное отделение подводного дома, протелеграфировал:

«Сдавайтесь. Вы в плену, и вам не удастся бежать».

Ответа не последовало. Ванюшка еще раз послал телеграмму, изменив длину волны:

«Гражданину Таяме. Говорит Иван Топорков, служащий подводного совхоза. Сдавайтесь. Телеграфируйте ответ через пять минут, иначе мы взорвем вас вместе с лодкой».

— С ума ты сошел! — вскрикнул Гузик. — Разве можно взрывать подводную лодку? Для того ли я старался?

— Это я фтоб напугать их,— ответил Ванюшка.

Но японцы упорно молчали. Они либо испугались угрозы, либо вовсе не получили радиогранмы.

— Значит, не фелают с нами разговаривать,— решил Ванюшка.— Ну что ф, подофдем. Когда у них кислорода не хватит и начнут задыхаться, небось заговарят. Ты, Гузик, слушай, а я пойду посмотрю, что там делается.

И Ванюшка вышел из подводного жилища и подплыл к субмарине.

Если нельзя было видеть, то Ванюшка попытался услышать, что делается в подводной лодке. Зацепившись за крюк, он приложил к стальной стенке конец своей слуховой трубки, как врач, выслушивающий больного. Ему повезло. Металлические стенки субмарины очень хорошо пропускали звуки. Там, по-видимому, происходила довольно бурная сцена. Ванюшка отчетливо слышал возбужденные голоса, о чем-то горячо спорившие. Ему даже показалось, что он узнал голос Таямы. Внезапно голоса замолкли. Послышалась глухая возня, как будто там, внутри лодки, что-то перетаскивали или боролись. Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Шум голосов усилился. Неожиданно послышался страшный треск. Революрные выстрелы?.. Потом долго говорил один голос, как будто убеждавший. И снова возня, а вслед за нею — мертвая тишина.

Неожиданно кто-то тронул Ванюшку за ногу. Внизу под ним стоял Гузик с зажженным фонарем на голове и жестом приглашал Ванюшку сойти вниз. «Наверное, телеграмма получена».

Ванюшка не ошибся. Гузик сказал, что от Таямы получен ответ. Таяма сдается.

XXXI. ХАРАКИРИ

Яркие лучи утреннего солнца заливали спокойную гладь океана, когда подводная лодка Таямы поднялась на поверхность. Волков, Конобеев и Ма-

сютин с четырьмя водолазными костюмами для пленного экипажа взобрались на мостик субмарины. Люк открылся, и друзья увидели белую чалму огромных размеров. Короткая толстая фигура с видимым трудом поднялась на мостик — человек средних лет с характерным японским лицом, одетый в белый морской костюм. То, что все приняли за чалму, оказалось неумело сделанной повязкой; сквозь ткань просачивалась кровь.

— Однако Таяма! — вскрикнул Конобеев. — Паразит проклятый!

Волкову пришлось тронуть Конобеева за руку, чтобы привести в себя.

— Макар Иванович, не теряйте головы! — внушительно сказал Волков.

Но Конобеев ничего не слышал. Старик положил на площадку пару принесенных водолазных костюмов и, не спуская с Таямы глаз, начал протягивать к нему страшные огромные ручищи с узловатыми, поросшими волосами пальцами. А Таяма, бледный, с опухшим, болезненным лицом стоял неподвижно и смотрел куда-то в пространство. И только когда рука Конобеева придвинулась совсем близко, Таяма, не изменяя неподвижности тела, сделал правой рукой молниеносное, короткое движение: средним и большим пальцем он сжал руку Конобеева у кисти. Макар Иванович — лесной великан, таежный зверь, который умел молча и спокойно переносить удары медвежьей лапы, срывающей кожу вместе с мясом, — вдруг завопил так, что его услышали на берегу.

Таяма, как будто ужалив, принял руку и вновь стоял неподвижно. Рука Конобеева упала вниз, как плеть. Старик уже не кричал, но смотрел на врага с безграничным удивлением. Масютин и Волков невольно улыбались. Они поняли, что произошло. Таяма применил один из приемов джиу-джитсу, доказав лишний раз, что ловкость, тренировка и умение побеждают грубую силу.

— Я требую, — сказал Таяма по-русски, воспользовавшись паузой, — чтобы меня, как пленного, оградили от оскорблений.

Волков внушительно посмотрел на Конобеева, а тот, растирая левой рукой правую, глухо проворчал:

— Однако ладно уж! Семь бед — один ответ!

— Следующий! — крикнул Волков в отверстие люка. На площадку поднялся новый пленник. На этот раз не только Конобеев, но и Волков вскрикнул от удивления. Перед ними с застывшей улыбкой каменного изваяния стоял Цзи Цзы. Он был в своем обычном корейском костюме. Правую руку держал на перевязи.

— Однако ты как сюда попал? — спросил его Конобеев. — Изменил нам? На сторону Таямы передался? Не твои ли это с водопроводом проделки были? Ну, подожди, ужотко повесим тебя на одном суку с Таямой!

— Эй, эй! — крикнул кто-то снизу в люк и произнес несколько слов на японском языке.

Волков нагнулся, посмотрел вниз и увидел, что человек в рабочем костюме поднимает на руках безжизненное тело матроса. Волков и Масютин извлекли это тело на площадку подводной лодки. Молодой японец-матрос был еще жив. Но на его груди сквозь разорванную рубашку виднелась рана, нанесенная холодным оружием. Нечего было и думать о том, чтобы такого тяжело раненного отправлять в Гидрополис. Волков вызвал с берега шлюпку, на которой раненого острожно доставили на берег и поместили в больницу.

Последним поднялся на мостик молодой японец в рабочем замасленном костюме, с черными, как смоль, короткими волосами и энергичным лицом. Он протянул руку Волкову и, приветливо улыбаясь, сказал на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищ!

Волков пожал ему руку и начал расспрашивать, но японец уже истощил свой запас русских слов и только беспомощно разводил руками. Затем он закрыл крышку люка, надел водолазный костюм и отправился вместе с Волковым и Масютиным в Гидрополис.

Таяму и Цзи Цзы конвоировали Ванюшка и Конобеев.

* * *

За большим круглым столом в библиотеке-читальне Гидрополиса собрались подводные совхозники, чтобы допросить пленных.

Первым — через переводчика — давал показания механик. По его словам, никто из экипажа подводной лодки не мог понять, почему она вдруг начала отклоняться от своего пути.

— Я, признаться, и теперь не понимаю, что случилось и какая невидимая сила притянула подводную лодку, как магнитом, к вашему подводному жилищу, — откровенно сознался механик.

Гузик самодовольно улыбнулся. Его авторское самолюбие было удовлетворено.

— В ваших словах вы сами даете ответ на вопрос, — сказал он японцу-механику и охотно рассказал ему об электромагните.

— Что же было дальше? — спросил Ванюшка, с нетерпением ожидавший конца объяснений Гузика.

— Мы не знали причины, но мы видели, — продолжал механик, — что лодка идет не туда, куда мы направляем ее, и мы поступали так, как если бы она попала в стремительный поток. Ничего не помогало. Мы не могли выбраться из этого заколдованного места, и в конце концов...

— Влипли! — не утерпел Ванюшка.

— Влипли, — перевел переводчик.

— Влипли, — улыбаясь, кивнул головой механик. —

И вот тут-то, — продолжал он рассказ, — в подводной лодке разыгрались страсти. Когда были получены телеграммы Топоркова, Таяма, взывая к нашему патриотизму, заявил, что он предпочитает взорвать лодку и погибнуть вместе с нею и нами, чем сдаться. — «Надеюсь, — сказал он, обращаясь к нам, — что вы вполне согласны со мной!» Но тут его ждало разочарование. Я знал, что не из одного патриотизма и национальной гордости Таяма решается на такое героическое средство. Уничтожить подводную лодку ему было необходимо, чтобы не скомпрометировать многих лиц. Частенько гостями нашей подводной лодки были люди в штатском, но... с весьма военной выправкой. Капиталистические круги Японии с большой тревогой и неудовольствием смотрят на быстрый рост колонизации советского Дальнего Востока и на начавшуюся усиленную эксплуатацию естественных богатств. Не мудрено, что Таяма, много лет промышлявший у ваших берегов, старался всеми силами уничтожить подводный совхоз.

Чтобы получать нужные сведения и причинять мелкий вред, он подкупил одного из ваших служащих...

— Цзи Цзы? — спросил Волков.

Механик утвердительно кивнул головой и продолжал:

— С какою осторожностью и тщательностью Таяма подбирал штат своих служащих! И все же он проглядел опасность; в самой подводной лодке оказались: один коммунист—это я—и один сочувствующий—раненый матрос, который в решительную минуту перешел на мою сторону, на нашу сторону, на нашу сторону!

Ванюшка тряхнул головой и промолвил:

— Здорово, фут возьми!

— Когда Таяма приказал взорвать подводную лодку,—продолжал механик,—я заявил, что отказываюсь исполнить его приказания и не допущу, не позволю взорвать ее. Услышав мои слова, Таяма взбесился: «Вы не позволите? — тихо переспросил он меня.— Что это, бунт?» «Да, это бунт»,— ответил я. Таяма закричал зубами, посмотрел на остальных и, очевидно, решил сразу выяснить положение. «Ты со мною, Цзи Цзы?» — спросил он корейца. Цзи Цзы утвердительно кивнул головой. «А ты?» — обратился он к матросу. Матрос посмотрел на меня, на Таяму и не колеблясь ответил: «Я не оставлю товарища!» — и указал на меня. Тогда, выхватив неожиданно нож, Таяма, как тигр, бросился на матроса и нанес ему рану в грудь. Матрос упал. В ту же минуту сильным ударом мне удалось выбить из руки Таямы нож и отбросить его далеко; затем я бросился к машине, схватил спрятанный за нею револьвер и выстрелил в Таяму, ранив его в голову; следующим выстрелом я ранил в руку Цзи Цзы.

— Скажите,—перебил механика Ванюшка,—а почему вы не взорвали подводное жилище миной, а протаранили его?

Японец пожал плечами.

— Я думаю,—отвечал он,—что Таяма не хотел употреблять слишком... военных способов войны. Если только он захочет отвечать, от него вы можете получить ответ на ваш вопрос.

Волков спросил механика, как его зовут, и затем сказал:

— Товарищ Хокусай! Наш допрос — неофициальный. Виновных мы предадим законному суду. Но уже теперь можно сказать, что даже среди обвиняемых вы не окажетесь. — Волков поднялся и крепко пожал руку механика. — А теперь, — продолжал Волков, — пройдите в столовую, хорошенько отдохните и позавтракайте.

Раненый матрос, которого допрашивали в больнице, подтвердил все показания механика. Цзи Цзы также довольно верно описал весь ход событий в подводной лодке. Но, когда его спросили, как он попал к Таяме и что там делал, кореец заявил с напусным спокойствием:

— Я — человек свободный. У кого хочу, у того и служу. А кому служу, тому и ответ даю.

— Ну вот подожди, ты не то запоешь, когда тебе придется давать ответ перед судом, — сказал Ванюшка.

Остался недопрошенным только Таяма. Его показания должны были открыть много интересного. С тех пор как привели его в подводное жилище, он уселся в угол прямо на полу и, низко опустив голову, сидел неподвижно, как японская статуя.

Волков сказал Ванюшке, чтобы он сходил к Таяме и привел его на допрос. Ванюшка, взяв конвойных, отправился исполнять это поручение. Широко открыв дверь комнаты, он громко крикнул:

— Гражданин Таяма! На допрос!

Таяма продолжал сидеть неподвижно. Ванюшка еще громче повторил свой приказ. Таяма немного приподнял голову, посмотрел на Ванюшку, неожиданно громко произнес несколько японских слов нараспев. Вдруг Ванюшка заметил в правой руке Таямы довольно большой блестящий нож с широким лезвием. Как Таяма умудрился спрятать его? Ванюшка бросился к Таяме, желая обезоружить его, но было уже поздно. Таяма быстро и хладнокровно занес нож с левой стороны внизу живота, вонзил по рукоять и быстрым движением разрезал живот слева направо с такой ловкостью, как будто харакири было для него самым обычным делом. Поток крови залил пол. Таяма с некоторым недоумением смотрел на кровь несколько мгновений, потом медленно упал лицом вперед...

Впоследствии, когда Ванюшка, поинтересовавшись, спросил у китайца-конвоира, который знал японский язык и присутствовал при харакири, что сказал Таяма перед смертью, китаец ответил:

— Таяма сказал: «Когда из четырех японцев двое оказываются коммунистами и когда измена проникает в собственный дом, не надо больше жить».

XXXII. ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подводное жилище освещено внутри так, что глазам больно. Все усаживаются за длинный стол. Волков избирается председателем. Он встает и говорит:

— Товарищи, несколько дней назад наше торжественное заседание было прервано по не зависящим от нас причинам.— Волков повысил голос: — Заседание продолжается, товарищи! И теперь, надеюсь, никто не прервет его, и никто больше не помешает нашей работе.— Послышались аплодисменты; и горячее других аплодировали два японца—механик с подводной лодки и матрос, который настолько уже поправился, что врач разрешил ему присутствовать на празднике.— Повестка остается прежней! Слово принадлежит товарищу Елене Пулковой.

Гости — многочисленные представители различных цехов совхоза — с интересом прослушали рассказ Пулковой.

Вслед за Ванюшкой выступил Волков с докладом об основании и развитии подводного совхоза.

— Товарищи! — начал он, обращаясь к гостям — рабочим и служащим.— Многие из вас уже застали существующим и Гидрополис, и химические заводы, и склады, и многочисленные постройки на берегу. Но вот посмотрите, что здесь было еще совсем недавно.— Волков показал на фотографию, висящую на стене.— Вы видите этот дикий, нетронутый, первобытный уголок природы? На этом самом месте товарищу Топоркову, Конобееву и мне пришла впервые мысль заняться сбором и эксплуатацией подводных водорослей. Там, где только дикие птицы нарушали своими криками тишину, зазвучали фабричные гудки.

На том месте, где искали мы звериные следы, возвышаются теперь здания заводов, складов и домов-коммун. То, что вы видите здесь, повторяется и на Северном Сахалине и на Камчатке. Всюду мы начинаем побеждать дикую стихию и овладевать несчетными богатствами океана и недр земли. Мы боремся с климатом, с бурями, с природой. Мы боремся с вредителями — с мелким зверьем, вроде Цзи Цзы, и с такими крупными хищниками, как Таяма. И мы побеждаем, и мы победим! Смотрите, что сделали мы на нашем фронте!

И Волков, указывая на диаграммы, графики и планы, начал говорить о том, как постепенно расширялась площадь подводного совхоза по береговой линии на юг и север и как завоевывались все новые подводные плантации, как увеличивалась добыча водорослей, как вырастали заводы, как рос экспорт, как расширялось применение водорослей в различных областях химической промышленности...

Его доклад продолжался около двух часов и был прослушан всеми с большим вниманием.

— Позвольте мне сделать маленькую информацию,— сказал Масютин, поднимаясь со стула. И ученый сделал интересное сообщение о том, что ему удалось найти в водорослях ванадий, который употребляется в технике для придания стали особой крепости.— Но это еще не все. Самое интересное я приберег под конец. Помните, я говорил о том, что дно океана может содержать полезные ископаемые, как и прочие недра земли? Представьте себе,— я нашел — и совсем недалеко от Гидрополиса — пласты чудеснейшего каменного угля, который выходит прямо на поверхность океанского дна.

Все захлопали в ладоши и начали поздравлять Масютина.

— А теперь, товарищи, под музыку можно и поужинать! Мы сегодня хотим угостить всех собравшихся двенадцатью блюдами, приготовленными из морской капусты. Это бенефис Марфы Захаровны и Пунь.

— Нет, позвольте! Прошу еще не закрывать официального заседания,— перебил Ванюшку Масютин.— Когда мы собрались в прошлый раз, то, помнится, наглое вторжение Таямы прервало на самом интересном

месте какое-то внеочередное сообщение товарища Топоркова. Я думаю, мы все заинтересованы в том, чтобы наш милый Ванюшка окончил это прерванное сообщение.

— Просим! Просим! — слышались голоса, и все выжидательно смотрели на Ванюшку. Он чуть-чуть покраснел, отмахнулся рукой, как от мухи, но, вынуждаемый общими просьбами, принужден был подняться.

— В такой торфественный день о такой мелочи не стоило бы и говорить. Дело маленькое, личное, так сказать. Ну уф, если вы хотите, скафу...

Ванюшка ткнул себя указательным пальцем в грудь, потом показал тем же пальцем на сидящую против него Пулкову и сказал кратко:

— Фенюсь.

Хойти-Тойти.

**ИЗОБРЕТЕНИЕ
ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА**

Материалы к его биографии,
собранные А. Беляевым

I. НЕОБЫКНОВЕННЫЙ АРТИСТ

Огромный берлинский цирк Буша был переполнен зрителями. По широким ярусам, как летучие мыши, бесшумно сновали кельнеры, разнося пиво. Кружки с незакрытыми крышками, означавшими неудовлетворенную жажду, они сменяли полными, ставя их прямо на пол, и спешили на призывные знаки других жаждущих. Дородные мамы с великовозрастными дочками разворачивали пакеты пергаментной бумаги, вынимали бутерброды и пожирали кровяную колбасу и сосиски в глубокой сосредоточенности, не отрывая глаз от арены.

К чести зрителей, однако, надо сказать, что не самоистязатель-факир и не лягушкоглотатель привлекли в цирк такое огромное количество публики. Все с нетерпением ожидали конца первого отделения и антракта, после которого должен был выступить Хойти-Тойти. О нем рассказывали чудеса. О нем писали статьи. Им интересовались ученые. Он был загадкой, любимцем и магнитом. С тех пор, как он появился, на кассе цирка каждый день вывешивался аншлаг: «Билеты все проданы». И он сумел привлечь в цирк такую публику, которая раньше никогда туда не заглядывала. Правда, галерею и амфитеатр наполняли обычные посетители цирка: чиновники и рабочие с семьями, торговцы, приказчики. Но в ложах и в первых рядах сидели старые, седые, очень серьезные и даже хмурые люди в несколько старомодных пальто и макинтошах. Среди зрителей первых рядов попадались и молодые люди, но такие же серьезные и молчаливые. Они не жевали бутербродов, не пили пива. Замкнутые, как каста браминов, они сидели неподвижно и ждали второго отделе-

ния, когда выйдет Хойти-Тойти, ради которого они пришли.

В антракте все говорили только о предстоящем выходе Хойти-Тойти. Ученые мужи из первых рядов ожились. И, наконец, наступил давно жданный момент. Прозвучали фанфары, выстроились шеренгой цирковые униформисты в красных с золотом ливреях, занавес у входа широко раздвинулся, и под аплодисменты публики вышел он — Хойти-Тойти. Это был огромный слон. На голове его была надета расшитая золотом шапочка со шнурами и кисточками. Хойти-Тойти обошел арену, сопровождаемый вожакom — маленьким человеком во фраке, отвечивая поклоны направо и налево. Затем он прошел на середину арены и остановился.

— Африканский,— сказал седой профессор на ухо своему коллеге.

— Индийские слоны мне нравятся больше. Формы их тела округленнее. Они производят, если можно так выразиться, впечатление более культурных животных. У африканских слонов формы более грубые, заостренные. Когда такой слон протягивает хобот, он становится похож на какую-то хищную птицу...

Маленький человек во фраке, стоявший возле слона, откашлялся и начал говорить:

— Милостивые государины и милостивые государи! Честь имею представить вам знаменитого слона Хойти-Тойти. Длина туловища — четыре с половиной метра, высота — три с половиной метра. От конца хобота до конца хвоста — девять метров...

Хойти-Тойти неожиданно поднял хобот и махнул им перед человеком во фраке.

— Виноват, я ошибся,— сказал вожак.— Хобот имеет в длину два метра, а хвост — около полутора метров. Таким образом, длина от конца хобота до конца хвоста — семь и девять десятых метра. Съедает ежедневно триста шестьдесят пять кило зелени и выпивает шестнадцать ведер воды.

— Слон считает лучше человека! — слышался голос.

— Вы заметили,— слон поправил своего жока, когда тот ошибся в счете! — сказал профессор зоологии своему коллеге.

— Случайность,— ответил тот.

— Хойти-Тойти,— продолжал вожак,— гениальнейший из слонов, когда-либо существовавших на земле, и, наверно, самое гениальное из всех животных. Он понимает немецкую речь... Ведь ты понимаешь, Хойти? — обратился он к слону.

Слон важно кивнул головой. Публика зааплодировала.

— Фокусы! — сказал профессор Шмит.

— А вот вы посмотрите, что будет дальше,— возражал Штольц.

— Хойти-Тойти умеет считать и различать цифры...

— Довольно объяснений! Показывайте! — крикнул кто-то с галерки.

— Во избежание всяких недоразумений,— продолжал невозмутимо человек во фраке,— я прошу спуститься сюда на арену несколько свидетелей, которые могут удостоверить, что здесь нет никаких фокусов.

Шмит и Штольц посмотрели друг на друга и сошли на арену.

И Хойти-Тойти начал показывать свои изумительные дарования. Перед ним раскладывали большие квадратные куски картона с нарисованными на них цифрами, и он складывал, умножал и делил, выбирая из груды кусков картона цифры, которые соответствовали результату его вычислений. От однозначных цифр перешли к двузначным и, наконец, к трехзначным; слон решал задачи безошибочно.

— Ну, что вы скажете? — спросил Штольц.

— А вот мы посмотрим,— не сдавался Шмит,— как он понимает цифры.— И вынув карманные часы, Шмит поднял их вверх и спросил слона: — Не скажешь ли нам, Хойти-Тойти,— который час?

Слон неожиданным движением хобота выхватил часы из руки Шмита и поднес к своим глазам, потом вернул часы их растерявшемуся владельцу и составил из кусков картона ответ:

«10, 25».

Шмит посмотрел на часы и смущенно пожал плечами: слон совершенно верно указал время.

Следующим номером было чтение. Вожак разложил перед слоном большие картины, на которых были изображены различные звери. На других листах картона были сделаны надписи: «лев», «обезьяна», «слон». Слону показывали изображение зверя, а он указывал

хоботом на картон, на котором было написано соответствующее название. И он ни разу не ошибся. Шмит пробовал изменить условия опыта: указывал слону на слова, заставлял найти соответствующее изображение. Слон и это выполнил безошибочно.

Наконец перед слоном была разложена азбука. Подбирая буквы, он должен был составлять слова и отвечать на вопросы.

— Как тебя зовут? — задал вопрос профессор Штольц.

«Теперь Хойти-Тойти», — ответил слон.

— Что значит «теперь»? — спросил в свою очередь Шмит. — Значит, раньше тебя звали иначе? Как же звали тебя раньше?

«Сапиенс»,¹ — ответил слон.

— Быть может, еще Хомо Сапиенс?² — рассмеявшись, сказал Штольц.

«Быть может», — загадочно ответил слон.

Затем он начал выбирать хоботом буквы и составил из них слова:

«На сегодня довольно».

Раскланявшись на все стороны, Хойти-Тойти ушел с арены, несмотря на протестующие возгласы жока.

В антракте ученые собрались в курительной комнате, разбились на группы и начали оживленный разговор.

В дальнем углу Шмит спорил со Штольцем.

— Вы помните, уважаемый коллега, — говорил он, — какую сенсацию произвела в свое время лошадь по имени Ганс? Она извлекала квадратные корни и производила другие сложные вычисления, отбивая копытом ответ. А все дело сводилось, как выяснилось потом, к тому, что владелец Ганса выдрессировал его так, что он отстукивал копытом, подчиняясь скрытым сигналам хозяина, в счете же он смыслил не больше слепого щенка.

— Это только предположение, — возражал Штольц.

— Ну, а опыты Торндайка и Йоркса? Все они были основаны на образовании у животных естественных ассоциаций. Перед животным помещали ряд ящиков,

¹ Sapiens (лат.) — «разумный, мудрый».

² Homo Sapiens — «разумный человек» — научное название человека, по классификации принадлежащего к классу млекопитающих.

причем только в одном из них находился корм. Этот ящик, например, мог быть вторым справа. Если животное угадает ящик, в котором находится корм, то автоматически открывается кормушка и оно получает пищу. У животных таким образом должна выработаться примерно такая ассоциация: «Второй ящик справа — пища». Затем порядок ящиков меняется.

— Надеюсь, ваши карманные часы не имеют кормушки? — с иронией спросил Штольц. — Чем же вы в таком случае объясняете факт?

— Но ведь слон и не понял ничего в моих часах. Он только поднес к глазам блестящий кружок. А когда начал подбирать цифры на картонках, то, очевидно, слушался незаметных для нас указаний вожака. Все это — фокусы, начиная с того, что Хойти-Тойти «поправил» вожака, когда тот ошибся в подсчете длины слона. Условные рефлексy — и больше ничего!

— Директор цирка разрешил мне остаться с моими коллегами после окончания представления и проделать с Хойти-Тойти ряд опытов, — сказал Штольц. — Надеюсь, вы не откажетесь принять в них участие?

— Разумеется, — ответил Шмит.

II. НЕ ВЫНЕС ОСКОРБЛЕНИЯ

Когда цирк опустел и огромные лампы были погашены, кроме одной, висящей над ареной, Хойти-Тойти был вновь выведен. Шмит потребовал, чтобы вожак не присутствовал при опытах. Маленький человечек, который уже снял фрак и был одет в фуфайку, пожал плечами.

— Вы не обижайтесь, — сказал Шмит. — Простите, не знаю вашей фамилии...

— Юнг, Фридрих Юнг, к вашим услугам...

— Не обижайтесь, господин Юнг. Мы хотим обставить опыт так, чтобы не было никакого подозрения.

— Пожалуйста, — сказал вожак. — Позовите меня, когда нужно будет уводить слона. — И он направился к выходу.

Ученые приступили к опытам. Слон был внимателен, послушен, безошибочно отвечал на вопросы и раз-

решал задачи. То, что он проделывал, было изумительно. Никакой дрессировкой и никакими фокусами нельзя было объяснить его ответов. Приходилось допустить, что слон действительно наделен необычным умом—почти человеческим сознанием. Шмит, уже наполовину побежденный, спорил только из упрямства.

Слону, очевидно, надоело слушать этот нескончаемый спор. Он вдруг ловко протянул хобот, вынул из кармана в жилете Шмита часы и показал их владельцу. Стрелки стояли на двенадцати. Затем Хойти-Тойти, вернув часы, приподнял Шмита за шиворот и пронес через арену к выходному проходу. Профессор неистово закричал. Его коллеги засмеялись. Из прохода, ведущего к конюшням, выбежал Юнг и начал кричать на слона. Но Хойти-Тойти не обращал на него никакого внимания. Покончив со Шмитом, выставленным в коридор, слон многозначительно посмотрел на ученых, оставшихся на арене.

— Мы сейчас уйдем,— сказал Штольц, обращаясь к слону, как к человеку.— Пожалуйста, не волнуйтесь.

И Штольц, а следом за ним и другие профессора, смущенные, покинули арену.

— Ты хорошо сделал, Хойти, что выпроводил их,— сказал Юнг.— Нам еще немало дела. Иоганн! Фридрих! Вильгельм! Где же вы?

На арену вышли несколько рабочих и занялись уборкой: подравнивали граблями песок, подметали проходы, уносили шесты, лесенки, обручи. А слон помогал Юнгу перетаскивать декорации. Но ему, видимо, не хотелось работать. Он был чем-то раздражен или, может быть, устал от второго сеанса, в необычное время. Фыркая хоботом, он крутил головой и грохотал передвигаемыми декорациями. Одну из них он дернул с такой силой, что она сломалась.

— Тише ты, дьявол!— закричал на него Юнг.— Почему не хочешь работать? Зазнался? Писать, считать умеешь, так уж тебе не хочется физическим трудом заниматься? Ничего не поделаешь, брат! Это тебе не богадельня. В цирке все работают. Посмотри на Энрико Ферри. Лучший наездник, с мировым именем, а когда не его номер,— выходит в ливрее «парад алле» изображать и становится в ряд с конюхами. И арену граблями поправляет...

Это была правда. И слон знал это. Но Хойти-Тойти не было дела до Энрико Ферри. Слон фыркнул и направился через арену к проходу.

— Ты куда? — вдруг рассердился Юнг. — Стой! Стой, говорят тебе!

И, схватив метлу, он подбежал к слону и ударил его метельной палкой по толстой ляжке. Юнг никогда еще не бил слона. Правда, и слон раньше никогда не проявлял такого непослушания. Хойти вдруг заревел так, что маленький Юнг присел на землю и схватился за живот, как будто этот рев переворачивал ему внутренности. Обернувшись назад, слон схватил Юнга, как щенка, несколько раз подбросил вверх, ловя на лету, потом посадил на землю, взял хоботом метлу и, шагая по арене, написал на песке:

«Не смей меня бить! Я не животное, а человек!»

Затем, бросив метлу, слон отправился к выходу. Он прошел мимо лошадей, стоявших в стойлах, подошел к воротам, прислонился к ним огромным туловищем и нажал плечом. Ворота затрещали и, не выдержав страшного напора, разлетелись вдребезги. Слон вышел на волю...

* * *

Директору цирка Людвигу Штрому пришлось провести очень беспокойную ночь. Он начал уже дремать, когда в дверь спальни осторожно постучал лакей и доложил, что пришел по неотложному делу Юнг. Служащие и рабочие цирка были хорошо вышколены, и Штром знал, что нужно было случиться чему-нибудь необычайному, чтобы осмелились побеспокоить его в такое неурочное время. В халате и туфлях на босу ногу он вышел в маленькую гостиную.

— Что случилось, Юнг? — спросил директор.

— Большое несчастье, господин Штром!.. Слон Хойти-Тойти сошел с ума!.. — Юнг тарашил глаза и беспомощно разводил руками.

— А вы сами... вполне здоровы, Юнг? — спросил Штром.

— Вы мне не верите? — обиделся Юнг. — Я не пьян и в своем уме. Если вы не верите мне, можете спросить и Иоганна, и Фридриха, и Вильгельма. Они все видели. Слон выхватил у меня из рук метлу и написал на

песке арены: «Я не животное, а человек». Потом он подбросил меня к куполу цирка шестнадцать раз, пошел в конюшни, выломал ворота и убежал.

— Что? Убежал? Хойти-Тойти убежал? Почему же вы сразу не сказали мне об этом, нелепый вы человек? Сейчас же надо принять меры к его поимке и возвращению, иначе он наделает бед.

Штром уже видел перед собой полицейские квитанции об уплате штрафа, длинные счета фермеров за потраву и судебные повестки о взыскании сумм за причиненные слоном убытки.

— Кто сегодня дежурный в цирке? Сообщили ли полиции? Какие меры приняли к поимке слона?

— Я дежурный и сделал все, что можно,— отвечал Юнг.— Полиции не сообщал,— она сама узнает. Я побежал за слоном и умолял Хойти-Тойти вернуться, называл его бароном, графом и даже генералиссимусом. «Ваше сиятельство, вернитесь! — кричал я.— Вернитесь, ваша светлость! Простите, что я сразу не узнал вас: в цирке было темно, и я принял вас за слона». Хойти-Тойти посмотрел на меня, презрительно дунул хоботом и пошел дальше. Иоганн и Вильгельм гонятся за ним на мотоциклах. Слон вышел на Унтер-ден-Линден, прошел через весь Тиргартен по Шарлоттенбургершоссе и направился в лесничество Грюневальд. Сейчас купается в Гафеле.

Зазвонил телефон. Штром подошел к аппарату.

— Алло!.. Да, я... Я уже знаю, благодарю вас... Все возможное нами будет сделано... Пожарных? Сомневаюсь... Лучше не раздражать слона.

— Звонили из полиции,— сказал Штром, повесив трубку.— Предлагают послать пожарных, чтобы загнать слона при помощи брандспойтов. Но с Хойти-Тойти надо обходиться очень осторожно.

— Сумасшедшего нельзя раздражать,— заметил Юнг.

— Вас, Юнг, слон знает все-таки лучше, чем кого-либо другого. Постарайтесь быть возле него и лаской заманить в цирк.

— Конечно, постараюсь... Гинденбургом, что ли, его назвать?..

Юнг ушел, а Штром так до утра и не ложился, выслушивая телефонные сообщения и давая распоряжения. Слон долго купался у Павлиньего острова, затем

сделал набег на огород, поел всю капусту и морковь, закусил яблоками в соседнем саду и направился в лесничество Фриденсдорф.

Все донесения говорили о том, что людей слон не трогал, напрасных разрушений не производил и вообще вел себя довольно благонаравно. Когда шел,—осторожно обходил огороды, чтобы не мять травы, старался идти только по шоссе или проселочными дорогами. И лишь голод заставлял его лакомиться овощами и фруктами в садах и огородах. Но и там он вел себя очень осторожно: не топтал понапрасну гряд, пожирал капусту аккуратно, грядку за грядкой, не ломал плодовых деревьев.

В шесть часов утра явился Юнг, усталый, запыленный, с потным грязным лицом, в мокрой одежде.

— Как дела, Юнг?

— Все так же. Хойти-Тойти не поддается ни на какие уговоры. Я назвал его «господином президентом», а он обозлился и бросил меня за это в озеро. У слонов мания величия, очевидно, протекает в несколько иных формах, чем у людей. Тогда я начал убеждать его разумными доводами: «Вы, может быть, воображаете,—спросил я его, опасаясь титуловать,—что находитесь в Африке? Здесь вам не Африка, а пятьдесят два с половиной градуса северной широты. Ну, хорошо, сейчас август, всюду много плодов, фруктов, овощей. А что вы будете делать, когда наступят морозы? Вы же не будете питаться корой, как козы? Имейте в виду, что у нас в Европе жили ваши прапрадеды — мамонты, но померли из-за холода. Так не лучше ли вам идти домой, в цирк, где вы будете в тепле, сыты и одеты?» Хойти-Тойти внимательно выслушал эту речь, подумал и... обдал меня водой из хобота. Две ванны в продолжение пяти минут! С меня довольно! Если я не простужусь, будет удивительно...

III. ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Все попытки морального воздействия на слона оказались напрасными, и Штром принужден был согласиться на решительные меры. В лес-

ничество был направлен отряд пожарных с паровыми трубами. Пожарные, руководимые полицией, подошли к слону на десять метров, выстроились полукругом и направили на огромное животное сильнейшие струи воды. Но слону очень понравился душ. Он только поворачивался то одним, то другим боком, шумно отфыркиваясь. Тогда десяток пожарных труб, соединив струи в одну, направили этот мощный поток на голову слона, прямо в глаза. Это слону не понравилось. Он заревел и двинулся на пожарных так решительно, что атакующие дрогнули и, бросив шланги, разбежались. В один момент шланги были порваны, машины перевернуты.

С этого момента счета, которые должен был оплатить Штром, начали быстро возрастать. Слон был рассержен. Между ним и людьми была объявлена война, и он старался показать, что эта война не дешево обойдется людям. Он утопил в озере несколько пожарных автомобилей, разломал лесную сторожку, поймал одного полицейского и забросил его высоко на дерево. И если раньше он проявлял в своих действиях осторожность, то теперь был необуздан в своем вредительстве. Но и в этой разрушительной работе он проявлял все тот же необычайный ум, и вреда он мог причинить гораздо больше, чем обыкновенный, хотя бы и взбесившийся слон.

Когда полицей-президент получил сообщение о событиях во Фридендорфском лесничестве, он отдал приказ: мобилизовать большие отряды полиции, вооружить их винтовками, оцепить лесничество и убить слона. Штром был в отчаянии: другого такого слона не найти. В глубине души директор уже примирился с тем, что придется платить за проделки слона: Хойти-Тойти все вернет с лихвой, только бы он одумался. Штром умолял полицей-президента задержать выполнение приказа, все еще надеясь как-нибудь овладеть строптивым слоном.

— Я могу дать вам десять часов, — ответил полицей-президент. — Все лесничество через час будет оцеплено. Если потребуются, то в помощь полиции я вызову войска.

Штром созвал экстренное совещание, в котором приняли участие чуть ли не все артисты и служащие.

цирка, присутствовали также директор зоологического сада со своими помощниками. Через пять часов после совещания лесничество было покрыто замаскированными ямами и капканами. Всякий обыкновенный слон попался бы в эти хитро расставленные ловушки. Но Хойти был Хойти. Он обходил заграждения, разрывая маскировку ям, не наступал на доски, которые были соединены с тяжелой болванкой, подвешенной на веревке. Такая болванка, упав на голову слона, могла оглушить и свалить его.

Срок истекал. Сильные отряды все теснее сжимали кольцо блокады. Полицейские с винтовками подходили к озеру, возле которого находился слон. Уже между стволами видна была огромная туша Хойти. Он набирал в хобот воды и, подняв его вверх, пускал целый фонтан, который рассыпался в воздухе и падал дождем на его широкую спину...

— Приготовься! — тихо скомандовал офицер. И затем крикнул: — Огонь!

Грянул залп. Лесная чаща ответила многократным эхо. Слон дернул головой в сторону и, обливаясь кровью, направился прямо на людей. Полицейские стреляли, а слон, не обращая внимания на пули, продолжал бежать. Полицейские были не плохие стрелки, но они не были знакомы с анатомией слона, и их пули не задевали жизненно важных центров слона — мозга и сердца. От боли и страха слон дико заревел, вытянул хобот вперед, потом быстро скатал его: хобот очень важный орган, без хобота животное погибает; и потому слоны только в самом крайнем случае пользуются им, как орудием обороны и нападения. Хойти пригнул голову, и его огромные бивни, длиной в два с половиной метра и весом по пятьдесят килограммов каждый, были направлены на врагов, как страшные тараны. Он был ужасен. Но дисциплина все же сдерживала людей: они продолжали стоять на месте, непрерывно стреляя.

Слон прорвал цепь, вырвался из блокады и скрылся.

За ним была организована погоня, однако поймать и даже настигнуть его было не так-то легко. Отряды полиции принуждены были двигаться по дорогам, а слон шел напролом, теперь уже не разбирая пути, через сады, огороды, поля, леса.

IV. ВАГНЕР СПАСАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

Штром ходил по кабинету и в отчаянии повторял:

— Я разорен! Я разорен!.. Придется выбросить целое состояние, чтобы покрыть убытки, причиненные слоном, а самого Хойти-Тойти все же расстреляют. Какая потеря! Какая невознаградимая потеря!

— Телеграмма! — сказал вошедший слуга, передавая Штрому на подносе бумажку.

«Кончено! — подумал директор. — Вероятно, это извещение о том, что слон убит... Телеграмма из СССР? Москва? Странно! От кого бы это?..»

«Берлин цирк Буша директору Штрому

Только что прочитал газете телеграмму бегстве слона точка Просите немедленно полицию отменить приказ убийстве слона точка Пусть один из ваших служащих передаст слону следующее двоеточие кавычки Сапиенс Вагнер прилетает Берлин вернитесь цирк Буша точка кавычки. Если не послушает запятая можете расстрелять точка Профессор Вагнер».

Штром еще раз перечитал телеграмму.

«Ничего не понимаю! Профессор Вагнер, очевидно, знает слона, потому что указывает в телеграмме на его прежнюю кличку Сапиенс. Но почему Вагнер надеется, что слон вернется, узнав о приезде профессора в Берлин?.. Так или иначе, но телеграмма дает маленький шанс на спасение слона».

Директор начал действовать. Не без труда ему удалось уговорить полицей-президента «приостановить военные действия». К слону немедленно был отправлен на аэроплане Юнг.

Как настоящий парламентарий, Юнг помахал белым платком и, подойдя к слону, заявил:

— Глубокоуважаемый Сапиенс! Профессор Вагнер шлет вам привет. Он приезжает в Берлин и желает вас видеть. Место свидания — цирк Буша. Заявляю вам, что ни один человек вас не тронет, если только вы вернетесь обратно.

Слон внимательно выслушал Юнга, подумал, потом подхватил его хоботом, посадил себе на спину и мерной походкой направился в путь, обратно на север, к Берлину. Юнг, таким образом, оказался в роли

заложника и охранителя: никто не осмелится стрелять в слона, потому что на его шее сидит человек.

Слон шел пешком, а профессор Вагнер со своим ассистентом Денисовым летел в Берлин на аэроплане и поэтому прибыл раньше его и немедленно отправился к Штрому.

Директор уже получил телеграмму о том, что Хойти-Тойти при одном упоминании о Вагнере опять сделался кротким и послушным и идет в Берлин.

— Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы приобрели слона и не знаете ли вы его истории? — спросил Вагнер директора.

— Я купил его у некоего мистера Никса, торговца пальмовым маслом и орехами. Мистер Никс живет в Центральной Африке, на Конго, недалеко от города Матади. По его словам, слон сам явился к нему однажды, когда его дети играли в саду, и начал проделывать необычайные фокусы: поднимался на задние ноги и танцевал, жонглировал палочками, становился на передние ноги и, упираясь в землю бивнями, поднимал задние и при этом так смешно махал хвостом, что дети Никса катались по лугу от смеха. Они называли слона Хойти-Тойти, что по-английски, как вам, вероятно, известно, означает: «игривый, резвый», а иногда и междометие — нечто вроде «ну и ну!» К кличке этой слон привык, и мы оставили ее, когда его приобрели. Вот все документы о покупке. Все совершенно легально, и сделка едва ли может оспариваться.

— Я не собираюсь оспаривать у вас сделку, — сказал Вагнер. — Не имеет ли слон каких-нибудь особых примет?

— Да, на голове его имеются большие рубцы. Мистер Никс предполагал, что это следы ран, полученных слоном при его поимке. Дикари ловят слонов довольно варварским способом. Так как эти швы несколько портили его вид и могли у публики вызывать неприятное чувство, то мы надевали ему на голову особую шапочку, расшитую шелками и украшенную кисточками.

— Так. Нет никакого сомнения, что это он!

— Кто он? — спросил Штром.

— Слон Сапиенс. Мой пропавший слон. Я поймал его, когда был в научной экспедиции в Бельгийском Конго, и выдрессировал его. Но однажды ночью он

ушел в лес и больше не вернулся. Все поиски остались безуспешными.

— Значит, вы все же предъявляете претензии на слона? — спросил директор.

— Я не предъявляю, но слон сам может предъявить кое-какие претензии. Дело в том, что я дрессировал его новыми методами, которые дают поистине изумительные результаты. Вы сами могли убедиться, какого необычайного развития умственных способностей слона мне удалось достигнуть. Я бы сказал, что слон Сапиенс, или, как теперь он называется, Хойти-Тойти, в высокой степени обладает сознанием личности, если можно так выразиться. Когда я читал в газетах об изумительных способностях слона, выступавшего в вашем цирке, я тогда же решил, что только один мой Сапиенс способен на такие вещи: читать, считать и даже писать, — ведь я выучил его всему этому. И, пока Хойти-Тойти мирно забавлял берлинцев, по-видимому, довольный своей судьбой, я не считал нужным вмешиваться. Но слон взбунтовался. Значит, он был чем-то недоволен. Я решил прийти к нему на помощь. Теперь он сам должен решить свою судьбу. Он имеет на это право. Не забывайте, что, если бы я не явился вовремя, слон давно уже был бы мертв, — мы оба потеряли бы его. Насильно вы не заставите слона остаться у вас, в этом, надеюсь, вы уже убедились. Но не думайте, что я во что бы то ни стало хочу отнять у вас слона. Я поговорю с ним. Может быть, если вы измените режим, устранили то, что его раздражало, он останется у вас.

— «Поговорю со слоном!» Виданное ли это дело? — развел руками Штрот.

— Хойти-Тойти вообще невиданный слон. Кстати, скоро он прибывает в Берлин?

— Сегодня вечером. Он, по-видимому, очень спешит на свидание с вами; он идет, как мне телеграфировали, со скоростью двадцать километров в час.

В тот же вечер по окончании представления в цирке состоялось свидание Хойти-Тойти с профессором Вагнером. Штрот, Вагнер и его ассистент Денисов стояли на арене, когда через артистический проход вошел Хойти-Тойти все еще с Юнгом на шее. Увидав Вагнера, слон подбежал к нему, протянул хобот, как руку, и Вагнер пожал эту «руку». Потом слон снял со

спины Юнга и посадил на его место Вагнера. Профессор поднял огромное ухо слона и что-то прошептал в него. Слон кивнул головой и начал быстро-быстро махать концом хобота перед лицом Вагнера, который внимательно следил за этими движениями.

Штрому не нравилась эта таинственность.

— Итак, что решил слон? — спросил он в нетерпении.

— Слон высказал желание взять отпуск, чтобы иметь возможность рассказать мне кое-какие интересные для меня вещи. После отпуска он соглашается вернуться в цирк, если только господин Юнг извинится перед ним за грубость и обещает никогда больше не прибегать к мерам физического воздействия. Удары для слона нечувствительны, но он принципиально не желает переносить никаких оскорблений.

— Я.. бил слона?.. — спросил Юнг, делая удивленное лицо.

— Палкой от метлы, — продолжал Вагнер. — Не отпирайтесь, Юнг, слон не лжет. Вы должны быть вежливы со слоном так, как если бы он был...

— ...сам президент республики?

— ...как если бы он был человек, и не простой человек, а исполненный собственного достоинства.

— Лорд? — язвительно спросил Юнг.

— Довольно! — крикнул Штром. — Вы виноваты во всем, Юнг, и понесете за это наказание. Когда же думает... господин Хойти-Тойти уйти в отпуск и куда?

— Мы отправимся с ним в пешеходную прогулку, — ответил Вагнер. — Это будет очень приятно. Я и мой ассистент Денисов усадемся на широкой спине слона, и он повезет нас на юг. Слон выразил желание попастьись на швейцарских лугах.

Денисову было всего двадцать три года, но, несмотря на свою молодость, он уже сделал несколько научных открытий в области биологии. «Из вас будет толк», — сказал Вагнер и пригласил его работать в своей лаборатории. Молодой ученый был этому несказанно рад. Профессор также был доволен своим помощником и всюду брал его с собой.

— «Денисов», «Аким Иванович», — все это очень длинно, — сказал Вагнер в первый день их общей работы. — Если я буду каждый раз обращаться к вам: «Аким Иванович», то на это потрачу в год сорок во-

семь минут. А за сорок восемь минут много можно сделать. И потому я вообще буду избегать называть вас. Если же нужно будет вас позвать, то я буду говорить: «Ден!» — коротко и ясно. А вы можете называть меня Ваг.— Вагнер умел уплотнять время.

К утру все было готово. На широкой спине Хойти-Тойти свободно разместились Вагнер и Денисов. Из вещей захватили только необходимое.

Штром, несмотря на ранний час, провожал их.

— А чем будет кормиться слон? — спросил директор.

— В городах и селах мы будем показывать представления, — сказал Вагнер, — а зрители за это будут кормить слона. Сапиенс прокормит не только себя, но и нас. До свиданья!

Слон медленно шел по улицам. Но, когда миновали последние дома города и перед путешественниками потянулась полоса шоссе, слон без понукания ускорил ход. Он делал не менее двенадцати километров в час.

— Ден, вам теперь придется иметь дело со слоном. И чтобы лучше понять его, вы должны познакомиться с его не совсем обычным прошлым. Вот возьмите эту тетрадку. Это путевой дневник. Он написан вашим предшественником Песковым, с которым я совершал путешествие в Конго. С Песковым случилась одна трагикомическая история, о которой я как-нибудь расскажу вам. А пока — читайте.

Вагнер уселся поближе к голове слона, разложил перед собой маленький столик и начал писать сразу в двух тетрадях — правой и левой рукой. Меньше двух дел Вагнер никогда не делал.

— Итак, рассказывайте! — сказал он, обращаясь, по-видимому, к слону. Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

— Ф-фф-ффф-ф-фф-ффф...

«Точно азбука Морзе», — подумал Денисов, раскрывая толстую тетрадь в клеенчатом переплете.

Вагнер левой рукой записывал то, что диктовал ему слон, а правой писал научную работу. Слон продолжал идти ровным шагом, и плавное покачивание почти не затрудняло писания. Денисов начал читать дневник Пескова и быстро увлекся чтением.

Вот содержание этого дневника.

V. «ЧЕЛОВЕКОМ РИНГУ НЕ БЫТЬ»...

«27 марта. Мне кажется, что я попал в кабинет Фауста. Лаборатория профессора Вагнера удивительна. Чего только здесь нет! Физика, химия, биология, электротехника, микробиология, анатомия, физиология... Кажется, нет области знания, которой не интересовался бы Вагнер, или Ваг, как он просит себя называть. Микроскопы, спектроскопы, электроскопы... всяческие «скопы», которые позволяют видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Потом идут такие же «вооружения» для уха: ушные «микроскопы», при помощи которых Вагнер слышит тысячи новых звуков: «и гад морских подводный ход и дольней лозы прозябанье». Стекло, медь, алюминий, каучук, фарфор, эбонит, платина, золото, сталь — в самых различных формах и сочетаниях. Реторты, колбы, змеевики, пробирки, лампы, катушки, спирали, шнуры, выключатели, рубильники, кнопки... Не отражает ли все это сложность мозга самого Вагнера? А в соседней комнате целый паноптикум: там Вагнер выращивает ткани человеческого тела, питает живой палец, отрезанный у человека, кроличье ухо, сердце собаки, голову барана и... мозг человека. Живой, мыслящий мозг! Мне приходится ухаживать за ним. Профессор разговаривает с мозгом, нажимая пальцем на поверхность. А питается мозг особым физиологическим раствором, за свежестью которого я должен следить. С некоторых пор Вагнер изменил состав раствора, начал «усиленно питать мозг», и — удивительно! — мозг начал очень быстро разрастаться. Нельзя сказать, чтобы этот мозг, величиной с большой арбуз, представлял красивое зрелище.

29 марта. Ваг о чем-то усиленно совещается с мозгом.

30 марта. Сегодня вечером Ваг сказал мне:

— Это мозг одного молодого немецкого ученого, Ринга. Человек погиб в Абиссинии, а мозг его, как видите, продолжает жить и мыслить. Но в последнее время мозг загрустил. Глаз, который я приделал мозгу, не удовлетворяет его. Он хочет не только видеть, но и слышать, не только неподвижно лежать, но и дви-

гаться. К сожалению, он высказал это желание несколько поздно. Скажи он об этом раньше, я, пожалуй, сумел бы удовлетворить это желание. Я смог бы найти в анатомическом театре труп, подходящий по размеру, и пересадить мозг Ринга в его голову. Если только тот человек умер от мозговой болезни, то при пересадке нового, здорового мозга мне удалось бы оживить мертвеца. И мозг Ринга получил бы новое тело и всю полноту жизни. Но дело в том, что я продельвал опыт разращения тканей, и теперь, как вы видите, мозг Ринга настолько увеличился, что не войдет ни в один человеческий череп. Человеком Рингу не быть.

— Что вы этим хотите сказать? Что Ринг может быть кем-то иным, кроме человека?

— Вот именно. Он может быть, ну хотя бы слонем. Правда, до величины слоньего мозга его мозг еще не дорос, но это дело наживное. Надо только позаботиться о том, чтобы мозг Ринга принял нужную форму. Мне скоро пришлют череп слона; я посажу в него мозг и буду продолжать наращивать его ткани, пока они не заполнят всю полость черепа.

— Не хотите же вы сделать из Ринга слона?

— А почему бы нет? Я уже говорил с Рингом. Его желание видеть, слышать, двигаться и дышать так велико, что он согласился бы быть даже свиньей и собакой. А слон — благородное животное, сильное, долговечное. И он, то есть мозг Ринга, может прожить еще сто — двести лет. Разве это плохая перспектива? Ринг уже дал свое согласие...»

Денисов прервал чтение дневника и обратился к Вагнеру:

— Скажите, так неужели же слон, на котором мы едем...

— Да, да, имеет человеческий мозг, — отвечал Вагнер, не переставая писать. — Читайте дальше и не мешайте мне.

Денисов замолчал, но он не сразу вернулся к чтению дневника. Мысль, что слон, на котором они сидят, обладает человеческим мозгом, казалась ему чудовищной. Он смотрел на животное с чувством жуткого любопытства и почти суеверного ужаса.

«31 марта. Сегодня прибыл череп слона. Профессор распилил череп продольно через лоб.

— Это для того,— сказал он,— чтобы вложить мозг и чтобы удобнее было вынуть его, когда нужно будет переложить его из этого черепа в другой.

Я осмотрел внутренность черепа и был удивлен сравнительно небольшим пространством, которое предназначено для заполнения мозгом. Снаружи слон представлялся гораздо «умнее».

— Из всех сухопутных животных,— продолжал Ваг,— слон имеет наиболее развитые лобные пазухи. Видите? Вся верхняя часть черепа состоит из воздушных камер, которые неспециалист принимает обычно за мозговую коробку. Мозг же, сравнительно совсем небольшой, запрятан у слона очень далеко, вот где; примерцо это будет в области уха. Поэтому-то выстрелы, направленные в переднюю часть головы, и не достигают обычно цели: пули пробивают несколько костяных перегородок, но не разрушают мозга.

Мы с Вагом проделали несколько дыр на черепе, для того, чтобы провести через них трубки, снабжающие мозг питательным раствором, а затем осторожно вложили мозг Ринга в одну из половинок черепа. Мозг еще далеко не заполнил предназначенного для него помещения.

— Ничего, в дороге дорастет,— сказал Ваг, придвинув вторую половину черепа.

Признаюсь, я очень мало верю в удачу опыта Вага, хотя и знаю о многих его необычайных изобретениях. Но здесь дело чрезвычайно сложно. Надо преодолеть огромные препятствия. Прежде всего необходимо раздобыть живого слона. Выписать его из Африки или Индии было бы слишком дорого. Притом слон может по той или иной причине оказаться неподходящим. Поэтому Ваг решил везти мозг Ринга в Африку, на Конго, где он уже бывал, поймать там слона и произвести операцию пересадки мозга. Произвести пересадку! Легко сказать! Это не то, что переложить перчатки из кармана в карман. Надо будет найти и сшить все окончания нервов, все вены и артерии. Несмотря на сходство анатомии человека и животного, все же различия велики. Как Вагу удастся спаять воедино эти две системы? И ведь вся эта сложная операция должна быть проделана над живым слоном...»

VI. ОБЕЗЬЯНИЙ ФУТБОЛ

«27 июня. Приходится писать залпом за целый ряд дней. Путешествие было богато не одними удовольствиями. Уже на пароходе, и в особенности на лодке, нам начали досажать москиты. Правда, когда мы ехали по середине реки, еще широкой, как озеро, их было меньше. Но достаточно было подплыть ближе к берегу, как нас окружала целая туча москитов. Во время купанья нас облепляли черные мухи и сосали кровь. Когда мы высадились на берег и двинулись пешком, нас стали преследовать новые враги: мелкие муравьи и песочные блохи. Каждый вечер нам приходилось осматривать ноги и сметать этих блох. Змеи, многоножки, пчелы и осы также доставляли немало хлопот.

Не легко давалось передвижение в лесной чаще. А на открытых местах ходить было едва ли не труднее: трава густая, стебли толстые, высотой до четырех метров. Идешь между двумя зелеными стенами — ничего не видать вокруг. Жутко! Острые листья царапают лицо и руки. Подомнешь траву ногами — путается, обвивается вокруг ног. В дождь на листьях скапливается вода и льет на тебя, как из ушата. Двигаться приходилось гуськом по узким тропам, проложенным в лесах и степях. Такие дорожки — единственные пути сообщения в этих местах. Нас шло двадцать человек, из них восемнадцать — носильщики и проводники из негритянского племени фанов.

Наконец мы у цели. Расположились лагерем на берегу озера Тумба. Наши проводники отдыхают. Они увлечены ловлей рыбы. С большим трудом приходится отрывать их от этого занятия, чтобы заставить помочь нам устроиться на новом месте. У нас две большие палатки. Место для лагеря выбрано удачно — на сухом холме. Трава невысокая. Кругом видно далеко. Мозг Ринга благополучно перенес путешествие, чувствует себя удовлетворительно. С нетерпением ожидает возвращения в мир звуков, красок, запахов и прочих ощущений. Ваг утешает его, что теперь не долго осталось ждать. Он занят какими-то таинственными приготовлениями.

29 июня. У нас переполох: фаны нашли свежие сле-

ды льва совсем недалеко от нашего лагеря. Я распаковал ящик с ружьями, роздал ружья тем, которые заявили, что умеют стрелять, и сегодня после обеда устроил пробную стрельбу. Это нечто ужасное! Они прикладывают ложе ружья к животу или колену, кувываются от отдачи и пускают пули с отклонением от цели на сто восемьдесят градусов. Зато их увлечение превосходит все границы. Крик стоит неимоверный. Этот крик, пожалуй, соберет к нам голодных зверей со всего бассейна Конго.

30 июня. Прошлой ночью лев был совсем близко от нашего лагеря. После него остались вещественные доказательства: он растерзал дикую свинью и съел ее почти без остатка. Череп у свиньи расколот, как орех, а ребра искрошены на мелкие куски. Не хотел бы я попасть в такую костоломку!

Фаны напуганы. Как только наступает вечер, они собираются к нашим палаткам, зажигают костры и поддерживают пламя всю ночь. Мне стал понятен страх первобытного человека перед ужасным зверем. Когда лев рычит — а я уже несколько раз слышал его рык, — со мною творится что-то неладное: в крови просыпается страх далеких предков и сердце останавливается в груди. Даже бежать не хочется, а хочется сидеть съежившись или зарыться в землю, как крот. А Ваг как будто не слышит львиного рыка. Он по-прежнему что-то мастерит в своей палатке. Сегодня после завтрака он вышел ко мне и сказал:

— Завтра утром я пойду в лес. Фаны говорили, что к озеру ведет старая слоновая тропа. Слоны ходили на водопой недалеко от нашей стоянки. Но они часто меняют пастбища. Прodelанная ими в лесу «просека» начала уже зарастать. Значит, они ушли куда-нибудь дальше. Надо будет разыскать их.

— Но вы знаете, конечно, что к нам пожаловал лев? Не рискуйте отправляться один без ружья, — предупредил я Вага.

— Мне не страшны никакие звери, — ответил он, — я слово такое знаю, заговор. — И его густые усы начали шевелиться от скрытой улыбки.

— И отправитесь в лес без ружья?

Ваг утвердительно кивнул головой.

2 июля. Любопытные дела произошли за это время. Ночью опять рычал лев, и у меня от жутки стягива-

ло живот и холодело под сердцем. Утром я мылся у своей палатки, когда из соседней вышел Ваг. Он был в белом фланелевом костюме, в пробочном шлеме и в крепких ботинках с толстыми подошвами. Костюм походный, но ни сумки, ни ружья за плечом. Я приветствовал Вага с добрым утром. Он кивнул мне головой и, как мне показалось, осторожно ступая, двинулся вперед. Постепенно шаг его делался все увереннее, и, наконец, он зашагал своей обычной ровной и скорой походкой. Так дошел он до спуска с нашего холма. Когда дорога начала становиться покатой, Ваг поднял руки вверх и... тут случилось нечто необыкновенное, заставившее меня и всех фанов вскрикнуть от удивления.

Тело Вага начало сначала медленно, а затем все быстрее вращаться в воздухе, как если бы он кувыркался на трапеции в вытянутом положении; на мгновение оно принимало горизонтальное положение, затем голова оказывалась внизу, а ноги вверху; описывая круги, ноги и голова продолжали меняться местами. Наконец вращение его тела усилилось настолько, что ноги и голова слились в туманный круг, а середина туловища выступала, как темное ядро. Так продолжалось до тех пор, пока Ваг не достиг подножия холма. Прокувыркавшись несколько метров уже на ровном месте, он выпрямился и пошел по направлению к лесу своим обычным шагом.

Я ничего не мог понять, фаны — тем более. Они были не только удивлены, но и напуганы: ведь то, что они видели, конечно, было для них сверхъестественным явлением. Для меня же это кувыркание представляло только одну из загадок, которые частенько задавал мне Ваг.

Но загадки загадками, а лев остается львом. Не слишком ли Ваг понадеялся на себя? Я знаю, что собаку можно испугать «сверхъестественным» явлением: попробуйте обвязать кость тонкой ниткой или волосом и бросьте ее собаке. Когда она захочет взять кость, потяните за нитку. Кость вдруг двинется по полу, как бы убегая от собаки. Собака будет испугана этим необычайным событием и, поджав хвост, убежит от «ожившей» кости. Но убежит ли лев, поджав хвост, от кувыркающегося в воздухе Вага? Это большой вопрос. Я не могу оставить Вага без охраны.

И, захватив ружья, в компании четырех наиболее храбрых и толковых фанов, я отправился следом за Вагом. Не замечая нас, он шел впереди по довольно широкой лесной просеке, проложенной слонами. Тысячи животных, ходивших на водопой, утрамбовали ее. Только местами попадались на пути небольшие упавшие стволы или сучья. Каждый раз, когда встречалось такое препятствие, Ваг останавливался, как-то странно поднимал ногу вверх — гораздо выше, чем это требовалось, — и делал широкий шаг. Иногда вслед за этим его тело, не сгибаясь, наклонялось вперед, потом выравнивалось в вертикальном положении, и он продолжал идти. Мы следовали за ним на некотором расстоянии. Впереди показался яркий свет. Дорога расширялась и выходила на лесную поляну.

Ваг вышел из тени и шел уже по освещенной поляне, когда я услышал какое-то странное рокотание или ворчание, которое могло принадлежать только большому рассерженному или потревоженному зверю. Но это рокотание не напоминало львиного рева. Фаны шепотом называли зверя, но я не знал местных названий. Судя по лицам и движениям моих спутников, они боялись зверя, издающего это ворчание, не меньше, чем льва. Однако они не отставали от меня, а я, чуя недоброе, ускорил шаг. Когда я вышел на поляну, то увидел любопытную картину.

Направо от меня, метрах в десяти от леса, сидел на земле детеныш гориллы, ростом с десятилетнего мальчика. На некотором расстоянии от него — серовато-рыжая горилла-самка и огромный самец. Ваг шел довольно быстро по ровной поляне и, очевидно, прежде чем заметил зверей, сидевших на траве, оказался между детенышем и его родителями. Самец, увидав человека, издал тот ворчащий хриплый звук, который я услышал еще в лесу. Ваг уже заметил зверей: он смотрел в сторону гориллы-самца, но продолжал идти своим обычным шагом. Маленькая горилла, увидав человека, вдруг завизжала, залаяла и поспешно взобралась на невысокое дерево, стоявшее недалеко от нее.

Самец издал второй предостерегающий звук. Гориллы избегают человека, но если нужда заставляет их вступать в бой, то они проявляют неустрашимость и необычайную свирепость. Видя, что человек не уходит назад, и, очевидно, боясь за своего детеныша, самец

вдруг поднялся на ноги и принял воинственную позу. Я не знаю, найдется ли зверь более страшный, чем это уродливое подобие человека. Самец был огромного для обезьяны роста — не меньше среднего роста человека, — но его грудная клетка показалась мне чуть не вдвое шире человеческой. Туловище непропорционально велико. Длинные руки толсты, как бревна. Кисти и ступни — непомерной длины. Под сильно выдающимися надбровными дугами виднеются свирепые глаза, а оскаленный рот сверкает огромными зубами.

Зверь начал ударять по своей бочкообразной грудной клетке косматыми кулачищами с такой силой, что внутри у него загудело, как в пустой сорокаведерной бочке. Потом он зарычал, залаял и, опираясь о землю правой рукой, побежал по направлению к Вагу.

Признаюсь, я был так взволнован, что не мог снять с плеча ружья. А горилла в несколько секунд перебежала отделявшее ее от Вага пространство и... но тут опять случилось нечто необычайное.

Зверь со всего размаха ударился о какую-то невидимую преграду, заревел и упал на землю. Ваг не упал, а перевернулся в воздухе, как на трапедии, с приподнятыми вверх руками и вытянутым телом. Неудача еще больше рассердила зверя. Он вновь поднялся и еще раз попытался прыгнуть на Вага. На этот раз он перелетел через его голову и вновь упал. Самец пришел в бешенство. Он заревел, залаял, зарычал, начал плевать пеной и набрасываться на Вага, пытаясь схватить его своими чудовищно длинными руками. Но между гориллой и Вагом существовала какая-то невидимая, но надежная преграда. Судя по положению рук гориллы, я понял, что это должен быть шар. Невидимый, прозрачный, как стекло, не дающий никаких бликов, и крепкий, как сталь. Вот в чем состояла очередная выдумка Вага!

Убедившись в полной его безопасности, я начал с интересом следить за этой необычайной игрой. Мои фаны танцевали от восхищения и даже побросали ружья. А игра становилась все оживленнее.

Горилла-самка, кажется, с неменьшим любопытством, чем мы, следила за своим остервеневшим супругом. И вдруг, издав воинственный вой, она побежала к нему на помощь. И тут игра приобрела новый характер. В азарте гориллы набрасывались на невидимый

шар, и он начал перелетать с места на место, как заправский футбольный мяч. Не весело находиться внутри этого мяча, если в роли азартных футболистов выступают гориллы! Вытянутое в струнку тело Вага все чаще вертелось колесом, перелетая с места на место. Теперь я понял, почему тело его вытянуто, а руки приподняты вверх: ногами и руками он упирается в стенки шара, чтобы не разбиться. Стенки должны быть необычайно прочны. Когда гориллы нападали на шар одновременно с двух сторон и с разбега «выжимали» его вверх, он подпрыгивал метра на три и все же не разбивался, падая на землю. Однако Ваг, видимо, начал уставать. Продержаться в вытянутом положении с напряженными мускулами долго нельзя. И вот я увидел, что Ваг вдруг согнулся и упал на дно шара.

Дело принимало серьезный оборот. Больше нельзя было оставаться только зрителями. Я крикнул фанам, заставил их поднять с земли ружья, и мы направились к шару. Но я запретил туземцам стрелять без моего приказа, опасаясь, как бы они случайно не попали в Вага: я не знал, может ли невидимый шар устоять против пули. Притом шар не мог быть сплошным — иначе Ваг задохся бы, — в шаре должны быть отверстия, сквозь которые пули могли в него проникнуть.

Мы приближались с шумом и криком, чтобы обратить на себя внимание, и нам удалось достигнуть этого. Самец первый повернул голову в нашу сторону и угрожающе заревел. Видя, что это не производит впечатления, он двинулся нам навстречу. Когда он отошел в сторону от шара, я выстрелил. Пуля попала горилле в грудь, — я видел это по струе крови, залившей серовато-рыжую шерсть. Зверь закричал, схватился рукой за рану, но не упал, а побежал ко мне навстречу еще быстрее. Я выстрелил вторично и попал в плечо. Но в этот момент он был уже возле меня и вдруг схватил лапой дуло моего ружья. Выхватив ружье с необычайной силой, зверь на моих глазах согнул ствол и надломил его. Не удовлетворившись этим, он схватил ствол в зубы и начал грызть его, как кость. Потом, неожиданно пошатнувшись, он упал на землю и начал судорожно подергивать конечностями, не выпуская изуродованного ружья. Самка поспешила скрыться.

— Вы не очень пострадали? — услышал я голос Вага, как будто доносившийся издалека. Неужели я

стал плохо слышать оттого, что горилла помяла мне бока?

Я поднял глаза и увидел Вага, стоявшего надо мной. Теперь, когда он был возле меня, я заметил, что вокруг его тела находилась как бы туманная оболочка. Присмотревшись еще внимательнее, я убедился, что вижу не оболочку, которая была абсолютно прозрачна, а следы лап горилл и местами налипшую на поверхности шара грязь.

Ваг, по-видимому, заметил мой взгляд, устремленный на эти пятна его невидимой сферы. Он улыбнулся и сказал:

— Если почва влажная или грязная, то на поверхности шара остаются некоторые следы, и он становится видимым. Но ни песок, ни сухие листья не пристают к нему. Если вы в силах,— поднимайтесь, идем домой. По пути я расскажу вам о своем изобретении.

Я поднялся и посмотрел на Вага. Он тоже немного пострадал: на его лице кое-где виднелись синяки.

— Ничего, до свадьбы заживет,— сказал он.— Это мне наука. Оказывается, в дебри африканских лесов нельзя ходить без ружья, если даже находишься в этом неприступном шаре. Кто бы мог подумать, что я окажусь внутри футбольного мяча!

— И вам пришло в голову такое сравнение?

— Разумеется. Итак, слушайте. Вам не приходилось читать, что в Америке изобретен особый металл, прозрачный как стекло, или стекло, крепкое, как металл? Из этого материала построен, говорят, военный аэроплан. Удобство его вполне понятно: он почти не виден врагу. Говорю почти, потому что летчик должен быть виден, так же как виден я сквозь мой шар. Так вот, я уже давно думал о том, чтобы устроить такую «крепость», которая не мешала бы мне все видеть, наблюдать жизнь животных и защищала бы, если звери увидят и нападут на меня. Я проделал несколько опытов и достиг цели. Этот шар сделан из каучука. О, люди еще далеко не использовали всех качеств этого необычайно полезного материала! Именно каучук мне удалось сделать прозрачным как стекло и прочным как сталь. Несмотря на сегодняшнее не совсем приятное приключение, которое могло бы окончиться еще неприятнее, если бы вы не пришли вовремя ко мне на

помощь, я считаю свое изобретение очень удачным и целесообразным. А гориллы? Кто бы мог думать, что я встречу их здесь? Правда, это довольно дикое место, но гориллы обыкновенно живут в еще более диких непроходимых дебрях.

— Но как вы передвигаетесь?

— Очень просто. Разве вы не видите? Я наступаю подошвой ноги на внутреннюю стенку шара и тяжестью своего тела заставляю его катиться вперед. На поверхности шара имеются отверстия для дыхания. Шар состоит из двух половинок; я захожу в него и закрываюсь, стягивая особые ремни, сделанные из прозрачного каучука. Пожалуй, некоторым неудобством является то, что на уклонах бывает трудно задержать шар, он начинает катиться быстро, и тогда приходится заниматься физкультурой. Но почему бы и не заняться?»

VII. НЕВИДИМЫЕ ПУТИ

«20 июля. Опять перерыв в моем дневнике.

Слоны, очевидно, ушли очень далеко. Нам пришлось сняться с лагеря и идти по слоновой тропе несколько дней, пока мы, наконец, не встретили более свежих следов стада. А еще через два дня наши фаны разыскали место слоньего водопоя. Фаны — опытные охотники на слонов, они знают много способов ловли. Но Ваг предпочел свои оригинальные способы. Он приказал принести к слоновьей тропе ящик и начал вынимать из него что-то невидимое. Фаны в суеверном ужасе смотрели на руки человека, которые делали такие движения, словно что-то брали и перекладывали, хотя это «что-то» было невидимо, как воздух. Наверное, они считают Вагнера великим кудесником.

Ваг мне еще ничего не сказал, но я уже догадался, что он вынимает из ящика приспособления для ловли, сделанные, как и шар, из того же невидимого материала.

— Подойдите и попробуйте, — сказал мне Вагнер, видя, что я умираю от любопытства.

Я подошел, пощупал воздух и вдруг зажал в руке канатик не менее сантиметра в диаметре.

— Каучук?

— Да, одна из бесчисленных разновидностей каучука. На этот раз я сделал его гибким, как веревка. Но прочность стали и незримость остаются те же, что и в материале шара. Из этих невидимых пут мы сделаем петли и разложим их на пути следования слона. Животное запутается и будет в наших руках.

Нельзя сказать, чтобы это была легкая работа— расстилать на земле невидимые веревки и завязывать из них петли. Мы сами не раз падали, зацепившись ногой за «веревку». Но к вечеру работа была закончена, и нам оставалось только ждать слонов.

Была прекрасная тропическая ночь. Джунгли наполнились неведомыми шорохами и вздохами. Иногда словно кто-то плакал,— быть может, маленькая звзрюшка, расстававшаяся с жизнью; иногда слышались раскаты дикого смеха, от которого, как от струи холодного воздуха, ежились фаны.

Слоны подошли незаметно. Огромный вожак шел несколько впереди стада, вытянув длинный хобот и непрерывно двигая им. Он вбирал в него тысячи ночных запахов, классифицировал их, отмечая те, которые таили в себе какую-нибудь опасность. За несколько метров до наших невидимых заграждений слон вдруг приостановился и вытянул хобот так прямо, как мне никогда не приходилось видеть. Он к чему-то усиленно принюхивался. Быть может, он услышал запах наших тел, хотя, по совету фанов, мы незадолго до заката солнца выкупались в озере и выстирали наше белье: ведь на экваторе приходится потеть весь день.

— Плохо дело,— шепнул Ваг.— Слон разнюхал наше присутствие; и я полагаю, что он учуял запах не наших тел, а каучука. Об этом я не подумал...

Слон был в явной нерешимости. Очевидно, ему приходилось знакомиться с каким-то новым для него запахом. Чем угрожает этот неведомый запах? Слон нерешительно двинулся вперед, быть может, для того, чтобы ближе познакомиться с источником странного запаха. Он сделал несколько шагов и попал в первую петлю. Дернул передней ногой, но невидимое препятствие не отпускало ногу. Слон начал натягивать «веревку» все сильнее. Мы видели, как сжимается кожа немного выше его ступни. Гигант подался назад всем корпусом так, что зад его почти коснулся земли. Ко-

жа — огромной толщины слоновья кожа — не выдержала: она лопнула от давления «веревки», и по ноге потекла густая темная кровь.

А «веревка» Вага выдерживала необычайное напряжение.

Мы уже торжествовали победу. Но тут случилось непредвиденное. Толстое дерево, к которому была привязана «веревка», рухнуло, словно подсеченное топором. Слон от неожиданности упал назад, быстро поднялся и, повернувшись, скрылся, тревожно трубя.

— Теперь дело пропало! — сказал Вагнер. — Слоны не подойдут к тому месту, где мы растянем наши невидимые, но ощутимые для них по запаху тенета. Или мне придется заняться химической дезодорацией¹. Химической... Гм... Запахи... так... — Вагнер о чем-то глубоко задумался. — А почему бы нет? — продолжал он. — Видите ли, какая мысль пришла мне в голову: можно было бы попробовать применить для поимки слона химические средства, например, газовую атаку. Нам надо не убить слона — это было бы сделать не трудно, — а привести его в бессознательное состояние. Мы вооружимся противогазовыми масками, захватим с собой баллон с газом и пустим газ вот на эту лесную дорожку. Окружающая зелень очень густа — это настоящий зеленый тоннель; газ будет довольно хорошо сохраняться... А есть средство и еще проще!..

Вагнер вдруг рассмеялся. Какая-то мысль показалась ему очень забавной.

— Теперь нам надо только выследить, куда будут ходить слоны на водопой. Сюда они едва ли вернутся...»

VIII. «СЛОНОВЬЯ ВОДКА»

«21 июля. Фаны нашли новое место водопоя. Это было небольшое лесное озеро. И, когда слоны, напившись, ушли в чащу, Ваг, я и туземцы принялись за работу. Мы разделись, вошли в воду и начали вбивать в дно колья тесным рядом, отгораживая небольшую часть озера. Затем мы плотно обмазали гли-

¹ Дезодорация — уничтожение запаха.

ной подводную стену. Получилось нечто вроде садка. Плотины отделила часть озера как раз в том месте, куда приходили на водопой слоны.

— Отлично,— говорил Ваг.— Теперь нам остается только «отравить» воду. Для этого у меня есть очень хорошее средство, совершенно безвредное, но действующее сильнее алкоголя.

Ваг проработал несколько часов в своей лаборатории и, наконец, вынес оттуда ведро «слоновой водки», как он выразился. Эта водка была вылита в воду. Мы взобрались на дерево и приготовились наблюдать.

— А будут ли слоны пить вашу водку? — спросил я.

— Надеюсь, она покажется им достаточно вкусной. Ведь пьют же водку медведи. И даже делаются настоящими алкоголиками. Тсс!.. Кто-то идет...

Я посмотрел на «арену», — она была очень велика.

Сделаю маленькое отступление. Надо сказать, что меня все время поражало пейзажное и архитектурное разнообразие тропического леса. Местами идешь по «трехэтажному» лесу: небольшой подлесок кустарников и невысоких деревьев едва покрывает голову. Над этим лесом поднимается второй лес, высота которого примерно такова, как в наших северных лесах. Наконец над ним высится третий лес, состоящий из огромных деревьев. Между первым и вторым рядами крон имеются пустые пространства, заполняемые только нитями и канатами разных ползучих растений. Такой тройной лес представляет необычайно красивое зрелище. Высоко над головой зеленые пещеры, водопады зелени, ниспадающие с уступа на уступ, зеленые горы, уходящие ввысь. И все это расцвечено перьями птиц и яркими цветами орхидей.

Потом сразу попадаешь словно в величественный готический храм с лесом исполинских колонн, поднимающихся от мшистой земли к едва различимому куполу. Еще несколько шагов — и новая перемена: ты — в чаще, в непроходимых дебрях. Листья сбоку, впереди, сзади, сверху. Мох, трава, листья, цветы внизу — по самые плечи. Словно очутился в зеленом водовороте. Ноги путаются в мягкой зелени или спотыкаются об упавшие деревья. И вот, когда окончательно обессилишь и кажется, что безнадежно увяз в болоте сплошной зелени, неожиданно раздвигаешь кусты и

останавливаешься, пораженный: ты в огромной круглой пещере с зеленым сводом. Неимоверной толщины «столб» подпирает купол этой пещеры. На земле — ни травинки, хоть в крокет играй. Дерево-великан своею тенью погубило кругом всю растительность, не пропуская ни одного луча солнца. Ветви его спустились до земли и вросли в нее. Здесь царят мрак и прохлада. Нам не раз приходилось отдыхать в тени таких гигантов — баобабов, каучукового дерева, индийской смоковницы.

Такое же огромное дерево дало нам приют на своих ветвях. Оно стояло совсем недалеко от воды, и, таким образом, все звери, идущие по слоновьей тропе, должны были пройти «арену», прежде чем подойти к берегу. На этой «арене», очевидно, происходило немало лесных драм. Там и сям виднелись обглоданные кости антилоп, буйволов и кабанов. Недалеко начинались степи; поэтому сюда на водопой частенько заходили и животные саванн.

На «арену» вышел кабан. Следом за ним появились кабаниха и восемь маленьких кабанят. Вся семья направилась к воде. Через минуту явились еще пять самок, принадлежащих, очевидно, к той же семье. Кабан подошел к воде и начал пить. Но тотчас же поднял рыло, неодобрительно фыркнул и перешел на другое место. Попробовал — не нравится. Замотал головой.

— Не пьет,— шепнул я Вагу.

— Не раскушал,— также тихо ответил он.

Он оказался прав. Скоро кабан перестал мотать головой и начал пить воду. Но кабаниха волновалась и, как мне показалось, кричала своим кабанятам, чтобы они не пили. Однако скоро и она вошла во вкус. Кабан, самки и кабанята пили очень долго — дольше обыкновенного. На кабанятах опьянение сказалось прежде всего: они вдруг начали визжать, бросаться друг на друга, бегать по «арене». Все шесть самок опьянели вслед за кабанятами. Они шатались и, повизгивая, принялись выделять необычайные движения — брыкались, становились на дыбы, катались по земле и даже кувыркались через голову. Потом они свалились и уснули вместе с поросятами. Но кабан оказался буйным во хмелю. Он свирепо хрюкал, напал на огромный ствол дерева, стоявший посреди «аре-

пы», и вонзал в кору кинжалы-клыки с такой силой, что потом едва мог вытянуть их.

Мы так заинтересовались проделками пьяного кабана, что не заметили, как подошли слоны. Мерно ступая, один за другим выходили они из зеленой просеки. В это время площадка вокруг ствола действительно напоминала цирковую арену. Но ни один цирк не видел такого громадного количества четвероногих артистов. Признаюсь, мне стало страшно от такого количества слоновьих туш. Слоны показались мне похожими на огромных крыс. Их было больше двух десятков.

Но что проделывает этот пьянчужка-кабан! Вместо того, чтобы спастись подобру-поздорову, он вдруг угрожающе захрюкал и стрелой помчался навстречу стаду слонов. Большой слон, шедший впереди, очевидно, не ожидал нападения. Он опустил голову и с любопытством смотрел на бегущего зверя. А кабан, подбежав к слону, ударил его клыком в ногу. Слон быстро свернул хобот, наклонил голову еще ниже и, поддев кабана на бивни, отбросил его так далеко, что тот упал в воду.

Кабан захрюкал, забарахтался, выбрался на берег, хлебнул наспех еще несколько глотков, как бы для храбрости, и вновь побежал к слону. Но слон на этот раз был осторожнее; он ожидал кабана с опущенными бивнями. Кабан наскочил на бивни и был распорот. Слон стряхнул издыхающего зверя с бивней и наступил на него ногой. От кабана остались только голова и хвост. Туловище и ноги были размолоты в кашу.

Тою же спокойной мерной поступью, как будто ничего не случилось, слон-вожак прошел через «арену», осторожно обошел лежащих на земле без памяти кабанят и кабаних, спустился к воде и погрузил в нее хобот. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

Слон начал пить, потом поднял хобот и стал шарить по воде, очевидно сравнивая ее вкус в различных местах. Он прошел несколько шагов и опустил хобот в воду вне нашей загородки. Там вода не была отравлена опьяняющим напитком.

— Пропала наша затея! — шепнул я. Но в тот же момент чуть не вскрикнул от удивления. Слон вернулся на старое место и начал пить «слоновью водку». Она, видимо, понравилась ему. Рядом с вожакom выстроились другие слоны. Но наша плотина была не слишком

велика, и потому часть слоновьего стада пила обычную воду.

Мне казалось, что этому водопитию не будет конца. Я видел, как чудовищно раздувались его бока. Он пил, пил без конца. Через полчаса уровень воды в нашей запруде понизился наполовину; через час вожак и его товарищи высосали всю жидкость до дна. Слоны начали покачиваться, еще не окончив пить. Один из них вдруг рухнул в воду, подняв целое волнение. Он затрубил, поднялся и опять упал на бок. Положив хобот на берег, он захрапел так, что листья дрожали и птицы испуганно перелетали на верхушки деревьев.

Огромный вожак отошел от озера, громко пофыркивая. Он остановился. Хобот его повис, как тряпка. Уши то поднимались, то безжизненно падали. Слон медленно и равномерно покачивался — вперед, назад. Вокруг него падали, как сраженные пулей, его товарищи. А те, которые не пили «водки», с удивлением смотрели на этот странный падеж. Трезвые слоны тревожно трубили, ходили вокруг пьяных, даже пытались поднять упавших. Большая слониха подошла к вожаку и с беспокойством щупала его голову хоботом. Слон отвечал на этот жест участия и ласки слабым помахиванием хвоста, не прекращая своего раскачивания. Потом он вдруг поднял голову, захрапел и упал на землю. Трезвые слоны растерянно толпились вокруг него, не решаясь идти без вожака.

— Будет скверно, если трезвые останутся здесь, — сказал Ваг уже громко. — Перебить их, что ли? Подождем, посмотрим, что будет дальше.

Трезвые слоны о чем-то совещались. Они издавали странные звуки, непрерывно двигая хоботом. Это совещание продолжалось довольно долго. Начала разгораться заря, когда слоны выбрали себе нового предводителя и медленно, один за другим оставили «арену», где лежали «трупы» их товарищей.

IX. РИНГ СТАЛ СЛОНОМ

«Надо было спускаться с дерева. Я с некоторым волнением посмотрел на «арену», которая напоминала теперь поле сражения. Огромные слоны

валялись на боку попеременно с кабанами. Но надолго ли хватит этого опьянения? Что, если слоны придут в себя, прежде чем мы окончим операцию пересадки мозга? А слоны, как будто желая еще больше напугать меня, время от времени махали хоботом и иногда сквозь сон пищали.

Но Ваг не обращал на все это никакого внимания. Он быстро спустился с дерева и приступил к работе. В то время, как фаны были заняты истреблением спящих кабанов, мы с Вагом занялись операцией. У нас уже все было заготовлено. Ваг заранее заказал хирургические инструменты, которые могли бы одолеть крепость слоновьей кости. Он подошел к вожаку, вынул из ящика стерилизованный нож, сделал на голове слона надрезы, отвернул кожу и начал распиливать череп. Слон несколько раз подергивал хоботом. Это нервировало меня, но Ваг успокаивал:

— Не беспокойтесь. Я ручаюсь за действие моего наркоза. Слон не проснется раньше чем через три часа, а за это время я надеюсь вынуть его мозг. После этого он будет для нас безопасен.

И он продолжал методически распиливать череп. Инструменты оказались хорошими, и скоро Ваг поднял часть теменной кости.

— Если вам придется охотиться на слона,— сказал он,— то имейте в виду, что убить его вы сможете только в том случае, если попадете вот в это маленькое местечко.—И Ваг показал мне пространство между глазом и ухом, величиною не более ладони.— Я уже предупредил мозг Ринга, чтобы он берег это место.

Ваг довольно быстро опорожнил голову слона от мозгового вещества. Но тут произошло нечто неожиданное. Слон без мозга вдруг начал шевелиться, раскачиваться грузным телом, потом, к нашему удивлению, встал и пошел. Но он, видимо, ничего не видел перед собою, хотя глаза его и были открыты. Он не обошел лежащего на пути товарища, споткнулся и упал на землю. Его хобот и ноги начали судорожно подергиваться. «Неужели подыхает?» — думал я, сожалея, что все труды пропали даром.

Ваг дождался, пока слон перестал двигаться, затем приступил к продолжению операции.

— Теперь слон мертв,— сказал он,— как и полагается животному без мозга. Но мы воскресим его. Это

не так трудно. Давайте скорее мозг Ринга. Только бы не занести инфекции!..

Тщательно вымыв руки, я вынул из привезенного слоновьего черепа разросшийся мозг Ринга и передал его Вагу.

— Ну-ка... — сказал он, опуская мозг в череп слона.

— Подходит? — спросил я.

— Чутьочку не дорос. Но это не имеет значения. Было бы хуже, если бы мозг перерос и не вошел в черепную коробку. Теперь осталось самое главное — сшить нервные окончания. Каждый нерв, который я буду сшивать, явится контактом между мозгом Ринга и телом слона. Теперь вы можете отдохнуть. Сидите и смотрите, но не мешайте мне.

И Ваг начал работать с необычайной быстротой и тщательностью. Он был поистине артистом своего дела, и его пальцы напоминали пальцы пианиста-виртуоза во время исполнения труднейшей пьесы. Лицо Вага было сосредоточенно, оба глаза устремлены в одну точку, что с ним бывало только в случаях исключительного напряжения внимания. Очевидно, в этот момент обе половинки его мозга несли одну и ту же работу, как бы контролируя друг друга. Наконец Ваг накрыл мозг черепной крышкой, скрепил ее металлическими скобками, затем покрыл кусками кожи и сшил кожу.

— Отлично. Теперь у него, — если он благополучно выживет, — останутся только рубцы на коже. Но Ринг, я думаю, простит меня за это.

«Ринг простит!» Да, теперь слон стал Рингом, или, вернее, Ринг стал слоном. Я подошел к слону, в голове которого был человеческий мозг, и с любопытством посмотрел в его открытые глаза. Они казались такими же безжизненными, как и раньше.

— Почему это? — спросил я. — Ведь мозг Ринга должен находиться в полном сознании, а между тем глаза... его (я не мог сказать ни слона, ни Ринга) как будто остекленели.

— Очень просто, — ответил Ваг. — Нервы, идущие от мозга, сшиты, но еще не срослись. Я предупредил Ринга, чтобы он не пытался производить каких-либо движений, пока нервы не срастутся окончательно. Я принял меры, чтобы это произошло возможно скорее.

Солнце уже начинало клониться к закату. Фаны сидели на берегу и, разложив костры, жарили кабанье

мясо и с удовольствием пожирали его. Некоторые предпочитали есть его сырым. Вдруг один из пьяных слонов начал громко трубить. Этот резкий призывный звук разбудил остальных слонов. Они начали подниматься на ноги. Ваг, я и фаны поспешили укрыться в кустах. Слоны, все еще шатавшиеся, подошли к оперированному вожаку, долго ощупывали и обнюхивали его хоботом и что-то говорили на своем языке. Воображаю, как должен был чувствовать себя Ринг, если он только мог уже видеть и слышать. Наконец слоны ушли. Мы снова приблизились к нашему пациенту.

— Молчите и ничего не отвечайте,—сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить.— Все, что я могу вам позволить,— это мигнуть веком, если вы уже в силах это сделать. Итак, если вы понимаете, что я говорю, мигните два раза.

Слон мигнул.

— Очень хорошо! — сказал Ваг.— Сегодня вам придется лежать неподвижно, а завтра я, быть может, разрешу вам встать. Чтобы слоны и прочие животные не беспокоили вас, мы перегородим слоновью тропу, а ночью зажжем костры.

24 июля. Сегодня слон поднялся в первый раз.

— Поздравляю! — сказал Ваг.— Как же вас теперь звать? Ведь мы не можем перед посторонними разглашать свою тайну. Я буду звать вас Сапиенс. Идет?

Слон кивнул головой.

— Объясняться мы будем,— продолжал Ваг,— мимически, по азбуке Морзе. Вы можете махать кончиком хобота: вверх — точка, вбок — тире. А если вам покажется удобнее, можете сигнализировать звуками. Помахайте хоботом.

Слон начал махать, но как-то странно: хобот поворачивался во все стороны, как вывихнутый сустав.

— Это вы еще не привыкли. Ведь у вас никогда не было хобота, Ринг. А ходить вы можете?

Слон начал ходить, причем задние ноги, видимо, слушались его лучше, чем передние.

— Да, вам-таки придется поучиться быть слонем,— сказал Ваг.— В вашем мозгу нет многого такого, что имеется в слоновьем. Двигать ногами, хоботом, ушами вы научитесь довольно скоро. Но в мозгу слона имеются еще природные инстинкты — квинтэссенция опыта сотен тысяч слоновьих поколений. Настоящий

слон знает, чего ему опасаться, как защищаться от разных врагов, где найти пищу и воду. Вы ничего этого не знаете. Вам пришлось бы учиться на личном опыте. А этот опыт стоил жизни немалому количеству слонов. Но вы не смущайтесь и не бойтесь, Сапиенс. Вы будете с нами. Как только вы окончательно поправитесь, мы с вами поедem в Европу. Если захотите, можете жить на родине — в Германии, а можете поехать со мной и в СССР. Там вы будете жить в зоопарке. Но как вы чувствуете себя?

Сапиенсу-Рингу, очевидно, было легче сигнализировать сопением, чем движением хобота. Он начал издавать хоботом короткие и длинные звуки. Ваг слушал (в то время я еще не знал азбуки Морзе) и переводил мне:

— Вижу я как будто несколько хуже. Правда, с высоты моего туловища я вижу дальше, но поле моего зрения довольно ограничено. Зато мой слух и обоняние тонки и остры необычайно. Я никогда не мог вообразить, что в мире так много звуков и запахов. Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых, пожалуй, не найдется слов на человеческом языке. Свист, шум, треск, писк, стрекотанье, визг, стон, лай, крик, громыханье, рокот, лязг, хрустенье, шлепанье, хлопанье... еще, быть может, десятков слов, и человеческий лексикон, передающий мир звуков, исчерпан. Но вот жуки и черви сверлят кору дерева. Как передать этот разноголосый, отчетливо слышимый мною концерт? А шумы!

— Вы делаете успехи, Сапиенс,— сказал Ваг.

— А запахи! — продолжал Ринг описывать свои новые ощущения.— Здесь я окончательно теряюсь и не могу передать вам хотя бы приблизительно то, что я ощущаю. Вы можете понять только одно, что каждое дерево, каждый предмет имеет свой специфический запах.— Слон опустил хобот к земле, понюхал и продолжал: — Вот пахнет землей. И пахнет травой, которая лежала здесь, быть может, оброненная каким-нибудь травоядным животным, шедшим на водопой. Затем пахнет кабаном, буйволом, медью... не понимаю откуда. Вот! Здесь валяется обрезок медной проволоки, которую, вероятно, вы бросили, Вагнер.

— Но как же это может быть? — спросил я. — Ведь тонкость ощущений обуславливается не только тонкостью воспринимающих периферических органов, но и соответствующим развитием мозга.

— Да, — ответил Ваг. — Когда мозг Ринга приспособится, он будет ощущать не хуже слона. Теперь он ощущает, вероятно, во много раз хуже настоящего слона. Но тонкость слухового и обонятельного аппаратов дает Рингу уже теперь огромное преимущество по сравнению с нами. — Затем он обратился к слону: — Надеюсь, Сапиенс, вас не очень обременит, если мы вернемся к нашей стоянке на холме, сидя на вашей спине?

Сапиенс милостиво согласился, кивнув головой. Мы погрузили на спину слона часть багажа. Он поднял хоботом меня и Вага — фаны шли пешком, — и мы отправились в путь.

— Я думаю, — сказал Ваг, — через две недели Сапиенс будет вполне здоров, и тогда он доставит нас в Бому, а оттуда морским путем двинемся домой.

Когда мы разбили лагерь на холме, Ваг сказал Сапиенсу:

— Корму здесь хоть отбавляй. Но я прошу вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью. Вам могут угрожать различные опасности, с которыми настоящие слоны справились бы очень легко.

Слон кивнул головой и принялся обламывать хоботом ветви с соседних деревьев.

Вдруг он как-то пискнул и, отдернув хобот, подбежал к Вагу.

— Что случилось? — спросил Ваг. Слон протянул хобот почти к его лицу.

— Ай! ай! — протянул Ваг с упреком. — Идите сюда, — обратился он ко мне, показывая на пальцеобразный отросток хобота. — Чувствительность этого «пальчика» превосходит чувствительность пальцев слепых. Это самый нежный орган слона. И смотрите, наш Сапиенс умудрился поранить свой «пальчик» шипом.

Ваг осторожно вытащил шип из хобота.

— Будьте осмотрительны, — сказал он наставительно слону. — Слон с пораненным хоботом — инвалид. Вы не в состоянии будете даже пить воду, и вам придется каждый раз входить в реку или озеро и пить

пастью, вместо того, чтобы, как обычно делают слоны, вбирать воду в хобот и из хобота выливать в пасть. Здесь много колючих растений. Пройдите немного дальше. Научитесь различать породы.

Слон вздохнул, помотал хоботом и отправился в лес.

27 июля. Все благополучно. Слон ест неимоверно много. Сначала он разбирался в пище и старался отпирать в пасть только траву, листья и самые тонкие нежные ветки. Но так как он не насыщался, то скоро, подобно заправскому слону, начал ломать и засовывать себе в пасть ветви чуть ли не с руку толщиной.

Деревья вокруг нашего лагеря имеют самый жалкий вид, — как будто здесь упал метеорит или пролетела всепожирающая саранча. На кустах подлеска и на нижних ветвях больших деревьев — ни листика. Сучья поломаны, обнажены. Кора содрана. На земле — сор, помет, куски ветвей, стволы сваленных деревьев. Сапиенс очень извиняется за эти разрушения, но... «положение обязывает», как сказал он Вагу при помощи своих звуковых сигналов.

1 августа. Сегодня Сапиенс не явился утром. Сперва Вагнер не беспокоился.

— Не иголка, — найдется. Что с ним сделается? Ни один зверь не решится напасть на него. Вероятно, за ночь далеко зашел.

Однако часы шли за часами, а Сапиенс не являлся. Наконец мы решили отправиться на поиски. Фаны — великолепные следопыты, быстро напали на след. Мы пошли за ними. Старый фан, глядя на следы, быстро читал вслух эти письма, оставленные слоном.

— Здесь слон ел траву, потом он начал есть молодые кустарники. Потом он пошел дальше. Здесь он как будто подпрыгнул — чего-то испугался. Вот что испугало его: след леопарда. Прыжок. Слон бежит. Ломает все на своем пути. А леопард? Он тоже бежит... от слона. В другую сторону.

Следы слона увлекли нас далеко от лагеря. Вот он пробежал болотистую поляну. Следы налились водой. Слон провалился, но бежал, видимо, с трудом вытаскивая ноги из болота. Вот и река. Это Конго. Слон бросился в воду. Он должен был переплыть на другую сторону.

Наши проводники отправились в поиски селения, нашли лодку, и мы перебрались на другой берег. Но там следов слона не было. Неужели он погиб? Слоны умеют плавать. Но умел ли плавать Ринг? Удалось ли ему овладеть искусством плавания по-слоновьи? Фаны высказали предположение, что слон поплыл вниз по реке. Мы проплыли несколько километров по течению. Следов все нет и нет. Ваг удручен. Все наши труды пропали даром. И что случилось со слоном? Если он жив, как он будет жить в лесу со зверями?..

8 августа. Целую неделю мы потратили на поиски слона. Напрасно! Он пропал бесследно. Нам ничего больше не оставалось, как рассчитаться с фанами и отправиться домой».

Х. ЧЕТВЕРОНОГИЕ И ДВУНОГИЕ ВРАГИ

— Дневник окончен,— сказал Денисов.

— Вот продолжение дневника,— ответил Вагнер, хлопая по шее слона.— В то время, как вы читали дневник, Сапиенс, он же Хойти-Тойти, он же Ринг, рассказал мне занятную историю своих приключений. Я уже не надеялся видеть его в живых, но, оказывается, он сам сумел разыскать путь в Европу. Вы должны расшифровать и переписать мои стенографические записи того, что рассказал мне слон.

Денисов взял у Вагнера его тетрадь, испещренную черточками и запятыми, начал читать и затем записывать историю слона, рассказанную им самим. Вот что говорил Сапиенс Вагнеру:

«Едва ли мне удастся передать вам все, что я испытал с тех пор, как стал слоном. Мне никогда даже и во сне не снилось, что я, ассистент профессора Турнера, вдруг превращусь в слона и буду жить в дебрях африканских лесов. Постараюсь изложить последовательно весь ход событий.

Я отошел недалеко от лагеря и мирно пощипывал траву на лужайке. Вырывал пучки сочной травы, обкопачивал корни, чтобы отбить приставшую землю, затем пожирал. Покончив с травой, я пошел лесом, чтобы найти другую лужайку. Была довольно светлая

лунная почь. Летали светящиеся жуки, летучие мыши и какие-то неизвестные мне ночные птицы, похожие на сову. Я медленно продвигался вперед. Шел я легко, не чувствуя тяжести своего тела. Я старался как можно меньше шуметь. Понюхивая хоботом, я чувствовал, что и справа и слева от меня находятся звери—какие, я не знал. Казалось бы, кого бояться мне? Я самый сильный из всех зверей. Сам лев должен был уступить мне дорогу. А между тем я ужасно боялся каждого шороха, каждого звука, пробежавшей мыши, какого-то зверька, похожего на лисичку. Когда я встретил небольшого кабана, я уступил ему дорогу. Быть может, я еще не осознал своей силы. Одно успокаивало меня: я знал, что недалеко находятся люди, мои друзья, которые могут прийти мне на помощь.

Так, осторожно шагая, я вышел на небольшую поляну и уже опустил хобот, чтобы схватить пучок травы, как вдруг почуял запах зверя, а уши мои уловили шорох в камышах. Я поднял хобот, тщательно свернул его для безопасности и начал осматриваться. И вдруг я увидел леопарда, который притаился за камышами, росшими у ручья, и смотрел на меня жадными голодными глазами. Все его тело напряглось для прыжка. Еще минута—и он кинется мне на шею. Не знаю, быть может, я еще не привык быть слоном и чувствовал и рассуждал слишком по-человечески, но я не в силах был побороть безумного страха. Я весь задрожал и бросился бежать.

Деревья трещали и ломались на моем пути. Многие хищники были испуганы моим бешеным бегом. Они выскакивали из кустов и травы и разбегались в разные стороны, еще более пугая меня. Мне казалось, что звери всего бассейна Конго гонятся за мною. И я бежал,— не знаю, сколько времени и куда,— пока, наконец, меня не остановило препятствие—река. Я не умею плавать—не умел, когда был человеком. Но меня нагонял леопард,—так думал я,—и я бросился в воду и начал работать ногами, как если бы продолжал бежать. И я поплыл. Вода несколько охладила и успокоила меня. Мне казалось, что весь лес полон хищными голодными зверями, которые нападут на меня, как только я выйду на берег. И я плыл час за часом.

Уже взошло солнце, а я все плыл. На реке начали встречаться лодки с людьми. Людей я не боялся, пока

с одной лодки не послышался выстрел. Я не мог предположить, что стреляют по мне. Я продолжал плыть. Раздался еще выстрел, и вдруг я почувствовал, словно меня ужалила пчела в шею. Я повернул голову и увидел, что в лодке, которой управляют туземцы, сидит белый человек, по виду англичанин. Он-то и стрелял в меня. Увы! люди оказались для меня не менее опасны, чем звери.

Что мне оставалось делать? Мне хотелось крикнуть англичанину, попросить его не стрелять, но я смог издать только какой-то пищавый звук. Если только англичанин попадет в цель, я погиб... Вы указали мне на опасное для меня место в черепе — между глазом и ухом, где находился мозг. Я вспомнил ваш совет и повернул голову так, чтобы пули не попали в это место, и постарался поскорее доплыть до берега. Когда я вылез на берег, то представлял отличную мишень, но голова моя была обращена к лесу. А англичанин, вероятно, настолько знал правила охоты на слонов, что стрелять в заднюю часть считал бесцельным. Он больше не стрелял, вероятно, поджидал, не поверну ли я к нему голову. Но я, уже не думая о зверях, помчался в чащу.

Лес становился все гуще. Лианы преграждали мне путь. Скоро они опутали меня такой сетью, что даже я не в силах был разорвать их и принужден был остановиться. Я так смертельно устал, что свалился на бок, не заботясь о том, полагается или нет это делать в моем слоновьем положении.

Мне приснился страшный сон: будто я, доцент университета и ассистент профессора Турнера, нахожусь в Берлине, в своей маленькой комнатке на Унтер-ден-Линден. Летняя ночь. В открытое окно светит одинокая звезда. Доносится запах цветущих лип, а на столике благоухает красная гвоздика в венецианском граненом стаканчике синего стекла. И среди этих приятных запахов врывается, как непрошенный гость, какой-то очень терпкий приторный запах, напоминающий запах черной смородины. Но я знаю, что это запах зверя... Я готовлюсь к завтрашней лекции. Склоняю голову над книгами и засыпаю, продолжая слышать запах липы, гвоздики, зверя. Я вижу странный сон, как будто я превратился в слона и нахожусь в тропическом лесу... Запах зверя все усиливается. Он беспоко-

ит меня. Я просыпаюсь. Но это уже не сон. Я действительно превратился в слона, как Луций в осла¹, силой волшебства современной науки.

Запах двуногого зверя. Пахнет потом африканского туземца. К этому запаху присоединяется запах белого человека. Это, наверно, тот, который стрелял в меня из лодки. Он преследует меня по следам. Быть может, уже стоит за кустом и направляет дуло ружья в опасное местечко между глазом и ухом...

Я быстро вскакиваю. Пахнет справа. Значит, надо бежать влево. И я бегу, ломая и раздвигая кусты. Потом — кто учил меня этому? — я поступаю так, как поступают слоны, когда хотят сбить преследователя со следа. После шумного отступления слон вдруг замирает. Преследователь не слышит ни единого звука и думает, что слон остановился на месте. Но слон продолжает убегать, так осторожно ступая и раздвигая ветки, что даже кот не прошел бы тише.

Я пробежал не менее двух километров, пока наконец, осмелился обернуться, чтобы понюхать воздух. Людьми еще пахло, но они были далеко, я думаю, не менее как за километр от меня. Я продолжал свой бег.

Настала тропическая ночь, душная, знойная, темная, как сама слепота. С темнотою пришел и страх. Он окружил меня со всех сторон и был такой безысходный, как и тьма. Куда бежать? Что делать? Стоять на месте казалось страшнее, чем двигаться. И я шел неустанной ровной походкой.

Скоро под ногами зашлепала вода. Еще несколько шагов — и я вышел на берег... чего? реки? озера? Я решил поплыть. На воде я мог быть по крайней мере в безопасности от нападения львов и леопардов. Я поплыл и, к своему удивлению, очень скоро почувствовал под ногами дно и вышел на мелкое место. Я пошел дальше.

На пути — какие-то ручьи, речки, болотца. В траве на меня шипят невидимые зверьки, боязливо отпрыгивают огромные лягушки. Я бродил всю ночь и к утру принужден был признать, что окончательно заблудился.

¹ Луций — герой сатирической повести древнеримского писателя Апулея «Золотой осел».

Прошло несколько дней, и я уже многого не боялся из того, что раньше внушало мне страх. Смешно! В первые дни своего нового существования я боялся даже поранить себе кожу колючками. Быть может, меня напугала история с уколотым пальцеобразным отростком хобота. Однако я скоро убедился, что самые острые и крепкие колючки не причиняют мне ни малейшего вреда,— толстая кожа защищала меня, как броня. Затем я боялся случайно наступить на ядовитую змею. И когда это произошло в первый раз и змея обвилась вокруг моей ноги, пытаясь меня ужалить, от страха похолодело мое огромное слоновье сердце. Но тотчас я убедился, что змея бессильна причинить мне вред. С той поры я находил даже удовольствие давить ногами встречающихся на пути змей, если они заблаговременно не убирались с дороги.

Впрочем, кое-что осталось, что возбуждало мой страх. Ночью я боялся нападения крупных хищников— льва, леопарда. Я был сильнее их и не хуже их вооружен, но у меня не было личного опыта в борьбе и не было инстинктов, которые суфлировали бы мне мою роль. А днем я боялся охотников, в особенности белых. О, эти белые люди! Они самые опасные из зверей. Их капканов, силков, западней я не боялся. Меня трудно было загнать в загон, пугая кострами или трещотками. Единственно, что угрожало мне,— это возможность упасть в замаскированную яму, и я внимательно осматривал лежащий передо мною путь.

Запах деревни я чувствовал за несколько километров и старался далеко обходить всякое жилье человека. По запаху я различал даже туземные племена. Одни из них были более опасны для меня, другие менее, третьи совсем не опасны.

Однажды, потянув хоботом, я услышал новый запах— зверя или человека,— я даже затрудняюсь сказать. Скорее — человека. Меня охватило любопытство. Ведь я изучал лес и должен был знать обо всем, что могло угрожать мне опасностью. Я направился по запаху, как по компасу, очень осторожно продвигаясь вперед. Это было ночью, в тот час, когда туземцы спят крепче всего. Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. Запах становился все сильнее.

К утру я вышел на опушку леса и, скрываясь в густой заросли, посмотрел на поляну. Бледный месяц стоял над лесом и обливал пепельным светом низенькие остроконечные шалаши. Такой шалаш мог только прикрыть сидящего человека среднего роста. Было тихо. Даже собаки не лаяли. Я подошел с подветренной стороны. Я недоумевал: кто может жить в этих маленьких шалашах, как будто сделанных играющими детьми?

Вдруг я заметил, что из дыры в земле вылезло какое-то человекоподобное существо. Поднявшись на ноги, свистнуло. На свист отозвалось другое существо, соскочившее с ветви дерева. Еще два вышли из шалашей. Они сошлись у большого шалаша, высотой в полтора метра, и начали о чем-то совещаться. Когда первые лучи солнца осветили небо и я мог рассмотреть «гномов», — как называл я странные существа, — то я убедился, что набрел на поселение пигмеев, самых маленьких людей из существующих на земном шаре. Они имели светло-коричневую кожу и волосы почти красного цвета. Их фигурки были очень стройны и пропорционально сложены. Но их рост не превышал восьмидесяти — девяноста сантиметров. У некоторых из этих «детей» были бороды, густые и курчавые. Пигмеи о чем-то быстро говорили пискливыми голосами.

Это было очень интересное зрелище, но мне стало страшно. Лучше бы я встретился с великанами, чем с этими страшными для меня карликами. Пожалуй, я предпочел бы встречу с белым человеком. Пигмеи, несмотря на свой ничтожный рост, являются самыми страшными врагами слонов. Я знал это, прежде чем сделаться слоном. Они великолепные стрелки из лука и метатели копий. Они употребляют отравленные стрелы, одного укола которых достаточно, чтобы поразить насмерть слона. Они могут бесшумно подкрасться к слону сзади и набросить на задние ноги путы или же пересечь острым ножом ахиллесову жилу. Вокруг своих деревень они разбрасывают отравленные колючки и палочки.

Я вдруг повернулся всем телом и бросился убежать с такой же поспешностью, как в тот раз, когда убегал от леопарда. Сзади себя я услышал крик, вслед за этим звуки погони. Я ушел бы от них, если бы передо мной была ровная дорога. Но мне пришлось бежать в дремучем лесу, то и дело обегая непреодолимые пре-

пятствия. А мои преследователи, ловкие, как обезьяны, подвижные, как ящерицы, и неутомимые, как борзые собаки, бежали так быстро, будто препятствия не существовали для них. Погоня приближалась. Несколько копий были брошены мне вслед. К счастью, густая зелень защищала меня. Я задышался и готов был упасть от усталости. А маленькие человечки, не падая, не спотыкаясь, не отставая ни на шаг, следовали за мной.

Я убедился на горьком опыте, что не легко быть слоном, что вся жизнь даже такого крупного и сильного животного, как слон,— непрерывная, ни на минуту не прекращающаяся борьба за существование. Мне казалось невероятным, что слоны доживают до ста и более лет. При таких волнениях, право же, они должны были бы умирать раньше, чем люди. Впрочем, настоящие слоны, быть может, не волнуются так, как волновался я. У меня был слишком нервный, легко возбудимый, человеческий мозг. Уверяю вас, сама смерть в эти минуты казалась мне лучше, чем жизнь, с вечно гонящейся по пятам смертью. Остановиться? Подставить грудь под удары отравленных копий и стрел моих двуногих мучителей?.. Я готов был сделать это. Но в последнюю минуту мое настроение изменилось: я неожиданно втянул в хобот сильный запах слоновьего стада. Не найду ли я спасения среди слонов?

Дремучий лес редел и постепенно перешел в саванны, поросшие там и сям большими деревьями, которые давали мне возможность укрываться от стрел моих преследователей.

Я бежал зигзагами. Здесь пигмеям приходилось хуже, чем в лесу. Хотя я и прокладывал широкую дорогу, но все же крепкие стебли степных растений и трав мешали им бежать. Запах слонов становился все сильнее, хотя я все еще не видел их.

На моем пути встречались огромные ямы,—здесь слоны валялись, как куры, копающиеся в песке. Местами виднелся помет. Вот и первые деревья. Я уже вижу несколько слонов, барахтающихся на земле. Другие стоят возле деревьев, держат в хоботе большие ветви и обмахиваются ими, как веерами, помахивая в то же время хвостом. Уши их приподняты подобно зонтикам. Иные мирно купаются в реке. Я бежал против ветра, и слоны не учуяли меня. Тревога поднялась только тогда, когда крайние слоны услышали мой то-

пот. Что тут произошло! Слоны метались по берегу реки, отчаянно трубили. Вожак, вместо того, чтобы защищать тыл, первый побежал, бросился в воду и переплыл на другую сторону. Чадолюбивые мамыши защищали своих детей, которые по росту мало чем отличались от взрослых. Самкам же приходилось защищать тыл. Неужели мое появление так напугало слонов, или они в моем сумасшедшем беге почувствовали иную опасность, чем та, которая заставила бежать меня самого?

Я со всего размаху бросился в воду, переплыл реку прежде многих самок с их детенышами и постарался выбежать вперед, чтобы между мною и моими преследователями оказались туши слонов. Это, конечно, было уже эгоистично с моей стороны, но я видел, что и другие слоны, за исключением самок-матерей, поступали так же. Я слышал, как подбежали к реке пигмен. Их пискливые голоса сливались с трубными звуками слонов. Там происходила какая-то трагедия, но я боялся обернуться назад и продолжал бежать по открытой равнине. Я так и не узнал, чем окончилось сражение у реки между карликами-людьми и великанами-животными.

Мы бежали много часов, не останавливаясь. Так как я был утомлен бегом, то едва поспевал за слонами, но я ни за что не хотел отставать от стада. Если только слоны примут меня в свою компанию, среди них я буду в относительной безопасности, так как они лучше меня знают местность и своих врагов.

ХІ. В СЛОНОВЬЕМ СТАДЕ

Наконец слон, бежавший впереди, остановился, а вслед за ним и остальные. Мы повернули головы назад. Нас никто не преследовал. Только два молодых слона, сопровождаемые своими матерями, бежали к нам!

На меня как будто никто не обратил внимания. Однако, когда прибыли последние отставшие и стадо понемногу успокоилось, ко мне начали подходить слоны, обнюхивать хоботом, осматривать, обходить кру-

гом. Они о чем-то спрашивали меня, издавая тихое ворчание, а я не мог ответить им. Я даже не понимал, что означает это ворчание — неодобрение или удовольствие.

Больше всего я опасался вожака. Я знал, что «я» был вожакom стада, прежде чем Вагнер произвел операцию. Что, если я попал в то самое стадо и новый вожак начнет спорить со мной из-за власти? Признаюсь, я очень волновался, когда вожак, большой сильный слон, подошел ко мне и как бы невзначай толкнул меня бивнем в бок. Я покорился. Он еще раз толкнул меня, как бы вызывая на бой. Но я не принимал боя и только отходил в сторону. Тогда слон свернул хобот, положил его в пасть и слегка придержал губами. Впоследствии я узнал, что слоны таким образом выражают смущение и удивление. Вожак был, очевидно, озадачен моею покорностью и не знал, что делать. Но в то время я не знал языка слонов и, думая, что он таким образом приветствует меня, также положил хобот в пасть. Слон пискнул и отошел от меня.

Теперь я понимаю каждый звук, издаваемый слонem. Я знаю, что тихое ворчание, а также писк означают удовольствие. Страх выражается сильным ревом, внезапный испуг — коротким резким звуком. Именно таким резким звуком встретило стадо мое появление. В ярости, будучи ранены или озабочены, слоны издают глубокие горловые звуки. Один слон, оставшийся на берегу реки, так кричал во время нападения пигмеев. Быть может, он был смертельно ранен отравленными стрелами. А при нападении на врага слоны издают сильный визг. Я передал только основные «слова» слоньего языка, выражающие главнейшие их чувства. Но эти «слова» имеют множество оттенков.

В первое время я очень боялся, как бы слоны не догадались, что я не настоящий слон, и не выбросили бы меня из стада. Быть может, они и чувствовали, что со мною что-то неладное, однако они оказались достаточно миролюбивыми. Они относились ко мне, как к дефективному переростку, у которого в голове не все в порядке, но который никому вреда не делает.

Жизнь моя протекала довольно однообразно. Путешествовали мы всегда гуськом. От десяти — одиннадцати часов утра часов до трех дня отдыхали, потом опять начинали пастись. Ночью опять отдыхали по

нескольку часов. Некоторые слоны ложились, почти все дремали, а один сторожил.

Я не мог примириться с тем, что мне придется всю жизнь провести в слоновьем стаде. Я тосковал о людях. Пусть я имею вид слона, но я предпочитаю жить с людьми, спокойно, без тревог. И я охотно пошел бы к белым людям, если бы не боялся, что они убьют меня ради моих бивней. Признаюсь, я даже пытался сломать бивни, чтобы обесценить себя в глазах людей, но из этого ничего не вышло. Бивни были несокрушимы, или же я не умел ломать их. Так пробродил я со слонами более месяца.

Однажды мы паслись на открытом месте, среди необозримых саванн. Я стоял на страже. Ночь была звездная, безлунная. В стаде было сравнительно тихо. Я отошел несколько в сторонку, чтобы лучше прислушиваться и принимать к запахам ночи. Но пахло только разнообразными травами да неопасными для нас мелкими пресмыкающимися и зверьками. И вдруг далеко-далеко, почти на горизонте, вспыхнул огонек. Погас, потом опять вспыхнул и разгорелся.

Прошло несколько минут, и слева от огонька вспыхнул второй, потом на некотором расстоянии третий, четвертый. Нет, это не охотники, расположившиеся на ночлег. Костры загорались на равном расстоянии друг от друга, как будто по степи проложили улицу и зажгли фонари. В это же время по другую сторону от себя я заметил такие же вспыхивающие огни костров. Мы оказались между двумя огненными линиями. Скоро в одном конце этой дороги между двух линий огня затрещат, закричат загонщики, а в другом конце нас будут ждать ямы или же загоны — в зависимости от того, какую цель ставят охотники: овладеть нами живыми или мертвыми. В ямах мы поломаем себе ноги и будем годны только на убой, а в загонах нас ждет жизнь рабов. Слоны боятся огня. Они вообще трусливы. Когда шум разбудит их, они бросаются в ту сторону, где нет огня и шума, — там их ждет молчаливая западня или смерть.

Только один я из всего стада понимаю положение вещей. Но дает ли это мне какое-нибудь преимущество? Что мне делать? Идти на огни? Там меня встретят вооруженные люди. Быть может, мне удастся прорвать блокаду. Этот риск лучше, чем верная смерть или не-

воля. Но тогда мне придется расстаться со стадом и начать жизнь слона-отшельника. Рано или поздно я все равно погибну от пули, отравленной стрелы или клыков зверя...

Мне казалось, что я все еще колебался, но на самом деле я уже сделал выбор, потому что, сам того не замечая, я отходил в сторону, чтобы разбуженное стадо, убегая, не увлекло меня водоворотом тел навстречу беде.

Вот уже кричат загонщики, бьют барабаны, трещат, свистят, стреляют. Я трублю глубоким трубным призывом. Слоны просыпаются и в испуге топчутся на месте, трубя изо всех сил. Стоит такой необычайный рев, что дрожит земля. Слоны осматриваются по сторонам, видят костры, которые как будто приближаются (их переносят все ближе и ближе), перестают реветь и бросаются в одну сторону, но там они слышат шум надвигающихся загонщиков. Стадо поворачивает и бежит в противоположную сторону... навстречу своей гибели. Правда, эта гибель еще не так близка. Охота продолжится несколько дней. Костры будут все больше сближаться, загонщики — подходить все ближе к слонам и гнать их вперед, пока, наконец, слоны не попадут в загоны или ямы.

Но я не иду со слонами. Я остаюсь один. Панический ужас, который охватил все стадо, передается моим слоновьим нервам, а от них — моему человеческому мозгу. Страх затемняет сознание. Я готов бежать вслед за стадом. Я призываю на помощь все свое мужество, всю свою волю. Так нет же! Мой человеческий мозг победит страх слона, победит эту огромную гору мяса, крови, костей, которая увлекает меня к гибели.

И я, как шофер, поворачиваю руль «грузовика» и сворачиваю прямо в реку. Плеск, каскад брызг, тишина... Вода охладила мою кипящую слоновью кровь. Рассудок победил. Теперь я крепко держу «в руках» разума свои слоновьи ноги. Они покорно топчутся по илистому дну.

Я решил проделать штуку, которую не проделывают обыкновенные слоны: отсидеться в воде, погрузившись в нее, как гиппопотам. Постараюсь дышать только кончиком высунутого хобота. Пробую проделать это. Вода неприятно заливает уши и глаза. Время от времени я поднимаю голову и слушаю. Загонщики все

ближе. Я опять погружаюсь в воду. Вот загонщики прошли мимо, не заметив меня.

С меня довольно непрерывных волнений и страха. Пусть будет что будет, но я не пойду к людям-охотникам. Я спущусь вниз по Конго и разыщу одну из факторий, которых немало расположено между Стенли-Пулем и Бомом. Я явлюсь на факторию или ферму и постараюсь показать мирным людям, что я не дикий слон, а дрессированный, и они не прогонят и не убьют меня.

ХII. НА СЛУЖБЕ У БРАКОНЬЕРОВ

Привести в исполнение этот план оказалось труднее, чем я предполагал. Я довольно скоро разыскал главное русло Конго и отправился вниз по течению. Днем я пробирался вдоль берега, ночью плыл по течению. Мое путешествие протекало благополучно. На этом участке река судоходна, и дикие звери опасаются подходить близко к берегам. За все время моего путешествия вниз по реке — а оно длилось около месяца — я только раз слышал отдаленный рев льва, и однажды у меня произошло довольно неприятное столкновение, в буквальном и переносном смысле этого слова, с гиппопотамом. Это было ночью. Он сидел в реке, погруженный по самые ноздри. Я не заметил его и, плывя, наскочил на неуклюжее животное, как на айсберг. Гиппопотам погрузился в воду еще глубже и начал своей тупой мордой пренеприятно бить меня в брюхо. Я поспешил убраться в сторону. Гиппопотам, выплыл, сердито фыркнул и погнался за мной. Но я успел уплыть от него.

Доплыл я благополучно до Лукунги, где увидел большую факторию, судя по флагу, — бельгийскую. Я вышел из леса рано утром и направился к дому, кивая головой. Однако этот маневр не помог мне. Два огромных дога с неистовым лаем начали бросаться на меня. Из дома вышел человек в белом костюме, увидел меня и быстро вбежал в дом. Несколько негров с криками пробежали по двору и также скрылись в доме. Потом... потом я услышал два ружейных выстрела.

Я не стал дожидаться третьего и принужден был повернуть к лесу и уйти.

Однажды я шел ночью по редкому унылому лесу. Таких лесов немало в Центральной Африке. Темная зелень, болотистая почва под ногами, черные стволы деревьев. Недавно прошел сильный дождь, а ночь была для экватора довольно прохладная, ветреная. Несмотря на толстую кожу, я, как и другие слоны, довольно чувствителен к сырости. В дождь и сырую погоду я не стою на месте, я двигаюсь, чтобы согреться.

Я шел ровным шагом уже несколько часов, как вдруг увидел перед собой огонь костра. Место было довольно дикое. Здесь не встречалось даже деревень чернокожих. Кто мог зажечь костер? Я пошел быстрее. Лес кончился, началась саванна с невысокой травой. Видимо, здесь не так давно был лесной пожар, и трава еще не успела вырасти. На расстоянии полукилометра от леса виднелся старый изодранный шатер. Возле него горел костер, а у костра сидели двое, по-видимому, европейцы. Один из них что-то помешивал в котелке, висящем над костром. Третий — явно туземец, полуголый красавец — стоял, как бронзовое изваяние, недалеко от костра.

Я медленно приближался к костру, не спуская глаз с людей. Когда они увидели меня, я опустился на колени так, как это делают дрессированные слоны, представляющие спины под поклажу. Небольшой человек в пробковом шлеме вдруг схватил ружье с явным намерением стрелять. Но туземец в тот же момент закричал на ломаном английском языке:

— Не надо! Это хороший, это домашний слон! — И побежал ко мне навстречу.

— Уйди в сторону! Иначе я сделаю дыру в твоём теле! Эй ты, как тебя зовут? — закричал белый, прицеливаясь.

— Мнепо, — ответил туземец, но не отошел от меня, а подбежал еще ближе, как бы желая своим телом защитить меня от выстрела.

— Видишь, бана,¹ ручной! — говорил он, поглаживая мой хобот.

— Прочь, обезьяна! — кричал человек с ружьем. — Стреляю! Раз, два...

— Подожди, Бакала, — сказал второй белый, вы-

¹ Б а н а — господин.

сокий и худой.— Мпепо прав. Бивней у нас достаточно, а доставить их хотя бы только до Матади будет нелегко и недешево. Этот слон, видимо, ручной. Чей он и почему шляется по ночам, об этом мы не будем спрашивать. Он нам может оказаться очень полезным. Слон поднимает тонну, хотя с таким грузом он далеко не уйдет. Ну, допустим, полтонны. Проще говоря, один слон может заменить нам тридцать — сорок носильщиков, понимаешь? И он нам ровно ничего не будет стоить. А когда придет время и он не будет нам больше нужен, мы убьем его и прибавим его прекрасные бивни к нашей коллекции. Ясно?

Тот, которого называли Бакала, слушал нетерпеливо и несколько раз пытался стрелять. Но, когда собеседник подсчитал, во сколько обойдется им наем носильщиков, которых может заменить слон, то согласился на эти доводы и опустил ружье.

— Эй ты! Как тебя зовут? — обратился он к туземцу.

— М...пепо, — ответил тот. Впоследствии я убедился, что Бакала всякий раз обращался к туземцу: «Эй ты, как тебя зовут?», а тот неизменно отвечал с маленькой остановкой на букве «М», как будто он сам с трудом выговаривал свое имя: «М...пепо».

— Иди сюда. Веди слона.

Я охотно повиновался жесту Мпепо, приглашавшего меня подойти ближе к костру.

— Как же мы его назовем? А? Труэнт¹ — самое подходящее для него название, как ты думаешь, Кокс?

Я посмотрел на Кокса. Он весь был какой-то сизый. В особенности меня поразил его нос, словно только что вынутый из лиловой краски. На сизом теле была надета сизая рубашка, расстегнутая на груди, с рукавами, засученными выше локтя. Кокс говорил сиплым и, как мне показалось, тоже сизым голосом, шепелявя и картавя. Этот глухой голос как будто выцвел, как и его рубашка.

— Ну что ж, — согласился он. — Пускай будет Труэнт.

Около костра зашевелилось тряпье, и из-под него послышался чей-то очень слабый, но густой бас:

— Что случилось?

¹ Труэнт (англ.) — бродяга, праздношатающийся.

— Ты еще жив? А мы думали, что уже умер, — спокойно сказал Бакала, обращаясь к тряпью.

Тряпье зашевелилось сильнее, и из-под него вдруг показалась большая рука. Рука сбросила тряпье. Большой, хорошо сложенный человек поднялся и сел, подпираясь руками и покачиваясь. Его лицо было очень бледно. Рыжая борода всклокочена. Видно было, что белый человек — лицо его было бело как снег — болен. Тусклые глаза посмотрели на меня. Больной усмехнулся и сказал:

— К трем бродягам прибавился четвертый. Белая кожа — черная душа. Черная кожа — белая душа. Один честный и тот бакуба! — больной бессильно упал навзничь.

— Бредит, — сказал Бакала.

— Что-то бред его обидный, — отозвался Кокс. — Загадки загадывает. Один честный, да и тот бакуба. Ты понимаешь, что это значит? Ведь наш Мпепо из племени бакуба. В этом ты можешь удостовериться, посмотрев ему в зубы: у него, по обычаю бакуба, выбиты верхние резцы. Выходит, что он один честный, а мы жулики.

— И сам Броун в том числе. У него кожа белей, чем у нас; значит, и душа чернее, если уж на то пошло. Броун, ты тоже жулик?

Но Броун не отвечал.

— Опять без памяти.

— Тем лучше. И будет еще лучше, если он совсем не придет в себя. От него теперь мало пользы, а он связывает нас по рукам.

— Поправится, — один двоих нас будет стоять.

— От этого тоже мало удовольствия. Неужели ты не понимаешь, что он лишний?..

Броун забормотал в бреду, и разговор умолк.

— Эй ты, как тебя зовут?

— М...пепо.

— Привяжи слона за ноги к дереву, чтобы не сбегал.

— Нет, слон не уйдет, — ответил Мпепо, поглаживая мою ногу.

Наутро я лучше разглядел моих новых хозяев. Больше всех мне понравился Мпепо. Он всегда был весел и улыбался, обнажая белые зубы, несколько обезображенные отсутствием двух верхних резцов.

Мпепе, видимо, любил слонов и очень заботливо ухаживал за мной. Он промывал мне уши, глаза, ноги и складки кожи. Приносил мне угощение — каких-то вкусных плодов и ягод, которые разыскивал для меня.

Броун все еще болел, и я не мог составить о нем более или менее полного представления. Его лицо и его прямота, когда он говорил со своими спутниками, нравились мне. Но Бакала и Кокс мне решительно не нравились. Особенно странное и неприятное впечатление производил Бакала. На нем был грязный изорванный костюм из лучшего материала и самого лучшего покроя. Этот костюм мог принадлежать какому-нибудь очень богатому туристу. И мне казалось, что костюм и палатка достались Бакале преступным путем. Быть может, он убил какого-нибудь знатного англичанина-путешественника и ограбил его. Великолепное ружье также могло принадлежать этому англичанину. На широком поясе Бакала носил большой револьвер и нож устрашающих размеров. Бакала был не то португалец, не то испанец, человек без родины, семьи и определенных занятий.

Сизый Кокс был англичанин, не поладивший с законами своей страны. Все трое были браконьеры: они охотились на слонов ради слоновой кости, не считаясь ни с какими законами и границами.

Мпепе был их проводник и инструктор. Он, несмотря на свою юность, был прекрасный знаток слонов и слоновьей охоты. Правда, его приемы ловли слонов были грубые, варварские. Но других он не знал. Он применял те способы, которым научился у отцов. А браконьерам было глубоко безразлично, каким способом истреблять слонов. Они окружали их кольцом костров и добивали полузадохшихся от дыма и опаленных, ловили в ямы с острыми кольями на дне, стреляли, подрезывали жилы на задней ноге, оглушали бревном, падавшим сверху, и потом добивали. Мпепе был очень полезен им.

ХІІІ. ТРУЭНТ ПОШАЛИВАЕТ

Однажды, когда Броун начал поправляться, но был еще слишком слаб, чтобы принимать участие в охоте, Кокс и Бакала отправились, сидя на

моей спине, за несколько десятков километров за бивнями слона, убитого накануне. Их никто не слышал, а я был всего только вьючное животное, и потому они откровенно разговаривали между собой.

— Этой шоколадной обезьяне — как там ее зовут? — придется отвалить, по уговору, пятую часть добычи, — сказал Бакала.

— Жирно будет, — ответил Кокс.

— А остальное придется разделить на три части: тебе, мне и Броуну. Если считать, что килограмм кости даст нам семьдесят пять — сто марок...

— Ни в коем случае столько не дадут. Ты в этом деле ничего не понимаешь. Есть так называемая мягкая, или мертвая, кость и твердая, или живая. Первая только называется мягкой, но на самом деле она очень плотная, белая и нежная. Из нее делают бильярдные шары, клавиши, гребенки. Такая кость дорого ценится. Но у здешних слонов не такая кость. За мягкой костью надо ехать в Восточную Африку. Но там из твоих твердых костей сделают мягкие, прежде чем позволят убить хоть одного слона. А кость здешних слонов — твердая, живая, прозрачная. Из нее можно делать только какие-нибудь ручки для палок и зонтов да дешевые гребенки.

— И что же получается? — спросил хмуро Бакала. — Что мы работали впустую?

— Зачем впустую? Кое-что останется. Если вчетвером охотиться, а добычу поделить только пополам, то и совсем не плохо будет...

— Пусть меня слоны растопчут в лепешку, если я сам не думал о том же.

— Надо не думать, а делать. Броун не сегодня-завтра окончательно станет на ноги, и тогда с ним не справиться. Бычачья сила у этого рыжего черта. А Мпепо верток, как обезьяна. Их надо враз уничтожить. Лучше ночью. И для верности напоить. У нас еще осталось немного спирта. С них хватит.

— Когда?

— Приехали...

В огромной яме боком лежал слон. Несчастный напоролся брюхом на острый кол еще три дня тому назад, но до сих пор был жив. Бакала пристрелил его, спустился в яму вместе с Коксом и начал вырубать бивни. Они проработали почти весь день. Солнце уже

склонялось к западу. Привязав бивни веревками к моей спине, они отправились в обратный путь.

Уже палатка была видна, когда Кокс сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— И нечего откладывать. Сегодня ночью.

Но их ждало разочарование. К своему удивлению, Броуна они не застали в лагере. Мпепе объяснил, что «бана» почувствовал себя настолько хорошо, что пошел на охоту и, может быть, на ночь не вернется. Бакала тихо выругался. Пришлось отложить убийство до другого раза.

Броун вернулся только под утро, когда Кокс и Бакала спали. Он подошел к Мпепе, тронул его за плечо. Туземец, стоявший на часах, весело улыбнулся, оскалив зубы. Броун махнул рукой и подвел юношу к слону, приказывая садиться. Мпепе сделал мне знак рукой, я склонил колени, они взобрались на спину, и я повез их вдоль опушки леса.

— Я хочу сделать им подарок. Они думают, что я болен, а я совсем здоров. Сегодня ночью мне удалось убить слона—большого слона с великолепными бивнями. Ты поможешь мне обрубить их. То-то удивятся Бакала и Кокс.

При свете восходящего солнца на берегу реки, среди зарослей кофейных кустарников, я увидел огромную раздутую тушу слона, лежащую на боку.

Покончив с бивнями, мы отправились назад — на встречу нашей гибели. Броун и Мпепе были обречены на более скорую смерть, я несколько позже должен был разделить их участь. Впрочем, я всегда мог убежать от людей. Но я не делал этого, так как непосредственной опасности мне не угрожало, и я хотел, если удастся, спасти от смерти Броуна и Мпепе. Мне было особенно жалко Мпепе — этого жизнерадостного юношу с телом Аполлона. Но как предупредить их? Увы, я не имел возможности рассказать им об угрожающей опасности... А что, если я откажусь нести их в лагерь?

Я вдруг круто повернул с дороги и направился в ту сторону, где протекала Конго. Мне казалось, что на реке они могут встретить людей и Броун сможет вернуться в культурные страны. Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею. Острие прокалывало мне кожу. А моя кожа очень чувствительна и подвер-

жена загноению. Я помнил, как долго не заживала ранка, причиненная пулей англичанина, охотившегося на меня с лодки. Я слышал, как Мпепо просил Броуна не колоть мне шею, но Броун был взбешен моим непослушанием и колот все сильнее, все глубже.

Мпепо пробовал уговаривать меня самыми ласковыми словами на своем языке. Я не понимал слов, но интонации голоса понятны одинаково всем людям и животным. Мпепо нагнулся и поцеловал меня в шею. Бедный Мпепо! Если бы он знал, о чем просит меня!..

— Убить его, и больше ничего! — сказал Броун. — Если Труэнт не хочет везти, то он больше ни на что не нужен, как только на то, чтобы обрубить его клыки. Порченный слон! Настоящий «труэнт». Ушел от одних хозяев, теперь хочет удрать от нас. Но это ему не удастся. Я сейчас всажу ему пулю между глазом и ухом.

Я затрепетал, когда услышал эти слова. Броун, охотник на слонов, не промахнется, сидя на слоне... Погибнуть самому или предать их на верную смерть? Я слышал, как Мпепо умолял Броуна пощадить меня. Но англичанин был непреклонен. Он уже снимал ружье с плеча.

В самый последний момент я неожиданно повернул к лагерю. Броун рассмеялся.

— Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я хотел сделать, — сказал он.

Я покорно прошел несколько шагов, потом вдруг схватил хоботом Броуна, стащил его со спины, бросил на землю и быстро побежал к лесу вместе с Мпепо. Броун кричал и ругался. Он ушибся не сильно, однако после болезни был еще слаб и не сразу мог подняться на ноги. Я воспользовался этим и добежал до леса. «Если нельзя спасти обоих, — думал я, — то спасу по крайней мере Мпепо». Но и туземец не хотел расставаться с лагерем. Недаром он несколько месяцев охотился на слонов, рискуя жизнью. Теперь он должен был получить награду. Мне надо было попридержать Мпепо хоботком; я не догадался сделать этого, думая, что он не решится прыгать с высоты моей спины. Но юноша ловкий, как обезьяна, поступил иначе: когда я шел вблизи леса, он ухватился за ветки и вскочил на сук. Я не мог достать Мпепо и стоял у дерева, пока не услышал запаха подкрадывающегося ко мне сзади

Броуна. Тогда я, не ожидая, пока Броун начнет стрелять, побежал в лесную чащу.

Они ушли. Но я не хотел предоставлять этих людей их судьбе. И, подождав немного, отправился в путь. Я обошел стороной и прибыл в лагерь раньше их. Кокс и Бакала очень удивились, увидав меня без всадников, но с хорошими бивнями на спине.

— Неужели слоны или дикие звери помогли нам отделаться от Броуна и Мпепо?—сказал Кокс, развязывая веревки.

Однако радость их была преждевременна. Скоро явились ругающийся Броун и Мпепо. Броун, увидав меня, разразился новым потоком проклятий и ругательств. Он рассказал своим товарищам, какую шутку я проделал с ними, и убеждая их тотчас прикончить меня. Но расчетливый Кокс был против и вновь начал делать свои выкладки. Кокс и Бакала уверяли, что они очень рады выздоровлению и возвращению Броуна, да еще с парюю прекрасных бивней.

XIV. ЧЕТЫРЕ ТРУПА И СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Спать улеглись рано. Мпепо в эту ночь не дежурил и уснул сном младенца. Крепко уснул и уставший Броун. Кокс стоял на страже, а Бакала ворочался под одеялом, но, видимо, не спал. Несколько раз Бакала приподнимал голову, вопросительно поглядывая на Кокса, но тот отрицательно тряс головой: «рано».

Ущербленная луна показалась из-за леса, осветив поляну тусклым сиянием. Где-то в лесу жалобно закричал, как младенец, какой-то зверек, попав на зубы хищнику. Броуна не разбудил этот звук,—значит, спит крепко. Кокс кивнул головой утвердительно. И Бакала, который следил за каждым жестом Кокса, тотчас встал и заложил руку за спину, очевидно, вытаскивая из заднего кармана револьвер. Я решил, что надо начинать действовать. Я проделал штуку, к которой обыкновенно прибегают индийские слоны, желая напугать врага: они плотно прижимают отверстие хобота к земле и начинают сильно дуть. Получается странный, пугающий

звук: треск, бульканье, храпенье. Этот звук мог бы разбудить мертвых. А Броун не был мертв.

— Какой черт тут играет на тромбоне? — сказал он, поднимая голову и тараща сонные глаза. Бакала присел на корточки.

— Ты что, танцуешь? — спросил Броун.

— Я... слон, проклятый, разбудил меня! Пшел прочь!

Но я не уходил, и через некоторое время, когда Броун опять погрузился в сон, повторил свой фокус. Кокс уже подходил к Броуну с револьвером в руке, когда я затрубил что было мочи. Броун вскопился, подбежал ко мне и пребольно ударил меня ребром ладони по кончику хобота. Я быстро свернул хобот и отошел.

— Убью, проклятое животное! — крикнул он. — Это не слон, а дьявол какой-то, Мпепо! Гони слона отсюда в болото!.. Зачем у тебя револьвер в руках? — вдруг спросил Броун, подозрительно осматривая Кокса.

— Я хотел пальнуть разок-другой в Труэнта, чтобы он убрался подальше.

Броун уже свалился на землю и начинал засыпать. Я отошел на несколько шагов, продолжая наблюдать за лагерем.

— Проклятый слон! — слышал я, как шипит Кокс, грозя мне кулаком.

— Он чует зверя, — ответил Мпепо. Юноша хотел оправдать мои поступки, не подозревая, как он близок от истины. Да, я ревел потому, что чуял зверей — двуногих беспощадных зверей.

Уже совсем под утро Кокс кивнул головой Бакале. Они быстро подбежали: Кокс к спящему Броуну, Бакала — к Мпепо, и оба одновременно выстрелили. Мпепо вскрикнул жалобно и пронзительно, как тот зверек, который кричал в начале ночи, поднялся, встряхнулся, упал и начал быстро-быстро подергивать ногами, а Броун не издал ни единого звука. Все произошло так быстро, что я не успел предупредить несчастных...

Однако Броун был еще жив. Он вдруг поднялся, оперся на локоть правой руки и выстрелил в Кокса, склонившегося над ним. Тот упал как подкошенный. Прикрываясь его трупом, Броун начал стрелять в Бакалу. Бакала закричал:

— А-а! Рыжий обманщик! — Выстрелил один раз и пустился бежать. Но, сделав несколько шагов, Бакала

вдруг завертелся на одном месте, как это бывает с людьми, когда пуля попадет им в голову, и упал на землю. Броун тяжело вздохнул и откинулся навзничь. Острый запах крови стоял над поляной. Все смолкло. Только хрипел Броун. Я подошел к нему и посмотрел в лицо. Глаза его уже были мутны. Но он сделал еще одно судорожное движение и еще раз выстрелил. Пуля легко оцарапала мне кожу у колена правой передней ноги.

ХV. УДАЧНЫЙ МАНЕВР

Наконец-то — это было в Матади — мне посчастливилось. Был вечер. Солнце спускалось за вершины гор, отделяющих бассейн Конго от океана. Я шел по лесу недалеко от реки, предаваясь грустным размышлениям. Я уже начинал сожалеть, что не побежал вместе со стадом в загон. Теперь я не ходил бы изгнанником: или окончились бы все мои земные страдания, или же я превратился бы в честного рабочего слона. Направо от меня, сквозь чащу прибрежного леса, в лучах заходящего солнца горела рубинами река. На лево росли исполинские каучуковые деревья с надрезами на коре. Судя по этим надрезам, здесь близко должны быть люди.

Я прошел еще несколько сот метров и вышел на обработанные поля, где росли маниока, просо, бананы, ананасы, сахарный тростник и табак. Осторожно ступая, я прошел по меже между сахарным тростником и табачным полем. Межа привела меня к большой поляне с домом посередине. Около дома никого не было видно, а на поляне недалеко от меня резвились дети: мальчик и девочка семи—девяти лет, игравшие в серсо.

Я вышел на поляну, не замеченный ими, и вдруг, поднявшись на задние ноги пискнул как можно смешнее и заплясал. Дети увидали меня и замерли от удивления. А я, радуясь, что они не заплакали и не убежали в первую минуту, проделывал такие забавные штуки, которые, вероятно, и не снились дрессированному цирковому слону. Мальчик первый пришел в

восторг и начал хохотать. Девочка захлопала в ладоши. Я танцевал, кувыркался, становился то на передние, то на задние ноги, делал курбеты.

Дети все больше смелели и подходили ко мне. Наконец я осторожно протянул хобот и предложил мальчику сесть на него и покачаться. Мальчик после некоторого колебания решился и, усевшись на конец согнутого хобота, начал качаться. Вслед за этим я покачал и девочку. Признаюсь, я так был рад обществу этих веселых маленьких белых людей, что сам увлекся игрою и не заметил, как к нам подошел высокий худой мужчина с желтоватым лицом и впалыми глазами, говорившими о том, что он перенес не так давно приступ тропической лихорадки. Он смотрел на нас с неописуемым изумлением и, казалось, онемел. Наконец его увидели и дети.

— Папа! — крикнул мальчик по-английски. — Смотри, какой у нас хойти-тойти!

— Хойти-тойти?! — повторил отец глухим голосом. Он стоял, опустив руки, и решительно не знал, что делать. А я начал любезно раскланиваться с ним и даже... опустил перед ним на колени. Англичанин улыбнулся и потрепал меня по хоботу.

”Победа! Победа!,, — ликовал я...”

* * *

На этом и кончается повествование слона. В сущности говоря, на этом можно окончить и его историю, так как дальнейшая участь Хойти-Тойти не представляет особого интереса. Слон, Вагнер и Денисов совершили хорошую прогулку в Швейцарию. Слон, удивляя туристов, гулял в окрестностях Вэвэ, где в прежнее время любил бывать Ринг. Иногда слон купался в Женевском озере. К сожалению, в тот год рано похолодало, и нашим туристам пришлось вернуться в Берлин в специальном товарном вагоне.

Хойти-Тойти продолжает работать в цирке Буша, честно зарабатывая свой ежедневный трехсотшестидесятипятикилограммовый паек и удивляя не только берлинцев, но и многих иностранцев, специально приезжающих в Берлин посмотреть на «гениального слона». Ученые все еще спорят о причинах этой гениаль-

ности. Одни говорят — «фокус», другие — «условные рефлексy», третьи — «массовый гипноз».

За слоном ухаживает Юнг, чрезвычайно вежливый и предупредительный. Юнг в глубине души побаивается Хойти-Тойти и подозревает, что тут не без чертовщины. Сами посудите: слон каждый день читает газету, а однажды вытащил из кармана Юнга коробку с двумя колодами карт для пасьянса — и что же? — когда Юнг пришел невзначай к слону, то застал его за раскладыванием пасьянса на днище большой бочки. Юнг никому не рассказал об этом случае: он не хочет, чтобы его считали лгуном.

* * *

Написано по материалам Акима Ивановича Денисова. И. С. Вагнер, прочитав эту рукопись, написал:

«Все это было. Прошу не переводить этого материала на немецкий язык. Тайна Ринга должна быть сохранена по крайней мере для окружающих».

Над бездной

I. ТАИНСТВЕННАЯ ДАЧА

Во время своих прогулок в окрестностях Симеиза я обратил внимание на одинокую дачу, стоявшую на крутом склоне горы. К этой даче не было проведено даже дороги. Кругом она была обнесена высоким забором, с единственной низкой калиткой, которая всегда была плотно прикрыта. И ни куста зелени, ни дерева не виднелось над забором. Кругом дачи — голые уступы желтоватых скал; меж ними кое-где росли чахлые можжевельники и низкорослые, кри-вые горные сосны.

«Что за фантазия пришла кому-то в голову поселиться на этом диком, голом утесе? Да и живет ли там кто-нибудь?» — думал я, бродя вокруг дачи.

Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь выходил оттуда. Любопытство мое было так велико, что я, признаюсь, пытался заглянуть на двор таинственного жилища, взобравшись на вышележащие скалы. Но дача была так расположена, что, откуда бы я ни заходил, я мог видеть только небольшой угол двора. Он был так же пуст и неводелан, как и окружающая местность.

Однако после нескольких дней наблюдений мне удалось заметить, что по двору прошла какая-то пожилая женщина в черном.

Это еще больше заинтересовало меня.

— Если там живут люди, то должны же они под-держивать хоть какую-нибудь связь с внешним миром, ну, хотя бы ходить на базар за продуктами!

Я стал наводить справки среди своих знакомых, и, наконец, мне удалось удовлетворить мое любопытст-

во. Правда, никто не знал достоверно об обитателях дачи, но один знакомый сообщил мне, что, по слухам, там живет профессор Вагнер.

Профессор Вагнер!

Этого было достаточно, чтобы совершенно приковать мое внимание к даче. Мне во что бы то ни стало захотелось увидеть необычайного человека, наделавшего столько шума своими изобретениями. Но как?.. Я буквально стал шпионить за дачей. Я чувствовал, что это было нехорошо, и все-таки продолжал свои наблюдения, целыми часами в разное время дня и даже ночи просиживая за можжевельным кустом, недалеко от дачи.

Говорят, если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет ее.

Как-то рано утром, когда только что рассвело, я вдруг услышал, что заветная дверь в высоком заборе скрипнула. Я весь насторожился, сжался и затаив дыхание стал следить, что будет дальше.

Дверь открылась. Высокий человек, с румяным лицом, русой бородой и нависшими усами вышел и внимательно осмотрелся вокруг. Конечно, это он, профессор Вагнер!

Убедившись, что вокруг никого нет, он стал медленно подниматься вверх, дошел до небольшой горной площадки и начал заниматься там какими-то совершенно непонятными для меня упражнениями. На площадке были разбросаны камни различной величины. Вагнер подходил к ним и делал попытки поднять их, затем, осторожно ступая, переходил на новое место и опять брался за камни. Но все они были так велики и тяжелы, что даже профессиональный атлет едва ли смог бы сдвинуть их с места.

«Что за странная забава!» — подумал я. И вдруг я был так поражен, что не мог сдержать невольное восклицание. Произошло что-то невероятное: профессор Вагнер подошел к огромному обломку скалы, величиною более человеческого роста, взял за выступавший острый край и поднял обломок с такой легкостью, как если бы это был кусок картона. Вытянув руку, он начал описывать дуги этим обломком скалы.

Я не знал, что подумать. Или Вагнер обладал сверхъестественной силой... но тогда почему он не мог поднять небольшие сравнительно камни, или... Я не успел додумать свою мысль, как новый фокус Вагнера еще больше поразил меня.

Вагнер бросил глыбу вверх, как маленький камешек, и она полетела, поднявшись на высоту двух десятков метров. С волнением ожидал я, как грохнет эта глыба на землю. Но обломок падал обратно довольно медленно. Я насчитал десять секунд, прежде чем глыба опустилась вниз. И, когда она была над землей на высоте человеческого роста, Вагнер подставил руку, поймал и удержал глыбу, причем рука его даже не дрогнула.

— Хо-хо-хо! — весело баском рассмеялся Вагнер и далеко отшвырнул от себя глыбу. Она, пролетев некоторое время параллельно земле, вдруг круто изменила линию полета на отвесную, быстро упала и со страшным грохотом разлетелась в куски.

— Хо-хо-хо! — опять рассмеялся Вагнер и сделал необычайный прыжок. Поднявшись метра на четыре, он пролетел вдоль площадки в мою сторону. Он, очевидно, не рассчитал прыжка, так как с ним случилась такая же история, что и с глыбой: неожиданно он стал быстро падать. И если бы не откос, куда он упал, Вагнер, вероятно, расшибся бы насмерть. Он упал неподалеку от меня, по другую сторону можжевельового куста, застонал и выбралился, ухватившись за колено. Погладив ушибленное место, он сделал попытку встать и вновь застонал.

После некоторого колебания я решил обнаружить свое присутствие и подать ему помощь.

— Вы очень расшиблись? Не помочь ли вам? — спросил я, выходя из куста.

По-видимому, мое появление не удивило профессора. По крайней мере он ничем не проявил его.

— Нет, благодарю вас, — спокойно ответил он, — я сам пойду. — И он сделал новую попытку встать. Лицо его исказилось от боли. Он даже откинулся назад. Нога в колене быстро пухла. Было очевидно, что без посторонней помощи ему не обойтись.

И я стал действовать решительно.

— Идемте, пока боль не обессилила вас еще боль-

ше,— сказал я и поднял его. Он повиновался. При каждом движении больная нога причиняла ему страдание. Мы медленно поднимались по крутому склону. Я почти нес Вагнера на себе и сам изнемогал под тяжестью его довольно грузного тела. Но вместе с тем я был чрезвычайно доволен, что таким образом получил возможность не только увидеть, но и познакомиться с профессором Вагнером, побывать в его жилище. Впрочем, может быть, дойдя до калитки, он поблагодарит меня и не впустит к себе? Эта мысль беспокоила меня, когда мы подходили к высокому забору его дачи. Но он ничего не сказал, и мы переступили заветную черту,— да едва ли он мог что-либо сказать. Ему было совсем плохо. От боли и сотрясения он почти потерял сознание. Я тоже валился от усталости. И все же, прежде чем ввести его в дом, я успел бросить через плечо пытливый взгляд на двор.

Двор был довольно обширный. Посреди стоял какой-то прибор, похожий на аппарат Морена. В глубине двора, в земле, виднелось какое-то большое, застланное толстым стеклом, круглое отверстие. Вокруг этого отверстия, от него к дому и еще в нескольких направлениях из земли выступали металлические дуги, находившиеся друг от друга на расстоянии полуметра.

Больше я ничего не успел рассмотреть. Навстречу нам из дома вышла испуганная пожилая женщина в черном — его экономка, как потом узнал я.

Мы уложили профессора Вагнера в кровать.

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Вагнеру было совсем худо. Он тяжело дышал, закрыв глаза, бредил.

«Неужели от сотрясения может погибнуть эта гениальная машина — мозг профессора Вагнера?» — думал я с беспокойством.

Больной бредил математическими формулами и от времени до времени стонал. Растерявшаяся экономка стояла беспомощно и только повторяла:

— Что ж теперь будет? Батюшки, что ж теперь будет?..

Мне пришлось подать профессору первую помощь и ухаживать за больным.

Только на второй день к утру Вагнер пришел в себя. Он открыл глаза и смотрел на меня вполне сознательно.

— Благодарю вас...— слабо проговорил он.

Я дал ему пить, и он, кивнув мне головой, попросил оставить его. Утомленный тревожными вчерашнего дня и бессонной ночью, я, наконец, решил оставить больного одного и вышел на двор подышать свежим, утренним воздухом. Незнакомый аппарат, стоявший посреди двора, вновь привлек мое внимание. Я подошел к нему и протянул руку.

— Не ходите! Стойте! — услышал я за собой приглушенный, испуганный голос экономки. И в тот же миг я почувствовал, что моя рука вдруг стала необычайно тяжелая, как будто к ней привесили огромную гирию, которая рванула меня вниз с такою силой, что я упал на землю. Невидимая гирия придавила кисть моей руки. С большим усилием я отвел руку назад. Она болела и была красна.

Около меня стояла экономка и сокрушенно качала головой.

— И как это вы... Разве можно?.. Вы лучше не ходите по двору, а то вас и совсем сплющит!

Ничего не понимая, я вернулся в дом и положил на больную руку компресс.

Когда профессор вновь проснулся, он выглядел уже совсем бодрым. Очевидно, у этого человека был необычайно здоровый организм.

— Что это? — спросил он, указывая на мою руку. Я объяснил ему.

— Вы подвергались большой опасности, — сказал он.

Мне очень хотелось скорее услышать от Вагнера разъяснение всего необычайного, что мне пришлось пережить, но я удержался от вопросов, не желая беспокоить больного.

Вечером в тот же день Вагнер, попросив передви-

нуть его кровать к окну, сам начал говорить о том, что так занимало меня.

— Наука изучает проявления сил природы,— начал он без предисловия,— устанавливает научные законы, но очень мало знает сущность этих сил. Мы говорим: «электричество, сила тяжести». Мы изучаем их свойства, используем для своих целей. Но конечные тайны своей природы они открывают нам очень неохотно. И потому мы используем их далеко не в полной мере. Электричество в этом отношении оказалось более податливым. Мы поработили эту силу, овладев ею, заставили работать на себя. Мы ее перегоняем с места на место, копим в запас, расходует по мере надобности. Но сила тяжести — это поистине самая неподатливая сила. С ней мы должны ладить, больше приспособляться к ней, чем приспособлять ее к своим нуждам. Если бы мы могли изменять силу тяжести, управлять ею по своему желанию, аккумулировать, как электричество, то какое могущественное орудие мы получили бы! Овладеть этой непокорной силой было давнишним моим желанием.

— И вы овладели ею! — воскликнул я, начиная понимать все происшедшее.

— Да, я овладел ею. Я нашел средство регулировать силу тяжести по своему желанию. Вы видели мой первый успех... Ох... успехи иногда дорого стоят!.. — вздохнул Вагнер, потирая ушибленное колено. — В виде опыта, я уменьшил силу тяжести на небольшом участке около дома. И вы видели, с какой легкостью я поднял глыбу. Это сделано за счет увеличения силы тяжести на небольшом пространстве моего двора... Вы едва не поплатились жизнью за свое любопытство, приблизившись к моему «заколдованному кругу».

— Да вот, посмотрите,— продолжал он, указывая рукой в окно. — По направлению к даче летит стая птиц. Может быть, хоть одна из них пролетит над зоной усиленного притяжения...

Он замолчал, и я с волнением наблюдал за приближающимися птицами... Вот они летят над самым двором...

И вдруг одна из них камнем упала на землю и даже не разбилась, а прямо превратилась в пятно, ко-

торое покрыло землю слоем, вероятно, не толще папиросной бумаги.

— Видали?

Я содрогнулся, представив себе, что и меня могла бы постигнуть такая же судьба.

— Да,— угадал он мою мысль,— вы были бы раздавлены тяжестью собственной головы и превратились бы в лепешку.— И, опять усмехнувшись, он продолжал: — Фима, моя экономка, говорит, что я изобрел прекрасное средство сохранять продукты от бродячих кошек. «Совсем их не губите,— говорит она,— а чтоб лапы прилипли: другой раз не явятся!» Да...— сказал он после паузы,— есть кошки, еще более вредные и опасные — двуногие, вооруженные не когтями и зубами, а пушками и пулеметами.

Представьте себе, каким оградительным средством будет покоренная сила тяжести! Я могу устроить заградительную зону на границах государств, и ни один враг не переступит ее. Аэропланы будут падать камнем, как эта птица. Больше того, даже снаряды не в силах будут перелететь этой заградительной зоны. Можно сделать и наоборот: лишить наступающего врага силы тяжести, и солдаты при малейшем движении будут высоко подпрыгивать и беспомощно болтаться в воздухе... Но это все пустяки по сравнению с тем, чего я достиг. Я нашел средство уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара, за исключением полюсов...

— И как вы этого достигнете?

— Я заставлю земной шар вращаться быстрее, вот и все,— ответил профессор Вагнер с таким видом, как будто дело шло о волчке.

— Увеличить скорость вращения земли?! — не мог удержаться я от восклицания.

— Да, я увеличу скорость ее движения, и тогда центробежная сила начнет возрастать, и все тела, находящиеся на земле, будут становиться все легче. Если вы ничего не имеете против того, чтобы погостить у меня еще несколько дней...

— С удовольствием!

— Я начну опыт, как только встану, и вы увидите много интересного.

III. «ВЕРТИТСЯ»

Через несколько дней профессор Вагнер оправился совершенно, если не считать того, что он немного прихрамывал. Он надолго отлучался в свою подземную лабораторию, находящуюся в углу двора, предоставляя в мое распоряжение свою домашнюю библиотеку. Но в лабораторию он не приглашал меня.

Однажды, когда я сидел в библиотеке, вошел Вагнер, очень оживленный, и еще с порога крикнул мне:

— Вертится! Я пустил свой аппарат в ход, и теперь посмотрим, что будет дальше!

Я ожидал, что произойдет что-нибудь необычайное. Но проходили часы, прошел день, ничего не изменилось.

— Подождите,— улыбался профессор в свои нависшие усы,— центробежная сила возрастает пропорционально квадрату скорости. А земля—порядочный волчок, ее скоро не раскачаешь!

Наутро, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то легкость. Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне значительно легче, чем обычно. Очевидно, центробежная сила начала действовать. Я вышел на веранду и уселся с книгой в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно я обратил внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Что бы это могло значить? Как будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною.— Земля вращается быстрее, и смена дня и ночи становится короче.

— Что же будет дальше? — с недоумением спросил я.

— Поживем — увидим,— ответил профессор.

Солнце в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю, какой переполох произвело это событие во всем мире!—сказал я профессору.—Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радиоприемник,— ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и мог убедиться в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении.

Но это было только начало. Вращение земли все увеличивалось. Сутки равнялись уже всего четырем часам.

— Теперь все тела, находящиеся на экваторе, потеряли в весе одну сороковую часть,— сказал Вагнер.

— Почему только на экваторе?

— Там притяжение земли меньше, а радиус вращения больше, значит, и центробежная сила действует сильнее.

Ученые уже поняли грозящую опасность. Началось великое переселение народов из экваториальных областей к более высоким широтам, где центробежная сила была меньше. Но пока облегчение веса приносило даже выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы, слабосильного мотоциклетного мотора было достаточно, чтобы везти большой пассажирский аэроплан, скорость движения увеличилась. Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще начали сходиться с рельс на уклонах и закруглениях пути, впрочем без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер, поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Когда скорость вращения увеличилась в семнадцать раз, предметы и люди на экваторе совершенно лишились веса.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была «прикреплена» к земле силой земного тяготения,— объяснил мне спокойно профессор.

— Но... тогда и мы задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания.

Вагнер оставался невозмутимым.

— Зачем я это сделал, вы узнаете потом.

— Неужели только для научного опыта?

— Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие...

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

«Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обрекать на смерть миллионы людей», — думал я.

Моя неприязнь к Вагнеру увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось, да и было от чего: эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов — и я взлетал вверх и бился головой о потолок, — правда, не очень больно. Вещи теряли свой вес, и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть за стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя также отклонялась в сторону. Движения наши сделались порывисты. Члены тела, почти лишенного тяжести, дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. «Моторы» нашего тела — мускулы — оказались слишком сильны для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время убывал.

Фима, экономка Вагнера, злилась не меньше меня. Она походила на жонглера, когда готовила пищу. Кастрюли и сковородки летели вверх, в сторону; она пыталась ловить их и делала нелепые движения, плясала, подпрыгивала.

Один только Вагнер был в прекрасном настроении и даже смеялся над нами.

На двор я решался выходить, только набив карманы камнями, чтобы «не упасть в небо». Я видел, как мелело море,— воду сгоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега... В довершение всего я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился реже. Ураганный ветер, дувший все время с востока, начал как будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

Воздух редет... скоро конец... У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо или задохнуться. Это худшая смерть, но зато я досмотрю до конца, что будет с землей...

«Нет, все-таки лучше покончить сразу»,— решил я, испытывая тяжелое удушье, и стал вынимать камни из кармана.

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо.

— Пора нам спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой экономке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы отправились в угол двора, к большому круглому «окну» в земле. Я потерял свою волю и шел как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я мягко упал на каменный пол.

IV. ВВЕРХ ДНОМ

Я не знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза и очень удивил-

ся, увидав электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь,— услышал я голос профессора Вагнера.— Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну, так вставайте, довольно лежать! — и он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой,— сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой, со стеклянным потолком или полом, я затрудняюсь сказать. Дело в том, что мы переживали, очевидно, тот момент, когда притяжение земли и центробежная сила сделали наши тела совершенно невесомыми.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, налетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг другу руки. Всего несколько сантиметров разделяло нас, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия. Сдвинутые нами вещи летали вместе с нами. Стул «парил» среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась,— она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Я заметил дверь в четвертую комнату. Там что-то гудело, но в эту комнату Вагнер не пустил меня. В ней, очевидно, стоял механизм, ускорявший движение земли.

Скоро, однако, наше «межпланетное путешествие» окончилось, и мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная на потолке, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещая нашу комнату в короткие ночи.

Вагнер действительно все предусмотрел. Наше помещение хорошо снабжалось воздухом, хранимым в особых резервуарах. Мы были обеспечены консервами

и водой. «Вот почему экономка не ходила на базар», — подумал я. Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо. Когда я смотрел вниз, под ноги, сквозь толстое, но прозрачное стекло, я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе это небо.

Однако зеркало отражало в себе иногда необычайные и даже страшные вещи.

Экономка заявила, что ей нужно сходить в дом, так как она забыла масло.

— Как же вы пойдете? — сказал я ей. — Ведь вы свалитесь вниз, то есть вверх, фу, черт, все перепуталось!

— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головами, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась «ходить руками», хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел!

Я не ожидал такого геройства от женщины. Рисковать собой, «ходить руками» над бездной из-за какого-то масла!

— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер. — Вес нашего тела еще незначителен, — он только начал увеличиваться от нуля, и нужна совсем небольшая мускульная сила, чтобы удержаться. При этом я буду сопровождать ее; кстати, мне нужно захватить из дома записную книжку, — я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки со сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.

И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отправились в путь. Двойная дверь захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека в круглых колпаках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро

«шли руками» к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

«Действительно, это не так страшно,— подумал я.— Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?..» Вагнер и экономка проследовали в той же позе по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились обратно.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от чего я похолодел. Экономка выронила банку с маслом и, желая подхватить ее, сорвалась и полетела в бездну...

Вагнер сделал попытку спасти ее: он неожиданно размотал веревку, прикрепленную к поясу и, зацепив ее за скобу, бросился вслед за экономкой. Несчастная женщина падала довольно медленно. А так как Вагнер сильным толчком придал своему телу более быстрое движение, то ему удалось догнать ее. Он уже потянул к ней руку, но не мог достать: центробежная сила отклонила ее полет несколько в сторону. И скоро она отделилась от него... Вагнер повисел немного на распушенной веревке и начал медленно подниматься из бездны неба на землю...

Я видел, как несчастная женщина махнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, покрыла эту картину гибели...

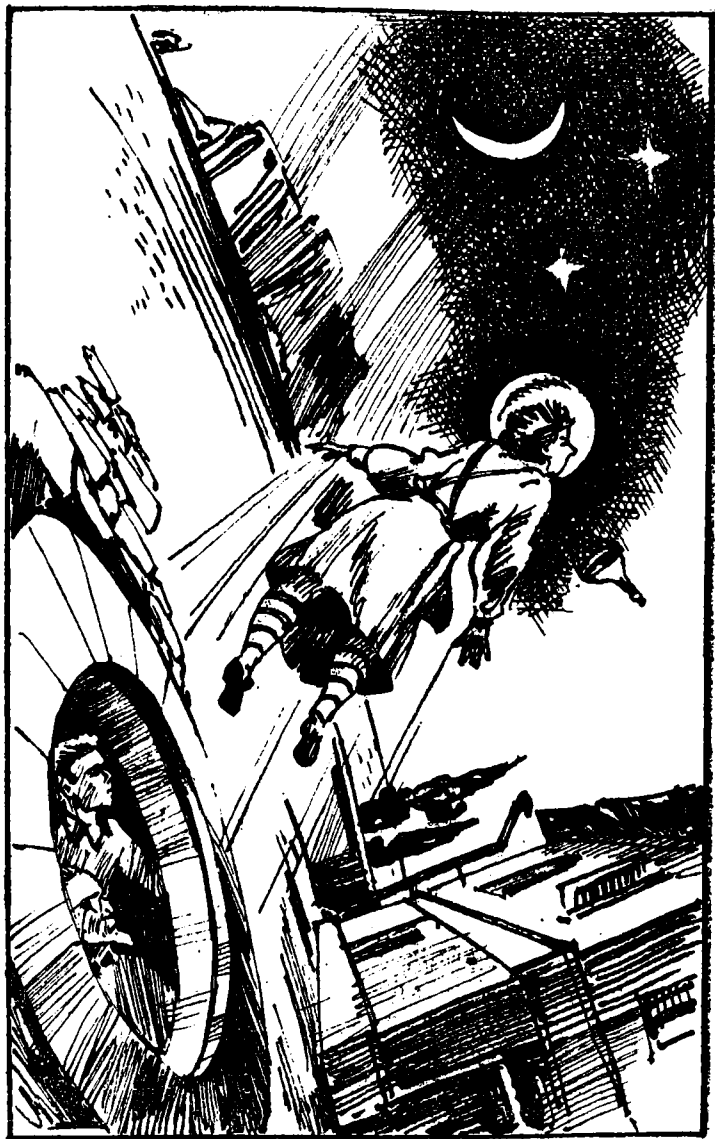
Я содрогнулся, представив себе ее последние ощущения... Что будет с ней?.. Ее труп, не разлагающийся в холоде вселенной, будет вечно нестись вперед, если какое-нибудь светило, проходящее вблизи, не притянет этот труп.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть,— сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел на бездну, расстилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство над нами, а бездна... что мы «живем в небе», прилепившись к пылинке, земле, и нас с большим правом поэтому можно назвать жителями неба, «небожителями», чем жителями земли. Ничтожные небожители! Тяготение земли, очевидно, действовало не только на наше тело, но и на

сознание, приковывая его к земле. Теперь эта связь порвалась. Я чувствовал хрупкость нашего земного существования... Наше сознание зародилось вместе с землею, в безднах неба, в безднах бесконечного пространства и там же оно угаснет...

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх... Скоро начали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сменялись все быстрее... Солнце проносилось по бездне-небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь... Вот, в свете солнца, я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю... Я вижу, что скоро конец...

Но люди еще есть на земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне, — вместе с последними остатками атмосферы земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури... Луна уменьшилась в размерах, земля уже не может больше удерживать своего спутника, и луна удаляется от земли...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напружились, стали выпуклыми, дрожат... Скоро они не выдержат, и я провалюсь в бездну...

Кто это ворчит рядом со мной?.. А, профессор Вагнер.

Я с трудом поднимаюсь: бешеная скорость земли наполнила свинцом мое тело. Я тяжело дышу...

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили человечество, вы уничтожили жизнь на земле... Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение земли, иначе я...

Но профессор молча отрицательно качает головой.

— Отвечайте! — кричу я, сжимая кулаки.

— Я не могу ничего поделаться... очевидно, я допустил ошибку в расчетах...

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я и, совершенно обезумев, бросился на Вагнера и начал его душить... В этот же момент я почувствовал, как трещит наш пол, лопаются стекла, и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну...

V. «НОВЫЙ СПОСОБ ПРЕПОДАВАНИЯ»

Передо мною улыбающееся лицо профессора Вагнера. Я с удивлением смотрю на него, потом вокруг себя.

Раннее утро. Голубой полог неба. Море синееет вдали. У веранды две белые бабочки мирно порхают. Миню меня проходит экономка с большим куском сливочного масла на тарелке...

— Что это?.. Что все это значит? — спрашиваю я профессора.

Он улыбается в свои длинные усы.

— Прошу извинения, — говорит он, — что я без вашего разрешения и даже не будучи с вами знаком, использовал вас для одного опыта. Если вы знаете меня, то вам, вероятно, известно, что я давно работаю над разрешением вопроса, как одному человеку вместить огромную массу современных научных знаний. Я лично, например, достиг того, что каждая половина моего мозга работает самостоятельно. Я уничтожил сон и утомляемость...

— Я читал об этом, — ответил я.

Вагнер кивнул головой.

— Тем лучше. Но это не всем доступно. И я решил использовать для педагогических целей гипноз. Ведь в конце концов и в обычной педагогике есть доля гипноза... Выйдя сегодня рано утром на прогулку, я заметил вас... Вы уже не первый день дежурите за можжевельным кустом? — спросил он с веселой искоркой в глазах.

Я смутился.

— Ну, вот я и решил наказать вас за ваше любопытство, подвергнув гипнозу...

— Как, неужели все это было?..

— Только гипнозом, с того самого момента, как вы увидели меня. Не правда ли, вы все пережили как реальность? И уж, конечно, никогда в жизни вы не забудете пережитого. Таким образом, вы имели возможность получить урок наглядного обучения о законах тяжести и центробежной силы... Но вы оказались очень нервным учеником и под конец урока вели себя несколько возбужденно...

— Но сколько же времени продолжался урок?

Вагнер посмотрел на часы.

— Минуты две, не более. Не правда ли, продуктивный способ усвоения знаний?

— Но позвольте,— вскричал я,— а это стеклянное окно, эти скобы на земле!..— Я протянул руку и вдруг замолчал. Площадь двора была совершенно ровною; не было ни скоб, ни стеклянного круглого «окна»...

— Так это... тоже был гипноз?

— Ну, разумеется... Сознайтесь, что вы не очень скучали за моим уроком физики? Фима,— крикнул он,— кофе готов? Идемте завтракать.

Светопреставление

1. ПОД СТАРОЙ ЛИПОЙ

— Нет, трудно в наше время быть «собственным корреспондентом». Я, как говорится, выбит из седла и не знаю, о чем теперь писать. Вы помните мой рождественский фельетон? Я сделал любопытный подсчет, сколько десятков миллионов бутылок вина и шампанского выпили берлинцы за праздники и сколько сотен миллионов килограммов съели свинины и гусей. Немцам это показалось обидно. «А, он хочет доказать, что нам совсем не плохо живется, и что, следовательно, мы можем гораздо аккуратнее платить военные долги?» Дело дошло до дипломатических осложнений. Мне пришлось объясняться и извиняться¹.

— На таких фельетонах журналисты делают имя,— сказал Лайль, отпивая кофе.

— Разные бывают имена,— ответил Марамбалль.— Меня едва не отозвала редакция обратно в Париж. И я теперь решительно в затруднении. Нельзя же все время писать о новых постановках и выставках картин!

Приятели замолчали, занявшись завтраком. Каждое утро они встречались здесь, в Тиргартене², занимали столик под старой тенистой липой, пили кофе и делились новостями. Марамбалль — собственный корреспондент газеты «Тан» — двадцатипятилетний молодой человек с черными усами и живыми, веселыми глазами, очень подвижный, беспечный и жизнерадостный, и Лайль — корреспондент лондонской газеты «Дейли Телеграф», замкнутый, сухой, бритый, с нераз-

¹ Случай, имевший место в действительности в 1927 году.

² Тиргартен — общественный парк в Берлине.

лучной трубкой в зубах. Несмотря на разность в характерах, они были большими друзьями. Даже профессиональное соперничество не портило этой дружбы.

Лайль допил кофе, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ну что же, облюбуйте какой-нибудь берлинский Чарнинг-Кросс¹ и напишите теперь о бедноте.

— Благодарю вас. Меня, чего доброго, заподозрят в большевизме, и редакция уж наверное отзовет меня после такого фельетона.

— Все зависит от того, как вы постройте фельетон.

— Ах, надоело мне это!.. Вы слышали новую негритянскую певицу мисс Глоу? Она выступает в цирке Буша. Уж действительно Глоу². От ее пения несет зноем африканской пустыни. Траляляляля! Изумительно! Непременно пойдите. И зачем только столь очаровательный голос она держит в черном теле! Эй, эфемериды, пожалуйте сюда!

Молодой грек, в белом костюме и соломенной шляпе, с черными, грустными, маслянистыми, большими глазами и орлиным носом, подошел к столику, раскланялся, церемонно подняв шляпу, и присел на край стула.

— Жарко,— сказал Метакса — так звали грека,— обтирая влажный лоб шелковым платком.

— Как называется газета, в которой вы работаете? — спросил Марамбалль, подмигивая Лайлю.

— «Имера».

— Химера?

— «Имера», что значит «день». Хорошая газета, афинская, шестьдесят тысяч тираж.

— Ого! И вы посылаете туда эфемериды?³ Вот мы тут спорили с Лайлем,— и Марамбалль опять подмигнул Лайлю,— каково первоначальное значение слова «комедия»?

— «Космос» значит «разгул»,— серьезно отвечал Метакса,— «оди» — «песнь». «Комодоя» — веселое пение в честь Вакха-Дионисия⁴. Так произошло слово

¹ Чарнинг-Кросс — колоссальная арка в Лондоне, у которой собираются бездомные.

² Geow (англ.) — жар, яркость, пыл.

³ Эфемериды — в Древней Греции назывались ежедневные отчеты о деятельности царей и полководцев.

⁴ Вакх или Дионис — в греческой мифологии — бог плодородия, вина и веселья.

«комедия». — И, окинув журналистов ласковым взглядом, Метакса спросил:

— Вы не знаете последней новости? Говорят, вчера подписано тайное соглашение между Германией и Советской Россией. О! Делиани! — Наскоро простившись, Метакса нагнал своего соотечественника, шедшего по дорожке с большой корзиной, наполненной шелковыми тканями.

— Из него никогда не выйдет хорошего журналиста, — сказал Марамбалль, глядя вслед удалявшемуся греку.

— Почему вы так думаете? — процедил сквозь зубы, не выпуская трубки, Лайль.

— Разве настоящий журналист станет говорить о такой крупной новости, как подписание тайного соглашения между державами, если уж ему удалось кое-что пронюхать первым? Да и журналист ли он?

— Метакса приехал в Берлин учиться, а для того, чтобы иметь материальные средства, он корреспондирует какую-то греческую газету. — И, посопев угасавшей трубкой, Лайль продолжал:

— Но вы ошибаетесь, считая его глупым. Он умнее, чем кажется, и хитрее нас двоих, вместе взятых. Если он разбалтывает, как вы полагаете, о дипломатической тайне, то у него, очевидно, своя цель.

Марамбалль задумался. Если бы ему первому удалось добыть сведения о тайном соглашении! Это сразу выдвинуло бы Марамбалля. До сих пор ему приходилось играть вторые роли: «аккредитованным»¹ представителем и корреспондентом газеты «Тан» был некто Эрмет, старый журналист и политический деятель. Он писал корреспонденции по наиболее важным политическим вопросам; на долю же Марамбалля оставались мелочи: театр, искусство, спорт, судебные процессы. Но Марамбалль был честолюбив; притом он любил широко пожить. Не мудрено, что он спал и видел во сне сенсации первостепенной важности, которые он, Марамбалль, сообщает изумленному миру. Фраза, мельком брошенная Метаксой о тайном соглашении, взволновала его. Это было в его духе. Если бы удалось вырвать эту тайну из недр министерства! Впервые за все время его дружбы с Лайлем Марамбалль

¹ Аккредитованный — на дипломатическом языке — уполномоченный, облеченный доверием.

посмотрел на своего товарища с опасением и тревогой.

«Только бы ему не пришла в голову мысль добывать эту чертову грамоту!»

Лайль поймал взгляд Марамбалля и, улыбаясь углами глаз, спросил:

— Что, задел вас Метакса за живое?

— Глупости,— равнодушно ответил Марамбалль. Он был смущен и зол на Лайля за то, что тот отгадал его мысль. Марамбалль повернулся на стуле, рассеянно посмотрел вдоль аллеи и вдруг весь встрепенулся. Широкая улыбка открыла его прекрасные белые зубы.

Мимо их столика шла девушка в легком сером костюме, с открытой головой, остриженной «мальчишкой».

— Здравствуйте, господин Марамбалль,— приветливо ответила она на поклон.— Отец сегодня уезжает на заседание к министру,— и, весело улыбнувшись, она удалилась, помахивая стеком.

Лайль, едва заметно улыбаясь, наблюдал за взглядом Марамбалля, следившим за удалявшейся девушкой. И Марамбалль был вознагражден: она еще раз обернулась и кивнула ему головой.

— Какая вольность для немки, не правда ли? — сказал сияющий Марамбалль, поворачивая лицо к Лайлю.— Дочь первого секретаря министра иностранных дел Рупрехта Леера.

— Ого!

— Тип новой немецкой женщины послевоенной формации. Костюм, прическа, манеры, вы видели? Чемпион плавания, лаун-тенниса, поло. Тело Валькирии и голос Лорелеи!¹ Прекрасно поет. Имеет один только физический недостаток: тяжелую поступь. Вы заметили? Берлинка, ничего не поделаешь! Если бы сто первых красавиц Берлина прошли по этой дорожке церемониальным маршем, их ноги подняли бы не меньше шума, чем рота солдат.

— С этим недостатком можно помириться, если через сердце фрейлейн Леер лежит путь к тайнам кабинета ее отца,— глубокомысленно сказал Лайль.

¹ Валькирии — в скандинавской мифологии — молодые, прекрасные девы, живущие в чертогах бога Одина, решающие судьбы битв. Лорелея — по древнему немецкому сказанию — нимфа, живущая на рейнской скале того же названия и пением своим завлекающая путешественников с целью погубить их.

«И зачем только такие догадливые люди бывают на свете!» — с досадой подумал Марамбалль.

— Для француза женщина всегда самоцель, — напыщенно ответил он. — Нас сблизила общая любовь...

Лайль выпустил густой клуб из заново набитой трубки.

— Любовь к спорту и пению. Представьте, она обожает Равеля, Метнера, Стравинского¹ и... французские шансонетки. И я обильно снабжаю ее этим легкомысленным жанром². — Посмотрев на часы, Марамбалль сказал:

— Однако мне пора. Музы призывают меня. Иду писать очередной фельетон.

— Так не забудьте же посетить цирк Буша! Глоу! Огонь, жар, пламя, зной и кожа, блестящая, как ботинки, только что вычищенные компатриотом Метаксы.

II. ДВОЙНИК МАРАМБАЛЛЯ

Марамбалль писал так же легко и непринужденно, как и жил: не углубляясь и не задумываясь о том, что выйдет. Иногда он удивлял редактора и самого себя блестящим фельетоном, иногда попадал впросак, как это было с его злополучным фельетоном о выпитых морях вина и горах съеденной берлинцами свинины. В работе для него было трудным только одно: сесть за стол. Вся его слишком живая, экспансивная³ натура протестовала, и ему было так же трудно засадить себя за стол, как ввести в оглобли необъезженную лошадь.

В этот день с ним было как всегда. Усилием воли он заставлял себя подойти к столу, но тотчас увертывался, проходил мимо, подходил к окну, и, напевая веселую шансонетку, барабанил пальцами по стеклу. Потом он открывал окно: душно. Потом закрывал его: мешает уличный шум. И при этом курил одну папиросу за другой.

¹ Равель, Метнер, Стравинский — композиторы левого направления.

² Жанр — род, манера художественного творчества.

³ Экспансивный — стремительно проявляющий свои чувства, не умеющий владеть собой.

Измерив комнату бесчисленное количество раз вдоль и поперек, он, наконец, перехитрил свою поровистую натуру: сделал посреди комнаты резкий поворот, подбежал к столу с видом человека, бросающегося в омут, и уселся в кресло, преисполненный решимостью.

Марамбалль взял в рот новую папироску и зажег спичку. Но тут случилось нечто, заставившее его забыть о фельетоне и повергшее его сначала в недоумение, а потом и в ужас.

Спичка зажглась с треском, как ей полагается, но Марамбалль не увидел огня, хотя слух не мог обмануть его, что спичка зажглась. Раздумывая над этим непонятым явлением, он продолжал держать спичку меж пальцев и вдруг вскрикнул от ожога. Марамбалль бросил спичку, отдернув руку. Теперь он тер рукой обожженный палец, и в то же время продолжал видеть свою протянутую над столом руку со спичкой. Марамбалль в ужасе откинулся на спинку кресла и наблюдал эту «третью руку», в то время как его дрожащие руки покоились уже на коленях. Он сидел так неподвижно минут пять, пока новое явление не поразило его: он увидел, как вспыхнула, наконец, спичка в призрачной руке, как догорела и как отдернулась рука после ожога пальцев. Словом, он увидел то, что должен был видеть, когда зажег спичку, но видел это с опозданием в пять минут. Марамбалль протянул руку и зажег лампу на письменном столе. Выключатель щелкнул, но огня не было, не видел Марамбалль и своей протянутой к лампе руки. Он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове.

«Неужели я сошел с ума и так неожиданно?» — холодея подумал он. Быстро поднявшись с кресла, Марамбалль зашагал по комнате. Только теперь он обратил внимание на то, что из окна падал странный оранжевый свет. Марамбалль подошел к окну и взглянул на небо. Всего несколько минут тому назад он видел это летнее, голубое, безоблачное небо. Теперь от ласкающей глаза голубизны не осталось следа. Небо было страшного, оранжевого цвета. Улица погрузилась в сероватый полумрак, как это бывает во время неполного солнечного затмения. Листва деревьев почернела, а белизна домов покрылась густым синеватым оттенком, и дома показались Марамбаллю страшными, как

лицо трупa. Марамбалль вернулся от окна и остолбенел от удивления, смешанного с ужасом.

Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажег ее. Вспыхнул синеватый свет под черным абажуром,— хотя абажур был из зеленого стекла. Потом призрак Марамбалля поднялся из-за стола и бесшумно зашагал по комнате, повторяя все движения Марамбалля номер первый, произведенные им за несколько минут до этого. Марамбалль-первый в ужасе всматривался в зеленоватое, растерянное лицо Марамбалля-второго и инстинктивно прыгнул в сторону, когда Марамбалль-второй, шагая по комнате, направился прямо на него.

«Галлюцинация!.. Увы, я сошел с ума. Но неужели сумасшедшие сознают свое безумие и мыслят так ясно, как я?» — думал Марамбалль, следя за своим двойником, который в это время остановился в задумчивости посреди комнаты. Поразительно! Этот призрак выглядит так реально. И если бы не зеленовато-синеватый оттенок его лица, призрак ничем не отличался бы от живого человека.

«Не заговорить ли мне с ним?» — подумал Марамбалль. Но это было бы уже полным безумием. Марамбалль решил на иное. Он стремительно двинулся вперед, на своего двойника, и... прошел его насквозь. Теперь уже сомнения не было: Марамбалль галлюцинирует. Молодой человек постарался овладеть собой. Острота ужаса прошла, на смену явилось любопытство. Марамбалль обошел вокруг своего двойника и вдруг всунул свою голову внутрь оболочки призрака. Там было совершенно темно.

«Если бы я не сошел уже с ума, от всего этого можно еще раз помешаться», — подумал Марамбалль, вынырнув из тьмы призрака в багровый полумрак комнаты.

Из коридора раздался отчаянный крик хозяйки гостиницы, фрау Нейкирх, сорокалетней вдовы. Она кричала так, будто ее резали. Марамбалль, забыв о своей горестной судьбе, выбежал в коридор, сделал несколько шагов и ударился в невидимую мягкую преграду. Он протянул руки. Кто-то невидимый схватил его за плечи, и голос фрау Нейкирх простонал у самого его уха.

— О-оо! — в то же время он почувствовал, как груз-

ное тело фрау Нейкирх упало на него. Марамбалль ощупью подхватил невидимую, но весьма ощутительную вдову за талию, и, задыхаясь под непомерной тяжестью, потащил потерявшую сознание Нейкирх в свой номер. Он усадил ее на стул, но стула не оказалось там, где он его видел, и тело Нейкирх мягко шлепнулось на пол. Несчастливая вдова, по-видимому, даже не заметила этого и не издала ни звука. Марамбалль ощупью нашел кресло, разыскал на полу тело Нейкирх и, наконец, усадил невидимую гостью в невидимое кресло. Потом он подбежал к столу и налил в стакан воды из графина. Несмотря на всю необычность положения, Марамбалль отметил, что вещи, которые не были сдвинуты с места, были хорошо видны и оказывались непризрачными. Но довольно было стакан поставить на новое место, как он исчезал из поля зрения, глаз же продолжал видеть его там, где он стоял несколько минут тому назад.

«Во всяком случае, в моем безумии, как у Гамлета, есть какая-то система»,— подумал Марамбалль уже не без юмора, стараясь найти стаканом рот бесчувственной вдовы. К Марамбаллю уже возвращалась его обычная жизнерадостность.

Пролив полстакана воды на невидимые рыжие завитушки волос и на широкую грудь Нейкирх, Марамбалль, наконец, бесцеремонно провел по лицу хозяйки ладонью, нащупал ее рот и влил ей воду. Столь энергичное наружное и внутреннее лечение оказало свое действие. Нейкирх икнула,—это было первым проявлением жизни, и, продолжая икать, видимо, приходила в себя. И вдруг она опять истерически закричала:

— А-а-а! Вот, вот!.. Меня несут! меня несут!.. О-о-о!..

Марамбалль оглянулся и увидел, что из двери Марамбалль-второй тащит в номер Нейкирх-вторую. Ее посиневшее лицо было откинута назад, рыжие волосы, завитые у висков, растрепались и были уже не рыжими, а синими, толстые ноги беспомощно волоклись по ковру, а Марамбалль-второй тянул ее грузное тело, как муравей, взваливший на себя непосильную ношу.

«Как ему, должно быть, тяжело, бедняге!» — почувствовал Марамбалль-первый Марамбаллю-второму.

Но Марамбалль уже не удивлялся. Он умел делать выводы и применяться к обстоятельствам. Главное же—он убедился, что не с ним одним приключилось такое несчастье: фрау Нейкирх проявляла то же безумие, что и он, но еще в более резкой форме. Судя же по необычайному шуму, который доносился из коридора и с улицы, помешательство должно быть всеобщим. Как будто весь мир сразу превратился в сумасшедший дом. Отовсюду слышались крики, стоны и даже смех, не оставлявший никакого сомнения в том, что он исходил от безумного. От времени до времени с улицы, через открытое окно, слышался какой-то треск и новые взрывы криков и стонов. Марамбалль мельком заглянул в окно и увидел страшные картины: лежащие на боку трамваи, обломки перевернутых автомобилей, темную кровь, разлитую по асфальту, и груды тел—мертвых и изувеченных; причем Марамбалль отметил, что крики слышатся не только в местах этих катастроф, но и там, где глаз ничего не видел.

«Еще не проявилось»,— подумал Марамбалль.

А фрау Нейкирх продолжала кричать и всхлипывать.

«Нет, это не безумие,— подумал Марамбалль,— скорее какая-то необычайная катастрофа, если только все, вместе взятое, не кошмар, не безумный бред моего расстроенного воображения».

— Боже мой, боже мой! — причитала фрау Нейкирх.— Что со мною? Что это делается?..

— Успокойтесь, фрау,— пытался ее утешить Марамбалль.— Поверьте, что это пройдет. Не могут же все люди сразу сойти с ума. Это не безумие, а просто так... чертовщина какая-то. Мы просто начали видеть не то, что есть, а то, что было пять — десять минут тому назад... Да, да, вот именно! — обрадовался Марамбалль, когда ему удалось свести все явления к одной причине.— Может быть, какой-нибудь новый газ появился в воздухе и изменил свойства нашего глаза,— пытался Марамбалль уяснить себе и Нейкирх необычайность происшедшей перемены.

— Нет, нет,— упорно говорила Нейкирх,— это конец... Конец света... Это светопреставление!.. Да, да. Какой ужас!.. Какой ужас!.. Я вышла из своей комнаты и вдруг увидела себя идущей по коридору в мою комнату. Я думала, что мое сердце лопнет от страха.

Это к смерти! В нашем роду все видят своего двойника перед смертью...

— Но ведь вы видели и моего двойника. Да вот, посмотрите, сейчас вы видите, как я поливаю вам на голову воду и ищу ваш рот. А между тем вот пощупайте мои руки, в них нет стакана воды.

— Значит, и вы умрете. Все умрут... Это светопреставление. Я не могу жить в этом мире, среди призраков, видеть своего двойника, всюду следующего за мною.— И вдова Нейкирх разразилась истерическим смехом.

Марамбалль безнадежно махнул рукой.

— Вы слышите эти крики? — сказал он.— Там гибнут люди, и там моя помощь нужнее. Возьмите себя в руки.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнула Нейкирх, хватая воздух там, где она видала Марамбалля, ставящего на столик стакан воды.

III. В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Прислушиваясь к шумному дыханию фрау Нейкирх, Марамбалль обошел то место, где она должна быть по его расчетам, снял с вешалки шляпу и, осторожно пробравшись вдоль стены по коридору, вышел на улицу и немедленно был сбит с ног каким-то невидимым существом.

— Однако можно быть повежливее,— сказал он призраку, поднимаясь с тротуара.

— Вежливость — призрак в этом мире призраков,— услышал Марамбалль чей-то голос, и вслед за тем истерический смех.

— Иду! Иду! Иду! — предупреждал чей-то голос. И Марамбалль посторонился.

«Публика быстро начинает приспосабливаться»,— подумал он и пошел по тротуару, громко стуча подошвами и непрерывно повторяя, как гудок автомобиля:

— Иду, иду, иду!..

Отовсюду слышались эти предупредительные голоса, и улица гудела встревоженным шмелиным роем.

Несмотря на эти предупредительные голоса, прохожие то и дело наскакивали друг на друга.

Мимо Марамбалля без единого звука промчался переполненный публикой трамвай. Марамбалль уже знал, что это — «призрак» трамвая, прошедшего несколько минут тому назад.

Вслед за этим он услышал рев рожка и предупредительные крики:

— Осторожнее! Едет карета скорой помощи!

Судя по звукам, она двигалась очень медленно. Марамбалль не слышал грохота невидимых трамваев, — очевидно, всякое движение было прекращено вскоре после наступления «светопреставления». Но оно наступило так внезапно, что не обошлось без катастроф.

Марамбалль видел столкнувшиеся трамвай и автобус. Трамвай сошел с рельс и наехал на фонарный столб, а автобус лежал на боку. Марамбалль осторожно пересек улицу и подошел к месту катастрофы, чтобы помочь раненым; однако это оказалось очень трудным делом. Несколько раненых, к которым он участливо наклонялся, оказались пустым местом: раненые уже отползли в сторону. Марамбаллю пришлось рассчитывать не на зрение, а на слух и осязание. По сторонам он разыскал несколько раненых и принес их к карете скорой помощи. Она, вероятно, стояла здесь уже несколько минут и была не призрачной.

Марамбалль чувствовал на своих руках теплую кровь, но не видел ни себя, ни раненых. Он мог только любоваться своим призраком, пробирающимся еще через улицу к месту катастрофы.

Какой-то мужчина стонал на его руках.

«Несчастный, — подумал Марамбалль, — как-то ему будут делать операцию, если необходима немедленная помощь? Он может изойти кровью, прежде чем «проявится» на операционном столе».

Это слово «проявляться», заимствованное у фотографов, очень нравилось Марамбаллю, так как оно точно передавало явление: все предметы делались видимыми только через несколько минут, как изображение на проявляемой фотографической пластинке.

Марамбалль почувствовал, что проголодался. Он жил на Доротеенштрассе, в нескольких минутах ходьбы от Тиргартена. Но на этот раз ему пришлось идти довольно долго, пробираясь ошупью. Он извинялся,

задевая плечом призраки, и наталкивался на невидимых живых людей.

«Однако который теперь может быть час?» — подумал Марамбалль, глядя на потускневшее солнце на багровом небе, склонявшееся к западу. По привычке он вынул часы и посмотрел на циферблат.

«Фу, черт возьми, никак не привыкнешь к этому сумасшествию!» — бранился он, глядя в пустоту. Он оглянулся и увидел большие часы на углу улицы. Стрелки стояли на пяти. Он сделал всего несколько шагов вперед, вновь взглянул на часы и удивленно остановился. Минутная стрелка указывала уже пять минут шестого. Еще несколько шагов вперед — и часы показывали десять минут шестого, как будто время начало бежать с неимоверной быстротой. Марамбалль был так заинтересован этим странным поведением часов, что решил проверить их, отойдя назад. И что же? Время тоже как будто пошло назад. Пять минут шестого. Ровно пять. Марамбалль отошел на метр и увидел, что часы показывают уже без пяти минут пять. Марамбалль свистнул.

«Ловко! Прогуливаясь взад и вперед, я могу по своему желанию распоряжаться временем: посетить прошлое, заглянуть в будущее и вернуться в настоящее. Но почему же я не видал своих карманных часов? Не потому ли, что в кармане темно?» — Марамбалль еще раз вынул свои часы и поднес их очень близко к глазам. Всего через две-три секунды он увидел циферблат и стрелки, которые показывали двадцать минут шестого. Он подошел к большому уличным часам и посмотрел на них. Они показывали четверть шестого.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Марамбалль влез по столбу к самому циферблату и мог убедиться, что теперь и эти уличные часы показывали двадцать минут шестого.

— Теперь мне многое становится ясным, — сказал Марамбалль, предпочитая говорить вслух с самим собой вместо того, чтобы кричать все время «иду, иду». — Мои глаза видят то, что было примерно пять минут тому назад на расстоянии метра, десять минут назад — на расстоянии двух метров и так далее. Это слишком сложно, чтобы быть безумием.

Очевидно, что-то неладное произошло в самой природе.

Когда Марамбалль добрался, наконец, до ресторана, его ждало разочарование. Ресторан был закрыт. Марамбалль был постоянным посетителем, и ему удалось выпросить у хозяина только черствый вчерашний пирожок.

— Однако если так пойдет дальше, мы подохнем с голоду,— сказал Марамбалль, доедая пирожок.

— Последние времена,— вздохнул хозяин.— Это светопреставление.

«И он о том же»,— подумал Марамбалль, вспомнив вдову Нейкирх, затем он спросил:

— Господин Лайль был у вас сегодня к обеду?

— Как всегда. Но он чувствует себя очень плохо. Его сильно помяли в автобусе. Он выглядит совсем больным.

— Но ведь вы не могли его видеть,— насторожился Марамбалль.

— Ну, разумеется, я видел его после того, как он ушел. Кто бы мог подумать, господин Марамбалль, что мы доживем...

Но Марамбалль уже не слушал его. Все в порядке. Хозяин ресторана видит так же, как и он, как и все.

— Сколько стоит пирожок?

Марамбаллю пришлось бы ожидать не менее пяти минут, чтобы увидеть безнадежный жест хозяина. Но интонация голоса и без этих внешних проявлений ясно свидетельствовала об угнетенном состоянии владельца ресторана в Тиргартене, а слова говорили еще яснее.

— Какие тут счета, господин Марамбалль! — сказал он уныло.— С собой в могилу не возьмешь пирожков, ни платы за них. Кушайте на здоровье. Простите, что не могу ничем угостить вас больше. Я даже себе не сумел приготовить обеда: половина жаркого оказалась сырою, а половина сгорела.— И он еще раз безнадежно крикнул.

— Телефон действует? Мне нужно переговорить с Лайлем.

— Ничего не действует. Все разваливается. Лакен перепились, винный погреб опустошен. Всё идет прахом. И я... я, кажется, сам напьюсь, если только эти подлецы оставили мне хоть каплю вина...

IV. ЗАГАДКА СВЕТА

Марамбалль возвращался к себе на Доротеенштрассе. Он уже больше не сомневался в том, что здоров. «Болен не я, а весь мир», — думал он и не мог решить, лучше это или хуже. Молодой человек радовался за себя, вернув уверенность в здравости своего рассудка. Но все же положение катастрофическое. «Нет, уж лучше бы я сошел с ума. Меня врачи, наверно, вылечили бы, а удастся ли им вылечить весь мир, заболевший каким-то странным недугом, — это большой вопрос».

Вернувшись к себе в номер, Марамбалль быстро включил комнатный громкоговоритель радиоприемника, в надежде, что по крайней мере по радио он что-нибудь узнает о причинах необычайной катастрофы, разразившейся над миром. И он не ошибся.

Говорила станция Кенигсвустергаузена¹.

«...Только высочайшее самообладание и дисциплина могут спасти город от паники, которая грозит самыми губительными последствиями. Граждане должны строжайше придерживаться новых правил уличного движения, памятуя, что несоблюдение их грозит смертельной опасностью. Город объявлен на осадном положении. Все попытки нарушения уличного спокойствия будут караться беспощадно на месте преступления».

«Хотел бы я посмотреть, как они будут ловить „преступников“», — подумал Марамбалль.

«...О причинах, вызвавших катастрофу мирового масштаба, виднейшие ученые Берлина сообщают следующее. Ими установлено, что скорость света замедлилась. Вместо трехсот тысяч километров в секунду свет начал двигаться со скоростью всего шесть минут пятьдесят восемь секунд-метр. Как известно, мы видим окружающие предметы потому, что они отражают естественный, солнечный или искусственный свет. Эти отражения проходят теперь примерно семь минут каждый метр расстояния. Следует упомянуть, что ученые-физики и астрономы уже давно установили, что скорость света непостоянна. Она уменьшается почти на четыре километра в год. Однако при сохранении этой

¹ Мощная радиостанция под Берлином.

плавности скорость света могла уменьшиться до нуля только через семьдесят пять тысяч лет. Это слишком отдаленное будущее не могло, конечно, вселять тревогу. Уменьшение на четыре километра в год практически было неощутимо и могло влиять только на астрономические подсчеты, там, где дело шло об измерении огромных пространств «астрономических лет»¹. Поэтому ученые и не считали нужным предавать свои наблюдения об уменьшающейся скорости света широкой гласности.

Что касается причин внезапного замедления света, то ученым не удалось еще найти удовлетворительного объяснения. По мнению одних, наблюдавшееся в прошлые годы уменьшение скорости света только кажущееся: не скорость света уменьшилась, а увеличилась единица измерения времени — секунда — благодаря замедлению суточного вращения Земли. Однако против этой гипотезы и раньше делались возражения: замедления во вращении Земли наблюдаются периодически, то есть Земля то замедляет, то ускоряет до обычного свое суточное вращательное движение вокруг оси, тогда как скорость света уменьшалась равномерно. То же, что мы видим теперь, окончательно опровергает эту гипотезу: если бы уменьшение света было кажущимся и зависело от замедления Земли, то это означало бы такое замедление, которое сказалось бы и на увеличении силы тяжести (от уменьшения центробежной силы), чего, однако, мы не наблюдали.

Остается предположить, что Солнце в своем движении вступило вместе со всей солнечной системой планет в такие области мирового пространства, где скорость света более замедленная. Это может происходить или от свойств мирового эфира, или же от иной кривизны пространства, — вообще говоря, от неоднородности и непостоянства межзвездных глубин.

Наконец следует упомянуть, что изменение цветов произошло потому, что благодаря замедлению света весь спектр как бы передвинулся справа налево: голубой превратился в темно-оранжевый, зеленый в почти черный, и так далее. Появились и новые цвета, ультрафиолетовые и лежащие правее них. Но невооруженным

¹ «Астрономический год» — расстояние, проходимое светом в продолжение года.

глазом они воспринимаются как темные или вовсе не воспринимаются.

Наука бессильна изменить явление такого космического порядка, как замедление света. Но примениться к новым условиям жизни мы все же можем. К счастью для нас, столь резкое уменьшение скорости света не проявляет тенденции к еще большему уменьшению. Скорость света пока является величиной постоянной. Нам ничего больше не остается, как приспособиться к новым условиям существования и надеяться, что это явление преходящего характера».

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

Скрипнула «закрытая» дверь, и в комнату вошло тяжелое дыхание тучной фрау Нейкирх.

— Добрый вечер, господин Марамбалль,— послышался ее голос, такой печальный, как будто она только что похоронила своего мужа.

— Добрый вечер, фрау Нейкирх. Ну, вот видите, все великолепно. Сейчас передавали по радио, что в общем ничего страшного нет. Маленькая заминка со светом. Солнце заехало в кривизну, и луч света не может протолкаться через эфир. Садитесь, фрау, только не мимо кресла. Вот, кажется, оно.

— Благодарю вас. Я тоже слушала радио, но ничего не поняла, а вы объяснили все так просто. Но все-таки в этом мире много непонятного... Я хотела спросить у вас, господин Марамбалль. Вот, например, газ. Я вскипятила воду и закрыла кран газовой горелки. Но газ продолжает гореть, хотя и не шипит. Скажите, пожалуйста, будет отмечать это счетчик? Ведь я же не виновата, что газ продолжает гореть, хотя этот кран закрыт.

V. ДЕЛО № 174

Прошло несколько дней, и жизнь по-прежнему начала входить в новую колею. Фрау Нейкирх примирилась со своим двойником; повара в ресторанах как-то умудрялись «на слух, вкус и нюх» готовить кушанья и обслуживать посетителей; возобно-

вилось и уличное движение, хотя оно происходило с чрезвычайной медлительностью; в том же замедленном темпе заработали почта, телеграф и телефон.

Марамбалль и Лайль сидели на своем обычном месте за завтраком под густой липой, в Тиргартене.

— А все-таки надо отдать справедливость немцам: их удивительная организованность сказалась в дни катастрофы с особой наглядностью. Берлин — первый город во всем мире восстановил нормальную жизнь, — говорил Марамбалль, обращаясь к образу Лайля, каким тот был пять минут назад. Впрочем, большой разницы между действительным и призрачным Лайлем не было, так как Лайль отличался неподвижностью, в противоположность Марамбаллю, между жестами и словами которого не было никакой связи. Марамбалль-первый заразительно смеялся, в то время как Марамбалль-второй сосредоточенно поглощал завтрак или закуривал папиросу.

— Интересно все-таки знать, — чем все это кончится?

— Надо жить, чем бы ни кончилось, — ответил Лайль. — Перед наступлением тысячного года люди ожидали конца мира, и многие богачи завещали свое имущество церкви. Но конец мира не наступил. Пришлось судебным порядком требовать возвращения своего имущества. Говорят, в Италии одно такое судебное дело не окончено до сих пор.

— Да, и у нас во Франции был подобный случай, если память не изменяет мне, в 1499 году. На этот год великий астролог Стефлер предсказал повторение всемирного потопа, и тулузский президент Ориаль предусмотрительно выстроил себе Ноев ковчег. Однако не только потопа, но и наводнения не произошло¹. К сожалению, — грустно сказал Марамбалль, хотя его призрак беззвучно смеялся, откинув голову назад, — у нас действительно произошло в некотором роде светопредставление.

— Человек умный все должен обращать себе на пользу, — вдруг услышали они чей-то голос.

— Эй, кто нас подслушивает? Однако теперь надо быть осторожным!

¹ Исторические факты. Астрология — мнимая наука, которая считала возможным по положению звезд определять судьбу человека и предсказывать наступление событий.

Невидимый посетитель ответил.

— Что же мне, гудеть, как автомобиль, при своем приближении? Не моя вина, что вы не видите меня.

— А, эфемерида! Здравствуйте. Садитесь на этот стул; он не сдвигался с места более десяти минут.

Метакса, однако, осторожно ощупал стул, прежде чем сесть. Эта осторожность входила в привычку.

— Жарко,— сказал Метакса.

— Удивительно, что вы из Греции, а постоянно жалуетесь на жару,— отозвался Марамбалль.

— В Греции — там еще жарче.— И, помолчав, Метакса продолжал: — Дело номер сто семьдесят четыре находится у первого секретаря министра, Леера.

— Что это за дело? — спросил Марамбалль.

— О тайном соглашении между Германией и Россией,— ответил Метакса.

Марамбалль ощутил на своем лице клуб дыма из трубки Лайля.

— И что же дальше? — спросил Марамбалль.

— Ничего. Я только сообщил вам новость. Думал, может быть, будет интересно. И еще есть новость. Лейтенант барон фон Блиттерсдорф сделал предложение фрейлейн Вильгельмине Леер.

— Но ведь ее нет в городе! Откуда вы все это знаете? — горячо воскликнул Марамбалль. Эта новость поразила его; он густо покраснел и был очень рад, что Лайль и Метакса не видят его лица. Но, вспомнив о том, что они все же увидят его, Марамбалль постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— И люди будут жениться и выходить замуж даже в день светопреставления,— процедил Лайль.— Вас это огорчает, Марамбалль?

— Нисколько,— поспешно ответил он.— Я не собирался жениться на фрейлейн Вильгельмине. Да, признать, не очень и верю этой новости. Вильгельмина... фрейлейн Леер сообщила мне сегодня по телефону, что в момент катастрофы она была за городом и до сих пор не могла вернуться, так как всякое движение было прекращено. Она придет только сегодня в шесть часов вечера. Когда же Блиттерсдорф мог сделать предложение? Во всяком случае, она сказала бы мне об этом.

— Блиттерсдорф сделал официальное предложение ее отцу, Рупрехту Леер.

— Ну и пусть Блиттерсдорф женится на Рупрехте Леер,— со смехом отвечал Марамбалль, в душе очень озабоченный решительными действиями соперника.

Лейтенант Блиттерсдорф был давнишним претендентом на руку Вильгельмины, хотя больше пользовался успехом у ее отца, чем у нее.

Сама Вильгельмина не отказывала лейтенанту решительно, она отвечала на его предложение, что не думает о замужестве.

Марамбалль не лгал, уверяя, что он не собирается жениться на Вильгельмине, хотя она и нравилась ему; его планы не заходили так далеко. Получив возможность бывать в доме у Лееров и пользуясь ее дружеским расположением, Марамбаллю удавалось узнать раньше других корреспондентов кое-какие дипломатические новости. Правда, ничего крупного, сенсационного он получить не мог: дверь в деловой кабинет Рупрехта Леера была довольно плотно закрыта для него. Но все же это была приятная и полезная дружба. И вот теперь этой дружбе может наступить конец. Ревнивый и грубоватый лейтенант барон Блиттерсдорф, воспитанный в военной обстановке империи, конечно, не потерпит Марамбалля в качестве друга дома. Притом Вильгельмина, если выйдет замуж, переедет к мужу и этим самым наполовину потеряет ценность для Марамбалля.

«Черт возьми, надо на что-нибудь решиться крупное,— думал Марамбалль.— Да, Метакса явно наталкивает меня. Дело номер 174!.. Правда, мир сейчас занят иным. Но что, если «светопреставление» кончится так же неожиданно, как оно началось? А лучшего времени не выбрать; надо воспользоваться случаем и раздобыть такой сенсационный документ. И тогда пусть Вильгельмина выходит замуж за своего барона, если это ей нравится...»

— Все эти соглашения потеряли теперь всякий смысл и ценность,— небрежно сказал Марамбалль. Вынув карманные часы, он поднес циферблат к глазам, подождал, пока он появится, и поднялся.

— Мне пора. Сколько с меня следует? — обратился он к лакею, принесшему кофе Метаксе.

Лакей подсчитал.

— Четыре марки. И еще одна марка за пирожок, который вы съели в тот день, когда ресторан был

закрыт. Хозяин просил вас напомнить об этом должке...

Марамбалль вынул бумажник, посчитал деньги, «проявляя» их у глаз, и всунул в руку лакея.

— Получайте. Очевидно, ваш хозяин раздумал умирать.

И, распрощавшись, Марамбалль ушел, потрескивая автоматической трещоткой, которая издавала негромкое, но характерное шелканье при каждом его шаге. Прохожие, которые еще не успели обзавестись этой новинкой, предупреждали о себе однообразным «иду, иду».

На всех перекрестках громкоговорители напоминали о правилах уличного движения.

Толпа на тротуарах двигалась не спеша, в строгом порядке, придерживаясь правой стороны. Полицейские на перекрестках от времени до времени трубили в рожок, приостанавливая движение трамваев и экипажей, чтобы дать возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Автомобили и трамваи двигались также очень медленно, непрерывно подавая сигналы звонками и гудками. Чтобы не мешать друг другу, все эти звуки были приглушены. На улице стало гораздо тише, чем раньше. У всех жителей города быстро обострялся слух.

Уже никто не обманывался видом бесшумного прозрачного трамвая, стоящего на остановке: все знали, что этот видимый трамвай давно прошел. Но, когда слышался шум подходящего невидимого трамвая, пассажиры шли на звук звонка, на ощупь находили входную площадку и, соблюдая строжайшую очередь, входили в трамвай. К счастью, столбы, указывающие места остановки, дома, как все неподвижные предметы, были хорошо видимы, хотя они и являлись «устаревшим» отображением вещей.

VI. ИГРА В ЖМУРКИ

Несмотря на осадное положение и все принятые меры, в городе все же были случаи ограблений. И поэтому во всех домах были приняты меры предосторожности, чтобы вместе с жильцами в дом не

проникали вору, пользуясь своею временной невидимостью.

Когда Марамбалль позвонил у дома Леера, швейцар осторожно приоткрыл дверь, держа ее на цепочке, и впустил Марамбалля, только узнав его по голосу. Марамбалль едва протиснулся в приоткрытую дверь, причем почувствовал, как швейцар легонько провел рукой по его спине, чтобы убедиться, что за Марамбаллем никого нет, и тотчас закрыл дверь.

— Фрейлейн Вильгельмина приехала? — спросил он, раздеваясь.

— Только что, — отвечал швейцар.

Марамбалль поднялся по лестнице, усланной черным ковром, — до светопреставления он был красным, — вошел в большую гостиную и огляделся.

Вильгельмина, в дорожном костюме, с небольшим чемоданом в руке, стояла у раскрытой двери в кабинет Леера и говорила с отцом. Вернее, бесшумно шевелила губами. Потом отец так же беззвучно что-то сказал ей, потрепал по щеке и ушел к себе, закрыв дверь кабинета. Вильгельмина быстро прошла в свою комнату, в правую дверь.

Марамбалль находился в затруднении. Он знал, что видел минувшие события. Но вернулась ли уже в гостиную Вильгельмина?

Его вывел из затруднения голос Вильгельмины, раздавшийся из столовой. Она запела, потом, очевидно, услышав шум приближающихся шагов, прекратила пение и спросила:

— Кто здесь?

— Здравствуйте, фрейлейн, — сказал Марамбалль, осторожно пробираясь в столовую. — С приездом!

— А, это вы, Марамбалль, здравствуйте! — Девушка пошла навстречу гостю.

— Не правда ли, интересно? Весь мир играет в прятки. Ну где же вы?

И, смеясь, она вертелась около него, как будто не могла найти. А Марамбалль беспомощно разводил руками, хватая воздух.

— Через пять минут, когда вы проявитесь, я буду смеяться, наблюдая ваш глупый вид, — продолжала она забавляться. — Ну, вот моя рука, держите, — наконец смиростивилась она.

Молодые люди усадились у стола.

— Как давно мы не виделись! — сказал Марамбалль. — Это было еще в старом мире, когда люди видели настоящее, а не прошлое. Как провели вы время у фрейлейн Алисы?

— Великолепно, — отвечала девушка. — Сначала мы все очень испугались. А потом нашли, что это даже интересно. Но, Марамбалль, это начинает мне надоедать. Прощай лаун-теннис! Мы больше не можем играть в эту чудесную игру!..

— Есть «игры» поважнее, — сказал Марамбалль. — На многих фабриках и заводах прекратилось производство. Если это продлится, мы переживем ужасные времена.

— Придумают что-нибудь, — беспечно ответила Вильгельмина. — Научатся работать «вслепую». Ведь работают же слепцы. И вообще не портите мне настроения. Представьте, у подружки мы играли в пушболл. Это было что-то невероятно комическое!

— Да, люди приспособятся ко всему, это правда. Сегодня впервые открываются даже театры. В опере идет «Фауст».

— Воображаю, что это будет. У нас абонемент. Заезжайте за мной и отправимся вместе в нашу ложу.

— А я хотел предложить вам место в партере, это ближе к сцене, — если только вы снизойдете до партера.

— Снизойду, — ответила Вильгельмина. — Идем в партер. Но как же музыканты будут читать ноты?

— Артисты и оркестр будут исполнять на память. Каждый из них отлично знает свою партию. Зрелищное восприятие, конечно, не будет совпадать со слуховым. Но с этим надо примириться.

— А что же будет с нашей музыкой и пением, Марамбалль?

— Мы будем разбирать ноты, как близорукие, и учить на память.

— Вы принесли новые романсы?

— Принес, — ответил Марамбалль, наблюдая за тем, как «призрак» Вильгельмины вошел в столовую, переодетый в розовое кимоно. Только теперь Марамбалль узнал, как одета сидящая с ним Вильгельмина.

— Дайте же мне, — протянула девушка руку.

— Извольте, — ответил Марамбалль, незаметно выходя в гостиную.

— Но где же вы?

— Вот здесь, неужели вы не видите меня? — смеялся Марамбалль, повторяя ее игру в прятки. Надо сказать, что эта игра очень понравилась ему. Марамбалль начал бегать по гостиной, а Вильгельмина преследовала его. Марамбалль увлекался все больше. И вдруг, когда посреди комнаты она поймала его, Марамбалль обхватил девушку и крепко поцеловал.

Вильгельмина вырвалась из его объятий.

— Сумасшедший!

В тот же момент они услышали знакомые, прихрамывающие шаги лейтенанта Блиттерсдорфа. На войне он был ранен в ногу и с тех пор прихрамывал.

От веселости Марамбалля и Вильгельмины не осталось и следа. Лейтенант явился, как статуя командора, и молодые люди стояли смущенные, подобно дон Жуану и донне Анне¹. Правда, командор еще ничего не мог видеть. Он мог только слышать подозрительный шум. Но протекут минуты — и вся картина «проявится»... Одно спасение — увести лейтенанта из этой комнаты, пока прошлое не станет видимым «настоящим».

Вильгельмина, так же как и Марамбалль, уже хорошо знала, что чем ближе предмет, тем скорее он проявляется.

Она храбро бросилась навстречу приближающимся шагам, взяла лейтенанта за руку и попыталась увести его вокруг комнаты, к двери в кабинет отца.

— Это вы, господин лейтенант, как кстати! — зашебетала она, дружески толкая лейтенанта. — Папа будет очень рад видеть вас; идемте к нему...

— Я, кажется, помешал, — хмуро отозвался лейтенант. — Здравствуйте, фрейлейн Вильгельмина, — и он остановился, чтобы поцеловать ей руку. Девушка ускорила эту церемонию и вновь повлекла за собой лейтенанта к спасительной двери.

— Почему вы ведете меня, э-э, таким кружным путем? — спросил лейтенант, опять останавливаясь.

— Я только что приехала и разбросала на полу

¹ Дон Жуан — легендарный испанский герой, отличавшийся бесчинствами. Во время его свиданья с донной Анной явилась статуя убитого им командора и, пожав руку дон Жуана, провалилась под землю вместе с ним. Этот сюжет неоднократно обрабатывался в мировой литературе. (См. «Каменный гость» А. С. Пушкина.)

свои чемоданы, мы можем упасть. Да ну же, какой вы неповоротливый! — тормошила она его.

— Но, может быть, ваш отец занят?..

— Да нет же, идемте.

Вот и спасительная дверь... Вильгельмина быстро постучалась, открыла дверь, не ожидая ответа отца, почти втолкнула в кабинет лейтенанта и, бросив несколько фраз, ушла «прибрать чемоданы», плотно закрыв за собой дверь.

— Где вы? — шепотом спросила она, войдя в гостиную.

— Здесь, — также тихо ответил провинившийся дон Жуан.

— Уходите скорей... противный!

Но Марамбалль не торопился. Его обуяло непреодолимое желание увидеть самому всю сцену игры в жмурки, а она уже начала проявляться: Марамбалль первый то приближался, то удалялся. И когда он подходил ближе, то события шли ускоренным темпом, как будто кто-то быстрее пускал кинематографическую ленту. Когда он отступал назад, движения играющих в прятки замедлялись. Наконец, отступая с быстротою, превышающей скорость света, он видел события в обратном порядке. Вильгельмина сама была увлечена этой «фильмой». Опомившись, она тихо спросила:

— Вы еще здесь?

— Здесь, — с сладким вздохом отвечал Марамбалль.

— Да уходите же, безумный человек!

— Сейчас, только досмотрю самое интересное.

Марамбалль, подвигаясь взад и вперед, нашел момент поцелуя и начал медленно — со скоростью света — отступать к двери. И призрачная пара как будто застыла в поцелуе.

— Изумительно! — сказал он у двери. — А в оперу мы все-таки поедем!

Марамбалль услышал, как Вильгельмина в нетерпении топнула ногой.

— Иду, иду! — И Марамбалль вышел, прикрыв дверь.

На лестнице, навстречу ему поднималась тень грозного командора — лейтенанта Блиттерсдорфа. Его рыжие распушенные усы были подняты вверх, как у Вильгельма Второго.

— Фу, проклятое привидение! — выбрался Мараббалль. И он демонстративно прошел сквозь призрак лейтенанта, двинув плечом воображаемого соперника.

Когда Мараббалль ушел, новое беспокойство овладело Вильгельминой. Она знала, сколько опасных неожиданностей таит в себе новый порядок вещей. Вильгельмина тихо подошла к закрытой двери в кабинет отца и тронула ее рукой. Опасение Вильгельмины оправдалось: закрытая дверь была на самом деле открыта. Это, очевидно, проделка лейтенанта. Он мог открыть ее после того, как Вильгельмина вышла. Теперь весь вопрос был в том, дошло ли отражение сцены игры в жмурки до лейтенанта, сидящего в кабинете отца... Вильгельмина зашла сбоку и прикрыла дверь. Подойдя через несколько минут вновь к двери в кабинет, она опять нашла ее открытой. Стать у двери и загородить своим телом видение? Но она не могла «загородить» того отражения, которое уже было впереди нее. В отчаянии девушка ушла в свою комнату и заперлась.

Вильгельмина волновалась не напрасно.

Лейтенант, заподозрив неладное, принял свои меры. Поздоровавшись с Леером, он поставил кресло против двери и открыл ее. Скоро начала проявляться вся сцена игры в жмурки. Тогда лейтенант заговорил с отцом Вильгельмины о Мараббалле.

— Я, конечно, далек от мысли давать вам советы, господин Леер, — сказал он, — но мне кажется, что посещения вашего дома иностранным корреспондентом, притом французом, не совсем удобная вещь при вашем официальном положении. Притом отношения Мараббалля к фрейлейн Вильгельмине могут вызвать превратные толкования и повредить репутации вашей дочери...

— Мне самому не нравятся эти визиты. Но что же я могу поделать? Шальная девчонка... Будь бы жива ее мать, — со вздохом сказал Леер, — все было бы иначе. Я не сомневаюсь, что их отношения носят вполне невинный характер. Спорт, музыка...

— Вполне невинный? — лейтенант тяжело задышал. — А вот не угодно ли взглянуть в гостиную!

Леер поднялся из-за письменного стола, подошел к двери и воскликнул от изумления.

Они увидели финал игры в прятки. Среди гостиной беззвучная тень Марамбалля целовала призрак Вильгельмины. От ревнивого взгляда лейтенанта не ускользнуло, что Вильгельмина не очень быстро оторвалась от губ молодого человека, и в ее негодовании не было искренности.

Кровь медленно залила все лицо лейтенанта.

— Я... убью его! — тихо, но решительно сказал лейтенант. — Вызову на дуэль и убью.

Леер вернулся к столу и, ошеломленный виденным, тяжело опустился в кресло.

— Да, это ужасно... Она обманула мое доверие... Но как же вы будете «драться» с ним на дуэли?

— В открытую или в «слепую» — все равно. На пи-столетах. До решительного результата.

— А если он откажется от дуэли?

— Я убью его. Теперь это можно сделать проще, чем раньше.

Разговор не вязался. Лейтенант скоро откланялся и направился к двери.

Вильгельмина слышала, как он шел, и подумала: «Он не простился со мною! Сердится! Конечно, он видел все. Но видел ли отец?»

В ту же минуту послышался голос отца:

— Вильгельмина, иди сюда!

Между отцом и дочерью произошел длинный и чрезвычайный неприятный разговор.

VII. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Не без волнения вечером подъезжал Марамбалль к дому Вильгельмины. Удалось ли ей скрыть «следы преступления»?

Он позвонил и спросил швейцара, дома ли фрейлейн Вильгельмина.

— Уехали! Не принимают! — сердито ответил швейцар и тотчас же захлопнул дверь.

Марамбалль протяжно свистнул.

— Дело дрянь! «Уехали и не принимают». Это похоже на отказ от дома...

Он все же надеялся встретить Вильгельмину в оп-ре и поехал туда.

Осторожно пробравшись во второй ряд, Марамбалль уселся в кресло и начал осматривать ложи. Но ложа Лееров была пуста. «Может быть, она еще не проявилась?» — не терял Марамбалль надежды, думая о Вильгельмине.

Сосед слева задел его плечом и пробормотал извинение.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы все слепые, а слепому трудно не задеть другого, — с французской болтливостью ответил Марамбалль. И в ту же минуту он услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Простите! Я хотел только убедиться, вы ли это. Сегодня господин первый секретарь Леер уезжает к министру ровно в десять. А дело номер сто семьдесят четыре будет лежать у него на столе.

— Метакса! Вы как сюда попали?

— Так же, как и вы, — отвечал грек.

В этом действительно не было ничего необычайно-го: места корреспондентов находились в одном ряду. Метакса, очевидно, только принял меры к тому, чтобы оказаться по соседству с Марамбаллем.

— Послушайте, — сказал Марамбалль, — что вы, наконец, гипнотизируете меня все время делом номер сто семьдесят четыре? Что вам от меня нужно?

— Tsi!.. — И, наклонившись к самому уху Марамбалля, Метакса сказал:

— Вы же сами знаете, что на этом деле можете заработать. У меня есть свои люди в доме Леера, и я знаю все, что там делается. Но мне труднее обделать это дело, чем вам. Вы свой человек в доме.

Под плавные, торжественные звуки увертюры Метакса продолжал развивать свой план.

— Я сообщил вам об этом деле, я направил вас, и вы заработаете тысячи. Ну, а мне за это дадите только одну тыщонку марок...

Мысль Марамбалля заработала. Метакса прав. На этом деле можно заработать. Да, не вовремя Вильгельмина затеяла игру в жмурки!.. Если бы не этот роковой поцелуй!.. Положение очень осложнилось. Нужно ли давать этому греку за комиссию? Марамбалль постарается добыть секретное дело, но делиться с Метаксой он не намерен.

— Во-первых, вы напрасно стараетесь, господин Метакса, — зашептал Марамбалль в ухо соседа. — Все,

что делается в доме Лееров, я знаю не хуже вас. И о деле номер сто семьдесят четыре я узнал гораздо раньше, чем эту «новость» сообщили вы мне. А во-вторых, я больше не собираюсь бывать в доме Лееров.

— Лейтенант не пускает? — язвительно спросил грек, поняв, что Марамбалль уваливает от дележа.

— Это касается только меня, — сухо ответил Марамбалль.

«Какая некультурность!» — возмущался он бестактным вопросом грека, искренне забывая о том, что сам ведет нечистую игру.

Увертюра окончилась. Со сцены уже слышался голос Фауста, а занавес казался еще закрытым. И только когда Мефистофель на зов Фауста отозвался: «И я здесь!», — для первых рядов спектакль начался. Между пением, игрой артистов и оркестром не было никакой связи. Задние ряды увидели открытие занавеса только к антракту первого акта. — «А последнее действие галерка будет досматривать, как немую сцену, после окончания оперы... Пропала опера!»

В середине второго акта Марамбалль осторожно вышел и направился к выходу. Оглядываясь назад, он видел как бы повторение действия в обратном порядке. Но это уже не интересовало его.

Он вернулся к себе и позвонил по телефону к Вильгельмине.

Она оказалась дома, но разговор с нею не доставил ему особого удовольствия.

— Отец и лейтенант видели все, — говорила она. — Мне пришлось выдержать очень неприятную сцену с отцом. И было бы лучше, господин Марамбалль, — ее голос дрогнул, — если бы вы не показывались в наш дом по крайней мере некоторое время, пока все не уляжется.

Она не имела решимости отказать ему сразу.

Марамбалль был в полном душевном смятении, выслушав из ее уст этот приговор.

Отказ в такой момент, когда ему, как никогда раньше, нужно было быть в доме Лееров! Завтра будет уже поздно. Дело номер 174 будет погребено в стальном сейфе или же оно достанется в руки какого-нибудь Метаксы. Медлить нельзя. Душу Марамбалля одновременно обуревали и другие чувства. Поцелуй острой отравой проник в его сердце, а в голосе Вильгельмины, говорившей по телефону, ему чудилась печаль. Быть

может, она любит его? В эту минуту ему казалось, что и он также безумно любит ее. И, с неожиданной для самого себя страстью, он начал умолять ее принять его в последний раз, «чтобы проститься навеки».

В спортсменском сердце Вильгельмины, вероятно, были оборваны еще не все струны сентиментализма. Искренний тон Марамбалля, видимо, тронул ее. Она колебалась, а он, вздыхая и охая в телефонную трубку, поддавал жару.

— Только взглянуть... В последний раз!

— Но отец приказал швейцару не принимать вас, — в отчаянье призналась она.

— О, это ничего не значит! — оживился Марамбалль. — Я пройду со стороны сада, вы откроете мне дверь...

— Но в саду сторожа; вы знаете, — теперь везде усиленная охрана.

— Сторожем, наверно, не отдан приказ не пускать меня; наконец, я сумею пробраться мимо них... Только взглянуть!..

— Ну, хорошо. Но приходите скорее, пока отец не вернулся.

Марамбалль бросил трубку и завертелся по комнате, ища разбросанные шляпу и перчатки.

«Бог всеисильный, бог любви! Ты услышь мою мольбу!..»¹ — пропел Марамбалль и бросился по коридору, едва не сбив с ног фрау Нейкирх.

Марамбалль благополучно проскользнул мимо сторожей и незаметно вошел в дом. Он пробрался в гостиную и остановился, едва слышно кашлянув.

— Я здесь, — тихо ответила Вильгельмина, — у рояля.

Марамбалль сделал несколько шагов и вновь остановился в нерешительности. Он так спешил, что не обдумал плана действий. Изобразить ли ему безутешного влюбленного, или же, пользуясь случаем, пробраться в кабинет, похитить дело и бежать. Женщина или деньги? Несколько секунд он переживал сильнейшую борьбу. Но в конце концов он решил, что Вильгельмина все равно потеряна для него, и потому надо покончить с делом номер 174.

Но, даже решившись на это, он все же не мог по-

¹ Ария Валентина из оперы «Фауст» композитора Гуно.

ступить слишком вероломно по отношению к Вильгельмине. Да это было бы и неосторожно.

«Обидеть женщину не только некрасиво, но и опасно. Женщины умеют мстить». — И Марамбалль выбрал средний путь. Он метнулся в кабинет, нагнулся над освещенным столом, нашел дело номер 174, сунул его под жилет и выбежал в гостиную. Все это заняло не больше полминуты.

— Да где же вы? — спросил он несколько громче.

— Здесь, — тихо отвечала Вильгельмина.

— А мне не показалось, что вы говорите из кабинета, и я прошел туда. Вы не можете себе представить, как я сожалею о том, что случилось!.. Нет, не так. Я в восторге от того, что случилось, но сожалею о том, что наша шалость обнаружена... Я... — он хотел сказать «я люблю вас», но, почувствовав, что папка с делом готова выскользнуть из-под жилета, положил руку несколько ниже сердца и, прижимая жилет, продолжал: — Я всегда буду помнить о вас... — «А вдруг она скажет, что любит меня?» — в ужасе подумал Марамбалль. — «Нет, сейчас не время распускаться». — И, найдя ее руку, Марамбалль почтительно поцеловал кончики холодных пальцев.

— Прощайте, Вильгельмина!

Девушка сделала движение и вздохнула. Быть может, она была недовольна его слишком примерным поведением и почтительностью?.. Опасаясь проявления ее нежных чувств, которые могли задержать его и сыграть роковую роль, Марамбалль тяжело вздохнул, отошел от Вильгельмины и, прошептав еще раз: «Прощайте!» — побежал к двери.

Он ликовал. Наконец-то на его груди покоилась сенсация, которая поразит мир и даст ему возможность широко пожить! Его карьера ловкого журналиста будет обеспечена.

VIII. ПОГОНЯ

Марамбалль так размечтался, что забыл о всякой осторожности и, пробегая садовую дорожку, с разбега налетел на кого-то. Он упал на землю вместе с неизвестным человеком.

— Стой! Кто это? — послышался голос сторожа.

Марамбалль, прижимая левой рукой драгоценную папку, попытался подняться, закрывая правой рукой свое лицо: он не забывал о проявлении. К счастью для него, в саду было темно. Сторож ухватил Марамбалля за ногу и звал на помощь. Марамбаллю удалось ударом другой ноги сбить руку, державшую его за ногу. Он поднялся и побежал.

Поднялась суматоха. Слышались тревожные свистки, крики, отовсюду бежали люди. Марамбалль бросился к воротам сада, сбил с ног еще одного сторожа и выбежал на улицу, продолжая прикрывать свободной рукой лицо. Через несколько минут его фигура проявится, и преследователи побегут за призраком. Теперь они могли гнаться только вслепую, за топотом убегающих ног. Марамбаллю надо было «замести следы», пробежав какое-нибудь темное пространство. Он решил направиться в близлежащий Тиргартен. Выбежав на тротуар, Марамбалль врезался в уличную толпу, двигавшуюся ему навстречу, и, вопреки всем правилам уличного движения, помчался вперед, сбивая прохожих. Он нагнул голову и, как разрушительный таран, пробивался сквозь толпу, оставляя позади себя крики, стоны, вопли и проклятия. Упавшие люди служили ему заграждением, задерживающим его преследователей. Это облегчало положение Марамбалля, но, с другой стороны, ему не выгодно было оставлять за собой такой «шумовой хвост», который давал преследователям легкую ориентировку.

В полумраке сада в это время проявилось очертание его фигуры, и подоспевшие полицейские бросились по горячим следам, преследуя призрак бегущего человека. Они не могли определить во время преследования, имеют ли дело еще с призраком, или уже с живым человеком, и потому все время принуждены были схватывать воображаемого преступника, но их руки разрезали пустое пространство. Несколько раз, впрочем, им удалось кого-то поймать. Часть преследователей оставалась с задержанными призраками в ожидании их проявления; но полицейских ждало разочарование: первым из задержанных проявился глубокий старик, вторым — пастор. Только двоих молодых людей отвели в участок для обыска и выяснения личности. Все это очень затрудняло погоню, но она не прекращалась.

Скоро Марамбалль услышал характерный звук сирены. Это был уже всем известный сигнал полиции, преследующей преступника. По звуку сирены уличное движение на тротуарах приостанавливалось. Прохожие прижимались к стенам домов, чтобы освободить путь для быстро следующего отряда полиции.

Марамбалль пересек улицу, добежал по свободному от толпы тротуару до угла и свернул. Здесь уличное движение еще не прекращалось. У самого тротуара один за другим двигались автомобили. Марамбалль, прислушиваясь к их движению, выбрал ближайший, вспрыгнул на подножку автомобиля и ввалился в кузов. В автомобиле послышались испуганные женские голоса.

— Тысячу извинений,— сказал Марамбалль, убедившись, что голоса не принадлежат знакомым.— Я едва не попал под ваш автомобиль и принужден был вскочить в него.

Такие случаи действительно бывали, и в автомобиле, услышав любезный, извиняющийся голос Марамбалля, успокоились.

Когда автомобиль поравнялся с Тиргартеном, Марамбалль бесшумно прыгнул и побежал по траве, минуя освещенные дорожки, в полумрак деревьев. Он делал петли, как заяц, и одно освещенное место пробежал даже задом наперед, чтобы сбить своих преследователей.

Голоса погони отставали, но Марамбалль продолжал кружить по парку. Он пробежал всю левую сторону Тиргартена до Зоологического сада. В совершенно темном уголке он неожиданно налетел на мирно сидящую парочку. Марамбалль подошел сзади к сидящему молодому человеку и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, снял с его головы шляпу-котелок и надел ему свою клетчатую кепку,—его кепка проявилась и уже должна быть известна преследователям.

Затем он исчез в густых тенях деревьев, пролез под пустующим ресторанным киоском, вышел из сада и кружным путем отправился на противоположную сторону Берлина,— в Трептовер парк.

Побродив по темным уголкам этого парка, он, наконец, решил, что окончательно замел следы. Но все же, из осторожности, он не решился вернуться домой с драгоценной папкой. Если только кому-нибудь из

преследователей удалось узнать его, полиция, наверно, нагрянет с обыском. Куда спрятать на время дело номер 174? Лайль! Лучшего не придумать. Лайлю на лето предоставил свою комнату его знакомый, служащий в английском посольстве. Правда, здание посольства находилось в конце Унтер ден Линден, рядом с Тиргартеном, совсем недалеко от места преступления Марамбалля. Но зато экстерриториальность¹ посольства была лучшей охраной от вторжения полиции. Согласится ли, однако, Лайль взять на хранение такой документ? Можно обойтись и без его согласия! И, когда Марамбалль подъезжал к зданию посольства, у него уже был готовый план.

IX. ПОЗДНИЙ ВИЗИТ

Марамбалля знали в посольстве, — он не раз бывал у Лайля; и ему без особого труда удалось проникнуть на «английскую территорию».

Лайль был дома.

Марамбалль приготовился к быстрым действиям. Перед тем, как позвонить, он вынул папку и заложил руку с нею за спину. Как только Лайль открыл дверь, Марамбалль, повернувшись, направился к кровати, отвернул матрац и сунул туда свое сокровище. Все это было сделано с таким расчетом, чтобы Лайль не заметил подкинутого дела, когда сцена появления Марамбалля проявится. «Под матрацем папка может пролежать благополучно несколько дней. А когда все уляжется, я таким же манером извлеку ее оттуда», — думал Марамбалль.

Засунув папку, он уселся на край кровати.

¹ Экстерриториальность — дипломатический термин — право не подчиняться законам страны, устанавливаемое для дипломатических представителей или определенной территории. Территория, на которой помещается иностранное посольство, считается как бы частью той страны (государства), к которой принадлежит посольство. На этой территории действуют законы страны посольства. Обыски и аресты на территории посольства допускаются по общепринятым нормам международного права и специальным соглашениям — только с разрешения посла.

— Уф, ужасно устал! — сказал Марамбалль, прислоняясь к спинке кровати.

— Да вы куда уселись? — услышал он голос Лайля. — На кровать? Садитесь вот сюда, на кресло.

— Благодарю вас, дайте отдышаться. Я предпочитаю садиться на кровать. Эти кресла теперь предательская штука. Никогда не знаешь, стоят они на месте или нет. Я уже не раз падал, садясь в воображаемое кресло. А кровать всегда стоит на одном месте. Кровать надежная штука, — любовно похлопал Марамбалль по тому месту, где лежала заветная папка.

Где-то на башенных часах пробило полночь.

Лайль выжидательно молчал.

Надо было придумать повод неожиданного визита.

— Я так взволнован, что не мог сидеть дома, — сказал Марамбалль, — и пришел к вам поделиться своими опасениями. Сейчас я был в астрономическом обществе. Один астроном делал доклад. Он предсказывает, что скорость света замедлится еще больше. Свет будет проходить один метр в двенадцать часов три секунды! Представляете себе, что это будет? Всю ночь по улицам и в учреждениях будут бесшумно толкаться дневные тени, а днем Берлин будет казаться пустыней... Электричество надо будет зажигать рано утром, чтобы оно горело вечером, а гасить днем. Представьте, что будет делаться в Рейхстаге по ночам! Освещенный зал, и призраки политических деятелей, вершащих судьбы миллионов... Нам, корреспондентам, днем придется слушать, а ночами снимать эти призраки. Или, скажем, банк. Как вы получите деньги, если кассир увидит вас и ваши документы только через несколько часов? И как убедиться, что вы получили действительно деньги, а не старые номера «Берлинер Тагесблатт»? А промышленность. Она приостановится совершенно. Мы как бы ослепнем. Весь мир ослепнет. Это будет катастрофа, гибель, конец, смерть...

Марамбалль так увлекся, что сам себя напугал этими страшными картинками. Но, повернувшись на кровати, он вспомнил о драгоценной папке и, чтобы еще больше отвлечь внимание Лайля от настоящего, патетически закончил:

— Как ничтожны кажутся при свете — вернее говоря, при умирающем свете, — все «великие» дела,

хитроумные дипломатические соглашения и тайные договоры! Прах! Тлен.

Лайль, как истый англичанин, выслушал спокойно, не прерывая своего гостя. Только клубы дыма неразлучной трубки как будто стали гуще.

— Какой астроном говорил это? — спросил Лайль.

— Да этот, как его, вот на языке так и вертится. Не то Шварцброт, не то Буттерброт, — никак не запомню эти немецкие фамилии.

— Странно, — процедил Лайль.

— Об этом скрывают, чтобы не волновать публику.

— Странно; я тоже был на заседании астрономического общества, — продолжал Лайль.

«Носит этого долговязого англичанина, куда не надо!» — с досадой подумал Марамбалль.

— И все ученые единогласно утверждали, что, по их наблюдениям, скорость света за истекшие сутки возросла еще на четыре секунды — метр.

— Вот и поймите этих ученых! — широко развел руками Марамбалль. Он старался казаться равнодушным, но в душе эта новость, которой он еще не знал, чрезвычайно обрадовала его. «Тленная папка», на которой он сидел, увеличивала свою ценность с каждой секундой ускорения света и возвращения к нормальной жизни.

Опасаясь дальнейших вопросов Лайля о заседании астрономического общества, Марамбалль поспешил переменить тему.

— Вы меня утешили. А то, представьте, сижу в опере. Валентин поет «Бог всемогущий, бог любви», а на сцене в это время Мефистофель занимается еще омоложением Фауста. Однако мне пора.

Поправив незаметно матрац, Марамбалль распрощался и ушел, нимало не заботясь о том, что он подвергает друга серьезной опасности, скрывая в его комнате украденный документ.

Х. ПРОПАВШИЕ ДОКУМЕНТЫ

Вильгельмина слыхала шум в саду, возникший после ухода Марамбалля, но она поняла это по-своему. Марамбалль, очевидно, не захотел на-

звать себя, чтобы не скомпрометировать ее еще раз своим тайным визитом.

«Да, он был загорожен,— думала девушка, покачиваясь на качалке.— И как удивительно он был сдержан со мною!.. Неужели он любит меня?..»

В душе Вильгельмины, чемпиона различных видов спорта, девушки с коротко стриженными волосами и юбкой, едва прикрывавшей колени,— начали просыпаться чувства, уснувшие, казалось, навеки, ее сентиментальных бабушек и прабабушек, носивших парики и кринолины.

Тайное свидание... Несчастный любовник... Суровый отец... Сопперник... Все элементы романа!

«Отец, конечно, не согласился бы на наш брак. Ну что же, тем лучше. Я бежала бы с Луи, как моя прабабушка Каролина бежала с прадедушкой... Ницца, Сорренто, Алжир»...

Мечты девушки были прерваны топотом четырех ног. Она почти с неприязнью встретила это вторжение двадцатого века в ее фантастический мир минувшей романтики,— в особенности, когда узнала характерное прихрамывание лейтенанта.

Вильгельмина знала, что на нее опять будет сделано «нападение». После рокового поцелуя отец долго и скучно проповедовал ей о морали, о правилах хорошего тона, о своем служебном положении, о ее обязанностях к нему, о ее легкомыслии и в заключение заявил, что он успокоится только тогда, когда она выйдет, наконец, замуж за лейтенанта.

«Лучшего мужа не найти. Он еще не стар, на отличном счету у начальства, имеет прекрасные связи, личный друг принца...— Отец понизил голос, хотя они были одни в кабинете, и продолжал.— Республика не долговечна. Немецкий народ на стороне монархии. Германия должна стать вновь империей. Это неизбежно. И ты должна понимать, какие перспективы откроются тогда перед бароном Блиттерсдорфом!.. Ты должна быть благодарна, что он не отказался от своего предложения после всего, что произошло. Но он настаивал на том, чтобы бракосочетание было совершенно возможно скорее, и я вполне понимаю его».

Тогда Вильгельмина ничего не ответила и молча ушла в свою комнату: она была слишком горда, чтобы оправдываться и принять «великодушные» лейтенанта.

А отец еще долго убеждал ее «призрак», прежде чем убедился, что его дочери давно нет в кабинете.

И вот теперь они идут, идут за ответом... Шаги поднялись по лестнице. Слышались уже голоса отца и лейтенанта. Вильгельмина хотела убежать в свою комнату, но, вспомнив, что это бегство будет обнаружено, осталась сидеть.

— Вы это или ваш призрак, фрейлейн Вильгельмина? — услышала она голос вошедшего в гостиную лейтенанта.

— Призрак, — ответила она. — Призрак прабабушки Каролины. Разве вы не видите буклей и криолина?

Вильгельмина, как все женщины ее круга, отлично умела скрыть свои чувства под маской внешней неприужденности: умение лгать считалось высшим проявлением воспитанности в том мире, в котором она жила.

Лейтенант, напрягая свой тяжеловесный ум, старался быть остроумным. Они начали весело болтать, в то время как отец Вильгельмины прошел в свой кабинет.

— Вильгельмина, ты не трогала бумаг на моем столе? — вдруг послышался тревожный голос Леера.

— Нет, я не входила в кабинет, — ответила она.

— Странно, — ворчал Леер, хлопая ладонями по сукну стола. Потом он вышел из кабинета и дрожащим голосом сказал:

— У меня со стола пропали папки с документами... Очень важные, секретные документы...

— Ты просто не можешь найти их, — ответила Вильгельмина спокойно, хотя в ее душе шевельнулось какое-то смутное, еще не оформившееся, но неприятное ощущение.

— Пойдем поможем ему искать, — сказала она.

Все трое принялись шарить, но на столе папок не было.

— Может быть, ты спрятал дела в шкаф? — спросила Вильгельмина.

— Да нет же, — раздраженно ответил ее отец. — Бумаги лежали вот здесь, с краю, в желтых папках. У нас в доме никого не было посторонних?

У Вильгельмины перехватило дыхание. «Марамбалль! Неужели?.. Он заходил в кабинет, ушел так по-

спешно, бежал от стражи... Это мог сделать только он...»

Никогда еще Марамбалль не был так близок к катастрофе, как в этот момент. Назови Вильгельмина его имя,— и все выгодное предприятие с делом номер 174 рухнуло бы, а он оказался бы в тюрьме. Но, на его счастье, в душе Вильгельмины еще не замолкли голоса ее романтических бабушек, и она ответила «нет», прежде чем осознала все вероломство «несчастливого любовника». Сказанное слово связало ее. Но, не успела она вымолвить «нет», как в ее душе поднялась целая буря негодования. Марамбалль обманул ее, как провинциальную дурачку! Разыгрывая несчастного любовника, он использовал ее доверие для самых низменных целей... И она вновь начала колебаться, не выдать ли Марамбалля.

А Леер уже звонил, созывая слуг. Он узнал о преследовании неизвестного в саду, который мог, очевидно, проникнуть в дом только через дверь сада. Но кто открыл ему? Это осталось невыясненным. Звонил телефон, суетились слуги. Из полицейского управления сообщили, что преступнику удалось скрыться. Вильгельмина не знала, радоваться ей этому или печалиться. Она была так зла на Марамбалля, что была бы рада, если бы его поймали. Но, с другой стороны, это открыло бы ее невольное соучастие. Конечно, никто не заподозрил бы ее в сознательной помощи преступнику. Но какой позор, какой стыд быть так обманутой!

Волнение Вильгельмины дошло до крайнего предела. Оскорбленная женская гордость бушевала в ней, ежеминутно готовая прорваться наружу. И, когда отец сказал трагическим голосом: «Неужели в моем доме есть предатели?» — она не выдержала:

— Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но в этот самый момент в комнату вошел новый свидетель — повар, который пожелал сообщить важные показания.

— Говорите,— нетерпеливо сказал Леер.

— К нам в кухню,— начал повар свое повествование,— нередко заходил какой-то грек, торгующий шелковыми материями. Он продавал их очень дешево. Моя жена, и судомойка, и жена швейцара очень охотно покупали шелковые ткани. Этот грек заходил и сегодня вечером. Когда он поставил на пол свою корзину и раз-

ложил ткани, женщины начали выбирать шелка. Это продолжалось несколько минут. Вдруг электричество погасло. Это случилось не раз в последнее время, и потому мы не обратили особого внимания. Жена швейцара только посмеялась, что свет погас так не вовремя... Я попробовал повернуть выключатель, и через несколько минут свет загорелся вновь; грека на кухне уже не было, а корзина с шелками и сейчас стоит. Мы думали, что грек вышел во двор и вернется, но он так и не вернулся.

— Почему же вы не сказали мне обо всем этом раньше?

— Мы только что сейчас узнали о пропаже бумаг, ваше превосходительство. А о греке мы не беспокоились: грек не подарит корзину шелка.

— Вы можете идти, Карл.— И, когда повар ушел, Леер сказал: — Да, это очень возможно. Из кухни ход ведет в столовую, а из столовой — в кабинет. Преступник мог незаметно погасить электричество в кухне, пробраться сюда, похитить документы и уйти незамеченным. У преступника было совершенно достаточно времени. Но что же тогда значит шум в саду? Кто был там?

— Тот же преступник-грек,— высказал предположение лейтенант.— Он мог попытаться пройти через сад и выйти на Будапештерштрассе, но, очевидно, наскочил на сторожа, который и поднял тревогу.

— А может быть, это был один из сообщников,— сказал Леер.— Я попрошу вас, господин лейтенант, съездить к начальнику полиции и передать ему мою просьбу мобилизовать для поисков преступника все свободные силы. Дело большой государственной важности.

Барон по-военному щелкнул каблуками и, наскоро простившись, ушел. Когда его ковыляющие шаги замолкли, Леер устало уселся в кресло.

— Ты мне хотела что-то сказать, Вильгельмина?

— Да...— Она хотела признаться в том, что в доме был Марамбалль. Но рассказ повара поколебал ее уверенность в том, что Марамбалль похитил документ. И она не призналась отцу о тайном визите Марамбалля. Быть может, еще немного времени спустя она и вообще ничего значительного не сказала бы. Но буря

негодования еще не улеглась в ее душе. Оскорбленная гордость требовала мести.

— Отец, я согласна принять предложение господина лейтенанта.

С романтическим духом прабабушки Каролины было покончено.

XI. ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Марамбалль провел тревожную ночь. Раздумывая над событиями минувшего дня, он пришел к выводу, что опасность еще не миновала для него. Правда, ему удалось замести следы. Но не все прошло так гладко, как ему хотелось бы. Его бегство должно было взбудоражить весь дом. Исчезновение дела, вероятно, уже обнаружено, и для Вильгельмины станет ясною цель его «последнего свидания». И тогда... тогда она, конечно, выдаст его. Марамбалль с минуты на минуту ожидал вторжения полиции. Хорошо еще, что ему удалось припрятать похищенные документы в надежном месте. Марамбалль не раздевался в эту ночь. Он тихо ходил по комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре. Он обдумывал план бегства. Одно окно его комнаты выходило на улицу, другое — в небольшой сад. Это последнее окно он и избрал как путь отступления.

Марамбалль открыл окно в сад. Ночь была душная. На темно-лиловом небе светила оранжевая луна, как китайский фонарь, привешенный над сизым трехэтажным домом. От времени до времени слышался гром. Приближалась гроза. Обострившийся слух Марамбалля уловил какие-то шорохи в саду под окном.

«Неужели это засада?» — с тревогой подумал он.

Страшный удар грома вдруг потряс весь дом, хотя на небе не было видно ни одного облачка, и в ту же минуту послышался шум дождя. Странно было слышать этот шум, не видя ни дождя, ни тучи над головой. Шумел ветер, а деревья в саду, казалось, стояли недвижимыми: ни один лист не колыхался.

Когда раздался удар грома и зашумел дождь, в

кустах под окном слышался шорох и как будто заглушенные голоса.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Марамбалль отчетливо слышал чьи-то приближающиеся по коридору осторожные шаги. Шаги остановились у его двери. Кто-то тихо постучал.

У Марамбалля перехватило дыхание.

«Полиция!»

Для Марамбалля выхода не было. Под окном была засада, в коридоре — отряд полиции; он не сомневался в этом. Но в саду он имел больше шансов избежать врагов, чем в узком коридоре.

Марамбалль быстро выпрыгнул из окна и упал на чьи-то широкие плечи. В то же время он услышал женский крик и узнал голос почтенной вдовы Нейкирх.

— Что это? Кто это? Что с вами? — слышался второй, мужской голос, принадлежавший, без сомнения, тромбонисту, который занимал соседний с Марамбаллем номер. Тромбонист и Нейкирх, очевидно, вышли в сад подышать вечерней прохладой.

Марамбалль соскользнул с могучих плеч Нейкирх и, гонимый ужасом, побежал в Тиргартен.

Здесь царил бесшумная буря. Ветра не было, но деревья гнулись как будто под напором страшного урагана; листья трепетали, и с них стекали ручьи; желтые молнии бороздили тучи. Дождь лил как из ведра, но это был призрачный дождь, — на Марамбалля не падало ни капли.

Ночная свежесть освежила Марамбалля и привела в порядок его мысли. В саду перед его окном, во всяком случае, не было засады. Но кто же стучался в его дверь?

Всю ночь Марамбалль бродил по аллеям парка и только на заре решил вернуться домой.

— Вы уходили? — спросил удивленный швейцар, открывая ему дверь.

— Да, — ответил Марамбалль. — Ко мне никто не приходил?

— Ночью приходил какой-то человек. Я не пускал его, но он ответил, что пришел по очень срочному и важному делу и что вы сами ждете его.

— Вы не заметили его внешности после проявления?

— Шляпа была надвинута на его глаза, воротник приподнят. У него как будто была черная борода, а говорил он с ино странным акцентом.

«Кто бы это мог быть?» — думал Марамбалль, осторожно пробираясь по коридору. Ночные страхи прошли, но все же он еще не успокоился окончательно.

— Доброе утро, фрау Нейкирх, — приветствовал Марамбалль шумное дыхание хозяйки.

— Доброе утро, — сердито ответила она, хлопнув дверью. Марамбалль осторожно вошел в свою комнату. Там никого не было.

ХII. «ЗВУКОВАЯ ДРАМА»

В Рейхстаге только что окончилось заседание, на котором обсуждались положение промышленности и мероприятия правительства. Целый ряд министров выступил с докладами. По их сообщениям, в фабрично-заводской промышленности положение было не так уж плохо, как можно было ожидать. Успешно шла реконструкция машин, применительно к «слепому» методу работ. Широко использован был хронометраж; установлены были «нормы времени» для тех или иных процессов, введены часы с колокольчиками, отбивающими не только минуты, но даже, в некоторых случаях, четверть минуты.

Разумеется, это официальное благополучие не совпадало с действительным положением вещей, которое было далеко не блестящим; но катастрофическим его действительно нельзя было назвать.

Сверх ожидания, наиболее угрожающим оказалось положение сельского хозяйства. Даже выступавший министр не мог не высказать самых серьезных опасений. Длительность инсоляций¹ не уменьшилась, — докладывал министр, — хотя восход и заход солнца и не соответствуют теперь действительному положению солнца: мы видим взшедшее солнце лишь после того, как его лучи проявятся — как теперь говорят, — то есть дойдут до поверхности земли и нашего зрения. Но это компенсируется тем, что солнце продолжает светить

¹ Инсоляция — освещение солнечными лучами.

еще некоторое время после его фактического захода. Наше несчастье, однако, в том, что благодаря замедлению в прохождении света в единицу времени на поверхность земли падает меньшее количество света. Он сделался как бы разреженным. Благодаря замедлению света мы могли наблюдать, что некоторые цвета как бы исчезли, другие изменились; наконец появились новые цвета или их сочетания. Это также не могло не оказать действия на произрастание зерновых хлебов и технических растений. Некоторые из них, например лен, под влиянием, очевидно, ультрафиолетовых лучей начали расти необыкновенно быстро и высоко, не успевая, однако, окрепнуть,— как анемичные, слабосильные дети. Вообще же созревание злаков чрезвычайно замедлилось. Однако для паники не должно быть места. Мы выйдем из затруднения. Наши химики и ученые-агрономы усиленно работают над изысканием средств к скорейшему созреванию растений. Отопление корней, электрификация почвы, новые химические удобрения идут на помощь земле. И за урожай следующего года мы можем быть почти спокойны. Весь вопрос в том, удастся ли нам спасти хлеб, стоящие на корню,— спасти урожай текущего года. Будем надеяться, что удастся. Эту надежду мы возлагаем не только на нашу науку. Обнадёживающее и радостное сообщение я приберег к концу. Наблюдения над светом, произведенные сегодняшним утром, показали, что скорость света возросла еще на четыре секунды.

На скамьях правых депутатов раздались аплодисменты.

— Выразить министру благодарность за прибавку четырех секунд,— послышался чей-то иронический голос слева.

— Теперь обедать,— толкнул Марамбалль Лайля.

И они отправились в Тиргартен в сопровождении Метаксы, который заявил, что имеет сообщить им важную новость.

— У вас всегда новости,— смеясь сказал Марамбалль.

Когда корреспонденты подошли к своему обычному месту под старой, ветвистой липой и рассаживались у круглого мраморного столика, из-за угла киоска слышались чьи-то шаги, и вдруг Марамбалль услышал голос лейтенанта.

— Господин Марамбалль! Вы нанесли оскорбление известному лицу, честь которого я считаю своим долгом защищать. Угодно вам будет дать мне удовлетворение?

— Дуэль? В двадцатом веке? Какой анахронизм!¹ — несколько принужденно расхохотался Марамбалль. — Я никому не наносил оскорбления и не могу признать вашего права на защиту «угнетенных».

— Так я заставляю вас признать это право и принять мой вызов!

За этим последовала звуковая драма.

Кто-то кого-то ударил. Послышалось падение тела и неистовый вопль. Новые удары, новое падение, чье-то глухое ворчанье.

— Хорошо же! — слышался угрожающий голос лейтенанта, и затем он удалился.

Публика, сидящая за соседними столиками, и случайные прохожие с нетерпением ожидали начала «сенса». И когда место побоища начало проявляться, отовсюду раздался дружный смех.

Все увидели, как Марамбалль, разговаривавший с лейтенантом, неожиданно отступил в сторону, и тяжелые удары посыпались на Метаксу. Метакса, открыв рот, из которого несколько минут тому назад раздавались вопли, с насмерть перепуганным лицом упал на землю. Вслед за этим Лайль, не выпуская трубки из рта, наклонил голову, прислушиваясь, очевидно, к дыханию нападавшего, и вдруг, по всем правилам бокса, отпустил в челюсть лейтенанта короткий, но тяжелый удар, сбивший лейтенанта с ног. Если бы Лайль даже видел лейтенанта в момент удара, он не сумел бы сделать лучшего выпада.

Марамбалль был поражен. Он никак не ожидал от «ледяного» Лайля такой быстроты действия.

— Но вы-то почему вмешались в драку? — спросил Марамбалль Лайля.

— Я тоже защищал угнетенного, — ответил он, пуская клубы дыма. — Теперь, если этот господин захочет драться, ему придется иметь дело с троими: с вами, Марамбалль, потому, что он на вас за что-то сердит, с Метаксой — потому, что он побил его, и со мной — потому, что я побил его. И я не откажусь по-

¹ Анахронизм — пережиток старины, «ошибка во времени».

меряться с ним силами! Но я не признаю другого оружия, кроме кулаков.

Удивительно! Бокс так оживил Лайля, что он сделался даже разговорчивым.

— Но кто этот налетевший на нас петух? — спросил Лайль.

— Я знаю! — отозвался всеведущий Метакса. Но Марамбалль остановил его.

— Тсс!.. Не надо раздувать этой истории. Полицейский может подойти незаметно. Вы что-то хотели рассказать нам, господин Метакса?

— Да, но, пожалуй, вы правы. Мы поговорим с вами в другом месте. Скандал может привлечь любопытных, желающих узнать причину ссоры, а то, что я хочу сообщить вам, не нуждается в посторонних свидетелях.

И, поговорив о судьбе урожая, собеседники разошлись.

В тот же день вечером Марамбалль сидел у себя в номере за письменным столом и писал «вслепую» крупными буквами очередную корреспонденцию, когда вдруг услышал знакомую ковыляющую походку лейтенанта, шедшего по коридору. Лейтенант, видимо, старался не обнаружить своего прихрамывания и шел медленно, но чуткое ухо Марамбалля уловило припадающий шаг одной ноги. Марамбалль сразу понял положение. Ревнивый соперник пришел свести с ним счеты! Встретить врага лицом к лицу? Но лейтенант был сильнее его и мог иметь при себе оружие. Бежать? Окно было закрыто, а лейтенант уже подходил к двери, которая была не заперта.

Марамбалль вдруг соскользнул с кресла и скрылся под письменным столом. В то же время дверь открылась без предупреждения, вошел лейтенант и осмотрел комнату. Он увидел Марамбалля, сидящего за письменным столом и углубленного в работу. Но был ли это настоящий Марамбалль или призрак? Лейтенант строил свой расчет на внезапности нападения. Он вынул револьвер и два раза выстрелил, целясь в голову Марамбалля. Марамбалль, видимый лейтенанту, не шевельнулся и продолжал писать. Это было в порядке вещей. Лейтенант теперь не столько смотрел, сколько слушал, чтобы угадать по звукам, какие последствия произвели его выстрелы. И он был вполне удовлетворен: у стола послышался короткий стон и слабый шум,

который мог быть произведен только падающим телом Марамбалля.

Дело сделано. Лейтенант спокойно вышел из коридора и благополучно выбрался на улицу.

Шум револьверных выстрелов привлек внимание соседей. В номер постучалась фрау Нейкирх.

— Что у вас здесь случилось, господин Марамбалль?

Если бы не похищенное дело, Марамбалль охотно пригласил бы свидетелей и попросил бы их остаться до проявления сцены покушения на его жизнь. Но теперь Марамбалль счел более безопасным не поднимать шума и не привлекать к себе общественного внимания. Решающим, однако, было даже не это, а боязнь показаться перед свидетелями смешным трусом, прячущимся под стол. Когда Марамбалль представил себе картину проявления этого позорного отступления, то твердо решил скрыть истинный смысл происшествия.

— Ничего особенного, фрау Нейкирх, не случилось,— ответил он.— Ко мне заходил приятель, я показывал ему свой револьвер и, разряжая, нечаянно сделал два выстрела.

— Теперь надо быть очень осторожным с подобными вещами,— наставительно сказала фрау Нейкирх.— И я очень просила бы вас не делать этого больше в моем доме.

— О, не беспокойтесь, фрау Нейкирх, это были последние патроны.

ХІІІ. ЧЕРНАЯ ПОЛУМАСКА

Несмотря на светопреставление, свадьбу барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер отпраздновали очень торжественно.

Но это торжество было испорчено странным и крайне неприятным для жениха происшествием.

Молодые вернулись домой из-под венца, и к ним начали подходить с поздравлениями, и вдруг все услышали, как невеста вскрикнула и в толпе гостей произошло замешательство.

Когда этот момент проявился, присутствовавшие были изумлены неслыханной наглостью: какой-то молодой человек, в черной полумаске, подошел к невесте и, довольно бесцеремонно обняв ее, крепко поцеловал в губы. Потом он разыскал руку жениха и вложил в нее какой-то пакет. Сделав широкий жест, неизвестный удалился.

Жених, увидя вместе со всеми эту сцену, был так взбешен, что забыл обо всем на свете и бросился на призрак, сбив с ног стоявшего на этом месте старичка-советника. Проявилась и эта картина, заставившая многих гостей невольно улыбнуться, несмотря на всю их выдержанность. Все делали вид, что они ничего не видели; гостей попросили за стол, и торжество пошло своим чередом. Слышались поздравления, но они звучали, как насмешка; пили тосты, принужденно смеялись вслух и искренне — в салфетку. Лейтенант, не забывая о проявлении, вынужденно улыбался и старался казаться непринужденным, но не мог согнать со своего лба тяжелых морщин, а углы его рта судорожно подергивались.

— Не правда ли, он похож на покойника, присутствующего на своих похоронах? — шептали злые языки, указывая на растерянное, но широко улыбающееся лицо лейтенанта.

Всех интересовал пакет, полученный женихом от неизвестного, и больше всех — самого лейтенанта. Его нетерпение было так велико, что по окончании обеда он прошел в зимний сад и, разорвав пакет, вынул содержимое, посмотрел, поднеся к самым глазам, и вдруг быстро спрятал.

— Что содержится в пакете, который вы получили от неизвестного? — услышал лейтенант голос Леера. Лейтенант вздрогнул от неожиданности.

— В пакете? Ничего. Пустяки. Шалость, — ответил он умышленно громко, чтобы его слышали. — Представьте, это была шутка моего брата. Не совсем удачная шутка, надо сознаться, но он всегда отличался легкомыслием и эксцентричностью.¹

— Ваш брат? Я ничего не слышал о том, что у вас есть брат, — удивленно сказал Леер. — И почему же ваш брат не снял маски и не остался?..

¹ Эксцентричный — странный, чудаковатый.

Леер почувствовал, как лейтенант пожал ему руку. Леер понял этот жест и замолчал.

— Мой брат путешествовал в Африке и только что вернулся. Завтра он, вероятно, сделает нам визит...

Легенда о брате распространилась между гостями, но ей плохо верили.

XIV. КОНЕЦ «СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ»

Марамбалль проснулся, открыл глаза и невольно прищурился от непривычного яркого света. Повернув голову к окну, Марамбалль увидел между двумя высокими домами полосу голубого неба.

Он быстро вскочил с кровати и замахал руками. Марамбалль видел руки в момент их движения! Схватив кресло, он поставил его на середину комнаты. И он видел его там, куда перенес. В мире больше не было двойников и призраков! Световые отображения вещей слились с самими вещами. Сомнения не могло быть: свет приобрел свою обычную скорость. Может быть, она была еще несколько и меньше трехсот тысяч километров в секунду, но это могло интересовать только астрономов. Для практической жизни, в пределах земных явлений, разница в какие-нибудь четыре километра, даже в несколько десятков километров была совершенно неощутима.

Марамбалля охватила безумная радость, как будто он вернулся из мрачной страны теней на родную землю,— в сияющий мир реальных вещей, голубого неба, зеленых деревьев.

Он весело запел, закружился по комнате. И эту радостную песнь возвращения к жизни подхватили жильцы его дома, уличные прохожие, весь город, весь мир. Отовсюду слышались возбужденные, веселые голоса. Как будто мир проснулся после долгой и тяжелой болезни, сопровождаемой бредовыми кошмарами, и вдруг почувствовал себя здоровым и бодрым. Люди пели, смеялись, поздравляли друг друга. Шоферы и вагоновожатые, не ожидая официального разрешения, пускали машины и трамваи на полный ход. Реве-

ли сирены, трещали звонки, разноголосый шум и гам до краев наполнил город, который забурился, как закипевший котел.

— Великолепно! Изумительно! Прелестно! — кричал Марамбалль, не опасаясь, что его сочтут безумным. Он без всякой осторожности уселся в кресло и постучал по ручке кулаком.

— Это вещь, а не призрак! Царство призраков окончилось!

Да, царство призраков окончилось, и в ту же минуту произошла переоценка всех ценностей. Хитроумные политические комбинации и международные соглашения — явные и тайные — вновь приобрели ценность, смысл и интерес.

Марамбалль тотчас вспомнил о деле номер 174, которое еще покоилось под матрацем Лайля.

«Теперь папку будет, пожалуй, труднее извлечь незаметно, — подумал Марамбалль. — Но как-нибудь я все же раздобуду ее. Однако надо торопиться. Теперь папка может быть легко обнаружена. Довольно будет Лайлю или служанке случайно отвернуть угол матраца, как они тотчас увидят папку».

Марамбалль быстро оделся и пошел к Лайлю.

Англичанин встретил его с обычным спокойствием. Даже конец «светопредставления» не оживил его. Он, как всегда, сосредоточенно сосал свою трубку, внимательно разглядывая гостя сквозь клубы дыма. Марамбаллю показалось, что на этот раз Лайль только несколько больше прищуривал свои бесцветные глаза, — как будто он чуть-чуть насмешливо улыбался одними глазами.

Эта едва уловимая улыбка несколько обеспокоила Марамбалля, но Лайль заговорил, и Марамбалль, слушая его слова, успокоился и начал улыбаться сам.

— Вы слышали, конечно, историю, которая произошла на свадьбе барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер?

«Так вот что вызвало тень улыбки на этом каменном лице», — подумал Марамбалль и простодушно ответил:

— Нет, не слышал.

Лайль посмотрел на него недоверчиво, но подробно рассказал о неизвестном в полумаске, поцеловавшем Вильгельмину.

— Таким образом, ваш соперник кем-то отомщен,— закончил Лайль рассказ.— Признайтесь, этот инкогнито¹ в полумаске были вы?

Марамбалль сделал удивленное лицо, не выдержал и беззаботно рассмеялся.

— От вас ничего не скроешь!

— И лейтенант, конечно, знает, что это были вы?

— Разумеется.

— Но ведь он теперь убьет вас. После такой шутки вам не безопасно оставаться в Берлине.

— Нет, он не убьет меня. Он принужден будет проглотить это оскорбление,— ответил Марамбалль.

— Лейтенант как будто не принадлежит к людям, которые способны молча перенести такое оскорбление.

— Он и не перенес. Вы знаете, что лейтенант двумя выстрелами в голову уложил меня наповал. Но, к его несчастью, он убил только «Марамбалля-второго» — мой призрак. В этом он мог вполне убедиться, видя, как сладко поцеловал живой Марамбалль-первый его молодую жену.

— Лейтенант узнал вас под полумаской?

— Вероятно. Кроме того, он получил от меня «визитную карточку» — мое свадебное поздравление.

— А! это тот таинственный пакет, который всех так заинтересовал? Что он содержит в себе? Говорят, лейтенант отказался сообщить об этом даже Вильгельмине и ее отцу.

Марамбалль многозначительно шевельнул бровями, поднялся и зашагал по комнате, незаметно приближаясь к кровати.

— Я вам все объясню. Лейтенант вошел в комнату так неожиданно, что действительно мог уложить меня на месте. Но все же я услышал и узнал его шаги и успел отбежать в сторону. Пули пролетели так близко от моего лица, что я почувствовал удар воздуха. Чтобы ввести лейтенанта в заблуждение, я застонал.— Марамбалль счел лишним сообщать Лайлю маленькую подробность этого происшествия о том, как он нырнул под стол.— Так вот. Сделав свое злое дело, лейтенант поспешил уйти. А я, успокоив соседей, приготовил свой фотографический аппарат, который, по

¹ Инкогнито — неизвестный, не желающий обнаружить свою личность.

обыкновенно, у меня всегда заряжен, и начал ждать проявления. Таким образом, я заснял всю последовательность событий: себя, сидящего за столом, и лейтенанта, стреляющего в пустое кресло. Вы понимаете, что когда проявился «призрак» лейтенанта, то меня уже не было на кресле, хотя лейтенант в момент выстрела и видел мое отражение. Эти последовательные снимки являются бесспорным доказательством преступления лейтенанта — покушения на убийство. Если оно не окончилось настоящим убийством, то только благодаря «фокусу» светопреставления, давшему мне возможность избежать опасности в последний момент. Для большей убедительности я сложил два негатива: один с изображением меня, сидящего на кресле, и другой — с изображением лейтенанта, стреляющего в меня. Так как обстановка комнаты была неизменна, то получилась полная картина покушения на убийство.

Марамбалль уселся на краю кровати, опустил руки и, раскачиваясь, незаметно запустил пальцы под матрац.

— И эту фотографию вы поднесли лейтенанту?

— Целых три снимка: меня, его и один снимок «синтетический». Теперь вам должно быть все понятно. Лейтенант предупрежден, что в моих руках есть документ, который может изобличить его в каждую минуту, если только он начнет преследовать меня. Идти из-под венца в тюрьму не очень-то приятно.

— Лейтенант имеет слишком большие связи. Он может потушить дело.

— Едва ли. Ведь фотографии я могу опубликовать в иностранной прессе. Такой скандал, если он даже не дойдет до судебного процесса, повредит лейтенанту весьма ощутительно. Этого мало. Копии фотографий я могу передать также Вильгельмине. Она узнает, что ее муж преступник. Помимо того, что это испортит их отношения, Вильгельмина всегда сможет пустить в ход это орудие против мужа, и он окажется в руках своей жены.

Марамбалль все глубже запуская пальцы под матрац, но, к его ужасу, не нащупывал папки. Лайль сидел вполборота к нему и дымил.

— И в ваших руках? Чего доброго, вы сделаетесь другом дома, — иронически сказал Лайль.

— Это... будет видно...— несколько растерянно сказал Марамбалль.

Папка исчезла... Но Марамбалль еще не терял надежды, что она случайно сдвинута, и продолжал ерзать по кровати.

— Но отчего же вы сразу не предъявите в суд ваши изобличающие фотографии?

— На это у меня есть свои соображения.

Лайль вдруг круто повернулся к Марамбаллю и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Не ищите, там нет папки.

Марамбаллю показалось, будто скорость света вдруг уменьшилась до нуля. В глазах его потемнело.

— Как?... пап?... какой папки?...— пролепетал он заикаясь.

— Ну, разумеется, той самой, которую вы положили мне под матрац.

— Я не клал никакой папки!

— Тем лучше,— спокойно ответил Лайль.— Значит, папка сама пожаловала ко мне, и я могу распоряжаться ею.

— Послушайте, Лайль,— взмолился Марамбалль,— мой друг, верните мне папку! Я с опасностью для жизни похитил ее из дома Леера.

— Послушайте, Марамбалль,— ответил Лайль,— вы мой друг, и вы поступили так вероломно, подкинув мне краденый документ...

— Но мне ничего больше не оставалось делать... за мной гнались, я не был уверен, что мне удалось замести следы... Ваша квартира... экстерриториальность.

— Вы могли скомпрометировать не только меня, но и все английское посольство. Почему вы не воспользовались экстерриториальностью вашего посольства, которое находится рядом? Никаких оправданий! Уж если дело номер сто семьдесят шесть попало ко мне, я не выпущу его из рук.

— Дело номер сто семьдесят шесть? — переспросил Марамбалль.— Простите, вы ошибаетесь! Дело номер сто семьдесят четыре.

— Никакого дела номер сто семьдесят четыре у меня нет,— ответил Лайль.

— Вы лжете!

— Что-о? — Лайль сжал сухой жилистый кулак, покрытый с тыльной стороны веснушками.— Я лгу?

Если вы не возьмете обратно своих слов, то сейчас же перелетите с территории английского посольства на территорию французского,— угрожающе сказал он.

Их дружба не выдержала серьезного и испытания.

Марамбалля так взбесило поведение «друга», что он готов был померяться с ним силами: раздвинув локти, он тоже сжал кулаки, готовясь отразить удар.

Но в это время неожиданно заговорил рупор радиоприемника, и первые же слова, которые раздались в комнате, заставили друзей-врагов остановиться и прислушаться.

— Алло! Алло! Всем, всем, всем! Слушайте! Слушайте! «Светопреставление» окончилось, но оно может повториться!

«Этого еще недоставало!» — подумал Марамбалль и, опустившись в кресло, начал слушать.

— Чтобы понять, какие причины вызвали замедление света, необходимо прежде всего выяснить сущность света.

Марамбалль совсем не был расположен слушать научные лекции, в особенности в решительный момент борьбы за обладание делом номер 174. Но... «светопреставление» может повториться! А если оно повторится, все дела потеряют смысл. Во всяком случае интересно знать, каковы шансы на повторное «светопреставление»... И он покорился необходимости выслушать скучные сообщения, под которыми, однако, скрывались самые жизненные интересы. Лайль молча стоял, прислонясь к столу, и тоже слушал.

— В настоящее время,— говорил радиорупор,— существует две теории света: атомная и волновая. Атомная теория утверждает, что всякий источник света представляет собою нечто вроде батареи, обстреливающей окружающие тела ураганным огнем, причем снаряды посылаются равномерно по всем направлениям и летят прямолинейно. Скорость их полета обычно постоянна и равняется в пустоте тремстам тысячам километров в секунду. В случае же прохождения света в другой среде—воздух, стекло,—скорость света хотя и очень велика, но несколько иная.

При попадании в какую-нибудь материальную мишень световые атомы не разрываются, как артиллерийские снаряды, но или застревают в этой мишени

(поглощение света), или отскакивают от нее рикошетом (отражение света), или же, наконец, проходят внутрь и распространяются далее, но уже в несколько отличном от первоначального направления (преломление света). Так в общем смотрел на природу света Ньютон. Взгляды эти господствовали в течение века, но были вытеснены волновой теорией, о которой скажем ниже, и вновь возродились в так называемой квантовой теории света (от латинского «квантум» — «количество, порция»).

По квантовой теории, «атомы света» являются материальными частицами и отличаются от обыкновенной материи только тем, что не имеют той прочности, «вечности», которой обладают все материальные атомы. Атомы света «рождаются» за счет переизбытка энергии того атома, который их выбрасывает, «живут», то есть существуют, во время своего полета от выбросившего их атома до другого и, наконец, «умирают», то есть исчезают, превращаясь в энергию последнего.

Теперь посмотрим, от каких причин могло произойти уменьшение скорости света, исходя из атомной теории света. Допустим, что между солнцем и землей в мировом пространстве появилась какая-то преграда, в виде ли газа или какого-нибудь иного неизвестного нам состояния сильно разреженного материального вещества. Если бы это вещество поглощало атомы света, то наша земля погрузилась бы в темноту. Равным образом свет не дошел бы до нашей земли, если бы он оказался отраженным этой преградой на пути. Наконец, при преломлении света лучи света могли бы изменить направление, но не скорость. Остается одна гипотеза, на которую мы указали: замедление света при прохождении через неведомую нам преграду. Что это за преграда, остается невыясненным. Быть может, это особого рода туманность. И если эта туманность напоминает по своей форме те, которые мы наблюдаем в телескоп, то весьма вероятно, что и эта неизвестная туманность имеет вид спирали. А в таком случае наша земля в своем движении вместе со всей солнечной системой может пересечь еще не один «завиток» этой туманности, и тогда эффект замедления света может произойти вновь.

Поэтому правительство настоятельно рекомендует иметь наготове звуковые сигнализационные аппараты

и прочие приспособления, созданные во время «светопредставления», для регулирования уличного движения и трудовых процессов.

Так обстоит дело, если мы будем исходить из атомной или квантовой теории света.

Что касается волновой теории, то световые колебания представляются ею как силовые, то есть как быстрые периодические изменения в каждой точке пространства электрических и магнитных сил, исходящих из источника света. По волновой теории, волны видимого света ничем не отличаются от всем известных радиоволн. Скорость радиоволн равна скорости света. Замедления в скорости радиоволн мы как будто практически не наблюдали. Однако нам приходилось наблюдать одно весьма странное и непонятное явление. Как известно, радиоволна обегает вокруг всего земного шара в очень короткий промежуток времени ($1/7$ доля секунды) и вновь попадает в место отправления, как «эхо». Таким образом, вы можете многократно принять волну, посланную вами вокруг земного шара. Но отмечены случаи, когда радиоволна, отправленная станцией, куда-то «пропадала» и не возвращалась целые минуты, — десять, двенадцать минут! Где блуждала она? Очевидно, где-нибудь в мировых пространствах, пока не вернулась, быть может, отраженная каким-нибудь небесным телом. Что изменило ее направление, мы не знаем. Но мы знаем, что радиоволна пришла с опозданием в двенадцать минут, хотя скорость ее «полета», вероятно, была не меньше обычной. Если же свет является по своей природе такой же электромагнитной волной, то не произошло ли с ним такого же явления, как и с блуждающей радиоволной?

Как бы то ни было, но причины, вызвавшие замедление света, могут повториться. И поэтому еще раз: осторожность, осторожность и выдержка.

Радиопередача прекратилась. Марамбалль посмотрел на Лайля.

Лайль молчал.

— Зачем им это понадобилось? — сказал Марамбалль. — В конце концов ничего определенного. Одни гипотезы. Мы и без них знали, что то, что произошло раз, может произойти и другой раз. Теперь не время читать лекции! Но мы не кончили с вами разговора, Лайль. Это проклятое радио...

— Я думаю, конец разговора будет не в вашу пользу, Марамбалль,— сказал Лайль, опять сжимая кулак. Марамбалль напыжился, как петух, готовый к бою.

Но в этот момент кто-то постучал в дверь. Лайль двинулся к двери, как будто не замечая Марамбалля, стоявшего на пути, и Марамбалль должен был свернуть в сторону.

* * *

В комнату вошел Метакса. Все лицо его улыбалось, белые зубы сверкали, маслянистые глаза лоснились как никогда.

— Здравствуйте! Вас двое? Это хорошо! Я был у вас, Марамбалль, ночью был,— такое дело. Швейцар сказал — вы дома, но я не достучался и ушел. Крепко спите. Честный человек всегда крепко спит.

«Так вот кто был у меня ночью; как это я не догадался,—подумал Марамбалль.—Но у Метаксы нет бороды. Или он был загримирован?»

— Дело есть, большое дело! — продолжал Метакса.

— А какой номер вашего дела? — шутиливо спросил Лайль. Он уже был спокоен, как всегда.

— Хо-хо, вы угадали. Дело номер сто семьдесят четыре.

— Что-о? Не может быть. Дело номер сто семьдесят четыре у меня, то есть у Лайля.

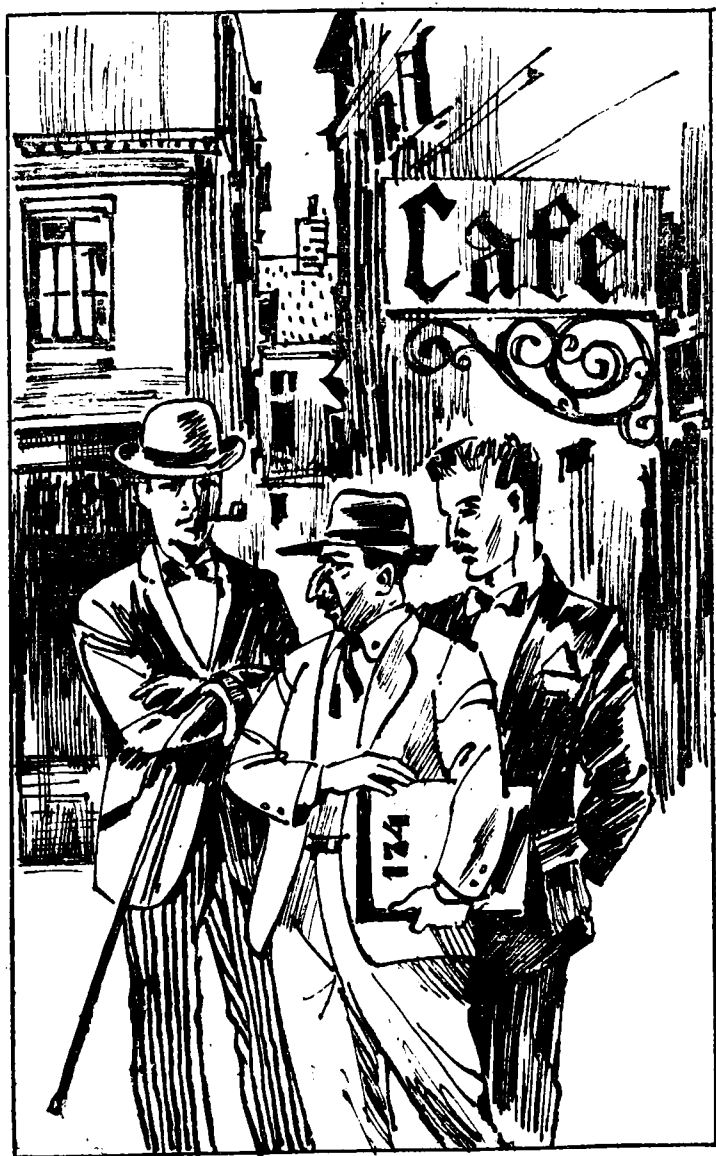
— Не может быть, дело номер сто семьдесят четыре у меня,—ответил Метакса.

— О тайном соглашении между Германией и Советской Россией?

— О соглашении между этими странами,— ответил Метакса.

— Но ведь это дело я собственными руками взял со стола Леера,—не удержался Марамбалль.

— Значит, вы впопыхах взяли «призрак» этого дела. Вернее, вы взяли какое-то другое дело, которое лежало под папкой номер сто семьдесят четыре, а эту папку я взял за две-три минуты до вас. Уходя, я даже слышал, как вы вошли в кабинет, и догадался, что это вы. Вы сами наказали себя. Я предлагал вам сделку,—помните, в театре? Вы отказались, пожалели тысячи марок; тогда я решил действовать сам.

— Надеюсь, теперь вы извинитесь передо мною? — спросил Лайль.

— Да, простите! Но кто бы мог думать? Какой я был осел! Мне нужно было поднести папку к самым глазам... Но где она, покажите мне ее?

Метакса улыбнулся грустной улыбкой глаз и хитрой — румяных губ.

— Пять тысяч марок! «Имера» — очень хорошая газета, но она не заплатит мне и шестисот. А мне надо жить и закончить образование.

— Пять тысяч! — возмутился Марамбалль. — Но это грабеж! Это нечестно, Метакса, вы выкрали у меня дело из-под рук.

Метакса улыбался все так же грустно и хитро.

— Это очень дешево. За дело номер сто семьдесят четыре можно получить двадцать, тридцать, сорок тысяч.

— Две, ну, три тысячи марок я могу вам дать, Метакса. А если вы не согласитесь, то я... я донесу на вас!

— Ну и что же? — невозмутимо ответил Метакса. — Вы — на меня, я — на вас; оба отсидим в тюрьме, и вы не получите даже за донос.

— Я даю пять тысяч марок, — небрежно процедил Лайль сквозь клубы дыма.

— Нет, нет, — завопил Марамбалль, — я первый покупатель! Вы, Лайль, ничего не сделали для этого дела, а я ставил на него очень многое. Я даю пять тысяч, где дело? — поспешно обратился он к Метаксе.

— Десять тысяч марок, — также спокойно продолжал Лайль.

— Стойте, подождите; ведь это же бессовестно! — Лайль нахмурился. — То есть бессмысленно, хотел я сказать. Зачем мы будем набивать цену? Не надо больше! Пусть он подавится, я дам ему десять тысяч, но не будем устраивать аукциона. — Марамбалль вдруг схватил Лайля за плечи и, чуть не плача, заговорил: — Ведь вы же — мой друг. Ну, умоляю вас! Давайте мы порешим так. Пусть у вас останется дело, которое раздобыл я. Я ничего не возьму с вас за него, а вы уступите мне дело номер сто семьдесят четыре. Согласны?

— Иес, — коротко ответил Лайль, высвобождаясь от объятий француза.

Марамбалль вздохнул и вынул чековую книжку и «вечное» перо.

Он испытывал такое чувство, как будто должен был засесть за самый трудный фельетон. Он вздыхал, вертелся на стуле, наконец поднялся и зашагал по комнате.

Метакса терпеливо ожидал, как паук, наблюдая за жертвой, которая уже попала в паутину, но еще молчал на стуле, наконец, поднялся и зашагал по комнате.

— Скажите, Лайль,—спросил он,—вы ознакомились с делом номер сто семьдесят шесть?

— Да. В нем есть кое-что пикантное. Оно вскрывает — мягко выражаясь — влияние одного концерна на правительство при издании закона о пошлинах на иностранные товары. Но, конечно, десять тысяч марок на этом деле не заработаешь,—скромно ответил Лайль.

Марамбалль шумно вздохнул.

— Десять тысяч марок! Это почти весь мой аккредитив¹. Может быть, вы уступите хоть несколько тысяч? — Метакса многозначительно посмотрел на Лайля.—Ну, пусть будет по-вашему, кровопивец!

И с таким видом, как будто он подписывал собственный смертный приговор, Марамбалль заполнил чек, оторвал его и, подавая Метаксе, сказал:

— С рук на руки.

Метакса не спеша расстегнул пиджак, белый жилет и рубашку и извлек из-под рубашки папку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «Дело № 174».

Документы перешли из рук в руки. Метакса, сладко улыбувшись своими черными, как маслины, глазами, ушел.

Но, прежде чем Марамбалль успел раскрыть заветную папку, Метакса неожиданно вернулся. Он открыл дверь и, заглядывая в комнату одним глазом, похожим на маслину, сладко пропел:

— Господин Марамбалль, вы хотите вернуть свои десять тысяч марок?

¹ Аккредитив — на коммерческом языке — особого рода банковский перевод, по которому владелец его может получить деньги в нескольких банках.

— Ну, разумеется! В чем дело, Метакса?

— Дайте мне еще две тысячи, и через полчаса у вас будут назад ваши десять. Ну, через час, не больше.

Марамбалль недоверчиво посмотрел на Метаксу.

— Обманете!

— Господин Лайль будет свидетелем. Хорошее дело, верное дело! Вы ему дайте две тысячи марок. Когда получите назад десять, он мне отдаст. Идет?

— Хорошо! Что я должен делать?

— Написать еще чек на две тысячи.

Марамбалль подумал, вздохнул и, как зарвавшийся игрок, решил идти «ва-банк». Он написал чек на две тысячи и передал его Лайлю, который спокойно положил чек в карман.

— Теперь что я должен делать?

— Идти, бежать, ехать, лететь домой и взять с собою негативы, где снят барон, который стрелял в вас!

— Ну и дальше что?

— Барон Блиттерсдорф купит у вас эти негативы. Вы идите за негативами, а я — за бароном. Хорошо? — И, не ожидая ответа, Метакса закончил: — Очень хорошо!

Марамбалль нашел, что сделка действительно подходящая. У него есть в запасе несколько снимков, с которых он может сделать новый негатив, если понадобится, а негатив почему бы не продать за хорошую сумму?

— Хорошо! Я согласен. Отправляйтесь за бароном, а я иду за негативами. — Марамбалль засунул дело № 174 под жилет и отправился к себе. Лайль согласился на то, чтобы встреча произошла у него, — «на нейтральной почве».

Таксомотор быстро доставил Марамбалля туда и обратно. Когда Марамбалль вернулся, Метаксы и барона еще не было. Однако скоро явились и они. Барон был в штатском и держался так, как будто он явился во вражеский лагерь подписывать мирный договор.

— Надеюсь, вы уведомлены о причине моего визита, — сказал он, чинно раскланиваясь и не протягивая руки.

— Да, да, — быстро ответил Марамбалль.

— Господин Метакса говорил мне, что вы, барон, интересуетесь фотографией и скупаете негативы. У меня есть три очень интересных негатива.

— Цена?

— Двадцать тысяч марок.

Блиттерсдорф с недоумением посмотрел на Метаксу. Тот изобразил на своем лице еще большее недоумение и посмотрел на Марамбалля.

— Этой суммы я не могу дать вам.

— Пятнадцать — крайняя цена!

— Десять!

— Пятнадцать!

— До свидания!

— Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать!! Больше не могу уступить. Это очень дешево!

Барон вернулся от двери.

— Двенадцать тысяч я, пожалуй, дам, но с одним непременным условием... Вы могли сделать копии с этих фотографий...

Марамбалль взмахнул руками, чтобы показать, что он и не думал делать этого. Папка, которую он продолжал держать под жилетом, начала выскальзывать от этого резкого движения. Марамбалль подхватил ее, но—увы!—барон уже успел заметить мелькнувший на момент номер 174.

«Интересное открытие!»—подумал барон, но не подал вида.

— Итак, вот мое непременное условие,—сказал барон,—вы не должны в дальнейшем шантажировать меня и не пустите больше в оборот ваши гнусные снимки.

— На них изображены вы, господин барон!

— На них изображены вы, господин Марамбалль! И если вы не выполните обещания, то...

— То?

— То я убью вас. Второй раз я не промахнусь. «Светопреставление» окончилось.

— Хорошо! Я принимаю ваши условия,—ответил Марамбалль.—Я даю торжественное обещание никогда не опубликовывать снимков. Но со своей стороны требую от вас обязательства не предпринимать против меня никаких агрессивных сделок.

Барон улыбнулся.

— Хорошо! Согласен.

Еще одна сделка состоялась. Марамбалль вручил барону негативы, а барон — Марамбаллю двенадцать тысяч марок. Барон положил негативы в карман, сделал очень короткий общий поклон и вышел из комнаты. Прежде чем он дошел до двери, Метакса уже получил от Лайля свои две тысячи и выскользнул из комнаты вслед за бароном с быстротою ящерицы.

Наконец-то Марамбалль мог насладиться чтением дела номер 174! Ему так не терпелось, что он решил тут же заняться этим.

Марамбалль, задыхаясь, подсел к столу и начал просматривать дело, которое ему стоило стольких волнений и денег.

Лайль спокойно курил трубку, сидя на подоконнике окна.

Окончив просмотр дела, Марамбалль вдруг беспомощно обвис всем телом, как будто из него вынули все кости.

— Интересное дело? — спросил Лайль.

— Торговое соглашение. Все это текстуально и официально было опубликовано и напечатано в газетах. И ни слова больше! Никакого тайного соглашения между Германией и Советской Россией... — ответил Марамбалль коснеющим языком.

Лайль почти беззвучно усмехнулся. Но слух Марамбалля еще не утратил остроты, приобретенной им в дни «светопрествления». Эта усмешка явилась искрой, взорвавшей пороховой погреб.

Марамбалль точно обезумел. Лицо его исказилось, он закричал так, как будто сам сидел на взорвавшемся пороховом погребе.

— О, мошенники! Подлецы! Обманщики! Вы обманули меня, продажные души! Вы спровоцировали меня на кражу. Вы с Метаксой составляли бандитскую шайку. Вы сами заключили «тайное соглашение держав — Англия и Греция против Франции». Вы, Лайль, навивали цену умышленно. Вы ограбили меня... Вы... вы...

Больше Марамбалль не произнес ни слова. Его крик мог привлечь внимание соседей, и Лайль принял меры: он быстро подошел к беснующемуся Марамбаллю и, сжав его челюсти, как железными тисками, свои-

ми сухими, жилистыми, веснушчатыми руками, почти ласково сказал:

— Я же предупреждал вас, Марамбалль, что Метакса хитрее нас двоих, вместе взятых. Не волнуйся, прекрасная Франция. Жизнь — игра и борьба. Сегодня тебе не повезло. Но завтра ты можешь заключить такое же блестящее тайное соглашение с Италией или Бразилией против Англии и отыгаться. — И уже строго Лайль закончил: — Пожалуйста, не кричите так громко, господин Марамбалль, о наших маленьких разногласиях. Не забывайте, что мы в Германии.

Марамбалль вздохнул, засунул папку под жилет, хотя она больше и не нужна была ему, и, не простившись с Лайлем, вышел из комнаты. Он отправился к себе.

В зеркальном платяном шкафу, в задней стенке, Марамбалль приделал вторую доску. Между доской и стенкой он хранил документы, которые не должны были попадаться на глаза немецкой полиции. Марамбалль запер дверь на ключ, вынул вторую доску, извлек из своего потайного хранилища снимки с негативов, которые только что продал лейтенанту, и прошептал:

— Вы еще услышите обо мне, господин барон! — Снимки были в сохранности. Но что делать с делом номер 174? Такую улику было опасно держать в комнате, хотя бы и в потайном шкафу. Марамбалль решил сжечь папку.

Но, прежде чем он успел выполнить свое намерение, в дверь постучались. Марамбалль все эти дни жил в напряженном ожидании и потому принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он сделал в двери едва заметную скважину, через которую и мог видеть, кто пришел к нему.

К своему ужасу, Марамбалль увидел отряд полиции. Сомнения не было. Барон заметил под его жилетом выскользнувшую папку и поспешил сообщить полиции, чтобы она арестовала Марамбалля с повинным... «О проклятый барон!» — выбранился Марамбалль шепотом.

Однако что же делать? Сжечь папку он не успеет. А в дверь настойчиво стучали, и чей-то грубый голос кричал:

— Откройте, господин Марамбалль, иначе мы выломаем дверь! Ведь мы же видели, что вы вошли в свою комнату!

«Однако как быстро работает берлинская полиция! — удивился Марамбалль. — Вероятно, барон сообщил по телефону, и полицейские тотчас же последовали за мною»...

Дверь уже трещала... Еще несколько мгновений — и она сломалась под натиском дюжих тел. Полицейские ворвались в комнату. Она была пуста.

Пока полицейские оглядывались, неожиданно заговорил рупор радиоприемника глухим, «картонным» загробным голосом. И этот загробный голос говорил об очень страшных вещах:

«Алло! Алло! Новая катастрофа! Земля вошла в полосу туманности, состоящей из отравленных газов! Спасайтесь в газоубежище! Десяти минут достаточно, чтобы газ отравил человека»...

Эта весть ошеломила полицейских. Позабыв о цели своего прихода, они бросились в коридор и побежали к ближайшему подземному газоубежищу, сбивая с ног и давя удивленных прохожих.

А Марамбалль вышел из-за шкафа и вдруг начал трубить победный марш в рупор радиоприемника.

— Хорошую штуку я сыграл с ними! — весело сказал он. — Теперь их не вытащишь из газоубежища. А мне нужно не больше получаса, чтобы добраться до вокзала. Виза на выезд в кармане, деньги есть. — И Марамбалль вдруг засмеялся еще громче. — Представляю, какую гримасу сделает Метакса, когда придет в банк получать по чеку и узнает, что на моем текущем счете лежит всего несколько сотен марок.

**«Я ПОСТАВИЛ ЦЕЛЮЮ
ПОКАЗАТЬ МНОГООБРАЗИЕ ВКУСОВ
ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО...»**

Александр Романович Беляев — один из основоположников советской научной фантастики — был человеком необычайной судьбы и автором удивительных произведений. Им создано более двух десятков повестей и романов, множество рассказов, очерков, статей, рецензий. Его произведения яркие и оригинальны. Они так же, как и его жизнь, романтичны, полны светлого оптимизма, веры в человека, но одновременно с этим подчас глубоко трагичны.

Беляев родился 4 (по новому стилю 16) марта 1884 года в Смоленске, небольшом, захолустном в то время городе, в семье священника. С детства мальчик обладал живым и развитым воображением. В своих смелых мечтах он уносился из тихого провинциального города в неведомые и сказочные края. Любимыми его книгами были романы Жюль Верна, который умел видеть фантастическое в реальной действительности. Но самой заветной мечтой мальчика было научиться летать. Беляев был мечтателем, для которого не существовало невозможного: он спрыгнул с крыши сарая с самодельным зонтиком в руках. Хотел без крыльев взлететь, но упал и расшибся. Позднее писатель летал на аэроплане одной из первых конструкций, сам мастерил планеры.

Отец отдал сына в духовную семинарию, которую тот окончил в 1901 году. Однако священником он не стал и вышел из семинарии убежденным атеистом. Юноша много читает, увлекается приключенческой литературой, любит живопись, музыку, театр, играет в любительских спектаклях. Изучает он и технику, серьезно занимается фотографией. Вскоре Беляев поступает в юридический лицей в Ярославле, где одновременно учится в консерватории по классу скрипки. Чтобы заработать деньги на учебу,

юноша играл в оркестре цирка, рисовал театральные декорации, занимался журналистикой. В 1906 году, окончив лицей, Беляев возвращается в Смоленск, где работает присяжным поверенным, выступает в качестве музыкального критика и театрального рецензента в газете «Смоленский вестник», но одновременно не перестает мечтать о дальних путешествиях. Накопив деньги, в 1913 году уезжает за границу. Несколько месяцев, проведенных в Италии, Франции, Швейцарии, принесли будущему писателю запас впечатлений на всю его жизнь. Он поднимается к кратеру Везувия, летает на гидроплане, бродит по раскопанным улицам Помпеи, в Венеции плавает на гондолах по каналам, в Марселе посещает знаменитый замок Иф, а в Риме—мрачный квартал бедняков Сан-Лоренцо.

Возвратившись на родину, Беляев работает в газете «Смоленский вестник», а через год становится ее редактором. Одновременно он серьезно увлекается театром, работает в Смоленском народном доме, играет на скрипке и фортепиано. Писатель был членом Смоленского симфонического общества, Глинкинского музыкального кружка, Общества любителей изящных искусств.

Но вскоре Беляева поразила тяжелая болезнь: костный туберкулез. Шесть лет писатель был прикован к постели, из них три года скован гипсом. Однако болезнь не сломила его воли. Он изучает иностранные языки, интересуется медициной, биологией, историей, техникой, следит за новейшими достижениями науки. И читает, читает, читает... Прикованный к постели, писатель живет в мире, созданном его воображением. Мало кто знал, что этот разносторонне образованный человек, автор увлекательных произведений, описывающих неизведанные земли и подводные глубины, провел многие годы своей жизни в полной неподвижности. «Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» — произведение в значительной степени... автобиографическое,— писал Беляев в статье «О моих работах». —Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головы без тела», которого я совершенно не чувствовал—полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал всё, что может испытать «голова без тела...».

Сила воли и любовь к жизни позволили ему на время победить болезнь. В 1922 году он снова возвращается к жизни. Работает инспектором по делам несовершеннолетних в уголовном розыске в Ялте (куда вынужден был переехать по совету врачей), затем воспитателем в детском доме. И все это преодолевая боль,

все время находясь в специальном сковывающем корсете. А вокруг происходили большие события: Великая Октябрьская революция, гражданская война, разруха, голод, от которого у Беляева умирает мать. «...мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший милиционер,—сообщал писатель в одном из писем.—Я же—фотограф, снимающий преступников, я же—лектор, читающий курсы по уголовному и административному праву, и «приватный» юрисконсульт. Несмотря на все это, приходится голодать».

В 1923 году писатель с женой уезжает в Москву, где начинает серьезную литературную деятельность, печатая рассказы и повести в журналах «Всемирный следопыт», «Вокруг света», «Борьба миров», «Знание—сила». Произведения Беляева—это фантастические истории, поражающие смелостью воображения. В них действуют сильные, мужественные, честные люди, одержимые мечтой, которую они претворяют в жизнь. Эти произведения захватывают своей романтикой и раскрывающимися невиданными возможностями человеческого разума.

Важнейшим открытиям в области медицины и техники посвятил Беляев серию фантастических рассказов об изобретениях профессора Вагнера. Доктор Вагнер—герой цикла полужутливых новелл-сказок наделен волшебной властью над природой. Это необыкновенный человек, который победил усталость, научился смотреть каждым глазом отдельно, писать двумя руками сразу, проходить сквозь стены («Хойти-Тойти», «Человек, который не спит», «Над бездной», «Гость из книжного шкафа», «Ковер-самолет»). В рассказе «Хойти-Тойти» профессор пересаживает слону мозг своего погибшего ассистента. Увлекательны и необычны приключения слона-человека, но главное в рассказе—поиски продления человеческой жизни. Таинственное всемогущество Вагнера обращено к будущему нашей науки.

Специфическая особенность его фантастики в том, что она не беспочвенна, не построена на чистой выдумке, а всегда опирается на научную основу. При этом Беляев обладал редким даром предвидения. Внимательно следя за развитием молодой советской науки и техники, он умел схватить то, что только смутно угадывалось. Силой своей фантазии рисовал будущее, предвидел возможность новых открытий, новых достижений. Недаром Беляева часто называют «советским Жюлем Верном», с которым его роднит энциклопедическая разносторонность знаний и прозорливое предвидение. Успехи в области биологии, физики, кибернетики, медицины, завоевание космоса сделали многие мечты писателя реальностью. Можно лишь удивляться тому, что еще в 20—

30-е годы, на заре зарождения советской науки, Беляев писал об освоении человеком космоса и огромных просторов океанских глубин, о сверхскоростных самолетах и о пересадке живых органов человека.

В 1925 году он опубликовал научно-фантастический рассказ «Голова профессора Доуэля» (в 1937 году переработанный в роман), посвященный проблеме оживления органов, отделенных от человеческого тела,— проблеме, которая самой животрепещущей в медицине стала много лет спустя. В то время мысль об оживлении мозга, отделенного от тела, казалась невозможной. Произведение привлекло к себе внимание ученых, вызвало ожесточенные споры, а когда вопросы, затронутые в нем, стали обсуждаться на лекциях в медицинских институтах, Беляев писал с удовлетворением: «Привлечь внимание к большой проблеме—это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений». В наши дни созданы искусственные легкие, почки, проводятся сложные операции по пересадке сердца, возникла новая отрасль хирургии — микрохирургия, осуществляющая сшивание сосудов, и тем самым оказалось возможным приживление отторгнутых пальцев, рук, ног. Идет дискуссия о пересадке мозга. Известный хирург, академик Н. М. Амосов поставил кибернетику на помощь хирургии. Романтика мечты превратилась в романтику великих свершений. Беляев предвидел и те моральные и глубоко социальные проблемы, которые неизбежно возникнут в связи с опытами по пересадке органов одного человека другому, как бы заблаговременно поставив их на обсуждение общественности. Захватывающей была и оптимистическая идея этого романа — идея бессмертия человеческой мысли. Писатель мечтал найти пути для биологического «улучшения» человека, расширить его физические возможности.

Беляев хотел бы все достижения науки подчинить интересам человека. Его интересовало все, что было связано с покорением природы,— будь то искусственное дождевание («ВЦБИД», 1930) или города-спутники («Зеленая симфония» 1930), проблемы микроорганизмов в воздухе («Нетленный мир», 1930) или использование энергии ветра («Воздушный змей», 1931), добывание воды в пустыне («Солнечные лошади», 1931) или проблемы торфоразработок («Чертово болото», 1931). Беляев писал о силе и скорости ветра, развитии планеризма, о двигателях, работающих на внутриатомной энергии, о применении химии в сельском хозяйстве и цельнометаллических дирижаблях. Не случайно создал писатель и ряд очерков о великих русских ученых — Ломоносове, Менделееве, Павлове, Циолковском. Ряд художественных произ-

ведений посвятил он теме покорения морских глубин. В романе «Подводные земледельцы» (1930) Беляев описывает совхоз под водой, в котором выращиваются водоросли. Огромные плантации давали продукты питания и ценнейшее техническое сырье. Не сказочный получеловек-полурыба Ихтиандр, а обычные люди, комсомольцы-изобретатели живут в уютном, светлом подземном домике под водой и занимаются не волшебной, а обычной работой (хотя и в причудливой обстановке, полной интересных приключений).

В романе «Чудесное око» (1935) рассказывается о первых попытках спуска под воду телекамеры, при помощи которой можно находить затонувшие корабли, обнаруживать косяки рыб, изучать морское дно и его обитателей. Сейчас, когда на службе ученых имеются мощные локаторы, специальные батискафы, оснащенные новейшей техникой (камерами цветного телевидения, фотоаппаратурой), смелая мечта Беляева стала захватывающей явью. Все его произведения, посвященные морской теме, объединяет мысль о необходимости использования на благо человека неисчислимых природных богатств, которые скрывает от нас море. В одном из самых известных художественных произведений Беляева «Человек-амфибия» (1928) писатель силой своей фантазии создает новую породу людей, способных освоить необъятные водные просторы. Ученый Сальвадор пересадил жабры акулы своему приемному сыну, который таким образом получил возможность жить под водой. Перед Ихтиандром открылся неизведанный подводный мир, полный чудес и приключений. Приход человека в океан несет с собой массу интереснейших открытий и грандиозных перспектив. И если летающий мальчик («Ариэль») и мальчик-амфибия — лишь смелая гипотеза Беляева, то бесспорным является гуманистическая идея счастья человека, лежащая в основе этих романов.

Произведения писателя пронизывает важнейшая мысль: научные достижения не должны быть употреблены во вред человеку. Беляев показывает, как в буржуазном мире любые достижения науки, попав в руки хищников, используются в корыстных целях. Ихтиандр стал жертвой алчных людей, стремившихся разбогатеть на его чудесном свойстве находиться под водой. Профессор Сальвадор смело бросает в лицо своим судьям слова правды: «...я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба... Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и «ихтианд-

ров» сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия во зло, увеличивая сумму человеческого страдания».

В центре своих произведений Беляев ставит судьбу человека. Трагична судьба Ихтиандра, как и судьба знаменитого комика Тошио Престо, превратившегося из уроды в красавца и потерявшего благодаря этому работу («Человек, потерявший свое лицо», 1929). Во всей полноте трагедия ученого в буржуазном мире раскрыта в романе «Голова профессора Доуэля». Доуэль как истинный ученый хотел, чтобы его открытие осчастливило людей, продолжило их жизнь. Однако его изобретением овладел ученик Доуэля Керн — хитрый, злой, корыстный, беспощадный человек, стремившийся к славе, власти и деньгам. Он заставляет работать на себя мозг Доуэля. В хищническом мире погони за капиталом нет места бескорыстным мечтателям. Роман Беляева потрясал силой обличения, остротой сюжета, убежденностью в торжестве правды. Так приключенческие произведения Беляева наполняются остросоциальным содержанием. Писатель призывает не допустить, чтобы открытия науки использовались в качестве разрушительной силы. Герой романа «Чудесное око», работавший над проблемой расщепления атомного ядра, понимает, что это открытие в буржуазном мире будет использовано на уничтожение человека. Он отправляет свою работу в Советский Союз, предвидя, что там атомная энергия найдет свое широкое мирное применение.

Беляев хотел показать читателям прекрасное будущее. Он рисовал красивые города, полные зелени, воздуха, света — города-сады с искусственным климатом и просторными, удобными домами. Города с электромобилями, аэровокзалами на крышах зданий, быстроходными экспрессами — города будущего, где все дары природы служат удобству и здоровью человека. В романе «Под небом Арктики» Беляев описывает оригинальный подземный курорт, превращенный в вечнозеленый, цветущий край. Люди научились там управлять климатом и все подчинили одной цели — здоровью человека.

В годы, когда советская научная фантастика делала свои первые шаги, произведения Беляева кажутся поистине удивительными. Одной из главных задач научной фантастики писатель считал показ людей будущего. Он стремился угадать и представить читателям «хотя бы 2—3 черточки в характере человека будущего». Он рисует советских людей, создающих плотины на Волге, добывающих воду в пустыне, строящих новые, прекрасные города и новое общество. «Человек советского будущего — это человек,

не знающий гнета эксплуатации, имеющий полную возможность раскрывать все свои творческие способности и дарования. Какие должны быть мощные яркие характеры, какая полнота и разнообразие запросов, потребностей, какова красота жизни!» Однако писатель жаловался, что новый человек выходит из-под его пера недостаточно живым, ярким, часто довольно схематичным. Беляев был непревзойденным «мастером сюжета», но чувствовал, что «образы не всегда удаются». Он стремился угадать «психологию будущего человека» и мучительно искал в настоящем черты коммунистического завтра.

Полемизируя с Г. Уэллсом в 1933 году в очерке «Огни социализма, или господин Уэллс во мгле» («Вокруг света» № 1), Беляев писал о Днепрогэсе: «Вы слышите, знаменитый писатель, непревзойденный фантаст, пророк и провидец будущего, специалист по социальным утопиям? Фантастический город построен!.. Сравните его с вашими городами во мгле. Это не ваш уэллсовский город! Ваши утопические города останутся на страницах ваших увлекательных романов. Ваши «спящие» не «проснутся» никогда. Это — город «Кремлевского мечтателя». Вы проиграли игру!»

В 1931 году Беляев переезжает в Ленинград, где, несмотря на все ухудшающееся здоровье, продолжает работать. Одной из самых больших и серьезных проблем в это время стала для писателя проблема покорения космоса. Беляева, еще с детства мечтающего о полетах, не могла не увлечь идея проникновения в мировое пространство. Вселенная поражала его своею необычностью, грандиозностью и таинственностью. Он изучает труды К. Э. Циолковского, и новые, невиданные доселе горизонты открываются перед воображением писателя: полет на Луну, искусственные спутники, межпланетные путешествия, открытие ранее неизвестных миров во Вселенной. В те годы, когда многие ученые не верили смелым проектам Циолковского, опередившего на целые десятилетия свое время, Беляев, обладавший редким даром научного предвидения, сумел увидеть в них великое будущее. Писатель подхватывает самые смелые гипотезы ученого. Он развивает идею Циолковского о цельнометаллическом дирижабле и описывает увлекательное путешествие над Землей на дирижабле конструкции Циолковского. В 1934 году Циолковский прочитал в журнале «Вокруг света» роман Беляева «Воздушный корабль» и написал письмо в редакцию: «Рассказ... остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволю себе изъявить удовольствие тов. Беляеву и почтенной редакции журнала». Циолковский просил также писателя прислать ему в Калугу роман «Прыжок в ничто» (1933), посвященный «межпланетным скитаниям», который он ни-

где не мог достать. В романе «Прыжок в ничто» Беляев описал путешествие на загадочную планету Венера. Он не только попытался представить и описать растительность и животный мир этой планеты, но сумел передать состояние человека, попавшего в космос. Он описал устройство ракеты, полет в безвоздушном пространстве, картины Земли, увиденной из космоса. Беляев послал свой роман на суд Циолковского, объясняя, что он опирался на его работы. Между писателем и ученым завязалась переписка.

Готовя в 1935 году второе издание романа, посвященного Циолковскому, Беляев учел замечания и поправки, сделанные ученым. Циолковский написал к нему предисловие: «...из всех известных мне рассказов, оригинальных и переводных, на тему о межпланетных сообщениях роман А. Р. Беляева мне кажется наиболее содержательным и научным. Конечно, возможно лучшее, но, однако, пока его нет. Поэтому я сердечно и искренне приветствую появление второго издания, которое, несомненно, будет способствовать распространению в массах интереса к заатмосферным полетам. Вероятно, их ожидает великое будущее». «Ваш теплый отзыв о моем романе, — отвечал писатель, — придает мне силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений».

Задумав в 1935 году новый роман «Вторая Луна», Беляев поделился своим замыслом с уже тяжело больным Циолковским. В память Константина Эдуардовича Циолковского писатель назвал свой роман «Звездой КЭЦ». В нем рассказывается о ракете — спутнике Земли, о межпланетной станции, которая будет служить научной лабораторией в космосе, опередив реальные события на несколько десятков лет. Беляев описывает и полет на Луну — яркую, красочную, а отнюдь не мертвую. «Наша техника будущего, — отмечал писатель, — является лишь частью социального будущего... социальная часть советских научно-фантастических произведений должна иметь такое же научное основание, как и часть научно-техническая». В 1934 году Беляев встретился в Ленинграде со своим любимым писателем Гербертом Уэллсом. Высоко оценив романы «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия», Уэллс отметил их отличие от книг западных писателей. С горечью он сказал: «В современной научно-фантастической литературе на Западе невероятно много фантастики и столь же невероятно мало науки».

В произведениях Беляева нет выдумки ради выдумки, приключения ради самого приключения. В занимательной форме он учил читателя честности и смелости, принципиальности и гуманности, доброте и высокой нравственности. Учил великому служе-

нию людям. Беляев писал в различных жанрах приключенческой литературы — от волшебного рассказа-сказки до романа-памфлета. «Создадим советскую научную фантастику!» — призывал он. Писатель создал оригинальные по форме и содержанию произведения этого жанра. Иногда свои смелые гипотезы он воплощал в виде коротких полунаучных-полуфантастических новелл, проникнутых живым юмором и шуткой. Эти рассказы построены на фантастических предположениях: что было бы, если бы исчезли все бактерии, или что было бы, если бы замедлилась скорость света («Светопреставление»)? Все люди стали бы видеть только то, что произошло несколько минут назад. Все жили бы в странной обстановке, где ходят люди-призраки. Рассказ «Над бездной» повествует о том, что было бы, если бы исчезла сила тяжести и «пропал бы вес». Эти рассказы отличаются динамичностью сюжета, занимательностью, но в то же время герои их действуют не в волшебном мире, а в реальной действительности. Так, в рассказе «Светопреставление» в создавшейся сложной обстановке началась острая борьба за обладание важным политическим документом. Неумная фантазия писателя рождала все новые и новые произведения, заставляя читателя задуматься над важнейшими научными и социальными проблемами. Беляев сумел соединить науку и жизнь, настоящее и будущее, фантастику и реальность. Он не только обладал поразительной эрудицией в разных областях знаний, но и особым умением видеть жизнь. Даже самые обычные явления под его пером становились удивительными и значительными.

Произведения Беляева написаны живо и увлекательно пером настоящего мастера. Острый сюжет, динамика повествования свойственны его рассказам и повестям. Но даже типично приключенческие повести, такие, как «Остров Погибших Кораблей» или «Последний человек из Атлантиды», кроме занимательной канвы, несут в себе богатый познавательный материал (история «таинственной Атлантиды», грандиозное кладбище кораблей всех времен и народов в Саргассовом море и т. д.). «Научную фантастику нельзя превратить в скучную научно-популярную книжку, в научно-литературный недоносок», — писал он.

Последние годы жизни Беляев провел под Ленинградом, в Детском Селе (ныне г. Пушкин). Тяжело больной, он находил в себе силы работать, печататься в газетах, встречаться с друзьями, читателями, пионерами. Обаятельный человек, с широким кругом интересов, неиссякаемым оптимизмом, необычайной добротой и чувством юмора, писатель привлекал к себе людей и прежде всего молодежь. Великая Отечественная война застала Беляева не-

излечимо больным. Незадолго до смерти, 26 июня 1941 года, он публикует в газете статью, клеймящую позором фашистских варваров. «Наша армия докажет врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать «фабрики войны». А. Р. Беляев умер 6 января 1942 года от голода в оккупированном фашистами Пушкине, твердо веря в победу своего народа.

Писатель создал произведения, которые будут жить еще многие годы, покоря смелой фантазией, мастерством, романтикой открытий и подлинным гуманизмом. Недаром фашисты многих стран сжигали книги Беляева. Франкистская цензура в Испании запретила его произведения. В наши дни книги Александра Романовича Беляева заслуженно заняли место в ряду лучших произведений мировой литературы.

М. СОКОЛОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ . . .	3
ПОДВОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ . . .	151
ХОЙТИ-ТОЙТИ	301
НАД БЕЗДНОЙ	367
СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ	387
<i>М. Соколова</i> «Я поставил целью показать многообразие вкусов человека буду- щего...»	453

Беляев Александр Романович

Б 43 Голова профессора Доуэля. Повести и рассказы. / Послесл. М. Соколовой; Ил. В. Руденко.— М.: Правда, 1986.—464 с., ил.

Александр Романович Беляев (1884—1942) — один из основоположников советской научной фантастики, сумевший в своих произведениях соединить науку и жизнь, настоящее и будущее, мечту и реальность.

Важнейшим открытиям в области медицины и техники посвящены включенные в настоящий сборник повесть «Голова профессора Доуэля», фантастическая новелла «Светопреставление» и серия рассказов об изобретениях профессора Вагнера («Хойти-Тойти», «Над бездной»), тема покорения морских глубин раскрыта в романе «Подводные земледельцы».

Б 4702010200—1180
020(08)—86 1180—86

84 Р 7

**Александр Романович
БЕЛЯЕВ**

**ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ**

Редактор
С. А. Суркова

Оформление художника
Г. А. Раковского

Художественный редактор
Л. И. Королева

Технический редактор
Л. Ф. Молотова

ИБ 1180

Сдано в набор 29.11.85. Подписано к печати 14.04.86. Формат 84×108 1/2. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр. огт. 24,78. Уч.-изд. л. 24,23. Тираж 500000 экз. (1-й завод: 1—250000). Заказ № 00129. Цена 2 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.
Отпечатано в типографии издательства Удмуртского обкома КПСС, г. Устинов, Воткинское шоссе, 10-й км.

2 руб.

Александр БЕЛЯЕВ

Голова
профессора Доуэля
Повести и рассказы

